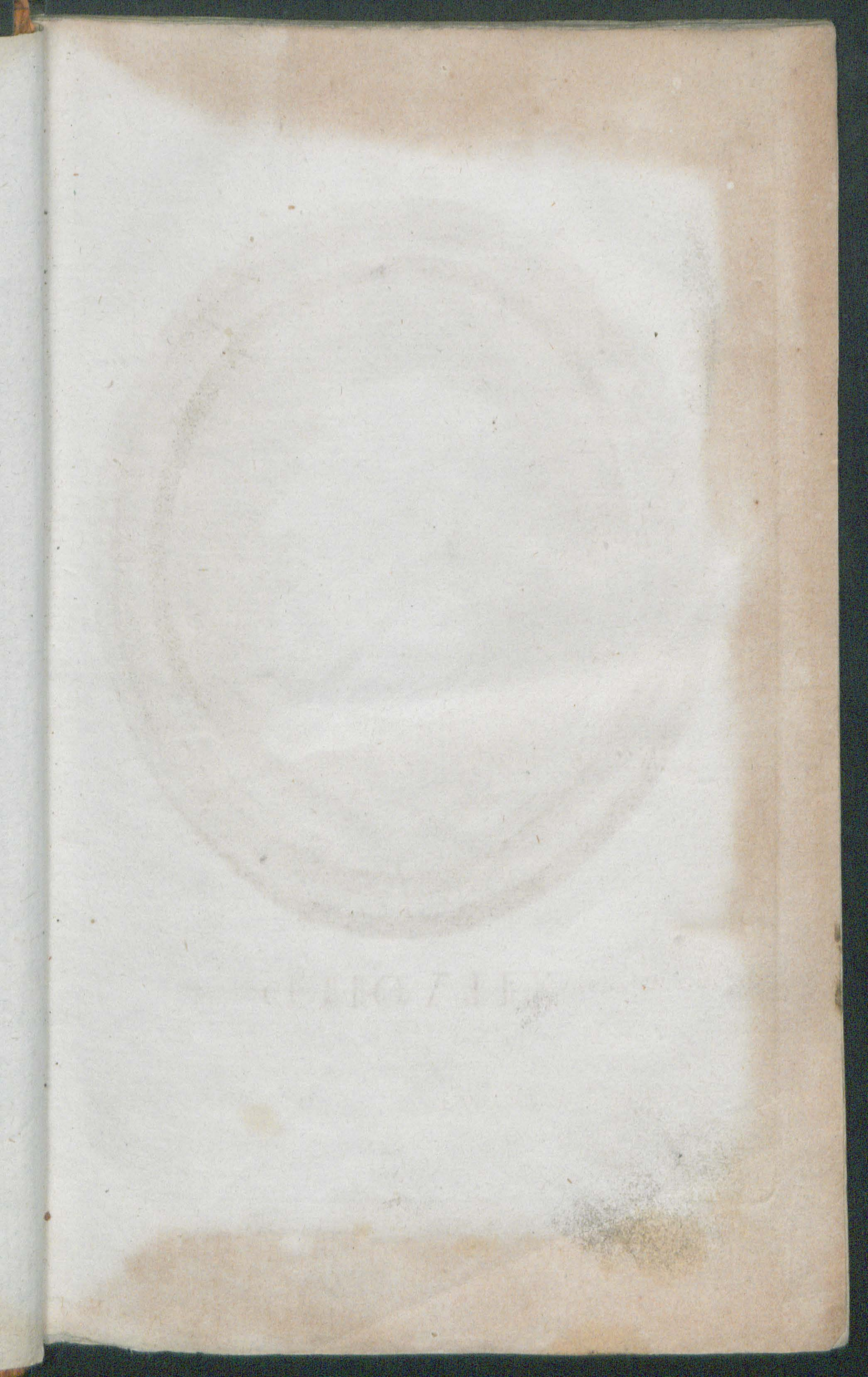

ХИЛОНЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА

ПО ГРЕЦІИ,

въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова.

Переведено съ Французскаго Императорской Россійской Академіи Членомъ Александромъ Севастьяновымъ, и оною Академіею издано.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВЪ САНКПЕТЕРБУРГѢ,

въ Типографіи Ивана Глазунова.

1807 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

стран.

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА ПО ГРЕЦІИ

около половины четвертаго столѣтія до Рождества Христова.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Продолженіе путешествія въ Элиду.

Жилище Ксенофонтово было въ Скиллонтѣ, небольшомъ городкѣ, на двадцать стадій разстояніемъ отъ Олимпіи. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, возставшіе въ Пелопонисѣ мятежи заставили его изъ онаго удалиться и жить въ Коринѳѣ, гдѣ нашелъ я его, по прибытіи моемъ въ Грецію. Когда прекращены были помянутые мятежи, возвратился онъ въ Скиллонтъ, и мы пошли къ нему на другой день праздниковъ съ его сыномъ Діодоромъ, которой не оставлялъ насъ во все время ихъ продолженія.

Владѣніе Ксенофонтово было весьма обширно. Частію онаго обязанъ онъ былъ щедротѣ Лакедемонцевъ; другую часть купилъ для посвященія Богинѣ Діанѣ, дабы тѣмъ исполнить данный имъ обѣтъ по возвращеніи изъ Персіи; десятую часть доходовъ употреблялъ онъ на содержаніе храма, построеннаго имъ въ честь Богинѣ, и на великолѣпное жертвоприношеніе, ежегодно имъ отправляемое.

Подлѣ храма сего возвышается садъ, приносящій различные плоды. Селинъ, небольшая рѣчка, рыбою изобильная, влечетъ медленно свѣтлыя воды у подошвы богатаго холма, и протекаетъ посреди луговъ, на которыхъ спокойно пасутся животныя, назначенныя въ жертву Богинѣ. Какъ внутри, такъ и внѣ священной земли, лѣса, равнину и горы покрывающіе, служатъ убѣжищемъ сернамъ, оленямъ и вепрямъ.

Въ семъ-то блаженномъ жилищѣ написалъ Ксенофонтъ бо́льшую часть своихъ сочиненій, и въ немъ провождалъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, дни, посвященные любомудрію и благотворительности, и упражнялся въ земледѣліи, ловитвѣ и во всемъ

томъ, что можетъ поддержать свободу духа, здравіе и крѣпость тѣла. Прежде всего старался онъ доставить намъ увеселенія, свойственныя нашимъ лѣтамъ, и тѣ, каковыми наслаждаться можно въ сельской жизни, во дняхъ преклонныхъ къ старости. Онъ показывалъ намъ своихъ коней, свои насажденія и все свое сельское хозяйство; почти вездѣ видѣли мы, что онъ производилъ въ дѣйство правила, разсѣянныя имъ въ различныхъ его твореніяхъ. Иногда уговаривалъ онъ насъ ходить на охоту, въ которой всегда совѣтовалъ упражняться молодымъ людямъ; ибо сіе упражненіе наиболѣе приучаетъ ихъ къ перенесенію военныхъ трудовъ.

Мы часто ходили съ Діодоромъ ловить перепеловъ, куропатокъ и разныхъ другихъ птицъ. Вынувъ изъ клѣтки, привязывали мы ихъ посреди сѣтей. Птицы одного съ ними рода, привлекаемы будучи ихъ крикомъ, впадали въ разставленную имъ сѣть, и лишались или жизни или свободы.

За сими забавами послѣдовали другія гораздо живѣйшія и многообразнѣйшія. Ді-

одоръ имѣлъ разныя своры псовъ, изъ которыхъ одна служила для ловли зайцовъ, другая для преслѣдованія оленей, а третья, состоящая изъ псовъ Лаконскихъ и Локридскихъ, употреблялась на травлю веприй. Онъ зналъ всѣхъ псовъ своихъ поимянно; и какъ ихъ недостаки, такъ добрыя качества были ему извѣстны. Онъ весьма свѣдущъ былъ въ правилахъ сего рода войны, и столь хорошо объ оной говорилъ, сколь изящно писалъ объ ней отецъ его. Заячья травля производилась слѣдующимъ образомъ.

На всѣхъ тропинкахъ и тайныхъ выходахъ, по которымъ зайцу убѣжать можно, разставлены были сѣти. Мы вышли изъ дому, одѣвшись легко и съ простьми въ рукахъ. Охотникъ отвязалъ одного изъ псовъ, и какъ скоро увидѣлъ, что онъ попалъ на слѣдъ, то отвязалъ и прочихъ, и тогда заяцъ былъ выпущенъ. Въ сіе-то мгновеніе усугубляютъ вниманіе лай собакъ, крикъ побуждающихъ ихъ ловцевъ, извороты и ухищренія зайца, который во мгновеніе ока пробѣгаетъ равнины и холмы, перескакиваетъ рвы, скрывается въ

чащи древесъ, многократно мелькаетъ въ глаза и скрывается, и наконецъ попадаетъ въ одну изъ разставленныхъ ему на пути сѣтей. Стражъ, приставленный къ сему мѣсту, хватаетъ добычу, и призывая голосомъ и тѣлодвиженїями ловцевъ, отдаетъ имъ оную. Посреди сего торжества начинается новая травля. Мы слѣдили ихъ по нѣскольку въ одинъ день. Но иногда хитрой заяцъ спасался, переплывая черезъ рѣчку Селинъ.

По случаю жертвоприношенїя богинѣ Дїанѣ, которое Ксенофонтъ отправлялъ ежегодно, сосѣди его обоего пола собирались въ Скиллонтъ. Онъ самъ угощалъ друзей своихъ; прочїе зрители угощаемы были изъ казнохранилища храма. Имъ давали вино, хлѣбъ, муку, плоды и часть закланныхъ жертвъ; равномѣрно раздѣляемы были между ими вепри, олени и серны, павшїе подъ ударами окрестнаго юношества, собравшагося въ Скиллонтъ за нѣсколько дней до торжества для соприсутствованїя на разныхъ ловитвахъ.

Для травли вепрей употребляли мы рогатины, дротики и толстыя тенета.

Примѣчая слѣды сего животнаго, которые видѣть было можно на землѣ, и впечатлѣнія зубовъ его на корѣ древесной, и по другимъ признакамъ, зашли мы въ весьма густой лѣсъ. Тогда отвязали Лаконскаго пса, которой началъ слѣдить вепря, и дошедъ до логовища сего звѣря, извѣстилъ насъ лаемъ о своей находкѣ; тенета разставлены были на разныхъ дорогахъ; и всякой изъ насъ занялъ свое мѣсто. Вепрь шелъ прямо на меня; вмѣсто того, чтобы запутаться въ тенетахъ, онъ остановился, и долгое время оборонялся, какъ отъ всѣхъ пущенныхъ на него псовъ, которыхъ громкой лай раздавался по всему лѣсу, такъ и отъ ловчихъ, которые къ нему приближались для пораженія стрѣлами и каменьями. Вскорѣ по томъ бросился онъ на Мосхїона, который ожидалъ его безбоязненно и готовъ былъ вонзить въ него рогатину. Но она, соскользнувъ съ плеча вепря, выпала изъ рукъ ловчаго, который тотчасъ рѣшился упасть ницъ на землю.

Я почиталъ погибель его неизбѣжною. Уже лютой вепрь, коему не за что было ухватить своей добычи, топталъ ее нога-

ми; какъ вдругъ увидѣлъ Діодора, бѣгущаго на помощь къ своему товарищу. Онъ тотчасъ бросился на сего новаго непріятеля, которой, будучи или проворнѣе или щастливѣе перваго, вонзилъ ему рогатину свою въ суставъ плеча. Тогда увидѣли мы примѣръ ужасной лютости сего звѣря. Хотя пораженъ уже былъ смертельнымъ ударомъ; но не преставалъ съ яростію подвигаться къ Діодору по рогатинѣ, которую чрезъ сіе вонзилъ въ себя до самой рукоятки. Многіе изъ псовъ нашихъ были или разтерзаны или ранены во время сей травли; но не столько тогда ихъ погибло, какъ во второй разъ, когда вепрь отбивался цѣлой день. Другіе вепри, псами гонимые, попались въ западни, прикрытыя древесными вѣтвями.

Въ слѣдующіе дни такимъ же образомъ погибали робкіе елени. Потомъ выгоняли мы другихъ, которые выбивались изъ силъ отъ псовъ, коими были преслѣдуемы и остановлялись въ такомъ отъ насъ разстояніи, что мы могли поражать ихъ стрѣлами; или бросались они то въ пруды, то въ море.

Во все время ловитвы она одна была предметомъ всѣхъ разговоровъ. Разсказываемы были способы, изобрѣтенные различными народами, для ловли львовъ, барсовъ, медвѣдей и другихъ хищныхъ звѣрей. Въ иныхъ мѣстахъ употребляютъ для сего ядъ, примѣшивая оной къ водамъ стоячимъ и яствамъ, коими звѣри сіи утоляютъ свой голодъ или жажду; въ другихъ вооруженные всадники окружаютъ въ ночное время звѣря, и нападаютъ на онаго уже на разсвѣтѣ, подвергая часто жизнь свою опасности. Для сего же намѣренія выкапываютъ глубокія и широкія ямы, оставляя на срединѣ земляной столбъ, на которомъ привязываютъ козу; кругомъ обносятъ мѣсто сіе частоколомъ, не оставляя изъ него выходу; дикой звѣрь, привлеченной блеяніемъ козы, перепрыгиваетъ чрезъ частоколъ, падаетъ въ яму, изъ которой уже потомъ не можетъ выдти.

Между прочимъ, разсказывали, что жители нѣкоего Фракійскаго округа, составили родъ содружества съ копчиками; что послѣдніе, преслѣдуя малыхъ птицъ, заставляютъ ихъ опускаться на землю; а

первые бьютъ ихъ тогда палками, ловятъ сѣтьми, и наконецъ раздѣляютъ добычу съ своими сотрудниками. Я сомнѣваюсь въ истиннѣ сей; но знаю притомъ, что часто непримиримые враги соединялись для лишенія послѣдняго убѣжища слабыхъ своихъ соперниковъ.

Поелику нѣтъ ничего привлекательнѣе, какъ разсматривать великаго мужа въ уединеніи; то провождали мы часть дня въ разговорахъ съ Ксенофонтомъ; слушали его, вопрошали, и наблюдали во всѣхъ подробностяхъ частной его жизни. Въ рѣчахъ находили мы туже самую приятность и разборчивость, которая царствуетъ въ его твореніяхъ. Онъ какъ въ важныхъ подвигахъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ оказывалъ одинакую бодрость духа; послѣднее качество рѣдко и нужнѣе перваго; первому обязанъ онъ былъ непреоборимою твердостію, послѣднему непобѣдимымъ терпѣніемъ.

Нѣсколько лѣтъ до сего, твердость его подвержена была жестокому опыту для сердца чувствительнаго. Старшій сынъ его Гриллъ, служившій въ Аѳинской

конницѣ убитъ былъ на Мантинейскомъ сраженіи; о семъ возвѣщено Ксенофонту въ самое то время, когда окруженный своими друзьями и служителями, приносилъ онъ жертву богамъ; посреди сего священнаго обряда возстаетъ глухой и томной ропотъ; гонецъ приближается: Ѳивяне побѣдили говоритъ онъ, а Гриллъ . . . . ручьи слезъ пресѣкаютъ слова его. Какъ онъ умеръ? вопрошаетъ несчастный отецъ, снимая съ главы своей вѣнокъ. Учинивъ знаменитѣйшіе подвиги, и возбудивъ сожалѣніе всего войска, отвѣтствовалъ гонецъ. При сихъ словахъ возложилъ онъ опять на себя вѣнокъ и кончилъ жертвоприношеніе. Однажды хотѣлъ я говорить съ нимъ о сей потерѣ; онъ мнѣ сказалъ только слѣдующія слова: увы! я зналъ, что онъ смертенъ; и перемѣнилъ разговоръ.

Въ другой разъ, спрашивали мы его какъ онъ познакомился съ Сократомъ. Я былъ еще весьма молодъ, сказалъ онъ, какъ встрѣтился съ нимъ въ Аѳинахъ въ тѣсномъ переулкѣ: онъ загородилъ мнѣ путь своею тростью, и спросилъ меня, гдѣ можно найти все, что нужно для жизни. На

рынкѣ, отвѣтствовалъ я. Правда сказалъ онъ: но гдѣ научаются честности? какъ я запинался ему отвѣтствовать, тогда сказалъ онъ мнѣ: пойдемъ со мной, ты это узнаешь. Я ему послѣдовалъ, и тогда только съ нимъ разстался, когда надлежало мнѣ отправиться въ Кирово воинство. По возвращенiи моемъ, узналъ я, что Аѳиняне предали смерти справедливѣйшаго изъ человѣковъ. Другаго утѣшенiя не могъ я найти, какъ доказательства невинности его въ сочиненiяхъ моихъ предать народамъ Грецiи, а можетъ быть и потомству; и нынѣ не нахожу бо́льшаго, какъ воспоминать объ немъ и бесѣдовать о его добродѣтеляхъ.

Поелику мы раздѣляли съ нимъ сiю нѣжную и великую привязанность, то онъ разсказалъ намъ подробно образъ жизни Сократовой, и изложилъ его ученiе, каково оное было въ самомъ дѣлѣ, ограниченное единою нравственностiю, безъ примѣси постороннихъ толковъ, безъ тонкихъ физическихъ и метафизическихъ умствованiй, каковыя Платонъ приписывалъ своему учителю. Какъ могу я хулить Платона, къ кото-

рому питаю глубокое почтенїе? однако же, долженЪ признаться, что не столько вЪ его разговорахЪ надлежитЪ учиться Сократову любомудрїю, сколько вЪ КсенофонтовыхЪ. Я потщусь изЪяснить мысли его вЪ последствїи сего сочиненїя, обогащеннаго почти вездѣ познанїями, коими обязанЪ я СкиллондскимЪ бесѣдамЪ.

Имѣя умЪ, украшенный полезными знанїями и приобыкши издавна кЪ размышленїю, КсенофонтЪ для того токмо писалЪ, чтобы, просвѣщая людей, сдѣлать ихЪ лучшими, и онЪ толико любилЪ истинну, что не прежде началЪ писать о политикѣ, какЪ проникнувЪ совершенно свойство всѣхЪ правленїй; вЪ бытописанїи ничего такого не повѣствовалЪ, чему самЪ очевидцемЪ не былЪ; о военномЪ искуствѣ тогда уже писать началЪ, когда прослуживЪ вЪ войскѣ сЪ великою отличностїю, надЪ онымЪ начальствовалЪ; о нравственности тогда, когда самЪ на опытѣ исполнилЪ тѣ наставленїя, кои давалЪ другимЪ.

Я мало зналЪ любомудрцевЪ толико добродѣтельныхЪ, мало людей толико любезныхЪ. СЪ какимЪ снизхожденїемЪ и при-

ятностію отвѣчалъ онъ на наши вопросы! Прогуливаясь однажды на берегахъ Селина, Діодоръ, Филотъ и я, вступили мы въ довольно жаркой споръ о насиліи страстей. Они утверждали, что самая любовь не можетъ противъ воли нашей покорить насъ своей власти. Я утверждалъ противное, Ксенофонтъ пришелъ въ сіе время; мы избрали его судіею въ нашемъ спорѣ; и онъ разсказалъ намъ слѣдующую повѣсть.

Послѣ побѣды, одержанной великимъ Киромъ надъ Ассиріянами, начавъ дѣлить добычу, оставили для сего государя великолѣпный шатеръ, и плѣнницу превосходившую всѣхъ прочихъ красотою: то была Панѳеа, царица Сузская. Абрадатъ, супругъ ея, отправился тогда въ Бактріану для сисканія помощи Ассирійскому воинству.

Киръ не хотѣлъ ее видѣть, но приставилъ къ ней юнаго Мидійскаго вельможу, по имени Араспа, которой вмѣстѣ съ нимъ былъ воспитанъ. Араспъ описалъ ему уничижительное положеніе, въ каковомъ она находилась тогда, когда онъ въ первой разъ ее увидѣлъ. Я нашелъ ее, сказалъ онъ, въ шатрѣ; она сидѣла на землѣ окруженная

своими служительницами, одѣтая какъ невольница, съ поникшею главою, подъ покровомъ. Мы велѣли ей встать: всѣ служительницы встали съ нею вмѣстѣ. Одинъ изъ насъ, желая ее утѣшить сказалъ: мы знаемъ, что супругъ твой заслуживаетъ любовь твою по изящнымъ своимъ качествамъ; но Киръ, для коего ты назначена, есть совершеннѣйшїй государь на всемъ востокѣ. При сихъ словахъ разорвала она свое покрывало, и рыданїя ея, вмѣстѣ съ воплемъ служившихъ ей женъ, изъявляли, сколь ужасно было ея состоянїе. Тогда имѣли мы болѣе времени ее разсмотрѣть, и мы можемъ тебя государь увѣрить, что никогда Асїя не производила толь великихъ прелестей; но ты самъ вскорѣ о томъ судить будешь.

Нѣтъ, сказалъ Киръ, то, что ты разсказывалъ, послужитъ мнѣ новымъ поводомъ избѣгать ея присутствїя: естьли увижу я ее разъ, то и еще захочу видѣть, и подвергну себя опасности, занимаясь ею, позабыть и славу свою и попеченїе о моихъ завоеванїяхъ. Не уже ли думаешь ты, возразилъ юный Мидянинъ, что красота толь

сильно владычествуетъ, что можетъ заставить насъ противъ воли забыть нашу должность? По чему же не покоряетъ она одинаково всѣ сердца? По чему не смѣемъ мы возводить кровосмѣсительныхъ взоровъ на тѣхъ, отъ которыхъ получили мы жизнь, или кому ее даровали? Сіе происходитъ отъ того, что законъ намъ оное запрещаетъ: итакъ онъ сильнѣе любви. Но естьли бы сей законъ повелѣвалъ намъ противиться голоду и жаждѣ, не чувствовать ни хлада, ни зноя, тогда бы возстали противу его всѣ наши чувства. Изъ того видишь ты, что природа сильнѣе закона. И такъ, ничто бы не могло противиться любви, ежелибы она сама по себѣ была непобѣдима; по сему любимъ мы только тогда, когда сего желаемъ.

Ежели бы во власти нашей было возлагать на себя сіе иго, сказалъ Киръ, то мы равномѣрно могли бы и свергать оное. Однако же я видалъ любовниковъ проливавшихъ слезы о потерѣ своей свободы, и претерпѣвавшихъ мученіе отъ тяжести оковъ, коихъ ни свергнуть, ни носить были они не въ состояніи.

То были, сказалъ молодой человѣкъ, изнѣженныя сердца, обвиняющїя любовь, а не собственную свою слабость. Великодушные люди покоряютъ страсти должностямъ своимъ.

Араспъ! Араспъ! сказалъ Киръ, съ нимъ прощаясь, не совѣтую тебѣ часто видѣться съ царицею.

Панѳея соединяла съ наружною красотою, такїя качества, которыя претерпѣваемое ею несчастїе содѣлывало еще привлекательнѣйшими. Араспъ почиталъ своимъ долгомъ, всѣ возможныя оказывать ей услуги, которыя увеличивались непримѣтно; а какъ она принимала оныя съ должнымъ вниманїемъ, въ которомъ отказать не могла, то сїе изъявленїе благодарности почелъ онъ желанїемъ нравиться, и мало по малу толь необузданною воспламенился къ ней любовїю, что не могъ уже хранить ее въ тайнѣ. Панѳея съ негодованїемъ приняла признанїе его въ страсти сей; но не прежде увѣдомила о томъ Кира, какъ уже тогда, когда Араспъ грозилъ ей, что забудетъ предѣлъ благоразумїя.

Киръ немедлѣнно велѣлъ сказать своему любимцу, чтобы онъ угождалъ царицѣ, но не употреблялъ бы никакого насилія. Сей совѣтъ былъ громовымъ ударомъ для Араспа. Онъ устыдился своего поступка, и страхъ, которой ощутилъ, прогнѣвивъ своего государя, толикою поразилъ его печаліею и угрызеніемъ совѣсти, что Киръ, сжалясь надъ нимъ, повелѣлъ его призвать къ себѣ. Почто, сказалъ онъ ему, стыдишся моего присутствія? Я слишкомъ увѣренъ, что любовь превыше мудрости человѣковъ и могущества боговъ. Я самъ избавляюсь отъ стрѣлъ ея тѣмъ только, что убѣгаю присутствія царицы. Я не приписываю тебѣ вины, къ которой самъ подалъ поводъ; повѣряя тебѣ царицу сію, подвергъ я тебя опасностямъ, которыя превыше силъ твоихъ. Какъ! вскричалъ юный Мидянинъ, въ то время, когда враги мои торжествуютъ, когда друзья мои въ ужасъ приведенные совѣтуютъ мнѣ уклонятся отъ твоего гнѣва, когда всѣ меня угнетаютъ, тогда монархъ мой старается меня утѣшить! О Киръ! ты никогда не измѣнялъ великости души твоей,

будучи снисходителенъ къ слабостямъ, коихъ самъ не имѣешь, и кои прощаешь по тому, что знаешь человѣковъ.

Употребимъ сїе разположенїе умовъ въ пользу! сказалъ Киръ. Я хочу узнать силу и намѣренїя моихъ неприятелей, перейди въ ихъ станъ; притворный побѣгъ твой покажется имъ изгнанїемъ, и такимъ образомъ приобрѣтешь ты ихъ довѣренность. Я лечу туда, отвѣчалъ Араспъ, почитая себя весьма счастливымъ, что могу загладить вину мою толь малою заслугою. Но можешь ли ты, сказалъ Киръ, разстаться съ прекрасною Панѳеею? Признаюсь, отвѣчалъ юный Мидянинъ, что сердце мое растерзано, и я нынѣ слишкомъ чувствую, что мы имѣемъ двѣ души, изъ которыхъ одна влечетъ насъ безпрестанно ко злу, а другая къ добру. До сихъ поръ повиновался я первой, но подкрѣпленъ будучи тобою, увѣренъ, что послѣдняя возторжествуетъ надъ своею соперницею. Араспъ получилъ потомъ тайныя повелѣнїя, и отправился въ воинство Ассирїйское.

Послѣ сихъ словъ, Ксенофонтъ замол-

чалъ. Намъ показалось сїе удивительно. Развѣ я не удовлетворилъ вашему вопросу, сказалъ онъ намъ? Удовлетворилъ, отвѣчалъ ему Ѳилота; но повѣствованїе не кончано, а оно для насъ прiятнѣе, нежели рѣшенїе вопроса нашего. Ксенофонтъ улыбнулся, и продолжалъ слѣдующимъ образомъ.

Панѳея, узнавъ объ отъѣздѣ Арасповомъ, велѣла сказать Киру, что вмѣсто Араспа, вѣрнѣйшаго дастъ ему друга, который, можетъ статься, будетъ ему полезнѣе сего юнаго любимца. Она говорила о Абрадатѣ, котораго желала удалить изъ службы царя Ассирїйскаго, на коего Абрадатъ имѣлъ причину негодовать. Киръ согласился на сїе предложенїе и Абрадатъ приближился къ Персидскому войску съ двумя тысячами конницы, а Киръ приказалъ отвести его въ жилище Панѳеи. Въ томъ безпорядкѣ мыслей и чувствованїй, каковый производитъ благополучїе долговременно ожиданное и почти безнадежное, разсказала она супругу своему о своемъ плѣнѣ, о своихъ страданїяхъ, о предприятїяхъ Арасповыхъ, и о великодушїи

Кировомъ; тогда супругъ ея, желая нетерпѣливо изъявить свою благодарность, побѣжалъ къ сему государю, и взявъ его за руку, сказалъ: о Киръ! за все оказанное тобою мнѣ благо, ни чѣмъ воздать тебѣ не могу; но прими мою дружбу, мои услуги, и моихъ воиновъ; и будь въ томъ увѣренъ, каковы бы ни были твои намѣренія, Абрадатъ всегда будетъ надежнѣйшею оныхъ подпорою. Киръ принялъ съ восторгомъ предложенїе его, и потомъ совѣтовались они какъ разположить сраженїе.

Войска Ассирїйскїя, Лидїйскїя и большей части Асїи, показались ужѐ предъ Кирово воинство; Абрадату надлежало учинить нападенїе на страшную Египетскую фалангу: ему по жеребью досталось сїе опасное мѣсто, о которомъ онъ самъ просилъ, и коего прочїе военачальники сначала уступить ему не хотѣли.

Когда уже онъ готовился сѣсть на колесницу, Панѳея принесла ему оружїе, которое втайнѣ приуготовить велѣла, и на которомъ видимы были украшенїя, кои до того составляли иногда собственное ея

убранство. Тронутый симъ поступкомъ супругъ ея, сказалъ: ты пожертвовала мнѣ даже своимъ украшенїемъ. Увы! отвѣчала она, я инаго не желаю, какъ только того, чтобы ты сего дня въ глазахъ всѣхъ людей таковымъ являлся, каковымъ всегда мнѣ кажешся. Сказавъ слова сїи, возложила она на него блестящїе доспѣхи; между тѣмъ изъ очей ея текли слезы, кои она скрыть старалась.

Когда же узрѣла она, что онъ взялъ въ руки бразды, то, повелѣвъ удалить предстоявшихъ, говорила ему слѣдующее. ,,Естьли была когда либо жена, которая любила супруга своего тысящекратно болѣе самой себя, то это конечно твоя, и поведенїе ея долженствуетъ тебѣ лучше сїе доказать, нежели слова. Но не смотря на чрезвычайную любовь мою, клянусь тебѣ въ томъ узами насъ сопрягающими, что соглашусь лучше купно съ тобою умереть въ нѣдрѣ чести, нежели жить съ такимъ супругомъ, котораго стыдъ должна я буду раздѣлять. Воспомни коликою благодарностїю обязаны мы Киру: воспомни, что я была въ оковахъ, и что онъ

,,повелѣлъ ихъ сложить съ меня, что я ,,подвергнута была посрамленію, а онъ за- ,,щитилъ меня; воспомни наконецъ, что я ,,лишила его друга, а онъ, повѣривъ обѣща- ,,ніямъ моимъ, мнитъ найти великодушнѣй- ,,шаго и конечно вѣрнѣйшаго въ моемъ воз- ,,любленномъ Абрадатѣ.

Царь Сузскій, восхищенный сими словами, простеръ руку надъ главою супруги своей и возведъ глаза къ небу: ,,Великіе ,,Боги! вскричалъ онъ, содѣлайте, да учи- ,,нюсь въ сей день достойнымъ другомъ ,,Кира, а наипаче достойнымъ супругомъ ,,Панѳеи.,, По семъ вдругъ бросился на колесницу, къ которой Панѳея, печалію удрученная, едва успѣла приложить трепещущія уста свои. Въ изступленіи ума, быстрыми шагами шла она за нимъ по равнинѣ; но Абрадатъ примѣтя сіе, умолялъ ее возвратиться и вооружиться твердостію. Тогда приближились евнухи и служительницы, и скрыли ее отъ толпы народной, которая, имѣя вперенныя на нее очи, не могла примѣтить ни красоты Абрадатовой, ни великолѣпія одеждъ его.

Сраженіе произходило при рѣкѣ Пакто-

лѣ. Войско Крезово побито было на голову; обширное царство Лидійское изпроверглось во мгновеніе, а Персидское возвысилось на его развалинахъ.

На другой день послѣ сраженія, Киръ, удивляясь, что не видитъ Абрадата, съ безпокойствомъ вопрошалъ, гдѣ онъ? тогда одинъ изъ военныхъ чиновниковъ извѣстилъ его, что сей государь, оставленъ будучи, почти въ началѣ самаго сраженія, большею частію своего войска, не смотря на то, напалъ съ великимъ мужествомъ на Египетскую фалангу; что онъ видѣлъ окрестъ себя всѣхъ друзей своихъ погибшихъ, и самъ убитъ; что Панѳея велѣла перенести тѣло его на берега Пактола, гдѣ сооружаетъ ему надгробной памятникъ.

Киръ, пораженный печалію, приказываетъ тотчасъ принести на сіе мѣсто все потребное для погребенія героя, и самъ предваривъ посланныхъ, приходитъ туда; зритъ несчастную Панѳею, сидящую на землѣ подлѣ окровавленнаго трупа супруга своего. Глаза его наполняются слезами: онъ хочетъ пожать десницу, за него сражавшуюся, но она остается въ рукахъ его; острое желѣ-

зо отсѣкло ее въ самомъ жару битвы. Душевная скорбь Кирова умножалася, а Панѳея наполняла воздухъ воплями, всю внутренность раздирающими. Она опять беретъ отсѣченную часть руки супруга своего, и орошая ее обильными слезами, покрывая пламенными лобзанїями, старается приложить оную къ остальной части руки, и наконецъ произноситъ слова сїи, умирающїя на устахъ ея: „Итакъ Киръ, ты зришь „преслѣдующее меня злополучїе; и почто „хочешь быть свидѣтелемъ онаго? За ме„ня и за тебя лишился онъ жизни. Без„разсудная! я желала, чтобы онъ заслу„жилъ твое почтенїе; а онъ, будучи чрез„мѣру вѣрнымъ исполнителемъ моихъ со„вѣтовъ, менѣе помышлялъ о собственной „своей пользѣ, нежели о твоей. Онъ умеръ „въ нѣдрѣ славы, я это знаю; но его уже „нѣтъ, а я живу!„

Киръ, проливъ въ молчанїи источники слезъ, отвѣчалъ ей: „побѣда увѣнчала жизнь „его, и конецъ дней его не могъ быть слав„нѣе. Прїими сїи украшенїя, долженствующїя проводить его во гробъ, и сїи жертвы, кои заклать должно въ честь его. Я буду

старатъся воздвигнуть памятникъ, въ вѣчную его славу. А тебя я никогда не оставлю; я знаю, очень знаю цѣнить твои добродѣтели и твои злополучія. Назначь мнѣ только мѣсто, куда ты препровождена быть желаешь.

Панөеа увѣрила его, что вскорѣ о томъ увѣдомитъ, и разставшись съ симъ государемъ, приказала евнухамъ удалиться, и повелѣвъ подойти къ себѣ одной изъ женъ, находившейся при ней съ самаго ея младенчества, сказала: „какъ скоро глаза мои „закроются на вѣки, то повели возложить „единый покровъ на тѣло мое и супруга „моего. Невольница старалась смягчить ее прозьбами, но поелику оныя раздражали токмо весьма справедливую скорбь ея, то она сѣла, заливаясь слезами, подлѣ своей царицы. Тогда Панөея, схвативъ кинжалъ, пронзила онымъ грудь свою, и умирая, еще имѣла довольно силы, чтобъ положить главу на сердце своего супруга.

Служительницы ея и всѣ при ней находившіеся наполнили воздухъ скорбнымъ и отчаяннымъ воплемъ; трое изъ евнуховъ, ей служившихъ, поразивъ себя, заклали въ

жертву тѣни своея царицы; а Кирѣ, прибѣжавшїй, при первомѣ слухѣ о семѣ несчастїи, оплакалѣ снова жребїй сихѣ супруговѣ, и повелѣлѣ воздвигнуть надгробный памятникѣ, вѣ которомѣ прахѣ ихѣ положенѣ былѣ вмѣстѣ.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Путешествїе по Мессенїи.

Мы отправились изѣ Скиллонта, и, проѣхавѣ Трифолїю, достигли до береговѣ Неды, отдѣляющей Элиду отѣ Мессенїи.

Поелику мы имѣли намѣренїе объѣхать берега сей послѣдней области, то сѣли на корабль вѣ пристанѣ Кипариссїйской; а на другой день пристали кѣ Пилосу, лежащему у подошвы горы Эголеи. На рейдѣ ея находятѣ корабли спокойное пристанище, ибо она почти совсѣмѣ заграждена островомѣ Сфактерїею. Окрестности представляютѣ только лѣса, утесистыя скалы, землю безплодную, глубокую пустыню. Лакедемоняне, овладѣвѣ Мессенїею во время Пелопонисской войны, оставили ихѣ вѣ

совершенномъ небреженiи; но Аѳиняне, покоривъ страну сiю, спѣшили укрѣпить оную, и отражали какъ на сушѣ, такъ и на водахъ войско Лакедемонское и его союзниковъ. Съ сего времени, Пилосъ, такъ какъ и всѣ мѣста, на которыхъ люди другъ друга умерщвляли, привлекаетъ любопытство путешествующихъ.

Намъ показывали истуканъ, изображающiй побѣду, оставленный тамъ Аѳинянами; и при семъ случаѣ, возходя до отдаленныхъ вѣковъ, сказывали, что мудрый Несторъ управлялъ сею страною. Сколько мы ни утверждали, что по словамъ Омира, онъ царствовалъ въ Трифилiи, вмѣсто всякаго отвѣта показали намъ домъ сего государя, его изображенiе и пещеру, въ которую запиралъ онъ воловъ своихъ. Мы не хотѣли отступить отъ своего мнѣнiя; но вскорѣ удостовѣрились, что, какъ народы, такъ и частные люди, кичась своимъ произхожденiемъ, не любятъ, когда спорятъ съ ними о предметахъ ихъ преимуществъ.

Продолжая путь нашъ вдоль береговъ, до самаго конца Мессенскаго залива, ви-

дѣли въ Моѳонѣ колодезь, котораго вода, напитанная самою природою смолистыми частицами, имѣетъ запахъ и цвѣтъ Кисикїйскаго бальзама; въ Колонидахъ, жители, которые не имѣютъ ни нравовъ, ни языка Аѳинскаго, производятъ себя отъ сего народа, потому только, что неподалеку отъ Аѳинъ находится городокъ Колонъ; далѣе видѣли мы храмъ Аполлоновъ, толико же знаменитый, сколько и древнїй, къ которому стекаются больные, ища, и мня находить изцѣленїе; еще далѣе городъ Коронею, не въ давнемъ времени построенный, по повелѣнїю Эпаминондову; наконецъ узрѣли мы себя близъ устья Памиса, въ которой вошли на полныхъ парусахъ; ибо корабли могутъ ходить въ верьхъ по сей рѣкѣ, на десять стадїй.

Рѣка сїя есть наивеличайшая во всемъ Пелопонисѣ, хотя отъ ея истока до самаго моря считаютъ только около ста стадїй. Поприще оныя ограничено, но теченїе ея достопамятно: ибо изображаетъ собою жизнь краткую и благоденственную Чистыя воды ея текутъ, кажется, единственно для благополучїя всего, ее окру-

жающаго. Лучшая рыба морская любитЪ жить вЪ струяхЪ ея во всякое годовое время; а по возвращенiи весны возходитЪ она по рѣкѣ сей для метанiя икры.

Приближаясь кЪ берегу, видѣли мы корабли, кои показались намЪ особливаго строенiя, и которые шли кЪ намЪ на гребле и на парусахЪ. Они приближаются; путешественники всякаго возраста и пола устремляются на берегЪ, падаютЪ ницЪ и восклицаютЪ: „блаженЪ, сто кратно блаженЪ тотЪ день, которой соединяетЪ васЪ сЪ нами! мы орошаемЪ тебя слезами, возлюбленная земля, которою обладали отцы наши, земля священная, сокрывающая вЪ нѣдрахЪ своихЪ прахЪ отцевЪ нашихЪ!„ Я подошелЪ кЪ старику, который назывался КсеноклесомЪ, и казался начальникомЪ сихЪ людей; спросилЪ кто они таковы и откуда? Ты зришь потомковЪ тѣхЪ МессенiянЪ, которыхЪ варварство Лакедемона принудило оставить свое отечество, и которые, предводительствуемы КомономЪ, однимЪ изЪ предковЪ моихЪ, уклонились вЪ отдаленнѣйшiе предѣлы Ливiи, вЪ страну не имѣющую никакой тор-

говли съ Грецїею. Въ теченїе долгаго времени не знали мы, что Эпаминондъ, около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, возвратилъ свободу Мессенїи, и призвалъ обратно прежнихъ ея жителей. Когда мы о семъ узнали, то непреодолимыя препятствїя не позволяли намъ возвратиться. Смерть Эпаминонда еще на нѣкоторое время насъ остановила. Мы пришли наконецъ насладиться его благодѣянїями.

Приставъ къ симъ иностранцамъ, прошли мы вмѣстѣ плодоносныя равнины, и прибыли въ Мессену, лежащую, какъ и Коринѳъ, у подошвы горы, и содѣлавшуюся подобно сему граду, однимъ изъ оплотовъ Пелопониса.

Стѣны Мессенскїя, построенныя изъ дикаго камня, увѣнчанныя зубцами, и имѣющїя по угламъ башни, гораздо крѣпче и выше стѣнъ Византїи, Родоса, и прочихъ городовъ Грецїи. Посреди ихъ возвышается гора Иѳома. Мы видѣли внутри города обширную площадь, украшенную храмами, истуканами, и обильнымъ водометомъ. Со всѣхъ сторонъ возвышались огромныя зданїя; и по симъ первымъ опытамъ, можно

уже было заключить, коликое великолѣпіе представлять будетъ Мессена въ послѣдствіи времени.

Новые жители были приняты отлично и со изъявленіемъ искренней радости; на другой день пошли они на поклоненіе во храмъ Юпитеровъ, стоящій на самой вершинѣ горы, посрединѣ укрѣпленнаго замка, соединяющаго въ себѣ искуство зодчества съ выгоднымъ положеніемъ.

Гора сія есть изъ высочайшихъ, а храмъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Пелопонисѣ; въ немъ-то, какъ говорятъ, воспитывали Нимфы Юпитера во время его младенчества. Истуканъ сего бога, сдѣланный Агеладомъ, хранится въ домѣ жреца, отправляющаго служеніе одинъ только годъ, и получающаго санъ по избранію. Жреца, отправлявшаго тогда сію должность называли Келеномъ: большую часть жизни своей препроводилъ онъ въ Сициліи.

Въ сей самый день, праздновалось ежегодное торжество въ честь Юпитеру, привлекающее народы сосѣдственныхъ областей. Бока горы покрыты были множествомъ мущинъ и женщинъ, возходящихъ по-

спѣшно на ея вершину. Мы видѣли, какъ отправляли священные торжественные обряды, мы были свидѣтелями Мусикійскихъ состязаній, наблюдаемыхъ въ теченіи многихъ вѣковъ. Радость пришедшихъ изъ Ливіи Мессеніянъ представляла чувствительное зрѣлище, которое нечаянное обстоятельство учинило еще привлекательнѣйшимъ. Келенъ, жрецъ Юпитеровъ, узналъ брата своего въ начальникѣ сихъ несчастныхъ семействъ, и онъ не могъ исторгнуться изъ его объятій; они привели на память злополучныя обстоятельства, которыя были причиною ихъ разлуки. Мы препроводили нѣсколько дней съ сими двумя почтенными старцами въ сообществѣ со многими изъ ихъ родственниковъ и друзей.

Изъ дому Келена, око обнимало всю Мессенію; оттуда можно было видѣть предѣлы ея, на пространствѣ, содержащемъ въ себѣ около восьми сотъ стадій. Взоръ простирался къ сѣверу на Аркадію и Элиду; къ Западу и Югу на море и близь лежащіе острова; къ востоку на хребты горъ, которыя, подъ именемъ Тайгета, отдѣляютъ

сїю область отъ Лаконїи. Потомъ покоились взоры наши на изящной картинѣ, заключенной въ сихъ предѣлахъ. Намъ показывали, въ различныхъ разстоянїяхъ, богатыя пажити, пресѣкаемыя холмами, рѣками орошаемыя и покрытыя многими стадами; и молодыхъ жеребятъ, составляющихъ богатство жителей сей страны. Тогда сказалъ я: по малому числу земледѣльцевъ, которыхъ мы видѣли, идучи сюда, кажется мнѣ, что населенїе сей области не соразмѣрно съ великимъ ея изобилїемъ. Сему причиною, сказалъ Ксеноклесъ, одни только варвары, коихъ ненавистный видъ, скрываютъ горы сїи отъ глазъ нашихъ. Въ теченїе цѣлыхъ четырехъ столѣтїй, Лакедемоняне опустошали Мессенїю, и оставляли въ удѣлъ жителямъ ея войну или ссылку, смерть или рабство.

Мы весьма малое имѣли понятїе о сихъ плачевныхъ премѣнахъ; Ксеноклесъ примѣтилъ сїе, возстеналъ и обращясь къ сыну: возьми лиру свою, сказалъ онъ, и воспой сїи три печальныя пѣсни, сохраненныя въ семействѣ моемъ, изъ коихъ двѣ первыя сочинены Комономъ, а третїя Ефклетомъ

отцемъ моимъ, для облегченія ихъ скорьби, и да продлятъ память тѣхъ злополучій, коими терзаемо было отечество ваше. Юноша повиновался, и началъ слѣдующимъ образомъ.

ЭЛЕГІЯ ПЕРВАЯ.

На первую войну Мессенскую.

„Изгнаны будучи изъ Греціи, чужды другимъ народамъ, принадлежали мы къ человѣчеству по одной только жалости, которую иногда оказывали люди къ нашимъ несчастіямъ. Кто бы подумалъ, чтобъ мы, носимы будучи столь долгое время волнами, достигли наконецъ до пристанища Евесперидскаго, въ страну, которую природа и миръ обогащаютъ драгоцѣнными своими дарами. Здѣсь земля, удовлетворяя желаніямъ земледѣльца, приноситъ сторицею противу ввѣренныхъ нѣдру ея зеренъ; спокойныя рѣки извиваются по долинѣ, текутъ у подножія холма, осѣняемаго лаврами, миртами, гранатными и другими разныхъ породъ деревьями. Далѣе находятся

знойные пески, народы жестокіе, хищные звѣри: но намъ нечего бояться; ибо между ими нѣтъ Лакедемонянъ.

„Жители сихъ приятныхъ и уединенныхъ странъ, сжалясь надъ нашими бѣдствіями, предложили намъ великодушно убѣжище. Однакоже печаль снѣдаетъ дни наши, и наши малыя увеселенія содѣлываютъ прискорбныя воспоминанія еще горчайшими. Увы! блуждая по симъ прекраснымъ садамъ, текли слезы мои, воспоминая о Мессеніи! О счастливые берега Памиса, величественные храмы, священныя рощи, поля толикократно орошенныя кровію праотцевъ нашихъ! Нѣтъ, я не могу забыть васъ. А вы, звѣронравные Спартане, клянусь вамъ именемъ пятидесяти тысячъ Мессенянъ, коихъ разсѣяли вы по лицу земному, ненавистью толико же неукротимою, колико неукротима жестокость ваша; клянусь, питать къ вамъ оную, именемъ потомковъ ихъ, именемъ сердецъ чувствительныхъ всѣхъ вѣковъ, и всѣхъ странъ.

„Несчастные остатки толикаго числа ироевъ, еще болѣе несчастныхъ, да возмо-

гутъ пѣсни мои, воспѣтыя по примѣру Тиртеевыхъ и Архилоховыхъ, безпрерывно грозными звуками тревожить слухъ вашъ, подобно трубѣ, подающей знакъ къ битвѣ, подобно грому возмущающему сонъ робкаго! Да возмогутъ онѣ, представляя въ нощи и во дни глазамъ вашимъ грозныя тѣни вашихъ отцевъ, оставить на сердцѣ вашемъ рану, день и ночь кровь испочающую!

„Мессеняне нѣсколько вѣковъ наслаждались глубокимъ спокойствіемъ, обитая на землѣ, доставлявшей имъ все нужное, подъ кроткимъ вліяніемъ немерцающаго неба. Они были свободны, законы ихъ мудры, нравы просты, царями своими были они любимы, и веселыя празднества, послѣ трудовъ, служили имъ пріятнымъ отдохновеніемъ. Союзъ, соединявшій ихъ съ Лакедемонянами, внезапно нарушается смертельными оскорбленіями; съ обѣихъ сторонъ слышимы упреки, обѣ стороны раздражаются; за жалобами слѣдуютъ угрозы. Любочестіе, скованное до тѣхъ поръ законами Ликурга, пользуется симъ мгновеніемъ, и разрываетъ цѣпи свои; велегласно при-

зываетъ къ себѣ на помощь неправосудїе, и насилїе, и окружено будучи симъ адскимъ изчадїемъ, вселяется нечувствительно въ сердца Спартанъ, и заставляетъ ихъ клясться на олтарѣ боговъ, дотолѣ не полагать оружїя, доколѣ не узрятъ Мессенїю порабощенною. Гордясь первымъ торжествомъ, ведетъ ихъ на одну изъ вершинъ горы Тайгета, и оттуда, показывая богатыя поля, лежащїя предъ ихъ глазами, вводитъ въ одно укрѣпленное мѣсто, которое принадлежало древнимъ ихъ союзникамъ и служило предѣломъ обоимъ государствамъ.

Услышавъ о семъ, праотцы ваши, немогшїе сносить оскорбленїй, бѣгутъ толпами къ чертогамъ царей нашихъ. Тогда царствовалъ Евфай; онъ выслушиваетъ совѣты старѣйшинъ народа; гласъ его, гласъ мудрости. Онъ возбуждаетъ ревность Мессенянъ, но удерживаетъ оную пока настанетъ благоприятный случай, въ которомъ она обнаружиться долженствуетъ съ успѣхомъ. Цѣлые годы едва достаточны для приученїя къ военному устройству народа, чрезъ мѣру привыкшаго къ приятнос-

тямЪ продолжительнаго мира. Между тѣмЪ научился онЪ безЪ роптанія видѣть жатву свою, похищаемую Лакедемонянами, и самЪ уже дѣлалЪ набѣги на Лаконію.

„Дважды минута мщенія приближалась; дважды войска обоихЪ царствЪ боролись между собою. Но побѣда не дерзала окончать сію великую прю, а нерѣшимость ея ускорила паденіе МессенянЪ. Воинство ихЪ ежедневно ослабѣвало потерею великаго числа воиновЪ, стражею, которую вЪ различныхЪ крѣпостяхЪ содержать надлежало, бѣгствомЪ рабовЪ и смертоносною заразою, начавшею свирѣпствовать вЪ странѣ, до того времени толико цвѣтущей.

„ВЪ сей крайности, приняли намѣреніе укрѣпиться на горѣ Ифомѣ, и вопросить Дельфійское прорицалище. Жрецы, а не боги, произрекли слѣдующій жестокій отвѣтЪ: чтобы спасти Мессенію должно принести вЪ жертву юную дѣву по жребію, и при томЪ вЪ царствующемЪ домѣ избранную.

„Древніе предразсудки, ослѣпляя умЪ народа, побуждаютЪ его кЪ безчеловѣчному повиновенію. Приносится роковая урна; жребій падаетЪ на дщерь Ликиска, который, сокрывЪ

ее вдругЪ отЪ всѣхЪ взоровЪ, спасается бѣгствомЪ вЪ ЛакедемонЪ. Храбрый АристодемЪ является предЪ народомЪ, и не взирая на нѣжное участіе, вопіющее вЪ сердцѣ его, приводитЪ кЪ жертвеннику дочь свою. Она обручена была одному изЪ любимцевЪ царскихЪ, который прибѣгаетЪ ее защитить. ОнЪ утверждаетЪ, что безЪ его согласія не могутЪ располагать его супругою. ОнЪ еще на бо́льшее отваживается, для ея спасенія: онЪ лишаетЪ ея дѣвства, и объявляетЪ, что бракЪ совершенЪ. Отвращеніе отЪ лжи, страхЪ безчестія, родительская любовь, спасеніе отечества, святость даннаго слова, и тысячи другихЪ противныхЪ чувствованій, сильно колеблютЪ душу Аристодемову, для облегченія которыя надлежало учинить отчаянный поступокЪ. ОнЪ беретЪ кинжалЪ, и дочь падаетЪ бездыханна кЪ ногамЪ его; всѣ зрители отЪ ужаса вострепетали. ЖрецЪ, алкая лютостію, вопіетЪ: „Не благочестіе, „но ярость управляли рукою убійцы; боги требуютЪ другой жертвы. Другая жертва нужна, отвѣтствуетЪ разЪяренный народЪ, и бросается на несчастнаго любов-

ника, которой бы погибъ, естьлибъ царь не укротилъ мятущихся умовъ, увѣривъ ихъ, что условія прорицалища исполнены.

„Спарта болѣе и болѣе ожесточалась въ побѣдоносныхъ своихъ предпріятіяхъ; она изъявляла оныя частыми нападеніями и кровавыми битвами. Въ одномъ изъ сихъ сраженій, царь Евфай былъ убитъ, а на престолъ возведенъ Аристодемъ: въ другомъ, когда многіе Пелопониссскіе народы соединились съ Мессенянами, враги наши были разбиты, и триста изъ оныхъ, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, омыли Олтари наши своею кровію.

„Осада Ифомы продолжалась съ равною силою. Аристодемъ способствовалъ къ продолженію оной своею бдительностію, мужествомъ, довѣренностію своихъ войскъ, и жестокимъ воспоминаніемъ о своей дщери. Въ послѣдствіи времени, лживыя прорицанія, ужасныя чудеса, поколебали его твердость. Онъ лишился надежды спасти Мессенію; и, пронзивъ себя мечемъ своимъ, испустилъ послѣдній вздохъ на гробѣ своей дщери.

„Осажденные защищались еще нѣсколько мѣсяцевъ; но, лишась своихъ вождей и храбрѣйшихъ воиновъ, видя себя безъ съѣстныхъ припасовъ и не имѣя болѣе никакихъ средствъ къ сопротивленїю, оставили крѣпость. Одни изъ нихъ удалились къ сосѣдственнымъ народамъ, другїе въ прежнїя жилища свои, гдѣ побѣдители обязали ихъ клятвою исполнить слѣдующїя статьи: „Вы ничего не посмѣете начать противу „власти нашей; вы будете обработывать „поля свои и приносить намъ половину „ихъ произведенїй. Когда умретъ кто либо изъ царей или первѣйшихъ судей „Спартанскихъ, то какъ вы, такъ и жены „ваши должны являться въ печальной одеждѣ.„ Толь оскорбительны были условїя, которыя, послѣ двадцатилѣтней войны, Лакедемоняне предписали предкамъ вашимъ.„

Элегія вторая.

На вторую войну Мессенскую.

„Я снова вступаю въ поприще свое; я воспою славу ироя, который долгое время сражался на развалинахъ отечества своего. Ахъ! естьлибы позволено было смертнымъ премѣнять уставы судебъ, то бы побѣдоносная его десница конечно вознаградила оскорбленія войны и мира равно поносныхъ.

„Праведное небо! каковъ былъ миръ сей! Онъ не преставалъ, чрезъ цѣлыя тридцать девять лѣтъ, отягощать желѣзнымъ игомъ главу побѣжденныхъ, и изнурять твердость ихъ всѣми образами рабства. Подверженные тяжкимъ трудамъ, согбенные подъ бременемъ дани, которую относили они въ Лакедемонъ, принужденные проливать слезы при погребеніи своихъ мучителей, не смѣя изъявлять безсильной ненависти своей, оставляли они чадамъ своимъ въ наслѣдіе пренесеніе несчастій и обиды на отомщеніе. Угнетенія достигли до такой степени, что старцамъ смерть ничего не

представляла страшнаго, а юношамъ жизнь ничего лестнаго не обѣщала.

„Взоры ихъ всегда были потуплены въ землю; наконецъ возвели они ихъ на Аристомена, который происходилъ отъ древнихъ царей нашихъ, и которой отъ самаго младенчества носилъ на челѣ своемъ, и изъявлялъ въ словахъ и поступкахъ, признаки и свойство души великой. Сей государь, окруженный пылкимъ юношествомъ, коего мужество онъ то воспламенялъ, то укрощалъ, вопросилъ народы сосѣднїе, и узнавъ, что жители Аргоса и Аркадїи готовы были подать ему помощь, возбудилъ къ брани народъ свой; и съ сея минуты вопль угнетенїя слїялся въ немъ съ восклицанїями свободы.

„Первое сраженїе происходило въ нѣкоторомъ местечкѣ въ Мессенїи. Успѣхъ его былъ сомнителенъ. Аристоменъ оказалъ во время онаго толь великое мужество, что на самомъ полѣ сраженїя единодушно провозглашенъ былъ царемъ; но онъ отказался отъ почести, на которую имѣлъ право по рожденїю своему, а еще болѣе по своимъ добродѣтелямъ.

„Предводительствуя войсками, возжелалъ онъ устрашить Спартанъ отважнымъ дѣломъ, и пренести въ нѣдро ихъ столицы залогъ ненависти, которую питалъ къ нимъ съ самаго младенчества. Онъ приходитъ въ Лакедемонъ; тайно прокрадывается въ храмъ Минервинъ, и вѣшаетъ на стѣну щитъ, на которомъ написаны были сїи слова: „изъ добычи, отнятой въ сра„женїи у Лакедемонянъ, Аристоменъ, по„свящаетъ щитъ сей богинѣ.„

„Спарта, сообразно отвѣту Дельфїйскаго прорицалища, просила въ то время у Аѳинянъ вождя, который бы могъ предводительствовать войсками ея въ сей войнѣ. Аѳиняне, боясь, чтобы не содѣйствовать возвышенїю соперницы своей, предложили ей Тиртея, мало извѣстнаго стихотворца, который замѣнялъ безобразїе тѣла и неблагопрїятство счастїя высокимъ дарованїемъ, которое Аѳиняне почитали родомъ бѣснованїя.

„Тиртей, призванный на помощь воинственнаго народа, которой вскорѣ включилъ его въ число своихъ согражданъ, возвысился духомъ, и совершенно предался важно-

му своему назначенїю. Пламенныя пѣсни его внушали презрѣнїе опасностей и смерти; онъ возгласилъ ихъ, и Лакедемоняне устремилися на сраженїе.

„Не обыкновенными красками изображать должно кровожаждущую ярость, которая одушевила тогда оба народа, но для сего надлежитъ создать новыя. Подобно гремящимъ огнямъ небеснымъ, когда низпадаютъ они въ отверзтыя пропасти Этны и оную воспламеняютъ: гора потрясается въ основанїяхъ своихъ и ревомъ оглашаетъ воздухъ; она воздымаетъ кипящїя волны, и извергаетъ ихъ изъ нѣдръ своихъ, которыя тогда отверзаются; она мещетъ ихъ противу небесъ, съ коими брань вести отваживается: прогнѣванныя толикою дерзостїю, молнїеносныя ихъ стрѣлы, новыми огнями горящїя, кои въ облакахъ почерпали, низходятъ вновь съ безпредѣльною быстротою, поражаютъ многократными ударами вершину горы́, и разметавъ дымящїе ея камни, повелѣваютъ молчать безднѣ, покрывъ оную пепломъ и вѣчными развалинами: тако Аристоменъ, предводитель ствуя юношествомъ Мессенскимъ, стреми-

тельно поражаетъ избранное войско Спартанское, подъ предводительствомъ Анаксандра. Воины его, слѣдуя примѣру вождя, бросаются подобно разъяреннымъ львамъ; но усилїе ихъ сокрушается о сїю неподвижную громаду, усѣянную копьями, въ которой самыя насильственнныя страсти воскипѣли, и изъ которыя стрѣлы смерти летаютъ безпрестанно. Покрытые кровїю и ранами, уже отчаявались они въ побѣдѣ, какъ Аристоменъ аки бы раздѣлялся еще на нѣсколько Аристоменовъ и летая вездѣ между воинами, заставляетъ отступать храбраго Анаксандра и страшную его дружину; пробѣгаетъ быстро по непрїятельскимъ отрядамъ; однихъ удаляетъ своимъ мужествомъ, другихъ присутствїемъ устрашаетъ; разсѣваетъ, преслѣдуетъ и наконецъ оставляетъ ихъ въ станѣ глубокимъ ужасомъ объятыхъ.

Жены Мессенскїя торжествовали побѣду сїю пѣснопѣнїями, которыя мы донынѣ повторяемъ. Супруги ихъ возвысили гордыя главы, и на грозныхъ ихъ челахъ богъ войны напечатлѣлъ мщенїе и дерзновенность.

Тебѣ, о богиня памяти, надлежитъ

теперь возвѣстить намъ, какимъ образомъ сіи толь ясные дни вдругъ помрачились густымъ и черным покровомъ; но картины твои всегда почти представляютъ намъ однѣ только безобразныя черты и краски, живость цвѣтовъ своихъ потерявшія; минувшіе годы, возвращаютъ настоящему времени одни только отрывки славныхъ событій; подобно волнамъ, извергающимъ на берегъ единые останки корабля, который прежде какъ владыка носился на поверхности морей. Внемлите, юные Мессеняне, свидѣтелю вѣрнѣйшему и почтеннѣйшему: Я зрѣлъ его, я слышалъ его голосъ, посреди той бурной нощи, которая разсѣяла корабли, веденные мною въ Ливію.

„Изверженный на неизвѣстные берега острова Родоса, я возопилъ: О земля! ты по крайней мѣрѣ будешь гробомъ нашимъ, и Лакедемоняне не станутъ попирать костей нашихъ ногами. При семъ ужасномъ имени, узрѣлъ я вихри пламени и дыма, исходящіе изъ надгробнаго памятника, который находился близь меня, а изъ нутри гроба вышла тѣнь, провѣщавшая мнѣ слѣдующія слова: „Какой смертный нару-

шаетЪ нынѣ спокойствіе Аристомена, и возжигаетЪ вЪ погасшемЪ пеплѣ его ненависть, которая донынѣ еще вЪ немЪ тлится противу народа варварскаго?,, Мессенянинъ, отвѣчалЪ я сЪ восторгомЪ, КомонЪ, произшедшій отЪ семейства нѣкогда сЪ тобою дружбою соединеннаго. О АристоменЪ! О величайшій изЪ смертныхЪ! такЪ мнѣ позволено зрѣть тебя и слышать гласЪ твой! Боги! я благодарю васЪ, вЪ первой разЪ вЪ жизни моей за то, что привели злополучнаго Комона на островЪ РодосЪ. СынЪ мой, отвѣчалЪ мнѣ ирой, ты во всю жизнь не престанешь благословлять ихЪ промысла. Они возвѣстили мнѣ о прибытіи твоемЪ, и позволяютЪ открыть тебѣ тайны высочайшей ихЪ мудрости. НаступаетЪ время, вЪ которое, подобно дневному свѣтилу, когда оно исходитЪ изЪ густаго облака вЪ немерцающемЪ блистаніи, Мессенія явится паки на позорищѣ міра вЪ новомЪ сіяніи: небо, тайными совѣтами, управлять будетЪ умомЪ ироя, посредствомЪ котораго чуду сему совершиться должно; но судьба скрываетЪ отЪ насЪ время, когда оно произведено будетЪ.

въ дѣйство. Прощай, ты можешь удалиться; твои сотоварищи ожидаютъ тебя въ Ливіи. Возвести имъ великія намѣренія Боговъ, о которыхъ нынѣ слышалъ.

Остановись, великодушная тѣнь, сказалъ я тотчасъ: присовокупи къ толь лестной надеждѣ, еще того пріятнѣйшее утѣшеніе. Отцы наши были несчастливы; ихъ весьма легко почитать можно виновными! время истребило доказательство ихъ невинности; и со всѣхъ сторонъ народы изъявляютъ подозрѣніе насъ унижающее. Аристоменъ, оставленный измѣнниками, скитаясь изъ града въ градъ, умирающій, брошенный всѣми на островѣ Родосѣ, представляетъ постыдное зрѣлище, помрачающее честь Мессенянъ.

Иди, спѣши, лети, сынъ мой, отвѣтствовалъ ирой возвышая голосъ; возвести всей землѣ, что мужество отцевъ вашихъ пламеннѣе было огней, коими пылаетъ солнце посреди жаркаго лѣта, — добродѣтели ихъ свѣтлѣе ясныхъ небесъ; и если люди еще способны ощущать жалость, то исторгни изъ очей ихъ слезы, повѣствуя о нашихъ несчастіяхъ. Внемли мнѣ еще.

Спарта не могла преносить того стыда, которымъ покрыта была послѣ своего пораженія; она рекла воинамъ своимъ, отмстите за меня; рабамъ своимъ, покровительствуйте мнѣ; рабу, которой собственныхъ ея рабовъ былъ презрѣннѣе, и коего глава украшалась вѣнцемъ царскимъ, измѣни твоимъ союзникамъ. То былъ Аристократъ, обладатель сильнаго Аркадскаго народа; онъ соединилъ войско свое съ нашимъ. Оба ополченія приближилися другъ къ другу, подобно двумъ бурямъ, спорющимся о владычествѣ воздуха. Взирая на побѣдителей своихъ, неприятели тщетно ищутъ въ сердцахъ остатка бодрости; и въ ихъ пламенныхъ взорахъ изображается подлая привязанность къ жизни. Тиртей является тогда предъ воинство, съ довѣренностію и властію человѣка, отъ коего зависитъ спасеніе отечества. Живыя и пылкія изображенія блистаютъ поперемѣнно въ ихъ очахъ. Образъ ироя, только что отразившаго неприятеля, безпорядочное смѣшеніе возклицаній радости и умиленія, коими восдаютъ честь его торжеству, уваженіе, котораго никогда не престанетъ

возбуждать его присутствїе, почтенное спокойствїе, коимъ наслаждается онъ въ старости; еще того чувствительнѣйшее изображенїе юнаго ироя, умирающаго на поприщѣ славы, величественные обряды, сопровождающїе его погребенїе, скорбь и стонъ цѣлаго народа при воззрѣнїи на гробъ его, старцы, жены, плачущїе и повергающїеся предъ нимъ на землю, безсмертные почести сопряженныя съ его памятью, толь многїе предметы и толь различныя чувствованїя, представленныя съ стремительнымъ краснорѣчїемъ и въ краткое время, воспламеняютъ воиновъ неизвѣстнымъ дотолѣ жаромъ. Они привязываютъ на руку свои имена, и имена семействъ своихъ, почитая себя весьма благополучными, ежели только потребутъ ихъ отлично; если потомство, произнося впредь имя ихъ, скажетъ: се прахъ умершихъ за отечество!

Между тѣмъ, какъ стихотворецъ возбуждалъ къ сей перемѣнѣ воинство Лакедемонское, царь совершалъ злокозненное свое намѣренїе въ нашемъ воинствѣ. Молва о наступающихъ бѣдствїяхъ, по его пове-

ленію разсѣянная, приуготовляла къ уничиженію устрашенные полки его: знакъ къ сраженію становится знакомъ къ бѣгству. Аристократъ самъ провождаетъ ихъ на путь безславія, и сей путь пролагаетъ онъ чрезъ полки наши, въ то самое бѣдственное мгновеніе, когда надлежало имъ противустать сильному нападенію неприятельской фаланги. Въ единое мгновеніе, избраннѣйшіе воины наши были преданы смерти, а Мессенія порабощена. Нѣтъ, она не была порабощенною; вольность предуготовила себѣ убѣжище на горѣ Ирѣ. Тамъ-то собрались и воины избѣгшіе отъ побоища, и граждане желавшіе ревностно избѣгнуть отъ рабства, побѣдители окружили гору при ея подошвѣ. Съ ужасомъ возводили они на вершину ея взоры свои, видя насъ надъ своими главами; подобно имъ робкіе плаватели взираютъ на черныя облака, несущія въ нѣдрѣ своемъ бури, когда они на оризонтѣ возвышаются.

Тогда началась сія не столь знаменитая осада, но толико же достойная прославленія какъ и осада Иліона; тогда производилися вновь, или возраждались всѣ

знаменитые подвиги древнихЪ ироевЪ: суровости годовыхЪ временЪ одиннадцать разЪ возобновлялись; но не могли онѣ утомить ни лютаго постоянства осаждающихЪ, ни непоколебимой твердости осажденныхЪ.

Триста МессенянЪ отличнаго мужества сопровождали меня во время моихЪ на неприятеля покушенiй: мы легко преходили преграды, противополагаемыя намЪ у подошвы горы, и несли сЪ собою ужасЪ вЪ самыя окрестности Спарты. Нѣкогда обремененныхЪ добычею окружило насЪ войско неприятельское. Мы напали на оное безЪ всякой надежды побѣдить. Вскорѣ пораженный смертельнымЪ ударомЪ, лишился я чувствЪ; и колико бы благодарилЪ боговЪ, естьлибы они никогда мнѣ оныхЪ не возвратили! милосердое небо, сколь жестоко было мое пробужденiе! еслибы самЪ черный тартарЪ представился внезапно глазамЪ моимЪ, я бы и тогда толикаго ужаса не почувствовалЪ.

Я лежалЪ на кучѣ мертвыхЪ и умирающихЪ, окруженный мракомЪ, вЪ которомЪ раздавались одни токмо терзающiе

духъ вопли, удерживаемыя рыданія: то были вопли и рыданія друзей и сотоварищей моихъ. Мы вмѣстѣ брошены были въ глубокую яму. Я призывалъ ихъ; мы вмѣстѣ проливали слезы; мое присутствіе, казалось, облегчало ихъ страданія. Тотъ кого я наипаче любилъ, о! мучительное воспоминаніе! о пагубный образъ! о сынъ мой, ты не можешь внимать словамъ моимъ безъ содраганія: то былъ одинъ изъ ближайшихъ сродниковъ твоихъ. По нѣкоторымъ словамъ, которыя едва могъ онъ произнести, я узналъ, что паденіе мое ускорило его смерть. Я держалъ его въ своихъ объятіяхъ; орошалъ его горячими слезами, и не могши остановить послѣдняго дыханія жизни, носившагося на помертвѣлыхъ устахъ его, душа моя отъ избытка скорби какъ бы оледенѣвшая, не могла облегчать оныя ни жалобами, ни слезами. Мои друзья умирали одинъ за другимъ вокругъ меня. По различію напряженій ослабѣвшихъ ихъ голосовъ, я предузнавалъ сколько минутъ имъ жить оставалось; съ холоднымъ духомъ смотрѣлъ я на ту, которая была концемъ ихъ мученій.

Наконецъ достигъ до слуха моего послѣдній вздохъ послѣдняго изъ нихъ; и безмолвная смерть воцарилась въ пропасти.

Уже дневное свѣтило три раза начинало теченіе свое съ тѣхъ поръ, какъ меня въ числѣ живыхъ не почитали. Лежа неподвиженъ на одрѣ отчаянія, покрытый плащемъ своимъ, съ нетерпѣливостію ожидалъ я смерти, которая толь дорого цѣнила свое благоприятство, какъ вдругъ услышалъ я слабой шорохъ: то былъ дикой звѣрь, вошедшій въ подземельную сію пропасть сквозь тайной входъ. Я схватилъ его: и хотя онъ хотѣлъ отъ меня вырваться; но я за нимъ ползъ. Не знаю, какое намѣреніе меня одушевляло; ибо жизнь казалась мнѣ тогда жесточайшею казнію. Конечно нѣкое божество управляло моими движеніями и придавало мнѣ силы. Долгое время пресмыкался я по кривымъ излучинамъ, какъ вдругъ увидѣлъ слабый свѣтъ; тогда возвратилъ я свободу моему вождю, и продолжая ползти, вышелъ изъ мрачнаго подземелья. Я засталъ Мессенянъ оплакивающихъ меня. Когда они меня увидѣли, то радостныя ихъ воскли-

цанія привели въ колебаніе и самую гору; а когда разсказалъ я имъ мною претерпѣнное, тогда потряслась она отъ прискорбныхъ ихъ воплей.

За ними вскорѣ послѣдовало мщеніе; оно было жестоко, какъ мщеніе боговъ. Мессенія, и Лаконія преисполнены были, какъ днемъ такъ и ночью неприятелями, которые, какъ бы мучимые гладомъ, желали растерзать другъ друга. Спартане распространялись по равнинѣ подобно пламени, жатву пожирающему; а мы преслѣдовали ихъ подобно быстрому потоку, и жатву и пламя истребляющему. Получивъ тайное извѣстіе о приближеніи Коринѳянъ, шедшихъ на помощь Лакедемонянамъ, вспомоществуемы мракомъ, вошли мы тайно въ ихъ станъ; и они изъ объятій сна прешли въ объятія смерти. Подвиги суетные! обманчивая надежда! время изъ необъятныя сокровищницы лѣтъ и вѣковъ изводитъ въ назначенное имъ мгновеніе сіи великія премѣны, зарожденныя въ нѣдрахъ вѣчности, о коихъ возвѣщаютъ иногда прорицалища. Дельфійское капище сопрягло погибель нашу съ предсказаніями, кои сбылись; и

божественный Θеоклъ увѣдомилъ меня, что мы приближаемся къ концу толь кровавыхъ явленій.

Пастухъ, бывшій нѣкогда рабомъ Емперама, полководца Лакедемонскаго, пасъ ежедневно стада свои на берегахъ Неды, орошающей подошву горы Иры. Онъ любилъ одну изъ женъ Мессенскихъ, которой жилище находилось на скатѣ горы, и которая принимала его къ себѣ всегда, когда мужъ ея уходилъ въ нашъ станъ для содержанія стражи. Въ одну ночь, во время ужасной грозы, Мессенянинъ приходитъ вдругъ къ женѣ своей, и разсказываетъ ей, удивленной его внезапнымъ возвращеніемъ, что гроза и маркъ защищаютъ мѣсто отъ нападенія, что стражи оставили мѣста свои, и что полученная мною рана удерживаетъ меня въ постелѣ. Пастухъ, сокрывшійся отъ взоровъ Мессенянина, услышавъ сіе, тотчасъ увѣдомляетъ о семъ вождя Лакедемонскаго.

Сладкій сонъ успокоивалъ всѣ чувства мои, истощенныя горестью и усталостью, какъ вдругъ духъ хранитель Мессеніи явился предо мною въ длинной пе-

чальной одеждѣ и съ покровомъ на главѣ: Ты спишь Аристоменъ, сказалъ онъ мнѣ, ты спишь, а уже грозящія вамъ лѣствицы возвышаются вокругъ стѣнъ вашихъ; уже юные Спартане подымаются на воздухъ съ помощію сихъ слабыхъ орудій: духъ хранитель Лакедемонцевъ побѣждаетъ меня: я зрѣлъ его съ высоты стѣнъ, призывающаго звѣронравныхъ воиновъ, простирающаго къ нимъ десницу и показывающаго имъ мѣста, куда они стремится долженствуютъ.

Я воспрянулъ отъ сна; душа моя была удрученна, разумъ въ бездѣйствіи, и въ такомъ трепетѣ, какъ бы громомъ пораженный. Я хватаюсь за оружіе, сынъ мой приходитъ. Гдѣ Лакедемонцы? — Посреди града и стѣнъ нашихъ; удивленные собственною своею дерзостію не смѣютъ они идти впередъ. Довольно, сказалъ я; слѣдуй за мною. Мы увидѣли бѣгущихъ за нами Ѳеокла, толкователя божественныхъ уставовъ, храбраго Монтикла, сына его, и другихъ вождей, соединяющихся съ нами. Бѣгите, сказалъ я, возбуждайте отъ сна Мессенянъ, скажите имъ, что на разсвѣтѣ

узряшъ они вождей своихъ посреди неприяшеля.

Сїе страшное мгновенїе насшупаешъ, въ окровавленныхъ улицахъ, домахъ, храмахъ раздаюшся ужасные вопли. Мессеняне, не слыша уже болѣе моего голоса, слѣдуюшъ единому своему изсшупленїю. Жены возбуждаюшъ ихъ къ сраженїю; онѣ берушъ шысячи смершоносныхъ орудїй, бросаюшся на неприяшеля, и умирая падаюшъ на шѣла супруговъ и чадъ своихъ.

Три дни сїи ужасныя явленїя возобновлялись на каждомъ шагу, въ каждое мгновенїе, при мрачномъ свѣшѣ молнїи, при глухихъ и безпрерывныхъ ударахъ грома; Лакедемонцы, превосходившїе насъ числомъ, воспринимали поперемѣнно новыя силы, послѣ крашкаго ошдохновенїя; Мессеняне сражались безпрерывно, прошивуборсшвуя вдругъ гладу, жаждѣ, сну и мечу неприяшельскому.

Въ концѣ трешьяго дня, божесшвенный Ѳеоклъ вѣщалъ мнѣ слова сїи: Увы! къ чему послужашъ вамъ и шоликая бодросшь и шоликїе шруды! Уже Мессенїи ничего надѣяшься не должно. Боги опре-

дѣлили погибель ея. Спасайся Аристоменъ; спасай несчастныхъ друзей нашихъ: мнѣ должно погребену быть подъ развалинами моего отечества. Онъ рекъ, и бросясь въ толпу сражающихся, умеръ свободнымъ и покрытымъ славою.

Я легко могъ подражать ему; но, повинуясь волѣ боговъ, помыслилъ, что жизнь моя могла быть полезною толикому числу несчастныхъ жертвъ, которыхъ мечъ поразить былъ готовъ. Собравъ женъ и дѣтей, окружилъ я ихъ воинами. Неприятели увѣрены будучи, что мы желали отступить, открыли ряды свои и мы прошедъ оные, спокойно прибыли въ Аркадїю. Не буду говорить ни о намѣренїи моемъ идти въ Лакедемонъ, дабы учинить нечаянное на оный нападенїе, между тѣмъ какъ богатство наше служило добычею воинамъ его на горѣ Ирѣ; ни о вѣроломствѣ царя Аристократа, повѣдавшаго тайну нашу Лакедемонцамъ. Измѣнникъ! онъ былъ обличенъ въ преступленїи своемъ предъ собранїемъ своего народа: сами подданные содѣлались его убїйцами; онъ умеръ подъ тучею пущенныхъ въ него стрѣлъ; тѣло его

извержено было на чуждую землю, и воздвигнутъ былъ столбъ, возвѣщавшій какъ срамъ, такъ и казнь его.

Симъ нечаяннымъ ударомъ фортуна явно открывала намѣренія свои; уже тщетно было умолять ее, но долженствовало одному бороться съ нею и собственную только главу подвергать ея ударамъ. Я оплакалъ Мессенянъ, которые не могли со мною соединиться; но не хотѣлъ быть оплакиваемъ тѣми Мессенянами, которые за мною послѣдовали. Они хотѣли сопровождать меня въ отдаленнѣйшія страны свѣта. Аркадяне хотѣли раздѣлить съ ними свои земли: я отвергъ сіи предложенія: вѣрные мои сотоварищи, смѣсясь со многочисленнымъ народомъ, лишились бы имени своего и истребили изъ памяти всѣ свои бѣдствія. Я далъ имъ сына, другаго самого себя; имъ предводимые пошли они въ Сицилію, гдѣ будутъ въ безопасности, доколѣ наступитъ день мщенія.

Послѣ сей жестокой разлуки, мнѣ уже нечего было опасаться, и стараясь повсюду найти неприятелей Лакедемонцамъ, я былъ у всѣхъ сопредѣльныхъ народовъ. На-

конецъ рѣшился я перейти въ Асїю, дабы обратить вниманїе на наши несчастїя сильныхъ народовъ Лидїйскихъ и Мидскихъ. Постигнувшая меня смерть на островѣ Родосѣ, остановила предприятїя, которыя, привлекши сїи народы въ Пелопонисъ, могли бы премѣнить состоянїе сей части Грецїи.

Сказавъ сїе, ирой умолкъ, и низшелъ во мракъ гроба. На другое утро отправился я въ Ливїю.

ТРЕТІЯ ЭЛЕГІЯ

На третью войну Мессенскую.

Сколь тягостно и плачевно воспоминанїе объ отечествѣ моемъ! оно наполняетъ сердце горечью, подобною полыни, и пронзаетъ его какъ острїе меча; оно содѣлываетъ меня нечувствительнымъ какъ къ веселїю, такъ и къ опасностямъ. Сего дня предупредилъ я восходъ дневнаго свѣтила; я ходилъ по долинѣ заблудшими стопами; свѣжїй воздухъ при восходѣ денницы не услаждалъ чувствъ моихъ. Два великїе льва выбѣжали внезапно изъ близь лежа-

щаго густаго лѣса; страшный взоръ ихъ не вселялъ въ меня ужаса. Я ихъ не раздражалъ, и они отъ меня удалились. Жестокіе Спартанцы! чѣмъ раздражили васъ отцы наши? По взятіи Иры вы налагали на нихъ различныя казни, и упоенные успѣхами вашими, желали вы, чтобы радость ваша обратилась всѣмъ имъ въ несчастіе.

Аристоменъ предвозвѣщалъ намъ въ будущемъ благоприятнѣйшій жребій; но что возможетъ когда либо истребить изъ сердецъ нашихъ чувствованіе злополучій, коихъ повѣствованію мы внимали, и коихъ были жертвою? Сколь ты благополученъ Аристоменъ, что не былъ свидѣтелемъ сихъ ужасныхъ бѣдствій. Ты не видалъ какъ, подобно преступникамъ, влекли на поносную смерть жителей Мессеніи; ты не былъ свидѣтелемъ, какъ ихъ продавали, подобно стаду скотовъ. Ты не видалъ ихъ потомковъ, предающихъ сынамъ своимъ, въ теченіе двухъ столѣтій, поношеніе свое. Почій спокойно во гробѣ, тѣнь величайшаго изъ смертныхъ., и позволь, да возвѣщу будущимъ племенамъ послѣднія злодѣянія Лакедемонцевъ.

Судьи ихъ, враги неба и земли, умерщвляютъ просителей, которыхъ исторгаютъ они изъ храма Нептунова. Раздраженный Богъ поражаетъ трезубцемъ своимъ страны Лаконскія. Земля всколебавшаяся, пропасти отверзтыя, едина изъ вершинъ горы Тайгета клубящаяся по долинѣ, Спарта изпроверженная въ основаніяхъ своихъ, и только пять домовъ пощаженные, болѣе двадцати тысячъ народа погребенныя подъ развалинами: вотъ знакъ освобожденія нашего, восклицаетъ вдругъ множество невольниковъ. Безумные! они бѣгутъ въ Лакедемонъ, безъ всякаго порядка, и не имѣя вождя. Увидя отрядъ войска Спартанскаго, собранный царемъ Архидамомъ, они останавливаются подобно вѣтрамъ, кои выпустилъ Эолъ изъ заклеповъ, когда является предъ ними богъ морей: при возрѣніи на Аѳинянъ и другихъ народовъ, идущихъ на помощь Лакедемонцамъ, большая часть изъ нихъ разсѣвается, какъ грубые пары, поднявшіеся изъ блата, когда озаритъ ихъ дневное свѣтило. Но не тщетно Мессеняне приняли оружіе свое; продолжительное рабство не заразило ядомъ

своимъ благородной крови, протекающей по ихъ жиламъ; подобно орлу бывшему во узахъ, которой, разорвавъ путы свои, возносится къ небесамъ, удаляются они на гору Ифому, отражаютъ мужественно многократныя нападенія Лакедемонянъ, которые наконецъ принужденными себя находятъ призвать паки на помощь войско союзниковъ своихъ.

Тогда являются сіи Аѳиняне, толико искусные въ облежаніи градовъ. Кимонъ ими предводительствуетъ, — Кимонъ, котораго толикократно вѣнчала побѣда безсмертнымъ своимъ лавромъ. Блескъ толикія славы и храбрость войскъ его внушаютъ опасеніе въ осажденныхъ, ужасъ въ Лакедемонянъ. Сего великаго мужа, дерзаютъ подозрѣвать въ вѣроломствѣ; подъ самыми пустыми предлогами просятъ его, возвратиться съ войскомъ своимъ въ Аттику. Онъ удаляется: несогласіе, носившееся надъ оградою стана останавливается, предвидитъ бѣдствія, готовыя поразить Грецію, и, потрясая зміеносною главою, испускаетъ отъ

радости пронзительный вой, въ коемъ слышимы сїи ужасныя слова.

Спарта, Спарта, едиными только оскорбленїями заслугамъ воздающая! Воззри на сихъ ироевъ, въ отечество свое обратно идущихъ; чело ихъ покрыто стыдомъ, душа растерзана скорбїю. Они суть тѣ же самые ирои, которые купно съ твоими побѣдили Персовъ подъ Платеею. Они прибѣгли на помощь къ тебѣ, а ты покрыла ихъ срамомъ: ты узришь ихъ, но уже врагами твоими. Аѳины, уязвленныя въ кичєнїи своемъ, вооружатъ противу тебя народы, которыхъ ты противу ихъ возбуждать будешь. Могущество ихъ и твое, безпрестанно будутъ сражаться, подобно симъ необузданнымъ вѣтрамъ, коихъ силы разражаются въ облакѣ. Войны породятъ войны. Перемирїя будутъ токмо кратковременнымъ укрощенїемъ ярости. Я и ужасныя Эвмениды пойдутъ предъ войсками вашими: съ нашихъ горящихъ пламенниковъ станемъ мы изливать на васъ язву, гладъ, насилїе, измѣну, всѣ бичи гнѣва небеснаго и страстей человѣческихъ. Я отмщу тебѣ за древнїя твои добродѣтели,

и буду посмѣваться и тому, если тебя побѣдятъ, и самымъ твоимъ побѣдамъ; вознесу, смирю твою соперницу, и узрю тебя стоящую предъ нею на колѣняхъ и ударяющую постыженнымъ челомъ своимъ землю. Ты будешь просить у ней мира, а она откажетъ. Ты истребишь стѣны ея, попрешь ее ногами, и вы падете вмѣстѣ, подобно двумъ тиграмъ, которые въ ярости, растерзавъ другъ у друга внутренности, издыхаютъ одинъ подлѣ другаго. Тогда погребу тебя подъ прахомъ толь глубоко, что путешественникъ, не въ состоянiи будучи различить черты твои, принужденъ будетъ наклониться, дабы познать тебя.

Теперь покажу тебѣ поразительный знакъ, которой послужитъ свидѣтелемъ въ событiи словъ моихъ. Ты возмешь Ифому въ десятое лѣто по осадѣ. Ты захочешь истребить Мессенянъ; но боги, хранящiе ихъ для того, чтобы ускорить паденiе твое, остановятъ сiе кровожадное намѣренiе. Ты оставишь имъ жизнь, съ тѣмъ условiемъ, чтобы наслаждались оною подъ чуждымъ небомъ, угрожая имъ око-

вами, если посмѣютъ возвратиться въ свое отечество. Когда сїе предсказанїе свершится, то помни другїя и трепещи.

Такъ вѣщалъ злотворный Генїй, коего власть распростирается отъ небесъ до преисподней. Вскорѣ потомъ оставили мы гору Ифому. Я былъ тогда въ самой нѣжной юности. Образъ сего скораго побѣга незагладимо напечатлѣлся въ моей памяти; понынѣ еще вижу ужасныя и чувствительныя явленїя, представлявшїяся тогда взорамъ моимъ: цѣлый народъ изгнанный изъ домовъ своихъ, скитающїйся по волѣ слѣпаго случая посреди народовъ устрашенныхъ его нещастїями, и которые не дерзаютъ облегчить его жребїй; воиновъ покрытыхъ ранами, несущихъ на раменахъ виновниковъ дней своихъ; женъ сидящихъ на земли, умирающихъ отъ слабости съ младенцами, коихъ въ послѣднїй разъ прижимаютъ къ груди своей; въ одномъ мѣстѣ видѣлъ слезы, слышалъ стоны, сильнѣйшїя выраженїя отчаянїя; въ другомъ, нѣмую скорбь, ужасное молчанїе. Еслибы предложили написать картины сїи найлютѣйшему Спартанцу, тогда бы и онъ,

почувствовавъ остатокъ жалости, уронилъ кисть изъ рукъ своихъ.

Послѣ продолжительныхъ и тягостныхъ странствій, едва дошли мы до Навпакта, города лежащаго на морѣ Крисскомъ. Онъ принадлежалъ Аѳинянамъ: они намъ его уступили. Мы многократно оказывали мужество наше противу враговъ сего великодушнаго народа. Во время войны Пелопонисской, я самъ начальствовалъ отрядомъ войскъ на берегахъ Мессеніи, опустошалъ сію страну, и былъ виновникомъ яростныхъ слезъ, пролïянныхъ жестокими нашими гонителями: но боги всегда растворяютъ скрытый ядъ въ ниспосылаемыхъ ими благахъ, и часто самая надежда бываетъ токмо сѣть, которую разставляютъ они нещастнымъ. Мы начинали наслаждаться спокойнымъ жребïемъ, когда флотъ Лакедемонскïй восторжествовалъ надъ флотомъ Аѳинскимъ, и приступилъ къ Навпакту. Мы сѣли тотчасъ на наши корабли, съ обѣихъ сторонъ не призывали въ помощь инаго божества, кромѣ ненависти. Никогда побѣда не упивалась толикимъ множествомъ крови нечистой, и кро-

ви невинной, но можетъ ли самое неустрашимое мужество противустоять чрезвычайному превосходству въ числѣ войска? Мы были побѣждены, и изгнаны изъ Грецїи, такъ какъ изгнали насъ изъ Пелопониса: большая часть изъ насъ спаслись бѣгствомъ въ Италїю и Сицилїю. Три тысячи Мессенянъ ввѣрили мнѣ судьбу свою, я шествовалъ съ ними, посреди бури и морскихъ скалъ, на сїи брега, на которыхъ никогда не престанетъ раздаваться надгробное пѣнїе наше.

Симъ кончилась третїя элегїя. Молодый человѣкъ положилъ свою лиру; а отецъ его Ксеноклесъ присовокупилъ, что вскорѣ по прибытїи Мессенянъ въ Ливїю, произошло возмущенїе въ Киренахъ, столицѣ сего округа; тогда соединились они съ изгнанниками, и большая часть изъ нихъ погибла на сраженїи. Потомъ вопросилъ онъ, какъ произошла перемѣна, приведшая его въ Мессенїю.

Целенїй отвѣчалъ: Фивяне, подъ предводительствомъ Эпаминонда, разбили Лакедемонянъ при Левктрахъ въ Вїотїи. Дабы навсегда ослабить ихъ могущество,

и лишить ихъ средствъ предпринимать отдаленные походы, сей великїй мужъ вознамѣрился поселить въ сосѣдствѣ ихъ такого неприятеля, которому за величайшїя обиды отмщевать надлежало. Онъ разослалъ повсюду для приглашенїя Мессенянъ возвратиться въ землю отцевъ своихъ; мы летѣли на гласъ его: я нашелъ его предводительствующаго сильнымъ войскомъ, окруженнаго зодчими, начертавающими у подошвы горы сей изображенїе града. Вскорѣ потомъ военачальникъ Аргоскїй, приближась, подалъ ему мѣдную урну, которую, повѣривъ сновидѣнїю, вырылъ онъ изъ земли, осѣняемой миртами и блющемъ, соплетавшими надъ оною слабыя свои вѣтьви. Эпаминондъ, открывъ ее, нашелъ въ ней свинцовый свитокъ, на листахъ котораго въ древности начертаны были обряды богослуженїя богинѣ Церерѣ и Прозерпинѣ; онъ позналъ въ семъ памятникъ, съ коимъ сопряженъ былъ жребїй Мессенїи, и которой сокрылъ Аристоменъ въ самомъ уединенномъ мѣстѣ горы Ифомы. Сїе открытїе и благоприятной отвѣтъ гадателей, придали видъ святыни его предприятїю,

вЪ которомЪ кромѣ сего всѣми силами содѣйствовали сопредѣльные народы, кои всегда на ЛакедемонЪ сЪ завистью взирали.

ВЪ день основанія града, когда уже собрались всѣ войска, Аркадіяне принесли свои жертвы: Фивяне, Аргосцы и Мессеняне, каждые особенно покланялись своимЪ покровительствующимЪ божествамЪ; но всѣ единогласно призвали ироевЪ страны сей и просили ихЪ поселиться вЪ новомЪ ихЪ обиталищѣ. Между сими драгоцѣнными для народа именами, имя Аристоменово возбудило всеобщее рукоплесканіе. Первый день прошелЪ вЪ жертвоприношеніяхЪ и моленіи: а вЪ слѣдующіе при звукѣ свирели положено было основаніе городскимЪ стѣнамЪ, храмамЪ и домамЪ. ГородЪ вскорѣ былЪ совершенЪ и названЪ Мессенами.

Иные народы, присовокупилЪ КеленЪ, долгое время странствовали, удалены будучи отЪ своего отечества; но ни одинЪ не претерпѣлЪ толь долговременнаго изгнанія: со всѣмЪ тѣмЪ сохранили мы неповрежденно языкЪ и обычаи нашихЪ предковЪ. Я могу даже сказать, что пренесенныя нами превратности счастія учинили насЪ бо-

лѣе чувствительными. Лакедемоняне отдали нѣкоторые города наши иностранцамъ, кои по возвращенiи нашемъ старались возбудить въ насъ соболезнованiе; можетъ быть они имѣли на него право но хотя бы онаго и не имѣли, то какъ можно отказать несчастнымъ?

Увы! сказалъ Ксеноклесъ, сiе-то кроткое и человѣколюбивое свойство было нѣкогда причиною погибели нашей. Будучи сосѣдами Лакедемонянъ и Аркадянъ, праотцы наши потому только пали отъ ненависти первыхъ, что небрегли дружбою вторыхъ. Они конечно не вѣдали, что желанiе стяжать спокойствiе, толикой же требуетъ дѣятельности, какъ и честолюбiе, стремящееся къ приобрѣтенiю побѣдъ.

Я вопрошалъ Мессенянъ о состоянiи наукъ и художествъ въ ихъ отечествѣ: они никогда не имѣли времени посвятить себя онымъ: о настоящемъ ихъ правленiи; оно не успѣло еще принять постояннаго образа существованiя: я вопрошалъ о томъ правленiи, которое было у нихъ во время войны съ Лакедемонянами; то было смѣшенiе единовластiя и олигархiи, но о дѣлахъ разсуждаемо

было въ собранїи цѣлаго народа: я спрашивалъ о происхожденїи послѣдняго царствующаго дома; оный происходитъ отъ Кресфонта, пришедшаго въ Пелопонисъ вмѣстѣ съ другими Ираклидами, восемьдесятъ лѣтъ спустя послѣ войны Троянской. Ему досталась въ удѣлъ Мессенїя. Онъ вступилъ въ бракъ съ Меропою, дочерью Царя Аркадскаго, и былъ умерщвленъ почти со всѣми дѣтьми своими и знатнѣйшими царедворцами за то, что весьма любилъ народъ свой. Бытописанїе почло долгомъ учинить память его священною, и предать проклятїю память его убїйцъ.

Мы оставили Мессену; и переправясь чрезъ Памизїй, осматривали восточную часть сей области. Здѣсь, какъ и во всей Грецїи, путешественникъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу памятники, въ которыхъ родословїе боговъ сливается съ родословїемъ человѣковъ. Нѣтъ города, рѣки, источника, лѣса, горы, которыя бы не наречены были по имени какой либо нимфы, ироя, или особы, которая болѣе славится нынѣ, нежели во время своей жизни.

Въ числѣ великаго множества се-

мействъ, обладавшихъ въ древнія времена небольшими удѣлами въ Мессеніи, родъ Эскулапіевъ въ общемъ мнѣніи наиболѣе уважался. Въ городѣ Авіи показывали намъ его храмъ, въ Гереніи надгробный памятникъ сына его Махаона; въ Ферѣ, храмъ внуковъ его Никомака и Горгаза, въ которомъ ежеминутно отправляемы были жертвоприношенія, и стекалось великое множество людей, разными болѣзнями одержимыхъ.

Между тѣмъ, какъ разсказывали намъ о многоразличныхъ чудесныхъ излѣченіяхъ, одинъ изъ сихъ несчастныхъ, готовый испустить послѣднее дыханіе жизни, говорилъ: едва увидѣлъ я свѣтъ дневный, какъ родственники мои поселилися при источникахъ Памиза, въ которомъ мѣстѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, воды сея рѣки весьма цѣлительны въ дѣтскихъ болѣзняхъ; я провелъ всю жизнь мою близь благотворныхъ тѣхъ божествъ, которыя надѣляютъ здравіемъ смертныхъ, и находился то въ храмѣ Аполлона, что подлѣ города Коронеи, то въ сихъ мѣстахъ, гдѣ теперь меня видите, необиновенно подвергаясь всѣмъ пред-

писываемымъ обрядамъ, и не щадя ни жертвъ, ни даровъ: меня всегда увѣряли, что я уже выздоровѣлъ, а теперь умираю. Онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ въ слѣдующее утро.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Путешествіе по Лаконіи.

Въ Ферѣ сѣли мы на корабль, отправляющійся въ пристань Скандейскую, находящуюся на небольшомъ островѣ Киѳерѣ, на самыхъ предѣлахъ Лаконіи лежащемъ. Въ сію-то пристань часто приходятъ купеческіе корабли изъ Египта и Африки: отъ оной идетъ дорога въ городъ, въ которомъ содержатъ Лакедемоняне охранительное войско: сверьхъ того посылаютъ они туда ежегодно судью для управленія всѣмъ островомъ.

Мы были молоды и уже свели короткое знакомство съ нѣкоторыми сопутниками, равныхъ съ нами лѣтъ. Имя Киѳеры возбуждало въ умахъ нашихъ пріятныя помыш-

ленія; на семъ-то островѣ, отъ временъ грубочайшей древности, существуетъ со славою самый древній и наипаче почитаемый храмъ посвященной Венерѣ; тамъ предстала она въ первые взорамъ смертныхъ, и совокупно съ амурами овладѣла сею землею, понынѣ еще украшаемою цвѣтами, которые поспѣшно раждались отъ ея присутствія. Съ тѣхъ поръ познали тамъ приятность, произходящую отъ разговоровъ и отъ сладостной улыбки. Ахъ! въ сей-то блаженной странѣ, конечно сердца никакихъ не имѣютъ желаній, кромѣ того, чтобы сопрягаться между собою, и жители проводятъ дни свои въ изобиліи и весельяхъ.

Корабельщикъ, слушавшій насъ съ величайшимъ удивленіемъ, сказалъ намъ хладнокровно: они питаются смоквами и сыромъ: у нихъ есть такъ же вино и медъ, но дары земные добываютъ они въ потѣ лица своего; ибо земля Киѳерская безплодна и покрыта каменными утесами. Впрочемъ они столь корыстолюбивы, что не знаютъ совсѣмъ нѣжной улыбки. Я видѣлъ древніе храмы ихъ, пост-

роенные нѣкогда Финикїянами, въ честь Венеры Уранїи: истуканъ сей богини не можетъ возбудить никакихъ страстныхъ желанїй; ибо онъ съ головы до ногъ покрытъ оружїемъ. Я такъ же, какъ и вы слышалъ, что Богиня, родясь изъ волнъ морскихъ, вышла на сей островъ; но мнѣ сверхъ того сказывали, что она немедленно удалилась оттуда въ Кипръ.

Изъ сихъ послѣднихъ словъ заключили мы, что Финикїяне, прешедъ моря, достигли къ пристанищу Скандїйскому: что они первые принесли туда богослуженїе Венеры; что оное разпространилось оттуда по окрестнымъ странамъ, и породило нелѣпыя басни о рожденїи Венеры, о выхожденїи ея изъ волнъ морскихъ и прибытїи на островъ Киѳеру.

Вмѣсто того, чтобы плыть съ нашимъ корабельщикомъ на сей островъ, мы просили его оставить насъ въ Тенарѣ, городѣ Лаконскомъ, коего пристань нарочито обширна и можетъ въ себѣ вмѣщать довольно кораблей: оный лежитъ близь мыса сего же имени, на которомъ находится храмъ, каковые украшаютъ всѣ главнѣйшїе мысы Гре-

цїи. Сїи предметы всеобщаго почтенїя привлекаютъ къ себѣ обѣты и жертвоприношенїя корабельныхъ служителей; храмъ, посвященный Нептуну, окруженъ священною рощею, въ которой находятъ убѣжище преступники: истуканъ стоитъ при входѣ въ оной; внутри видно отверстїе въ огромную пещеру, которая весьма славна въ Грецїи. Говорятъ, что въ ней обиталъ съ начала ужасной величины змїй, низложенный Иракломъ; его почитали за одно съ Плутоновымъ псомъ, ибо угрызенїе его было смертоносно. Сїе мнѣнїе соединилось съ другимъ, которому такъ же вѣрили, что пещера сїя служила входомъ во мрачное царство Плутоново и что въ оное вели подземные ходы, которыхъ отверстїй во время пребыванїя нашего въ сей пещерѣ видѣть мы не могли.

Вы видите, сказалъ намъ жрецъ, одно изъ жерлъ ада. Сему подобные находятся въ различныхъ мѣстахъ, какъ-то въ Арголидѣ, въ городѣ Эрмїонѣ, въ Ираклїи на берегахъ Понта, въ Аорнѣ что въ Эпирѣ, въ Кумахъ близь Неаполя; но не смотря на молву ныхъ народовъ, мы утверждаемъ, что

чрезъ сїю пещеру Ираклъ извелъ Цербера, а Орфей свою супругу.

Сїи преданія не столько должны возбудить ваше любопытство, сколько обыкновенїе, о которомъ вамъ разскажу. Сей пещерѣ даны преимущества, коими пользуются и многїе другїе города; наши гадатели приходятъ въ оную, для вызыванїя спокойныхъ тѣней умершихъ, или для прогнанїя въ нѣдро ада тѣхъ, кои возмущаютъ спокойствїе живущихъ. Священные обряды производятъ сїе чудное дѣйствїе. Съ начала употребляются для сего жертвоприношенїя возлїянїе въ честь боговъ, молитвы, таинственныя выраженїя: потомъ надлежитъ проводить ночь во храмѣ; и тогда непремѣнно явится во снѣ тѣнь, которую видѣть желали.

Наипаче стараются о смягченїи гнѣва тѣхъ душъ, которыя отдѣлены были отъ тѣлъ своихъ мечемъ или ядомъ. Для сего то приходилъ сюда нѣкогда Каллондъ по приказанїю Пиѳїи, дабы смягчить раздраженную тѣнь поэта Архилоха, котораго онъ лишилъ жизни. Я разскажу вамъ новѣйшее происшествїе. Павзанїй, предводитель-

ствовавшій Греческими войсками на Платейскомъ сраженіи, ошибкою пронзилъ кинжаломъ грудь Кліонисы, въ которую онъ былъ влюбленъ: воспоминаніе о семъ безпрестанно его терзало; она каждую ночь являлась ему въ сновидѣніи, и произносила слѣдующія ужасныя слова: *казнь тебя ожидаетъ.* Онъ пошелъ въ Понтійскую Ираклію, гдѣ гадатели проводили его къ пещерѣ, въ которой вызываютъ они тѣни: тѣнь Кліонисы предстала ему, и предсказала, что всѣ его страданія кончатся въ Лакедемонѣ: онъ тотчасъ туда отправился; и будучи обвиненъ въ преступленіи, скрылся въ небольшомъ домѣ, въ которомъ лишенъ былъ всѣхъ средствъ къ поддержанію своей жизни. Послѣ сего пронесся слухъ, что стенанія тѣни его слышны были въ мѣстахъ священныхъ, для чего призвали гадателей Ѳессалійскихъ, которые смягчили ее обрядами, отправляемыми въ подобныхъ сему случаяхъ. Я разсказываю сіи чудеса, но не ручаюсь въ истиннѣ оныхъ. Можетъ быть Греки, не въ состояніи будучи внушить чрезвычайнаго ужаса противу человѣкоубійства, по благоразумію своему

утверждали, что внутреннее смятенїе, коимЪ сопровождается преступленїе, есть вопль тѣней, преслѣдующихЪ преступниковЪ.

Я не знаю, сказалЪ тогда ФилотЪ, до какой степени должно просвѣщать народЪ; но по крайней мѣрѣ надлежитЪ его оградить отЪ чрезмѣрныхЪ заблужденїй. Несчастный опытЪ доказалЪ ѲессалїйцамЪ истинну сего вЪ послѣднемЪ вѣкѣ. Войско ихЪ стояло вЪ виду войска ѲокїанЪ, которые во время нарочито свѣтлой ночи, отправили вЪ непріятельской станЪ шесть сотЪ человѣкЪ, обмазанныхЪ известковымЪ растворомЪ: сколь ни груба была сїя хитрость, Ѳессалїйцы, приученные сЪ малолѣтства вѣрить привидѣнїямЪ, почли сихЪ воиновЪ небесными духами, пришедшими на помощь ѲокїанамЪ; послѣ самаго слабаго сопротивленїя попустили они себя убивать, какЪ несчастную жертву.

Таковый обманЪ, отвѣтствовалЪ жрецЪ, произвелЪ нѣкогда подобное сему дѣйствїе вЪ нашемЪ войскѣ. Когда стояло оно вЪ Мессенїи, то показалось ему, будто видитЪ Кастора и Поллукса, пришедшихЪ

украсить торжество, которое отправляемо было въ честь сихъ полубоговъ. Два юные Мессенянина, отличной красоты, явилися въ ихъ станѣ на величавыхъ коняхъ; копья ихъ были устремлены къ пораженїю; одежда на нихъ была бѣлая, и рамена покрыты багрянымъ плащемъ; на остроконечныхъ ихъ шлемахъ блистало по звѣздѣ, словомъ, они явились таковыми, каковыми представляютъ обоготворяемыхъ нами двухъ ироевъ. Вошедъ въ средину стана, и сдѣлавъ нападенїе на воиновъ, повергшихся предъ ними, нещадно оныхъ убивали, послѣ чего спокойно удалились. Боги, раздраженные симъ коварствомъ, вскорѣ ознаменовали гнѣвъ свой надъ Мессенянами.

Вы дерзаете говорить о коварствѣ, отвѣчалъ я ему, вы несправедливѣйшїе изъ смертныхъ, и омраченные всѣми злодѣянїями, кои производитъ честолюбїе? Мнѣ превозносили похвалами законы ваши; а войны, кои вы вели въ Мессенїи, пребудутъ незагладимымъ пятномъ для вашего народа. Но вѣрно ли тебѣ объ оныхъ разсказывали? отвѣчалъ онъ. Если сїе такъ, то въ

первой еще разъ побѣжденные народы отдали справедливость побѣдителямъ. Удостой меня, хотя на короткое время, твоимъ вниманїемъ.

Когда Ираклиды возвратились въ Пелопонисъ, то Кресфонтъ возшелъ хитростїю на престолъ Мессенскїй: вскорѣ по томъ онъ былъ убитъ, и дѣти его, ушедшїе въ Лакедемонъ, уступили намъ права свои, на оставленное имъ отъ отца наслѣдїе. Сїе уступленїе учинено было законнымъ по отвѣту Дельфїйскаго прорицалища, но мы долгое время и не думали объявлять правъ сихъ.

Въ царствованїе Телекла послали мы, по обыкновенїю, нѣсколькихъ дѣвъ, подъ руководствомъ сего государя, для жертвоприношенїй во храмѣ Дїаны Лимнатидской, находящемся на предѣлахъ Мессенїи и Лаконїи. Онѣ, поруганы будучи юными Мессенянами, лишили себя жизни, не желая пережить своего безчестїя. Самъ царь, защищая ихъ, погибъ. Мессеняне, дабы оправдать сей гнусный поступокъ, прибѣгли къ нелѣпымъ предположенїямъ; и Лакедемонъ снесъ сїе поруганїе, дабы не нарушить

мира. Когда же новыя оскорбленія истощили его великодушіе, то онъ, объявивъ древнія права свои, началъ непріятельскія дѣйствія. Война сія начата была паче по честолюбію, нежели изъ мщенія. Ты самъ о семъ судить можешь по клятвѣ, обязавшей юныхъ Спартанцевъ, дотолѣ не возвращаться въ отечество, доколѣ не покорятъ Мессеніи, и по той ревности, съ каковою самыя престарѣлые участвовали въ скорѣйшемъ исполненіи сего предпріятія.

По окончаніи первой войны, законы Греціи давали намъ право учинить побѣжденныхъ рабами нашими; но мы удовольствовались тѣмъ, что наложили на нихъ дань. Частыя возмущенія, производимыя ими въ области нашей, принудили насъ по окончаніи второй войны, наложить на нихъ оковы, а по окончаніи третьей, удалить ихъ отъ нашихъ предѣловъ. Поведеніе наше показалось толико согласнымъ съ общественнымъ правомъ народовъ, что во время договоровъ, кои чинимы были до сраженія при Левктрахъ, ни Греки, ни Персы, не предлагали намъ о дарованіи свободы Мессенянамъ. А поелику я служи-

тель только мира, то всегда сожалѣю объ отечествѣ моемъ, когда оно находитъ себя принужденнымъ къ подъятїю оружїя; и обвиняю его, когда оно поступаетъ неправосудно. При началѣ войны, трепещу я, помышляя о тѣхъ жестокостяхъ, каковыя чинить должны подобные мнѣ человѣки, и вопрошаю, почто они столь люты. Но сїя тайна извѣстна однимъ богамъ; мы должны чтить ихъ, и хранить молчанїе.

Мы оставили Тенаръ, осмотрѣвъ прежде въ окрестностяхъ находящїеся каменоломни, изъ которыхъ добывается черный камень, доброшою мармору не уступающїй. Мы отправились въ Гифїумъ, городъ обнесенный стѣнами и весьма крѣпкїй; онъ имѣетъ превосходную пристань, вмѣщающую всѣ флоты Лакедемонскїе, и снабженную всѣмъ тѣмъ, что нужно для содержанїя оныхъ. Пристань сїя отстоитъ отъ города на тридцать стадїй.

Бытописанїе Лакедемонское толико прославило небольшой округъ, ими обитаемый, что мы осматривали наималѣйшїя селенїя и города, какъ въ окрестностяхъ озера Лаконскаго лежащїе, такъ

и тѣ, кои находятся далѣе внутрь сей земли. Вездѣ показывали намъ храмы, истуканы, столпы, и другїе памятники, изъ коихъ большая часть была грубой работы, прочїя же почтенны своею древностїю. Въ гимназїи Асона удивлялись мы человѣческимъ костямъ чрезвычайной величины (*).

Возвратясь на берега Эврота, поѣхали мы къ его вершинамъ; съ начала путь нашъ лежалъ чрезъ долину, имъ орошаемую, а потомъ продолжали мы оный по равнинѣ, до самаго Лакедемона простирающейся; по правую сторону протекала помянутая рѣка, на лѣвой была гора Тайгетъ, у подошвы которыя сама природа ископала въ скалахъ множество огромныхъ пещеръ.

Во Вризеяхъ видѣли мы храмъ Вакха, въ которой возбраненъ входъ мущинамъ; однѣ только женщины имѣютъ право отправлять жертвоприношенїя, и нѣкоторые обряды, кои должны онѣ содержать въ тайнѣ. Прежде сего, видѣли мы въ Лаконїи городъ, въ которомъ женскїй полъ не

(*) Павзанїй Книга 3. глава 22. стр. 265.

участвуетъ въ жертвахъ, приносимыхъ богу Марсу. Изъ Вризей показывали намъ, на вершинѣ близь лежащей горы, мѣсто, называемое Талетъ, гдѣ между прочими животными приносятъ и коней въ жертву солнцу. Далѣе, жители небольшаго селенія славятся изобрѣтеніемъ жерновыхъ камней, для молонія муки.

Вскорѣ предсталъ взорамъ нашимъ городъ Амиклея, лежащій на правомъ берегу Эврота, и близь двадцати стадій отъ Лакедемона отстоящій. Мы видѣли, при входѣ въ оный, на столпѣ истуканъ бойца, который, получа на играхъ Олимпійскихъ вѣнецъ, побѣдителямъ опредѣленный, черезъ минуту умеръ; вокругъ находится нѣсколько треножниковъ, которые посвятили Лакедемоняне разнымъ божествамъ за побѣды, одержанныя ими надъ Аѳинянами и жителями Мессеніи.

Намъ хотѣлось нетерпѣливо видѣть храмъ Аполлоновъ славнѣйшій во всей Греціи. Истуканъ сего бога, въ вышину около тридцати локтей имѣющій, грубой работы, и отъ части Египетскаго вкуса. Онъ похожъ на бронзовой столпъ,

на вершинѣ котораго поставлена голова, покрытая шлемомъ, и къ коему придѣланы двѣ руки, вооруженныя лукомъ и копьемъ, и двѣ ноги, которыхъ видны однѣ только ступни. Сей памятникъ весьма древенъ; въ послѣдствіи времени, художникъ, по имени Ваѳиклъ, поставилъ его на основаніи, имѣющемъ видъ жертвенника, и стоящемъ по среди престола, поддерживаемаго Часами и Граціями. Тотъ же самый художникъ украсилъ стороны жертвенника и всѣ части престола выпуклыми изваяніями, которыя толь великое множество представляютъ изображеній, что не льзя ихъ всѣхъ описать не наведя жестокой скуки.

Во храмѣ служатъ жрицы, изъ коихъ главная называется матерью. По смерти сей главной жрицы, высѣкается на мраморѣ ея имя и лѣта ея священнослуженія. Намъ показывали доски, на коихъ написаны знаменитыя событія, драгоцѣнныя для лѣтосчисленія, и мы прочли на оныхъ имя Лаодаміи, дочери Амикла, которой царствовалъ въ сей землѣ болѣе нежели за тысячу лѣтъ назадъ. Другія надписи, хранимыя въ храмѣ, дабы придать имъ болѣе важно-

сти, содержатЪ договоры, различными народами между собою заключенные: многія узаконенія какЪ относительно духовныхЪ обрядовЪ, такЪ и военныхЪ походовЪ; обѣты богу Аполлону, учиненные царями или частными людьми.

Не подалеку отЪ храма Аполлонова, находится другой, имѣющій вЪ длину не болѣе семнадцати, а вЪ ширину десяти сЪ половиною стопЪ. Пять большихЪ обдѣланныхЪ камней чернаго цвѣта, толщиною вЪ пять стопЪ, составляютЪ четыре стѣны и крышку, на которой находятся еще два камня одинЪ на другомЪ сЪ уступами. Зданіе сіе имѣетЪ три ступени, кои изЪ цѣльнаго состоятЪ камня. НадЪ дверьми высѣчены весьма древними буквами слѣдующія слова: ЭВРОТЪ, ЦАРЬ ИКТЕВРАТОВЪ, ОНГѢ. Сей государь жилЪ около трехЪ сотЪ лѣтЪ до войны Троянской. Имя ИктевратовЪ знаменуетЪ древнихЪ обитателей Лаконіи, а имя Онги божество Финикійское или Египетское, которое по мнѣнію нѣкоторыхЪ, есть то же, что у грековЪ Минерва. Сіе зданіе, о которомЪ воспоминали мы многократно путешествуя по Египту, нѣсколькими вѣками

старѣе наидревнѣйшихъ Греческихъ зданій. Разсматривая нѣсколько времени съ удивленіемъ его простоту и крѣпость, впали мы въ нѣкоторой родъ самозабвенія или задумчивости, въ причину которыя старалися мы проникнуть. Возбуждаемое въ насъ воззрѣніемъ на сей храмъ чувствованіе, сказалъ Филотъ, происходитъ отъ удивленія: мы обращаемся мыслію на множество вѣковъ, протекшихъ со времени построенія сего храма, съ удивленіемъ равнымъ тому, съ которымъ, пришедъ къ подошвѣ горы, не рѣдко измѣряли мы глазами нашими страшную ея вышину: пространство времени производитъ то же самое дѣйствіе, какое и пространство мѣста. Однако же, отвѣчалъ я, первое оставляетъ въ душахъ нашихъ впечатлѣніе унынія, каковаго мы никогда не ощущали при воззрѣніи на послѣднее; поелику въ самомъ дѣлѣ насъ болѣе привлекаетъ древность, нежели величіе. А всѣ сіи древнія развалины суть трофеи всеистребляющаго времени; они противъ воли обращаютъ вниманіе наше на непостоянство дѣлъ человѣческихъ. Здѣсь на примѣръ, надпись представила

намъ имя такого народа, котораго ни ты, ни я совсѣмъ не знаемъ; онъ изчезъ, и сей малый храмъ есть единственный свидѣтель его бытія, единственный остатокъ отъ его паденія.

Приятные луга, величественныя древа, украшаютъ окрестности Амиклеи; плоды тамъ изящны. Страна сія есть прелестное обиталище; она нарочито населена, и почти безпрестанно наполнена бываетъ иностранцами, привлекаемыми красотою торжествъ или набожностію. Мы оставили ее и отправились въ Лакедемонъ.

Тамъ остановились мы у Дамонакса, котораго просилъ Ксенофонтъ, принять насъ дружественно. Дамонаксъ вручилъ Филоту письма, побудившія его отправиться въ Афины. О Лакедемонѣ буду я говорить, подавъ уже общее понятіе о всей сей странѣ.

Лаконія съ востока и юга окружена моремъ, съ запада же и сѣвера высокими горами, или холмами, составляющими продолженіе оныхъ; между оными находятся приятныя долины. Западныя горы называются Тайгетскими. Съ вершинъ нѣкоторыхъ изъ сихъ горъ, надъ облаками воз-

дымающихся, можно объять взоромЪ весь ПелопонисЪ. Почти во всемЪ своемЪ пространствѣ покрыты онѣ лѣсами и служатЪ убѣжищемЪ великому множеству дикихЪ козЪ, медвѣдей, вепрей, и оленей.

Природа, какЪ будто бы особенное находившая удовольствіе размножать вЪ сихЪ мѣстахЪ оныхЪ животныхЪ, кажется нарочно сохранила тамЪ, для ихЪ истребленія, отличныя породы псовЪ, которыхЪ всякой народЪ преимущественно развести старался, и которые особливо употреблялись на травлю вепрей; они легки, проворны, пылки и одарены отмѣннымЪ чутьемЪ. Гончіе псы имѣютЪ сіи преимущества вЪ высочайшей степени; но онѣ одарены еще другимЪ: живутЪ они обыкновенно лѣтЪ пó двѣнадцати; самцы же рѣдко долѣе десяти. Дабы получить отЪ нихЪ приплодЪ смѣлѣе и горячѣе, случаютЪ ихЪ сЪ большими вислорылыми псами. УтверждаютЪ, будто онѣ сами по себѣ совокупляются сЪ лисицами, и производятЪ сЪ ними псовЪ слабыхЪ, безобразныхЪ, короткошерстныхЪ, острорылыхЪ и во всемЪ хуже другихЪ.

Между Лаконскими псами, черные съ бѣлыми отличаются своею красотою, рыжїе понятливостью, Касториды и Менелаиды названїями, полученными отъ Кастора и Менелая, которые старались о размноженїи сихъ породъ: ибо травля звѣрей была забавою древнихъ ироевъ, съ тѣхъ поръ когда престала быть для нихъ необходимостью. Съ начала надлежало защищаться отъ звѣрей опасныхъ своею лютостью, которыхъ вскорѣ прогнали въ необитаемыя страны. Обезопасивъ себя отъ оныхъ, вмѣсто того, чтобы пребыть въ праздности, старались они возбудить противу себя новыхъ неприятелей, дабы имѣть удовольствїе съ ними сражаться; начали проливать кровь невинной горлицы, и наконецъ охота признана образомъ войны.

Лаконїя съ матерой земли почти неприступна; въ нее не иначе можно пробиться, какъ чрезъ утесистые холмы и ущелїя горъ, кои защищать не трудно. Близь Лакедемона, равнина становится обширна, а къ полудню, находятся плодоносные округи, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обработыванїе земли требуетъ великихъ тру-

довѣ, ибо оная не вездѣ равна. На равнинѣ находятся, вѣ нѣкоторомѣ другѣ отѣ друга разстоянiи, холмы, произведенные руками человѣческими; они чаще встрѣчаются вѣ сей странѣ, нежели вѣ сопредѣльныхѣ областяхѣ, и содѣланы были до изобрѣтенiя художествѣ; они служили гробницами главнымѣ начальникамѣ народа. По видимому, таковыя насыпи, на то же опредѣленныя, замѣнены потомѣ вѣ Египтѣ пирамидами; такимѣ образомѣ во всѣхѣ мѣстахѣ и во всѣхѣ вѣкахѣ, гордыня человѣческая сама собою сопрягалась сѣ ничтожествомѣ.

Что касается до произведенiй Лаконiи, должно замѣтить, что вѣ ней находится великое множество врачебныхѣ травѣ; тамѣ родится хлѣбѣ легкiй, малопитательный; смоковницы поливать должно часто, ибо сiе ни малѣйшаго не дѣлаетѣ вреда плоду; смоквы поспѣваютѣ тамѣ ранѣе, нежели вѣ другихѣ мѣстахѣ; наконецѣ сказать должно, что при всѣхѣ берегахѣ Лаконiи, такѣ же какѣ при берегахѣ Киѳерскихѣ, производится изобильная ловля раковинѣ, доставляющихѣ багряную краску, подходящую нѣсколько кѣ розовому цвѣту.

Въ Лаконіи частыя бываютъ землетрясенія. Утверждаютъ, будто въ ней находилось прежде сто городовъ; но сіе было въ такое время, въ которое наималѣйшее селеніе присвоивало себѣ сіе названіе: мы можемъ только сказать, что страна сія весьма населена. Рѣка Эвротъ протекаетъ по всему ея пространству, и принимаетъ въ себя ручьи или лучше сказать потоки, съ окрестныхъ горъ ниспадающія. Большую часть года, не льзя оную переходить въ бродъ. Русло имѣетъ она во всемъ своемъ теченіи узкое; она наипаче извѣстна тѣмъ, что въ самую высокую воду болѣе имѣетъ глубины, нежели ширины.

Въ нѣкоторое время въ году, бываетъ она покрыта множествомъ лебедей, ослѣпляющей бѣлизны, и вездѣ поросла тростникомъ, которой весьма уважается; ибо онъ прямъ, высокъ и при томъ различнаго цвѣта. Кромѣ иныхъ употребленій сего растенія, Лакедемоняне дѣлаютъ изъ него цѣновки, и плетутъ вѣнки, коими украшаются въ извѣстные дни. При семъ случаѣ воспоминаю я, что нѣкоторый Аѳинянинъ, порицая однажды тщеславіе человѣ-

ческое, сказалЪ мнѣ, что кЪ покоренію, кЪ просвѣщенію и укрощенію человѣковЪ нуженЪ былЪ токмо слабый тростникЪ. Я просилЪ его объяснить мнѣ мысль сію; онЪ присовокупилЪ: изЪ сего слабаго вещества дѣлали стрѣлы, перья для письма и мусикійскія орудія.

На правой сторонѣ Эврота вЪ маломЪ разстояніи отЪ берега находится городЪ ЛакедемонЪ, иначе Спартою называемый. ОнЪ не окруженЪ стѣнами; единою защитою служитЪ ему мужество его жителей, и нѣсколько холмовЪ, на которые собирается войско вЪ случаѣ непріятельскаго нападенія. Самый высочайшій изЪ оныхЪ занимаетЪ мѣсто городскаго замка; онЪ оканчивается пространною площадкою, на которой возвышается нѣсколько священныхЪ зданій.

ВокругЪ сего холма находится пять мѣстечекЪ вЪ различномЪ одно отЪ другаго разстояніи; каждое изЪ оныхЪ обитаемо однимЪ изЪ пяти колѣнЪ СпартанскихЪ. ТаковЪ городЪ ЛакедемонЪ, коего части не соединены между собою, какЪ вЪ АѳинахЪ. Прежде сего города Пелопонис-

скіе состояли равномѣрно изъ хижинъ, которыя потомъ совокупили во едино, окруживъ ихъ общею оградою.

Большая городская площадь, въ которую сходится нѣсколько улицъ, украшена храмами и истуканами: между ими находятся также зданія, въ которыхъ собирается Сенатъ, Эфоры, и другія судебныя сословія; и крытый переходъ (портикъ), построенный Лакедемонянами послѣ сраженія при Платеѣ на иждивеніе побѣжденныхъ, коихъ добычу они между собою раздѣлили: кровля стоитъ не на столпахъ, но поддерживаема четырью огромными истуканами, изображающими Персовъ въ длинныхъ одеждахъ. Остальная часть города представляетъ также взору множество памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь богамъ и древнимъ ироямъ.

На самомъ высочайшемъ изъ помянутыхъ холмовъ видѣнъ храмъ Минервинъ, который служитъ убѣжищемъ преступникамъ, равномѣрно какъ и окружающая его роща, и небольшой домъ, къ сему храму принадлежащій, въ которомъ царь Павсаній принужденъ былъ умереть съ голоду. Симъ

поступкомъ раздражена была богиня яко преступленіемъ, и для укрощенія ея гнѣва прорицалище повелѣло Лакедемонянамъ воздвигнуть сему государю два истукана, которые еще и понынѣ видны близь олтаря. Храмъ воздвигнутъ изъ мѣди, каково было до того и Дельфійское капище. Во внутренности его изображены на выпуклостяхъ подвиги Иракловы, славныя дѣянія Тиндаридовъ и еще нѣкоторыя купы (группы) различныхъ видовъ. По правую сторону сего зданія, находится истуканъ Юпитера, можетъ быть древнѣйшій изъ всѣхъ сдѣланныхъ изъ бронзы; онъ изваянъ былъ во время, соотвѣтствующее возстановленію Олимпійскихъ игръ, и состоитъ изъ разныхъ частей, соединенныхъ между собою гвоздями.

Гробницы обоихъ владычествующихъ въ Лакедемонѣ царскихъ домовъ находятся въ различныхъ частяхъ города. Вездѣ видны ироическіе памятники: такъ называются зданія и отдѣленныя рощи, древнимъ ироямъ посвященныя. Въ сихъ-то мѣстахъ возобновляется со священными обрядами память Иракла, Тиндара, Кастора, Поллу-

кса, Менелая и множества другихъ ироевъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ бытописанiи и достойныхъ быть извѣстными. Благодарность народовъ, а и того чаще отвѣты прорицалищъ доставили имъ сiи отличiя; но храмъ Ликургу воздвигнутъ былъ по самымъ благороднѣйшимъ побужденiямъ.

Таковыя почести рѣже были оказываемы въ послѣдствiи времени. Я видѣлъ столпы и истуканы, воздвигнутые въ честь Спартанъ, кои учинились побѣдителями на Олимпiйскихъ играхъ, но никогда не воздвигали оныхъ для побѣдителей враговъ отечества. Истуканы нужны бойцамъ, общенародное почтенiе воинамъ. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои въ послѣднемъ столѣтiи отличились противу Персовъ и Аѳинянъ, четверо или пятеро удостоены были въ городѣ особливыхъ почестей погребенiя; даже вѣроятно, что сiя почесть оказана имъ была съ великимъ трудомъ. Ибо уже сорокъ лѣтъ спустя по смерти Леонида кости его, по принесенiи оныхъ въ Лакедемонъ, положены были въ гробницу, которая находится подлѣ ѳеатра. Въ сiе же

самое время написаны были въ первой разъ на столпѣ имена трехъ сотъ Спартанъ, погибшихъ вмѣстѣ съ симъ великимъ мужемъ.

Большая часть упомянутыхъ мною памятниковъ внушаютъ тѣмъ живѣйшее уваженіе, что не представляютъ ничего роскошнаго и почти всѣ грубой работы. Въ другихъ мѣстахъ примѣчалъ я, что все мое удивленіе обращено было на единаго токмо художника; въ Лакедемонѣ устремлялось оно на единаго токмо ироя: камень достаточенъ былъ для приведенія мнѣ онаго на память; но воспоминаніе сіе сопровождаемо было блестящимъ представленіемъ его добродѣтелей или побѣдъ.

Домы въ Лакедемонѣ малы и безъ всякаго украшенія. Тамъ выстроены залы и портики, въ которыхъ собираются Лакедемоняне, для разсужденія о дѣлахъ своихъ, или для простыхъ разговоровъ. Въ восточной части города находится Ипподромъ для конскаго ристанія и для бѣганья пѣшихъ. Изъ онаго входятъ въ мѣсто, называемое Платаниста, гдѣ усовершается юношество въ разныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; оно осѣняемо прекрас-

ными чинаровыми деревьями, и находится на берегахъ рѣки Эврота и небольшой рѣчки, соединенныхъ протокомъ, кои со всѣхъ сторонъ мѣсто сїе окружаютъ. На оное ведутъ два моста, изъ которыхъ при одномъ стоитъ истуканъ Иракла, или силы всепобѣждающей; при входѣ на другой мостъ изображенїе Ликурга, или закона, все въ порядокъ приводящаго.

По сему слабому начертанїю можно разсудить о чрезвычайномъ удивленїи, каковое бы почувствовалъ любитель художествъ, который, привлеченъ будучи въ Лакедемонъ великою славою его жителей, нашелъ бы въ ономъ, вмѣсто великолѣпнаго града, нѣсколько бѣдныхъ деревушекъ; вмѣсто красивыхъ зданїй, темныя хижины; вмѣсто пылкихъ и буйныхъ воиновъ, людей спокойныхъ и покрытыхъ обыкновенно грубымъ плащемъ. Но колико бы увеличилось его удивленїе, когда, познавъ лучше Спарту, узрѣлъ бы онъ въ оной съ душевнымъ восторгомъ одного изъ величайшихъ человѣковъ въ мїрѣ, одно изъ самыхъ изящныхъ творенїй человѣческихъ: Ликурга и его законы!

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

О Жителяхъ Лаконіи.

Потомки Иракловы подкрѣплены будучи частію войска Дорійскаго, и овладѣвъ Лаконіею, жили безъ всякаго различія съ прежними обитателями сей страны. Вскорѣ потомъ наложили они на нихъ дань и лишили части тѣхъ правъ, которыя они прежде имѣли. Города, согласившіеся на сіе распоряженіе, остались вольными: одинъ только Элосъ оказалъ сопротивленіе; но принужденъ будучи вскорѣ уступить, узрѣлъ гражданъ своихъ приведенныхъ въ рабство.

Между жителями Спарты равномѣрно произошло несогласіе; и сильнѣйшія изъ нихъ выгнали слабѣйшихъ въ поля или въ окрестные города. Понынѣ еще различаютъ Лакедемонянъ, живущихъ въ столицѣ отъ тѣхъ, которые живутъ внѣ оной, а тѣхъ и другихъ отъ великаго числа рабовъ, въ сей странѣ разсѣянныхъ.

Первые, которыхъ мы часто называемъ Спартанцами, составляютъ то силь-

ное войско, отъ коего зависитъ судьба Лаконіи. Число ихъ, какъ говорятъ, простиралось древлѣ до десяти тысячъ; во время же похода Ксерксова было ихъ только восемь тысячъ: а въ послѣднія войны число сіе столько уменьшилось, что нынѣ весьма мало находится древнихъ Спартанскихъ родовъ. Мнѣ случалось иногда видѣть на площади городской до четырехъ тысячъ человѣкъ, въ которомъ числѣ едва находилось сорокъ Спартанцевъ, полагая въ оное двухъ царей, эфоровъ и сенаторовъ.

Большая часть новыхъ родовъ произошла отъ Илотовъ, или рабовъ, которые отпущены бывъ сначала на волю, заслужили наконецъ званіе гражданина. Ихъ не именуютъ Спартанцами, но по различію пріобрѣтенныхъ ими преимуществъ прилагаютъ имъ названія, кои всѣ означаютъ первобытное ихъ состояніе.

Три великіе мужа, Каликратидъ, Гилиппъ и Лизандръ, произшедшіе отъ сего состоянія людей, были воспитываемы съ дѣтьми Спартанцевъ, какъ и дѣти всѣхъ Илотовъ отпущенныхъ на волю; но славны-

ми только подвигами заслужили они права гражданъ.

Сїе названїе рѣдко прежде давалось тѣмъ, которые произошли не отъ Спартанца и Спартанки; для начальства надъ войскомъ и для приобрѣтенїя судейскаго мѣста необходимо нужно сїе титло; но естьли гражданинъ помрачитъ оное какимъ нибудь безчестнымъ дѣломъ, то теряетъ часть своихъ преимуществъ. Правительство печется вообще о благосостоянїи всѣхъ имѣющихъ права гражданства; но особливое прилагаетъ старанїе о сохраненїи дней природныхъ Спартанцевъ. Однажды правительство Спартанское для освобожденїя нѣсколькихъ изъ сихъ гражданъ съ одного острова, на коемъ Аѳинскїй флотъ держалъ ихъ въ осадѣ, просило у Аѳинянъ постыднаго мира, и пожертвовало всѣми своими кораблями; еще и по сихъ поръ малое только число сихъ избранныхъ гражданъ подвергаютъ неприятельскимъ ударамъ. Въ последнїе годы цари Агезилай и Агезиполисъ во время походовъ не болѣе тридцати имѣли ихъ въ своемъ войскѣ.

Не смотря на лишенїе прежнихъ сво-

ихъ правъ, города Лаконіи почитаются союзными. Цѣль сего соединенія есть совокупленіе силъ во время войны и поддержаніе правъ во время мира. Когда дѣло идетъ о пользѣ цѣлаго народа, каждый городъ отправляетъ посланниковъ въ общее собраніе, которое всегда бываетъ въ Спартѣ. Тамъ назначаютъ число податей, кои заплатить долженъ всякій городъ, и число выставляемыхъ имъ войскъ.

Жители ихъ воспитываются иначе, нежели жители столицы: нравы ихъ, будучи гораздо грубѣе, не позволяютъ имъ имѣть толь блестящаго мужества. Отъ того происходитъ, что городъ Спарта имѣетъ надъ прочими столько же власти, сколько Елисъ надъ Городами Елиды, а городъ Ѳивы надъ Віотійскими. Сіе преимущество питаетъ въ нихъ зависть и ненависть: во время одного похода Эпаминонда многіе воины сихъ городовъ соединились съ Ѳивянами.

Ни въ которомъ Греческомъ городѣ не находится столько домашнихъ рабовъ, сколько ихъ въ Лакедемонѣ. Они служатъ господамъ своимъ во время стола, одѣваютъ и

раздѣваютъ ихъ, исполняютъ всѣ ихъ приказанія и содержатъ въ домѣ чистоту; въ войскѣ великое оныхъ число бываетъ при обозѣ. Поелику Лакедемонскія женщины не должны заниматься никакою работою, то заставляютъ своихъ служанокъ прясть волну.

Илоты получили названіе свое отъ города Елоса: ихъ не должно смѣшивать, какъ то учинили нѣкоторые писатели, съ рабами собственно такъ называемыми. Они составляютъ среднее состояніе между послѣдними и вольными людьми. Илоты.

Короткое полукафтанье, кожаная шапка, жестокіе съ ними поступки, а часто и смертная казнь за самое легкое подозрѣніе, заставляютъ ихъ безпрестанно помнить свое состояніе: но не смотря на сей несчастной жребій, даны имъ истинныя преимущества. Подобно рабамъ Ѳессалійскимъ, могутъ они брать на откупъ земли Спартанцевъ; а дабы привязать ихъ къ себѣ приманкою корысти, отъ нихъ требуютъ только платы съ давнихъ временъ опредѣленной и нимало несоразмѣрной доходу приносимому землею; ниодинъ владѣлецъ

не смѣетъ безъ стыда требовать съ нихъ болѣе положеннаго.

Нѣкоторые изъ нихъ упражняются въ ремеслахъ съ толикимъ успѣхомъ, что Лакедемонскіе ключи, кровати, столы и стулья почитаются наилучшими. Во флотѣ употребляются они какъ корабельные служители, а въ сухопутномъ войскѣ каждый *Оллитъ*, или воинъ тяжело вооруженный, имѣетъ при себѣ одного или нѣсколькихъ илотовъ. На Платейскомъ сраженіи у каждаго Спартанца было ихъ по семи.

Въ чрезвычайныхъ опасностяхъ возбуждаютъ въ нихъ ревность надеждою свободы; иногда за храбрыя дѣла давали вдругъ многимъ изъ нихъ свободу; токмо отъ правительства получаютъ они сіе благодѣяніе; ибо болѣе принадлежатъ оному, нежели тѣмъ гражданамъ, коихъ они землю обработываютъ; по тому симъ послѣднимъ запрещено освобождать ихъ изъ рабства, или продавать иностранцамъ. Отпущеніе на волю дѣлается торжественно: ихъ водятъ изъ одного храма въ другой, увѣнчанныхъ цвѣтами, при стеченіи множества зрителей; послѣ сего позволяется имъ изби-

рать себѣ мѣстопребыванїе. Новыя заслуги возводятъ ихъ на степень гражданства.

Приведенные въ рабство, негодуя съ начала на свои оковы, не рѣдко старались оныя разрывать; но возмущенїя происходили чаще съ того времени, когда Спартане, побѣжденные Мессенїянами, приведены были въ сїе постыдное состоянїе: кромѣ малаго числа вѣрныхъ рабовъ, всѣ прочїе, находясь какъ бы въ засадѣ посредѣ государства, употребляли въ пользу его бѣдствїя для овладѣнїя важнымъ мѣстомъ, или передавались къ непрїятелю. Правительство старалось удержать ихъ въ предѣлахъ должности награжденїями, но еще чаще чрезмѣрными жестокостями: разсказываютъ, что въ нѣкоторомъ случаѣ исчезло вдругъ двѣ тысячи рабовъ, оказавшихъ чрезвычайное мужество, и что никогда не могли узнать, какъ они погибли. Приводятъ такъ же и другїе примѣры варварства, толико же омерзительнаго, подавшаго случай къ слѣдующей пословицѣ: *Въ Спартѣ свобода безпредѣльна, равномѣрно какъ и рабство.*

Я никогда не былъ свидѣтелемъ сихъ поступковъ; но видѣлъ токмо, что Спар-

шанцы и илошы, преисполненые недовѣрчивосши, со сшрахомъ другъ за другомъ присмашривали, и первые, дабы засшавишь вшорыхъ себѣ повиновашься, употребляли жесшокосши, кошорыя по обсшояшельсшвамъ были необходимы; ибо съ илошами весьма шрудно управляшься; число ихъ, храбросшь, а особливо богашсшво исполняешъ ихъ надменносшію и дерзосшью; ошъ шого многіе просвѣщенные писашели несогласны были во мнѣніяхъ своихъ о семъ невольничесшвѣ, кошорое одни охуждали, а другіе похваляли.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТІЯ.

О Ликурговыхъ законахъ вообще.

Уже прошло нѣсколько дней послѣ прибышія моего въ Спаршу, но никшо не удивлялся, видя меня въ семъ городѣ; законъ, кошорой возбранялъ дошолѣ иносшранцамъ пріѣзжашь шуда, не былъ уже наблюдаемъ съ прежнею сшрогосшію. Меня предсшавили двумъ царямъ, кои въ шо время были на пресшолѣ; одинъ изъ нихъ, внукъ царя Клеомброша, погибшаго во время сра-

женія при Левктрахъ, назывался Клеоменомъ, другой же былъ Архидамъ, сынъ Агезилаевъ. Они оба были разумны: первый любилъ миръ, а другой только и дышалъ войною, и находился въ великой довѣренности у народа. Я зналъ того Анталкида, которой за тридцать лѣтъ предъ симъ заключилъ союзъ между Греціею и Персіею; но изъ всѣхъ Спартанцевъ Дамонаксъ, у котораго я жилъ, показался мнѣ самымъ обходительнымъ и самымъ просвѣщеннымъ. Онъ путешествовалъ, видѣлъ народы чуждые, и хорошо зналъ своихъ соотчичей.

Въ одинъ день, когда я мучилъ его множествомъ вопросовъ, онъ мнѣ сказалъ: разсуждать о законахъ нашихъ по нынѣшнимъ нравамъ есть то же, что судить о красотѣ зданія по кучѣ развалинъ; итакъ, отвѣтствовалъ я, представимъ себя пренесенными въ то время, когда законы сіи были во всей силѣ; думаешь ли ты, что тогда постигнемъ мы ихъ связь и свойство? Не уже ли мнишь, что легко оправдать будетъ чрезвычайныя и странныя постановленія, кои въ нихъ содержатся? Чти, сказалъ онъ мнѣ, творенія великаго ума,

коего намѣренія всегда новыя и глубокомысленныя, по тому только кажутся чрезвычайными, что намѣренія другихъ законодателей ограничены и боязливы. Они довольны были принаровленіемъ законовъ своихъ ко нравамъ народнымъ; Ликургъ же посредствомъ своихъ законовъ вложилъ въ народъ свой новую душу: первые удалились отъ природы, думая къ ней приближиться; послѣдній тѣмъ болѣе съ нею сближился, чѣмъ болѣе казался удаляющимся отъ оной.

Здоровое тѣло и свободный духъ, вотъ все то, что природа опредѣлила человѣку внѣ общества живущему къ его благополучію; вотъ преимущества, кои по мнѣнію Ликургову должны служить основаніемъ нашему благосостоянію. Изъ сего можешь уже ты понять, для чего не позволено прежде времени выдавать за мужъ дочерей нашихъ; для чего не воспитываютъ ихъ подъ сѣнію сельскаго крова, но подвергаютъ дѣйствію знойнаго солнца, пыли гимнастической, труднымъ тѣлеснымъ упражненіямъ; для чего заставляютъ ихъ бороться, бѣгать, управлять дротикомъ и бросать кружки

поелику онѣ должны раждать государству гражданъ сильныхъ и здоровыхъ, то напередъ самимъ надлежитъ приобрѣсти крѣпость тѣлесную, дабы сообщить оную дѣтямъ своимъ.

Сверьхъ сего понять можешь, для чего при самомъ рожденіи подвергаютъ младенцевъ всеобщему суду, и тѣхъ изъ нихъ, кои слабы или безобразны лишаютъ жизни. Чтобъ могли они сдѣлать для отечества, на чтобъ послужила имъ жизнь, ежели бы оставили имъ болѣзненное существованіе?

Начиная отъ самаго младенчества, беспрестанные труды и борьба, придаютъ тѣламъ нашимъ проворство, гибкость и силу. Строгая во всемъ умѣренность предупреждаетъ или изтребляетъ болѣзни, которымъ бы они могли быть подвержены. Вымышленныя нужды намъ неизвѣстны, а истиннымъ законы удовлетворяютъ. Мы переносимъ голодъ, жажду, страданіе и самую смерть, и смотримъ на всѣ сіи ужасные предметы съ тѣмъ равнодушіемъ, которому любомудріе тщетно подражать старается. Самыя строгія сек-

ты не столько презирали болѣзнь, сколько сыны Спарты.

Но сіи смертные, которымъ Ликургъ желаетъ возвратить дары природы, можетъ быть не долго оными наслаждаться станутъ: они скоро соединятся между собою; въ нихъ родятся страсти, и зданіе ихъ благополучія мгновенно обрушится. Но се торжество великаго ума! Ликургъ знаетъ, что одна сильная страсть, обуздываетъ всѣ прочія; онъ вперитъ въ души наши любовь къ отечеству, со всею ея силою, во всей полнотѣ, со всѣми ея восторгами, даже до изступленія. Сія любовь толико будетъ пламенна, толико сильна, что въ ней одной соединитъ онъ всѣ желанія и побужденія сердецъ нашихъ. Тогда во всемъ государствѣ будетъ единая воля и единый разумъ: въ самомъ дѣлѣ, когда въ насъ единое только находится чувство, то и не можетъ быть болѣе одного понятія.

Въ прочихъ странахъ Греціи дѣти свободнаго человѣка, препоручаются невольнику, или недостойному свободы. Но рабы, или наемники не могутъ воспитывать Спартанцевъ; само отечество отправ-

ляетъ у насъ важную сію должность. Въ первые годы жизни оставляетъ оно насъ въ рукахъ родительскихъ; но какъ скоро учинимся мы способны разсуждать, то объявляетъ торжественно права свои надъ нами. До сего мгновенія, священное имя отечества произносимо было въ присутствіи нашемъ, съ сильнѣйшими доказательствами любви и благоговѣнія; нынѣ взоры его насъ ищутъ и вездѣ за нами слѣдуютъ. Отъ его руки получаемъ мы одежду и пищу; по его желанію судьи и старцы присутствуютъ при нашихъ играхъ, безпокоятся о проступкахъ нашихъ, тщатся замѣчать сѣмена добродѣтели въ словахъ или дѣлахъ нашихъ, и наконецъ показываютъ намъ, нѣжнымъ своимъ соучастіемъ, во всемъ до насъ касающемся, что для государства нѣтъ ничего драгоцѣннѣе насъ, и что нынѣ будучи дѣтьми, долженствуемъ со временемъ служить ему утѣшеніемъ и славою.

Какъ возможно, чтобъ вниманіе, каковое имѣетъ къ намъ толико чтимое нами отечество, не учиняло сильнаго и постояннаго въ душахъ нашихъ впечатлѣнія.

Какъ не обожать законоположенїе, которое, сопрягая съ выгодами нашими высочайшую благость, соединенную съ высочайшимъ могуществомъ, столь благовременно вселяетъ въ души наши толь великое о самихъ себѣ мнѣнїе.

Отъ сего ревностнаго участїя, которое отечество въ насъ прїемлетъ, отъ сей нѣжной любви, которая къ нему въ сердцахъ нашихъ раждается, происходитъ естественно съ его стороны чрезвычайная строгость, а съ нашей непрекословное повиновенїе. Однако Ликургъ не удовольствовался тѣмъ, чтобы слѣдовать естественному порядку вещей, но и самыя чувствованїя наши подчинилъ правиламъ. Нигдѣ нѣтъ законовъ толико повелительныхъ и толь строго наблюдаемыхъ, нѣтъ судей менѣе снисходительныхъ и болѣе почитаемыхъ. Сїе счастливое согласїе необходимо нужное для содержанїя въ повиновенїи людей, коимъ съ младенчества внушаемо было презрѣнїе къ смерти, есть плодъ воспитанїя, состоящаго только въ томъ, чтобы научить повиноваться, и, естьли смѣю сказать, заключающаго въ себѣ законо-

искуство добродѣтели; оно-то научаетъ насъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ порядка, нѣтъ ни мужества, ни чести, ни свободы; и что порядокъ сей не иначе сохраняется, какъ владычествованіемъ надъ собственною своею волею. Во время сего воспитанія, наставленія, примѣры, трудныя пожертвованія, самыя малозначущія дѣйствія, словомъ, все совокупляется къ тому, чтобы довести насъ до сего самообладанія, которое столь трудно сохранить, сколь и приобрѣсти.

Мы находимся безпрестанно подъ надзираніемъ одного изъ главнѣйшихъ судей: естьли ему нужно хотя на единое мгновеніе отлучиться, то всякой гражданинъ можетъ заступить его мѣсто и быть нашимъ начальникомъ; вотъ сколь необходимо, чтобы воображеніе наше было поражаемо страхомъ, вперяемымъ властію!

Должности умножаются съ лѣтами; свойство наставленій соразмѣряется успѣхамъ разума, и раждающіяся страсти или укрощаются множествомъ тѣлесныхъ упражненій, или направляются искуснымъ образомъ къ предметамъ полезнымъ для

государства. Даже въ самое то время, когда онѣ начинаютъ дѣйствовать со всемъ неистовствомъ, то мы не иначе можемъ показываться въ обществѣ, какъ храня глубокое молчанїе, со скромностью, съ поникшимъ взоромъ, и съ сокрытыми подъ плащемъ руками; словомъ, въ положенїи и съ важностїю Египетскихъ жрецовъ, и какъ бы посвященные служенїю добродѣтели.

Любовь къ отечеству долженствуетъ внушить въ гражданъ духъ дружелюбїя; а желанїе ему нравиться, духъ соревнованїя. Тогда сїе дружелюбїе не можетъ быть возмущено бурями, разрушающими оное между другими народами. Ликургъ отвратилъ отъ насъ всѣ почти источники зависти, учинивъ все между Спартанцами общимъ и равнымъ.

Мы всякой день бываемъ приглашаемы къ общенародному столу, гдѣ царствуетъ благопристойность и умѣренность. Такимъ образомъ изгнаны изъ частныхъ домовъ нужда, излишество и пороки, отъ нихъ раждающїеся.

Мнѣ позволено, когда обстоятельства того потребуютъ, употреблять невольни-

ковъ, колесницы, лошадей, и словомъ, все, что принадлежитъ другому гражданину; и сей родъ *взаимноимущества* толико обширенъ, что простирается нѣкоторымъ образомъ на жену и дѣтей нашихъ. По сему, ежели между старикомъ и молодою женою бракъ безплоденъ, то первый обязанъ выбрать молодаго человѣка, какъ наружностїю, такъ и качествами ума отличнаго, съ которымъ долженъ онъ раздѣлить свое ложе, и усыновить плоды новаго сего брака; по сему же позволяется холостому человѣку, ежели желаетъ оставить по себѣ потомковъ, брать на время жену своего друга, дабы прижить съ нею дѣтей, которыхъ мужъ ее не долженъ отличать отъ своихъ собственныхъ, хотя и не обязанъ оставлять имъ своего наслѣдства. Съ другой стороны ежелибы сынъ мой осмѣливался мнѣ пожаловаться, что онъ былъ наказанъ постороннимъ человѣкомъ, я долженъ признать его виновнымъ, по тому что онъ заслужилъ наказанїе, и наказать его вновь; ибо симъ поступкомъ оказалъ онъ неповиновенїе къ родительской власти, раздѣленной безъ различїя между всѣми гражданами.

Лишивъ насъ собственности, которая бываетъ причиною толь многихъ несогласій между людьми, Ликургъ тѣмъ паче старался споспѣшествовать соревнованію; оно учинилось необходимымъ, ибо надлежало предупредить отвращеніе, которое могло произойти отъ союза чрезмѣру тѣснаго, надлежало чѣмъ либо занимать ту пустоту, которую изъятіе всѣхъ домашнихъ обязанностей оставляло въ душахъ нашихъ. Надлежало одушевить насъ во время войны, во время мира, во всякое мгновеніе жизни и во всякомъ возрастѣ.

Желаніе преимущества и власти надъ другими, толь рановременно въ юношествѣ раждающееся, почитается здѣсь сѣменемъ полезнаго соперничества. Три военные чиновника, назначенные судьями, избираютъ триста юношей отличнаго достоинства, составляютъ изъ нихъ особливой отдѣлъ и возвѣщаютъ всенародно о причинѣ ихъ выбора. Въ сіе мгновеніе тѣ, которые за выборомъ остались, соединяются между собою противу сего избранія, которое по ихъ мнѣнію покрываетъ ихъ стыдомъ. Тогда составляется въ государ-

ствѣ два общества, коего всѣ члены, надзирая безпрестанно другъ за другомъ, доносятъ судьямъ о погрѣшностяхъ ихъ противниковъ, и всенародно взаимно ополчаются стараясь превзойти другъ друга честными поступками и добродѣтелями; такимъ образомъ возносятся они превыше самихъ себя; одни для того, чтобы взойти на степень почести, другіе, чтобы на ономъ удержаться; по тому же позволено имъ другъ на друга нападать, и испытывать силы свои почти при всякой встрѣчѣ. Но сіи несогласія не имѣютъ никакихъ пагубныхъ слѣдствій: какъ скоро при таковомъ случаѣ примѣчена будетъ хотя малѣйшая ярость, то послѣдній изъ гражданъ можетъ прекратить оную единымъ словомъ; естьли же паче чаянія не захотятъ ему повиноваться, онъ влечетъ борющихся предъ судилище, которое тогда наказываетъ за гнѣвъ какъ за неповиновеніе законамъ.

Законы Ликурговы внушаютъ въ насъ нѣкоторый родъ равнодушія къ тѣмъ благамъ, коихъ пріобрѣтеніе болѣе причиняетъ прискорбія, нежели обладаніе оными удовольствія. Деньги наши всѣ мѣдныя; вели-

чина и вѣсъ ихъ обличатъ всякаго корыстолюбца, которой бы пожелалъ скрыть оныя отъ своихъ невольниковъ. Золото и серебро почитаемъ мы опаснѣйшимъ ядомъ для всякаго государства. Естьли бы частный человѣкъ сокрылъ оное въ своемъ домѣ, то не могъ бы онъ избѣжать ни безпрестанныхъ обысковъ, чинимыхъ общественными надзирателями, ни строгости законовъ. Мы не знаемъ ни художествъ ни торговли, ниже иныхъ средствъ, изобрѣтенныхъ для умноженія нуждъ и несчастій народныхъ. Сверьхъ оного къ чему служатъ намъ богатства? Другіе законодатели старались умножить ихъ обращеніе, а философы желали умѣрить употребленіе оныхъ: Ликургъ учинилъ ихъ для насъ безполезными. Есть у насъ хижины, одежда и хлѣбъ; есть желѣзо и руки на службу отечеству и друзьямъ нашимъ; души наши свободны, бодрственны, не терпятъ мучительства отъ человѣковъ, и владычества страстей; вотъ наши сокровища.

Чрезмѣрную любовь къ славѣ почитаемъ мы слабостію, а любовь къ именитости преступленіемъ. У насъ нѣтъ ни историка, ни витіи, ни похвальныхъ словъ сла-

гателя, ниединаго изъ сихъ памятниковъ, знаменующихъ тщеславїе народовъ. Народы нами побѣжденные возвѣстятъ потомству о побѣдахъ нашихъ; мы научимъ дѣтей нашихъ быть столь же мужественными и столь же добродѣтельными сколько отцы ихъ. Примѣръ Леонида, имъ приснопамятный возмущать будетъ души ихъ во дни и въ нощи. Вопроси только, и большая часть изъ нихъ разскажутъ тебѣ наизусть имена трехъ сотъ Спартанъ, падшихъ съ ними при Ѳермопилахъ.

Величїемъ не можемъ мы назвать той независимости отъ законовъ, которою гордятся въ иныхъ государствахъ знатнѣйшїе граждане. Своеволїе не страшащееся наказанїя законовъ есть подлость, распространяющая равномѣрное презрѣнїе и на частнаго человѣка въ оное впадшаго, и на государство оное терпящее. Мы цѣнимъ себя не менѣе другихъ людей, въ какой бы ни жили они странѣ, и на какую бы высокую степень возведены ни были, хотя бы то былъ самъ великїй Царь Персовъ; со всемъ тѣмъ, когда вѣщаютъ законы, гордость наша изчезаетъ, и самый сильный изъ граж-

данъ нашихъ, равно какъ и самый слабѣйшій повинуется гласу судіи, его презывающему. Мы страшимся токмо законовъ нашихъ, ибо Ликургъ подвергъ ихъ сужденію Делфійскаго прорицалища, оные ободрившаго; мы приняли ихъ какъ волю самихъ боговъ; а поелику законодатель нашъ учинилъ ихъ соразмѣрными нашимъ нуждамъ, то мы чтимъ оные основаніемъ нашего благоденствія. Изъ сего слабаго начертанія, ты уже легко понять можешь, что Ликургъ не долженъ быть почитаемъ обыкновеннымъ законодателемъ, но глубокомысленнымъ философомъ и просвѣщеннымъ преобразителемъ; что его законоположеніе составляетъ равномѣрно общую науку нравственности и политики; что законы его безпрестанное имѣютъ вліяніе на наши нравы и чувствованія; и что, онъ принудилъ насъ дѣйствовать во благо и быть добродѣтельными, а другіе законодатели были и тѣмъ довольны, что полагали преграды злу.

Онъ первый познalъ силу и слабость человѣка; онъ такъ умѣлъ согласить оные съ должностями и нуждами гражданина,

что польза частныхъ гражданъ, безпрестанно сливается у насъ съ пользою республики. И такъ не будемъ удивляться тому, что самое малое государство изъ всей Грецiи превзошло могуществомъ всѣ прочiя: здѣсь все имѣетъ свою цѣну; нѣтъ толь малой степени силы, которая бы не была направляема къ общему благу, нѣтъ добродѣтельнаго поступка, которой бы не обращался въ пользу отечества.

Законоположенiе Ликургово долженствуетъ образовать мужей правосудныхъ и миролюбивыхъ; но съ ужасомъ сказать должно, что естьли всѣхъ жителей не изгонятъ отсюда на какой либо отдаленный и неприступный островъ, то поработятся они порокамъ или оружiю сосѣдственныхъ народовъ. Законодатель старался предупредить сiю сугубую опасность: въ нѣкоторые токмо дни позволилъ онъ иностранцамъ въѣзжать въ Лаконiю; а жители безъ важныхъ причинъ не могли выѣзжать за предѣлы. Естественное положенiе мѣста споспѣшествовало исполненiю сего закона: окруженные морями и хребтами горъ, должны мы оберегать нѣкоторые

токмо узкїе проходы, и можемъ на самыхъ предѣлахъ нашихъ заградить путь растлѣнїю нравовъ. Запрещенїе производить торги и ѣздить по морямъ было слѣдствїемъ сихъ законовъ; а отъ сего запрещенїя родилась та неоцѣненная польза, что мы имѣемъ весьма мало законовъ, ибо опытами доказано, что городъ не производящїй торговли, имѣетъ только нужду въ половинѣ того числа законовъ, кои необходимы прочимъ.

Покорить насъ было еще гораздо труднѣе, нежели развратить. Отъ возхожденїя до захожденїя солнца, отъ самаго младенчества до глубокой старости, мы не покидаемъ оружїя, ожидая безпрестанно непрiятеля, и наблюдая строжайшее устройство, нежели въ самомъ его присутствїи. Обрати взоръ свой на все во кругъ тебя находящееся, и ты подумаешь, что не въ городѣ находишься, но въ воинскомъ станѣ. Слухъ твой поразится одними только побѣдоносными восклицанїями или повѣстїю о дѣлахъ великихъ; глаза твои ничего инаго не узрятъ, кромѣ военныхъ шествїй, оборотовъ, нападенїй и битвъ. Сїи страшныя приготовленїя, не токмо слу-

жатъ намъ отдохновенiемъ, но составляютъ безопасность нашу, разпространяя навсегда страхъ и почтенiе къ имени народа Лакедемонскаго.

Большая часть законовъ нашихъ сопряжены съ симъ воинственнымъ духомъ. Въ юности обязаны мы ежедневно ходить на охоту; а возмужавъ, занимаемся оною всегда по исполненiи должностей своихъ. Ликургъ совѣтовалъ намъ въ ней упражняться; ибо она представляетъ образъ опасности и побѣды.

Между тѣмъ, какъ молодые Спартане съ жаромъ оной предаются, позволено имъ разсѣясь по полямъ, похищать все, что въ руки попадется. Таковымъ же позволенiемъ пользуются они и внутри города; почитаясь невинными и достойными похвалы, когда не будутъ обличены въ похищенiи; но подвергаются поруганiю и наказанiю, ежели въ семъ уличатся. Сей законъ, которой кажется взятъ отъ Египтянъ, воздвигъ противъ Ликурга строгихъ хулителей. Съ перваго взгляда онъ дѣйствительно покажется внушающимъ юношеству склонность къ безпорядку и разбо-

ямъ; но въ самомъ дѣлѣ возбуждаетъ онъ только въ нихъ проворство и дѣятельность, въ другихъ же гражданахъ раждаетъ бдительность; а во всѣхъ вообще увеличиваетъ привычку предусматривать намѣренія непріятельскія, разставлять ему сѣти, и избѣгать его хитрости.

Но прежде, нежели кончимъ разговоръ нашъ, обратимся опять къ началамъ, на которыхъ мы разсужденія наши основали. Тѣло здравое и бодрое, душа, отъ которой удаляемы всякія нужды и печали, вотъ благополучіе, коимъ природа судила наслаждаться человѣку, отъ общества отлученному; но то, къ которому долженствуютъ стремиться люди, въ обществѣ живущіе, состоитъ въ неразрывномъ союзѣ и соревнованіи. Естьли правда, что законы Ликурговы исполнили намѣренія природы и обществъ человѣческихъ, то мы наслаждаемся изящнѣйшимъ законоположеніемъ. Но теперь ты самъ разсмотришь ихъ подробно, и скажешь мнѣ, должны ли мы въ самомъ дѣлѣ ими гордиться.

Я вопросилъ тогда Дамонакса, какъ можетъ существовать таковое законополо-

женіе: ибо, сказалъ я ему, когда оно равно основано на законахъ и добрыхъ нравахъ, то вы должны одинаково наказывать нарушителя первыхъ и развратителя послѣднихъ. Наказываютъ ли у васъ смертію, какъ злодѣя, того гражданина, которой преступилъ правила чести?

Въ семъ случаѣ поступаемъ мы благоразумнѣе, отвѣчалъ онъ; оставляя ему жизнь, дѣлаемъ его несчастливымъ. Между народами развращенными, человѣкъ безчестный вездѣ порицается, но его ни откуда не изгоняютъ; у насъ посрамленіе преслѣдуетъ и мучитъ таковаго повсюду. Мы его наказываемъ, такъ сказать, по частямъ; то есть, въ немъ самомъ, и въ томъ, что еще драгоцѣннѣе. Жена его, осуждена будучи проливать слезы, не дерзаетъ являться въ собраніяхъ гражданъ. Когда же онъ самъ дерзнетъ туда явиться, то небрежная его наружность, долженствуетъ воспоминать о стыдѣ его; онъ уступить долженъ дорогу всякому встрѣчающемуся съ нимъ гражданину, а во время игръ общенародныхъ, обязанъ онъ удаляться въ такое мѣсто, въ которомъ находясь предъ

глазами народа, подвертается всеобщему презрѣнію. Тысячи смертей не могутъ сравниться съ таковою казнію.

Мнѣ другое представляется затрудненіе, сказалъ я ему; я боюсь, чтобы Ликургъ, ослабя столько ваши страсти, удаливъ отъ васъ всѣ предметы честолюбія и корысти, которыя владычествуютъ надъ другими народами, не оставилъ великой пустоты въ душахъ вашихъ. И въ самомъ дѣлѣ, что имъ остается? Слѣпое стремленіе храбрости, сказалъ онъ мнѣ, любовь къ отечеству, доходящая даже до изступленія, чувствованія нашей свободы, усладительная гордость, вперяемая въ насъ нашими добродѣтелями, и почтеніе отъ цѣлаго народа, состоящаго изъ гражданъ величайшаго уваженія достойныхъ. Не уже ли ты думаешь, что въ сихъ быстрыхъ порывахъ, душа наша потеряетъ силу и дѣятельность?

Не знаю, возразилъ я, можетъ ли цѣлый народъ быть способенъ къ толь высокимъ чувствованіямъ, и можетъ ли онъ всегда сохранить свое величіе. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: кто хочетъ образовать

свойство народное, тотъ долженъ начать съ главнѣйшихъ гражданъ. Когда они начнутъ дѣйствовать и устремятся къ великимъ дѣламъ, то увлекутъ за собою и ту грубую толпу, которая скорѣе слѣдуетъ примѣрамъ, нежели правиламъ. Воинъ, показавшій трусость, слѣдуя робкому вождю, учинилъ бы чудеса, естьли бы ирой имъ предводительствовалъ.

Но изгнавъ роскошь и художества, сказалъ я еще, не лишили ли вы себя тѣхъ приятностей, которыя онѣ доставляютъ? Весьма трудно увѣрить себя въ томъ, чтобы изгнаніе удовольствій служило лучшимъ средствомъ къ приобрѣтенію счастія. Наконецъ, дабы судить о изяществѣ вашихъ законовъ, надлежало бы узнать, столько ли вы благополучны со всѣми вашими добродѣтелями, сколько и прочіе Греки. Мы почитаемъ себя, отвѣчалъ онъ мнѣ, еще гораздо благополучнѣйшими; а поелику мы въ томъ увѣрены, то сего и довольно, чтобъ быть таковыми.

Дамонаксъ, оканчивая сія послѣднія слова, просилъ меня не забыть, что по условію нашему, разговоръ сей касался

токмо сущности законовъ Ликурговыхъ и нравовъ древнихъ Спартанъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Жизнь Ликурга.

Въ самомъ началѣ сего сочиненія, сказалъ я, что потомки Иракловы, бывъ нѣкогда изгнаны изъ Пелопониса, возвратились въ оный, спустя восемдесятъ лѣтъ по взятіи Трои. Три сына Аристомаховы, Теменъ, Кресфонтъ и Аристодемъ, привели съ собою войска Дорійскія, и съ помощію оныхъ овладѣли сею частію Греціи. Арголида досталась Темену, а Мессенія Кресфонту. Поелику же третій ихъ братъ во время сихъ происшествій умеръ, то Еврисѳенъ и Проклъ, сыновья его, получили въ удѣлъ Лаконію. Отъ сихъ двухъ царей происходятъ два колѣна, около девяти вѣковъ царствующіе въ Лакедемонѣ.

Сіе возникающее государство часто колеблемо было внутренними крамолами, или важными предпріятіями. Уже угрожа-

емо оно было близкимъ паденiемъ, какъ одинъ изъ царей, по имени Полидектъ, умеръ бездѣтенъ. Ликургъ, братъ его, ему наслѣдовалъ. Въ сiе время не знали еще, что царица была беременна. Ликургъ узнавъ о семъ, объявилъ, что, ежели царица даруетъ наслѣдника престолу, то онъ первый готовъ его признать; а въ залогъ вѣрности своего слова, управлялъ онъ государствомъ въ званiи опекуна юнаго государя.

Не смотря на сiе, царица повелѣла сказать ему, что она немедленно умертвитъ младенца при его рожденiи, естьли онъ согласится вступить съ нею въ бракъ. Для отвращенiя толь ужаснаго намѣренiя, онъ льстилъ ей обманчивою надеждою. Она разрѣшилась сыномъ, котораго онъ взялъ въ свои объятiя, и показывая чиноначальникамъ Спартанскимъ сего новорожденнаго младенца, сказалъ: вотъ вашъ царь.

Оказываемая имъ радость, при событiи, которое лишало его престола, и купно мудрость, съ каковою онъ управлялъ, привлекли къ нему почтенiе и любовь большей части гражданъ; но добродѣтели его

устрашали главнѣйшихъ чиновниковъ государства: имъ благоприятствовала царица, которая, желая мстить за оказанную ей обиду, вооружала противу Ликурга, и родственниковъ его и друзей. Говорили, что опасно ввѣрить дни юнаго государя такому человѣку, котораго первая польза состояла въ томъ, чтобы оные прекратить. Сіи роптанія, въ началѣ слабыя, наконецъ толико возрасли и распространились, что Ликургъ принужденъ былъ удалиться изъ отечества, дабы оныя прекратить.

Въ Критѣ занимался онъ долгое время законами мудраго Миноса; онъ удивлялся тому согласію, которое распространили они какъ въ государствѣ, такъ и между частными людьми. Въ числѣ просвѣщенныхъ мужей, коихъ познаніями онъ воспользовался, наитѣснѣйшую связь имѣлъ онъ съ стихотворцемъ Ѳалесомъ, котораго почелъ достойнымъ соучаствовать въ тѣхъ великихъ намѣреніяхъ, о коихъ помышлялъ. Ѳалесъ, слѣдуя его совѣтамъ, поселился въ Лакедемонѣ, и слагалъ тамъ пѣ-

сни, которыя привлекали и приуготовляли умы къ повиновенію и согласію.

Чтобъ научиться основательнѣе судить о дѣйствіяхъ, производимыхъ различными правленіями и нравами, Ликургъ путешествовалъ по всѣмъ приморскимъ странамъ Асіи. Онъ обрѣлъ тамъ какъ законы, такъ и души слабыя. Критяне, имѣя простыя и строгія обыкновенія, были благополучны; Іонійцы почитавшіе себя таковыми, стенали рабски подъ игомъ забавъ и своевольства. Драгоцѣнное открытіе наградило его за отвратительное зрѣлище, которое представлялось глазамъ его. Стихотворенія Омира попались въ его руки: онъ узрѣлъ въ нихъ съ удивленіемъ изящнѣйшія правила нравоученія и политики, украшенныя прелестію воображенія, и вознамѣрился обогатить оными Грецію. Между тѣмъ, какъ онъ посѣщалъ отдаленнѣйшія страны, замѣчалъ повсюду духъ и творенія законодателей, собирая сѣмена благополучія, каковое распространили они въ различныхъ государствахъ, Лакедемонъ, изнуренный раздорами, многократно посылалъ за нимъ гражданъ своихъ, прося его возвра-

титься на помощь своему отечеству. Онъ одинъ токмо могъ держать бразды государства, которыя попеременно переходили отъ слабыхъ царей въ руки толпы народной; долгое время противился онъ сему, но наконецъ уступилъ усильнымъ прозьбамъ всѣхъ Лакедемонянъ.

Возвратясь въ Спарту, усмотрѣлъ вскорѣ, что не токмо нужно исправить весь составъ законовъ, но истребить оной и основать другой на новыхъ соотношенiяхъ; онъ предусмотрѣлъ всѣ препятствiя, но не былъ оными устрашенъ. Ему спомоществовали въ семъ намѣренiи почтенiе, оказываемое какъ его роду, такъ и добродѣтелямъ; равными подпорами служили ему высокiй его разумъ, и познанiя; сiе величественное мужество, обуздывающее всякую волю, и сей духъ соглашенiя, который оную привлекаетъ; наконецъ поборствовало ему и самое небо, котораго благость, по примѣру прочихъ законодателей, старался онъ себѣ снискать. Прорицалище Дельфiйское отвѣтствовало ему: „боги „благоволятъ къ тебѣ, и подъ ихъ покро„вомъ соорудишь ты изящнѣйшее полити-

„ческое зданіе.„ Ликургъ не переставалъ съ сего времени имѣть сношеніе съ Пиѳіею, которая постепенно утверждала законы его властію боговъ.

Прежде нежели началъ онъ производить намѣренія свои въ дѣйство, предавалъ ихъ на сужденіе друзьямъ и отличнѣйшимъ гражданамъ. Онъ избралъ изъ нихъ тридцать, которые, бывъ всѣ вооружены, ходили съ нимъ въ народныя собранія. Однако же сопровождавшая его стража не всегда была достаточна, для предупрежденія мятежей; во время возмущенія, произшедшаго по случаю новаго закона, богатые люди съ толикою наглостію противу его возстали, что онъ вознамѣрился удалиться въ находившійся не подалеку храмъ; но въ семъ убѣжищѣ столь сильной получилъ ударъ, что лишился, какъ говорятъ, глаза; въ семъ случаѣ онъ ничего инаго не сдѣлалъ, какъ токмо показалъ окровавленное лице своимъ преслѣдователямъ. При воззрѣніи на сіе, большая часть оныхъ объята будучи стыдомъ, послѣдовала за нимъ въ его жилище, показывая всѣ знаки почтенія и прискорбія, и гнушаясь преступленіемъ, предала ему виновнаго, дабы

онъ располагалъ имъ по своей волѣ. То былъ неукротимый и пылкій юноша. Ликургъ, не дѣлая ему выговоровъ и не произнеся жалобъ, оставилъ его у себя, и повелѣвъ удалиться друзьямъ и домашнимъ своимъ, приказалъ ему служить себѣ и перевязать свою рану. Юноша повиновался въ молчаніи, и будучи ежеминутно свидѣтелемъ кротости, терпѣнія и всѣхъ великихъ качествъ Ликурговыхъ, премѣнилъ ненависть свою въ любовь, и имѣя предъ собою толь изящный образецъ, укротилъ пылкость своего нрава.

Наконецъ новое собраніе законовъ утверждено было всѣми государственными чинами; всѣ части онаго толь изящно были сопряжены между собою, что при самомъ началѣ усмотрѣно, что нечего уже было болѣе присовокуплять. Однако же, несмотря на сіе изящество законовъ, онъ не былъ еще увѣренъ, что они долго сохраняемы будутъ. „Мнѣ осталось, сказалъ онъ собравшемуся народу, предложить вамъ важнѣйшую статью нашего законодательства; но „напередъ хочу вопросить я Дельфійское „прорицалище. Обѣщайтесь не нарушать ни

„единаго изъ постановленныхъ законовъ до „моего возвращенія. Народъ обѣщался. Дайте мнѣ въ томъ клятву. Цари, Сенатъ, „всѣ граждане призвали боговъ свидѣтелями въ данномъ словѣ„. Сіе торжественное обѣщаніе долженствовало быть ненарушимо; ибо онъ принялъ намѣреніе никогда болѣе не возвращаться въ отечество.

Онъ тотчасъ отправился въ Дельфы и вопросилъ достаточны ли новые законы ко учиненію Спартанцевъ благополучными. Какъ скоро Пифія отвѣчала, что Спарта будетъ самымъ цвѣтущимъ градомъ дотолѣ, пока будетъ почитать обязанностію наблюдать оные. Ликургъ послалъ прорицаніе сіе въ Лакедемонъ, а себя осудилъ на вѣчную ссылку. Онъ окончалъ жизнь въ удаленіи отъ народа, которой учинилъ благополучнымъ. Говорятъ, что народъ сей непочтилъ памяти его достойною честію, конечно потому, что никогда чрезмѣрной чести оказать ему было не возможно. Онъ посвятилъ Ликургу храмъ, въ которомъ ежегодно приноситъся ему жертва. Друзья и родственники его составили общество, которое и поднесь существуетъ, и которое

иногда собирается для воспоминовенія о его добродѣтеляхъ. Однажды, когда общество сіе собралось во храмѣ, Ефклидъ говорилъ слѣдующую рѣчь, къ покровительствующему духу сего мѣста.

Мы торжествуемъ память твою не зная какъ нарещи тебя: Пифія усумнилась не богъ ли ты паче, нежели человѣкъ; въ семъ недоумѣніи, назвала она тебя другомъ боговъ, ибо ты былъ другъ человѣковъ.

Твоя бы великая душа вознегодовала, естьлибъ мы тебѣ то приписали въ достоинство, что ты не хотѣлъ купить царскаго сана злодѣяніемъ; мало бы и тѣмъ она удовлетворилась, естьли бы къ сему присовокупили, что ты для благотворенія подвергалъ жизнь свою опасности и пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ: тѣ токмо пожертвованія хвалы достойны, которыя требуютъ побѣдъ надъ собою.

Большая часть законодателей заблуждалась слѣдуя проложеннымъ стезямъ; ты уразумѣлъ, что для учиненія цѣлаго народа благополучнымъ надлежитъ повести его путями чрезвычайными. Мы хвалимъ тебя

за то, что ты во времена невѣжества лучше зналъ сердце человѣческое, нежели знаютъ его философы въ сей вѣкъ просвѣщенія.

Благодаримъ тебя за обузданіе власти царей, наглости народа, притязанія людей богатыхъ, нашихъ страстей и нашихъ добродѣтелей.

Благодаримъ тебя за то, что помѣстилъ надъ главами нашими владыку всевидящаго, всемогущаго, и нелицепріятнаго. Ты возвелъ на престолъ законъ, и посадилъ на подножіи его судей нашихъ; а въ другихъ странахъ возводятъ на престолъ человѣка, а законы повергаютъ къ стопамъ его; законъ подобенъ пальмовому древу, равно питающему плодомъ своимъ всѣхъ покоющихся подъ его сѣнію; деспотъ есть древо на горѣ посажденное; окрестъ его видны однѣ хищныя птицы и зміи.

Мы благодаримъ тебя за оставленіе намъ малаго числа справедливыхъ и здравыхъ понятій, и за воспрепятствованіе питать въ себѣ болѣе желаній, нежели сколько имѣемъ нуждъ.

Мы благодаримъ тебя и за то бла-

гомыслїе о насъ, что мы не будемъ просить у боговъ иной бодрости духа кромѣ той, которая способствуетъ переносить неправосудїе, когда того нужда требуетъ.

Когда узрѣлъ ты, что законы твои, блистающїе величїемъ и красотою, шествуютъ, такъ сказать, сами собою, не чиня помѣшательства одинъ другому и не устраняясь отъ пути своего, говорятъ, что ты ощутилъ чистѣйшую радость подобную радости всевышняго существа, когда узрѣло оное, едва изшедшую изъ рукъ его вселенную, исполняющею предписанныя ей движенїя съ толикимъ согласїемъ и точностїю.

Временное твое пребыванїе на землѣ сей ознаменовано было едиными благодѣянїями. Блаженны будемъ, естьли воспоминая оныя безпрестанно, оставимъ потомкамъ нашимъ сей законъ таковымъ же, каковымъ получили отъ отцевъ нашихъ!

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

О правленіи Лакедемонскомъ.

Съ самаго начала, какъ основались общества, государи вездѣ покушались умножать свои преимущества, народы же ослаблять оныя. Безпокойства, происходившія отъ сихъ покушеній, болѣе ощущаемы были въ Спартѣ, нежели въ иныхъ мѣстахъ; съ одной стороны два царя, имѣя часто противуположенныя выгоды, и всегда подкрѣпляемы будучи великимъ числомъ приверженныхъ къ нимъ гражданъ; съ другой цѣлый такъ сказать народъ, непокоривыхъ воиновъ, которые, не умѣя ни начальствовать ни повиноваться, повергали попремѣнно правительство то въ необузданность самовластія, то въ неумѣренное народоправленіе.

Ликургъ толико былъ просвѣщенъ, что не могъ предоставить управленіе общественныхъ дѣлъ своенравію народа, или отдать въ руки двумъ царствующимъ домамъ. Онъ искалъ средство умѣрить силу муд-

ростїю; и нашелъ оное въ Критѣ. Тамъ верховный совѣтъ ограничивалъ власть государя. Почти таковый же совѣтъ учредилъ онъ въ Спартѣ: двадцать восемь старцевъ, совершенно опытныхъ, были избраны для раздѣленїя съ царями ихъ полновластїя. Постановлено было, чтобы о важныхъ государственныхъ нуждахъ разсуждать въ семъ священномъ сословїи; оба царя имѣли право въ ономъ предсѣдательствовать, и рѣшенїе производилось по большинству голосовъ; сїе рѣшенїе сообщаемо было потомъ въ общенародное собранїе, которое могло оное принять или отвергнуть, не дѣлая однакоже въ немъ ни малѣйшей перемѣны.

Отъ того ли, что сїе постановленїе не довольно ясно изображено было въ законѣ, или отъ того, что сужденїе объ опредѣленїяхъ Сената естественнымъ образомъ внушало желанїе дѣлать нѣкоторыя перемѣны, народъ не чувствительно присвоялъ себѣ право что либо къ онымъ присовокуплять, или отмѣнять. Сїе злоупотребленїе навсегда истреблено было попеченїемъ Полидора и Ѳеопомпа, царствовавшихъ около ста тридцати лѣтъ послѣ

Ликурга; по ихъ желанїю Дельфїйская Пиѳїя прибавила новую статью къ тому прорицанїю, въ которомъ содержалось распредѣленїе властей.

До сихъ поръ сенатъ содержалъ равновѣсїе между царями и народомъ; но поелику сенаторы, равномѣрно какъ и цари, избираемы были на всю жизнь, то надлежало опасаться, чтобы какъ первые, такъ и послѣднїе, учинивъ между собою тѣсный союзъ, не сдѣлались самовластными. Ради сего поручена была часть ихъ должностей пятерымъ судьямъ, которые назывались эфорами, или надзирателями; они долженствовали защищать народъ въ случаѣ угнетенїя: царь Ѳеопомпъ учредилъ сїе среднее сословїе съ согласїя народа.

Естьли вѣрить философамъ, государь сей, ограничивъ власть свою, учинилъ ее твердѣйшею и постояннѣйшею; естьли судить по событїямъ, то онъ, предупреждая опасность, которой еще не было, приуготовлялъ такую, которая рано или поздно быть долженствовала. Въ постановленїи Ликурговомъ примѣтно удачное соединенїе царской, вельможеской и народной вла-

сти. Θеопомпъ присовокупилъ къ оному олигархїю, которая въ наши времена учинилась тиранническою. Обозримъ теперь слегка различныя части сего правленїя, каковыми онѣ нынѣ существуютъ, а не таковыми, какъ были прежде, ибо онѣ подвергались перемѣнамъ.

Цари. Оба царя должны быть поколѣнїя Ираклова, и не могутъ вступить въ супружество съ иностранкою. Эфоры наблюдаютъ за поведенїемъ царицы, дабы не произошло отъ нихъ дѣтей отъ инаго какого рода, кромѣ Ираклова. Естьлибы обличены онѣ были, или подали поводъ къ явному подозрѣнїю въ супружеской невѣрности, въ такомъ случаѣ сыновья ихъ были бы почитаемы частными людьми.

Въ обоихъ изъ царствующихъ поколѣнїй, старшїе сыновья вступаютъ на престолъ отцевъ своихъ; когда же ихъ нѣтъ, то восходитъ на оный братъ царскїй; естьли старшїй сынъ умретъ прежде отца, то слѣдующїй по немъ его замѣняетъ; но естьли у перваго останется сынъ, то онъ предпочитается своимъ дядямъ; когда нѣтъ ближнихъ родственниковъ въ которомъ либо изъ царскихъ семействъ; то при-

зывающъ на царство родственниковъ отдаленныхъ, но никогда не избирающъ наслѣдника изъ другаго дома.

Естьли случатся несогласія о наслѣдіи престола, то оныя разрѣшаются во всеобщемъ народа собраніи. Когда у царя нѣтъ дѣтей отъ первой жены, то онъ долженъ развестись съ нею. Анаксандритъ женился на племянницѣ своей; онъ любилъ ее нѣжно; нѣсколько лѣтъ спустя, эфоры призвали его въ свое судилище и сказали ему: „долгъ намъ повелѣваетъ пещись, чтобы царское колѣно не пресѣкалось. Отлучи супругу свою, и избери другую, которая даровала бы наслѣдника престолу.„ Получивъ отказъ отъ сего государя, и посовѣтовавъ съ сенаторами, говорили они ему: „Послѣдуй „совѣту нашему, и не заставь Спартанъ „употребить насильственныхъ средствъ. „Не расторгая узъ толико любезныхъ „твоему сердцу, вступи въ новый бракъ, „могущій удовлетворить нашему ожиданію.„ Ничто не могло быть столько противно законамъ Спартанскимъ, однако же Анаксандритъ повиновался. Онъ вступилъ въ новый бракъ, отъ котораго родился

сынъ: но всегда любилъ первую свою супругу, которая нѣсколько времени спустя, произвела на свѣтъ славнаго Леонида.

Наслѣдникъ престола никогда не воспитывается съ дѣтьми прочихъ гражданъ; ибо опасались, чтобы они, обходясь съ нимъ слишкомъ дружественно, не потеряли того почтенія, какое послѣ оказывать ему должны будутъ. Однако же о воспитаніи его не менѣе прилагаютъ попеченія; ему подаютъ истинное понятіе о важности его сана, а еще того справедливѣйшее о его должностяхъ. Одинъ Спартанинъ, сказалъ нѣкогда Клеомену: „царь долженъ „быть снисходителенъ. Всеконечно, отвѣ„чалъ сей государь, лишь бы только не „подвергъ онъ себя презрѣнію.„ Другой царь Лакедемонскій сказалъ своимъ родственникамъ, которые требовали, чтобъ онъ для нихъ отступилъ отъ правосудія: „научивъ меня тому, что государь болѣе „долженъ соблюдать законъ, нежели прочіе „граждане, вы научили меня въ семъ слу„чаѣ вамъ не повиноваться.„

Ликургъ ограничилъ власть царей; но предоставилъ имъ почести и преимущесива,

коими пользуются они какъ начальники въ дѣлахъ, до вѣры касающихся, какъ верьховные гражданскіе правители и вожди войскъ. Кромѣ нѣкоторыхъ жреческихъ должностей, ими самими отправляемыхъ, опредѣляютъ они все то, что касается до общественнаго богопочитанія, и при всѣхъ духовныхъ обрядахъ представляютъ первое лице. Дабы могли они приносить обѣты богамъ какъ за себя, такъ и за республику, то государство опредѣляетъ имъ, въ первый и въ седмый день каждаго мѣсяца, жертву и нѣкоторое количество вина и муки. Оба они имѣютъ право держать при себѣ двухъ гражданскихъ чиновниковъ, или автуровъ, которые бываютъ при нихъ безотлучно и именуются Пиѳійскими. Государь въ нужномъ случаѣ посылаетъ ихъ для вопрошенія Пиѳіи, и хранитъ у себя принесенныя ими прорицанія. Изъ всѣхъ царскихъ преимуществъ сіе есть, можетъ быть, наиважнѣйшее; ибо пользующійся онымъ имѣетъ тайное сношеніе съ жрецами Дельфійскаго капища, изобрѣтателями тѣхъ прорицаній, которыя часто рѣшатъ судьбу царствъ.

Какъ глава государства, онъ можетъ при возшествіи на престолъ уничтожить долги, которые кто либо изъ гражданъ обязанъ былъ заплатить или его предшественнику, или самой республикѣ. Народъ опредѣляетъ ему самому нѣкоторое имѣніе въ собственность, коимъ при жизни своей можетъ онъ располагать въ пользу своихъ родственниковъ.

Оба царя, въ званіи предсѣдателей сената, предлагаютъ оному дѣла на разсмотрѣніе. Тотъ и другой подаютъ свои голоса, а въ случаѣ отсутствія посылаютъ туда свое мнѣніе чрезъ сенатора изъ своихъ родственниковъ. Царь имѣетъ два голоса. Мнѣнія, дошедшія до общаго собранія народа, рѣшатся большинствомъ голосовъ. Естьли оба царя предлагаютъ совокупно что либо неоспоримо полезное для республики, въ таковомъ случаѣ никто не имѣетъ права противиться сему предложенію. Таковое между царями согласіе не можетъ быть ни мало опасно для общественной свободы: кромѣ скрытой зависти между обоими царскими домами, рѣдко случается, чтобы цари имѣли одинакую степень

проницанія, для познанія истинныхъ выгодъ государства, и чтобы равную показывали твердость въ защищеніи оныхъ. Дѣла, касающіяся до содержанія дорогъ, обряды при усыновленіи, избраніе родственника, долженствующаго жениться на сиротѣ, получившей наслѣдство, предоставлены ихъ рѣшенію.

Цари совсѣмъ не должны отлучаться въ мирное время, а въ военное не иначе могутъ отлучиться оба вмѣстѣ, какъ тогда, когда посылаются въ разныя мѣста два воинства. Они имѣютъ право надъ оными начальствовать, и Ликургъ узаконилъ, чтобы они являлись въ войскѣ со всѣмъ наружнымъ блескомъ и со всею властію, внушающими почтеніе и повиновеніе.

Въ день отъѣзда, царь приноситъ жертву Юпитеру. Тогда молодой человѣкъ долженъ взять съ жертвенника зажженную головню, и нести оную предъ войскомъ до предѣловъ государства, гдѣ отправляется новое жертвоприношеніе.

Государство содержитъ на своемъ иждивеніи какъ вождя, такъ и весь его дворъ, состоящій, кромѣ обыкновенной стражи,

изъ двухъ Пиѳїйскихъ авгуровъ, о которыхъ сказалъ я выше, изъ полимарховъ или знатнѣйшихъ военачальниковъ, съ которыми онъ всегда можетъ совѣтоваться, и изъ трехъ низшихъ чиновниковъ, которые должны доставлять ему все потребное. Такимъ образомъ освобожденъ будучи отъ всѣхъ домашнихъ попеченїй, онъ занимается однѣми только военными дѣйствїями; одинъ оными управляетъ, подписываетъ перемирїе съ непрїятелемъ, принимаетъ и отпускаетъ пословъ чужестранныхъ державъ. Два эфора, при немъ находящїеся, обязаны токмо смотрѣть за благонравїемъ, и въ такїя только дѣла вмѣшиваются, которыя онъ имъ предложить заблагоразсудитъ.

Въ наши времена, подозрѣвали иногда военоначальника, что онъ покушался на свободу отечества; ибо не соблюлъ всѣхъ его выгодъ, бывъ подкупленъ подарками или увлеченъ худыми совѣтами. За таковыя преступленїя, смотря по обстоятельствамъ, наказываются военачальники или платежемъ великой суммы денегъ, или ссылкою, или наконецъ лишенїемъ престола и

жизни. Одинъ изъ царей, обвиненныхъ въ семъ преступленіи, принужденъ былъ искать убѣжища во храмѣ; другой просилъ прощенія въ собраніи народа, и получилъ оное, но съ тѣмъ, чтобы впредь ничего не предпринимать безъ совѣта десяти Спартанъ, которые должны были находиться при немъ въ войскѣ, и избирались помянутымъ собраніемъ. Поелику довѣренность между государемъ и другими чиновниками день ото дня уменьшается; то вскорѣ во время военныхъ походовъ будетъ онъ окруженъ одними только соглядатаями и доносщиками, избранными изъ ихъ неприятелей.

Въ мирное время цари суть токмо первые граждане свободнаго града. Какъ граждане показываются они въ народъ безъ сопровожденія и безъ всякой пышности; какъ первымъ гражданамъ, уступаютъ имъ первое мѣсто, и всѣ должны вставать въ ихъ присутствіи, выключая эфоровъ, когда они засѣдаютъ въ судилищѣ. Когда имъ что либо препятствуетъ присутствовать при общественныхъ столахъ, то посылается имъ мѣра вина и муки; естьли же

отказываются они отъ сего безъ нужды, тогда лишаютъ ихъ и помянутой мѣры.

Какъ при сихъ столахъ, такъ и на пиршествахъ у людей частныхъ, получаютъ они двойную мѣру, и дѣлятъ оную съ друзьями. Сіи подробности весьма не маловажны: отличія вездѣ не иное что суть, какъ условные знаки, приличные времени и мѣсту; отличія, оказываемыя царямъ Лакедемонскимъ, столь же много вперяютъ въ народъ къ нимъ почтенія, сколько и многочисленное войско, составляющее стражу царя Персидскаго.

Царское достоинство всегда существовало въ Лакедемонѣ: 1) по тому что было раздѣлено между двумя домами и чрезъ сіе честолюбіе одного изъ оныхъ вскорѣ уничтожалось завистію другаго, равномѣрно какъ и бдительностію градоправителей; 2) потому что власть царская никогда не казалась опасною народу; ибо цари никогда не помышляли о умноженіи сопряженныхъ съ оною преимуществъ. Сія умѣренность возбуждаетъ любовь народную во время ихъ жизни, а по смерти сожалѣніе. Лишь только скончается царь, женщины

ходятъ по всѣмъ улицамъ, бьютъ въ мѣдные сосуды, возвѣщая тѣмъ общее несчастїе. Торжище устилаютъ соломою, и запрещаютъ торговать въ теченїе трехъ сутокъ. Посылаютъ съ извѣстїемъ объ ономъ гонцевъ во всѣ области, и созываютъ тѣхъ свободныхъ людей или рабовъ, которые должны присутствовать при погребенїи. Ихъ собирается великое множество; они терзаютъ у себя лице и произнося заунывные вопли, восклицаютъ: что изъ всѣхъ существовавшихъ государей лучшаго никогда не бывало. Однако же сїи несчастные почитаютъ мучителемъ того, котораго потерю оплакиваютъ. Спартане сїе знаютъ; но поелику въ слѣдствїе одного Ликургова закона, должны они въ семъ случаѣ скрывать свои слезы и сажалѣнїе, то пожелали они, чтобы притворная печаль ихъ рабовъ и подвластныхъ изображала нѣкоторымъ образомъ ту скорбь, которую они дѣйствительно ощущаютъ.

Ежели царь умретъ во время похода, тогда выставляютъ изображенїе его на одрѣ, нарочно для сего приуготовляемомъ; и въ теченїе десяти дней запрещается созывать

народъ въ общее собранїе и засѣдать въ судилищахъ. Когда привезутъ тѣло, которое обыкновенно сохраняютъ въ меду или въ воску, то погребаютъ оное съ обыкновенными обрядами въ особливой части города между гробницами царей.

Сенатъ.

Сенатъ, состоящїй изъ двухъ царей и двадцати восьми геронтовъ или старцевъ, есть верховный совѣтъ, въ которомъ предварительно разсуждаютъ о войнѣ, мирѣ, союзахъ, и о главныхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ государства.

Получить мѣсто въ семъ священномъ судилищѣ значитъ, такъ сказать, вступить на престолъ чести. Мѣсто сїе дается токмо тому, кто отъ самаго младенчества отличалъ себя просвѣщеннымъ благоразумїемъ и знаменитыми добродѣтелями: таковый, достигая сего достоинства не прежде шестидесяти лѣтъ, сохраняетъ оное по смерть. Не опасаются, чтобъ разсудокъ его былъ слабъ; ибо, по роду жизни, каковую ведутъ въ Спартѣ, разумъ и тѣло состарѣваются гораздо послѣ, нежели въ другихъ странахъ.

Когда умретъ сенаторъ, то является

нѣсколько граждан, ищущих заступить его мѣсто: они должны объявить прямо свое желанiе. Итак Ликург споспѣшествовал честолюбiю? Конечно, но такому, которое, в награду за услуги отечеству, ревностно требует новых случаев оказать еще большiя услуги.

Избранiе происходит на площади, гдѣ собирается народ, вмѣстѣ с царями, сенаторами и другими градоначальниками. Всякой ищущiй сего мѣста является по жребiю; и обходит собранiе в молчанiи с потупленными глазами; слух его поражается восклицанiями одобрительными, которыя бывают болѣе или менѣе многочисленны, и иногда чаще, иногда рѣже повторяются: сiи восклицанiя считают люди, которые, сокрыты будучи в сосѣднем домѣ, из коего ничего им не видно, примѣчают токмо какого роду суть восклицанiя, ими слышимыя; по окончанiи обряда объявляют они, что при таком-то случаѣ общественное желанiе было постояннѣе и усерднѣе.

Послѣ таковаго пренiя, на котором добродѣтель побѣждаема бывает добродѣ-

телїю, начинается родъ торжественнаго шествїя: побѣдителя водятъ по всѣмъ частямъ города, возложивъ на главу его вѣнокъ; онъ сопровождается множествомъ отроковъ и юныхъ женъ, прославляющихъ его добродѣтели и побѣду: входитъ въ храмы, гдѣ приноситъ въ жертву ѳимїамъ; въ домы родственниковъ своихъ, гдѣ выставляютъ на столѣ разныя яствa и плоды. Прїими, говорятъ ему, сїи дары, кои изъ нашихъ рукъ приноситъ тебѣ отечество. Въ вечеру всѣ жены, сопряженныя съ нимъ узами родства, собираются у дверей храмины, въ которой накрытъ для него столъ; тогда, призывая ту изъ женщинъ, которую болѣе почитаетъ, и предлагая ей обѣдъ изъ двухъ мѣръ кушанїя, ему поставленнаго: тебѣ, говоритъ онъ, отдаю я награжденїе, коимъ меня почтили. Тогда всѣ прочїя жены одобряютъ восклицанїями его выборъ, и провожаютъ ее съ самыми лестными отличїями.

Съ сего времени новый сенаторъ долженъ посвятить остатокъ дней своихъ на исправленїе должностей своего званїя. Однѣ изъ оныхъ касаются до государства,

и мы упомянули о нихъ выше; другія имѣютъ предметомъ частныя нѣкоторыя дѣла, которыхъ рѣшеніе предоставлено сенату. Отъ сего судилища зависитъ не только жизнь гражданъ, но и имѣніе ихъ, или лучше сказать ихъ честь; ибо истинный Спартанинъ не вѣдаетъ другаго богатства кромѣ чести.

Преступленія, влекущія за собою смертную казнь, разсматриваются нѣсколько дней; ибо погрѣшность судей въ семъ случаѣ поправлена быть не можетъ. Обвиняемый не осуждается по однимъ только подозрѣніямъ; и хотя бы онъ и былъ оправданъ одинъ разъ, однако же тѣмъ съ большею строгостію судятъ его, ежели въ послѣдствіи явятся новыя противъ него доказательства.

Сенатъ имѣетъ право наказывать гражданина уничиженіемъ, лишающимъ его нѣкоторыхъ преимуществъ. Отъ сего происходитъ, что въ присутствіи сенатора, почтеніе, внушаемое человѣкомъ добродѣтельнымъ, бываетъ еще сопровождаемо благотворнымъ страхомъ, вперяемымъ судьею.

Естьли обвиненъ будетъ царь въ нарушенiи законовъ или въ измѣнѣ отечеству; тогда судилище, имѣющее право простить или осудить, составляется изъ двадцати восьми сенаторовъ, пяти эфоровъ и другаго царя. Онъ имѣетъ право требовать, чтобы дѣло было судимо во всеобщемъ собранiи народа.

Эфоровъ или надзирателей, потому такъ называемыхъ, что надзиранiе ихъ распростирается на всѣ части государственнаго правленiя, бываетъ числомъ до пяти. Чтобы они не употребили во зло своей власти, смѣняютъ ихъ ежегодно. Они вступаютъ въ должность въ началѣ года, то есть, съ перваго новолунiя послѣ осенняго равноденствiя. По имени перваго называется и годъ сей; посему, для означенiя времени какого либо происшествiя надлежитъ только упомянуть имя того эфора, во время котораго оное случилось.

Народъ имѣетъ право избирать ихъ, и возводить на сiе достоинство гражданъ всякаго состоянiя: когда они въ оное вступятъ, то народъ почитаетъ ихъ своими защитниками, и по сему не престаетъ онъ умножать ихъ преимуществъ.

Выше уже упомянулЪ я, что ЛикургЪ сихЪ судей не помѣстилЪ вЪ начертанїе своего законодательства, а кажется, что около ста пятидесяти лѣтЪ спустя, цари Лакедемонскїе отказались, вЪ пользу оныхЪ судей, отЪ многихЪ существенныхЪ своихЪ правЪ, и что власть эфоровЪ возрасла потомЪ домогательствами нѣкотораго Астеропа, бывшаго главнымЪ между ими. Постепенно усиливаясь, вЪ предосужденїе Сената и царской власти, они пользуются нынѣ самыми обширными правами, каковы суть наблюденїе за правосудїемЪ, за нравами и сохраненїемЪ законовЪ, надзорЪ за другими судьями, и исполненїе опредѣленїй общихЪ народныхЪ собранїй.

Эфоры отправляютЪ судЪ на народной площади, куда ежедневно собираются для рѣшенїя нѣкоторыхЪ обвиненїй, и для окончанїя распрь людей частныхЪ. Сїя важная должность отправляема была прежде одними только царями, которые во время первой Мессенской войны, бывЪ принуждены часто отлучаться, препоручали оную эфорамЪ; но всегда сохраняли они право присутствовать на судѣ и подавать голоса.

Поелику въ Лакедемонѣ весьма мало законовъ, а между тѣмъ ежедневно вкрадываются въ республику пороки, дотолѣ неизвѣстные, то судіи часто находятъ себя принужденными слѣдовать природному своему разуму; а какъ въ сіи послѣднія времена избраны въ число ихъ люди весьма мало свѣдущіе, то часто можно усумниться въ справедливости ихъ рѣшеній.

Эфоры прилагаютъ величайшее попеченіе о воспитаніи юношества. Они ежедневно сами навѣдываются, не воспитываютъ ли дѣтей, принадлежащихъ государству, въ излишней нѣгѣ: они выбираютъ для нихъ начальниковъ, долженствующихъ возбуждать въ нихъ соревнованіе, и сами присутствуютъ съ ними на военномъ и купно духовномъ празднествѣ, отправляемомъ въ честь Минервы. Другіе судіи смотрятъ за поведеніемъ женскаго пола; эфоры же за всѣми гражданами. Все то, что хотя издалека клонится къ нарушенію общественнаго порядка и принятыхъ обыкновеній, подвержено ихъ сужденію. Они часто призывали въ судъ людей, которые не брегли о своихъ должностяхъ или попускали себя

оскорблять: однихъ упрекали они за то, что забыли уваженіе къ законамъ, другихъ за то, что забыли оное къ самимъ себѣ.

Не одинъ уже разъ наказывали они иностранцевъ, допущенныхъ на общественныя игры, и употреблявшихъ во зло свои дарованія. Нѣкоторый ораторъ вызвался, что онъ будетъ говорить цѣлой день о всякихъ предметахъ: они выгнали его изъ города. Архилохъ подвергся нѣкогда тому же жребію, осмѣлясь въ сочиненіяхъ своихъ помѣстить правило, внушающее робость; однажды, когда музыкантъ Тимоѳей восхищалъ Спартанъ пріятностію своихъ пѣсней, одинъ изъ эфоровъ, подошедъ къ нему съ ножемъ въ рукѣ, сказалъ: „мы велѣли тебѣ снять четыре струны съ твоей лиры; съ которой стороны прикажешь мнѣ ихъ обрѣзать?„ Сіе случилось уже почти въ наши времена.

По симъ примѣрамъ, можно судить о строгости, съ каковою наказывало прежде сіе судилище такія погрѣшности, которыя непосредственно нарушали законы и добрые нравы. И нынѣ даже, когда все уже начинаетъ развращаться, оно не менѣе

страшно, хотя менѣе почитаемо; и частные люди, потерявшіе прежнія свои строгія правила, всевозможнымъ образомъ стараются укрыться отъ взоровъ сихъ нравонаблюдателей, которые тѣмъ болѣе строгости показываютъ къ другимъ, чѣмъ болѣе бываютъ иногда снисходительны къ самимъ себѣ.

Принудить большую часть судей къ отчету въ своихъ дѣлахъ, отрѣшить отъ должности нарушившихъ законы, посадить въ тюрьму, отослать къ высшему суду, и довести до лишенія жизни, непреклонною строгостію суда: всѣ сіи права предоставлены эфорамъ. Они употребляютъ ихъ отчасти и противу царей, которыхъ держатъ у себя въ зависимости, необычайнымъ и страннымъ образомъ. Каждыя девять лѣтъ избираютъ они тихую и свѣтлую ночь; сидя на чистомъ полѣ, разсматриваютъ внимательно движеніе звѣздъ: усмотрѣвъ въ воздухѣ огненные пары, почитаютъ ихъ за звѣзду, перемѣнившую свое мѣсто; изъ сего заключаютъ, что цари оскорбили боговъ; они призываютъ ихъ на судъ, лишаютъ царскаго достоинства, ко-

торое не прежде имъ возвращено быть можетъ, какъ тогда, когда Дельфійское прорицалище ихъ оправдаетъ.

Царь, весьма подозрѣваемый въ преступленіи противу отечества, хотя и можетъ отказаться по двумъ позывамъ, явиться предъ судилище эфоровъ, но въ третій разъ долженъ повиноваться: впрочемъ могутъ они взять его силою и привести въ судилище. Ежели преступленіе не столь важно, то эфоры сами опредѣляютъ наказаніе. Въ подобномъ случаѣ они осудили на денежную пеню царя Агезилая за то, что онъ каждому сенатору, вступающему въ сію должность, посылалъ подарки.

Вся исполнительная власть находится въ ихъ рукахъ. Они созываютъ народъ на общее собраніе, и собираютъ въ ономъ голоса. О великой ихъ власти судить можно, сравнивъ опредѣленіе народнаго собранія съ тѣмъ, каковыя дѣлаютъ они въ частномъ своемъ судилищѣ. Въ послѣднемъ начинается оное сими словами: „цари и „эфоры такъ разсудили;„ а въ первомъ сими: „эфоры и народное собраніе такъ раз„судили.„

Къ нимъ относятся посланники, какъ враждующихъ, такъ и союзныхъ народовъ. Поелику имъ предоставлено собирать войска и отправлять ихъ въ походъ, они насылаютъ военачальникамъ нужныя повелѣнія, и два эфора сопровождаютъ ихъ во время похода, для надзора за ихъ поведеніемъ; иногда останавливаютъ ихъ посреди завоеваній и отзываютъ въ отечество, естьли того требуетъ ихъ личная или государственная польза. Толикія преимущества привлекаютъ къ нимъ уваженіе, которое заслуживаютъ они опредѣленіемъ почестей за славныя дѣла, привязанностію къ древнимъ постановленіямъ, и тою твердостію, съ каковою недавно расторгли крамолы, стремившіяся разрушить общественное спокойствіе.

Въ теченіи многихъ лѣтъ, боролись они со властію сенаторовъ и царей, и дотолѣ не преставали быть имъ врагами, пока не учинились ихъ покровителями. Сіи покушенія, сіи присвоенія чуждой власти, моглибъ въ другихъ государствахъ пролить источники крови: почему же въ Спартѣ произвели они весьма только малыя

безпокойства? Причиною сему есть то, что эфоры обѣщали народу вольность, между тѣмъ, какъ ихъ соперники, будучи столь же бѣдны, какъ и народъ, не могли ему обѣщать богатства; къ сему присовокупить надлежитъ, что духъ согласія, введенный законами Ликурга, толикій имѣлъ верьхъ надъ частными выгодами, что древніе судіи, ревнуя одинъ предъ другимъ въ оказаніи примѣровъ повиновенія, обязанностію почитали жертвовать своими правами высокомѣрію эфоровъ.

Слѣдствіемъ сего народнаго духа было, что народъ не преставалъ почитать своихъ царей и сенаторовъ, которыхъ лишалъ власти. Величественный обрядъ, ежемѣсячно возобновляемый, напоминаетъ ему о его должностяхъ. Цари, во имя свое, эфоры во имя народа, клянутся торжественно; первые, управлять по законамъ; вторые, защищать власть царскую, доколѣ она не нарушитъ законовъ.

Народныя собранія.

Спартане имѣютъ нѣкоторыя собственныя свои выгоды, другія же общи имъ съ жителями различныхъ городовъ Лаконіи. Отъ сего бываетъ два рода собраній;

въ которыхъ присутствуютъ всегда цари, сенатъ и различныя степени судей. Когда надлежитъ разсуждать о наслѣдствѣ престола, избирать или отрѣшать судей, опредѣлять наказанія за преступленія противъ государства, дѣлать постановленія касательно вѣры или законодательства, тогда собраніе составлено бываетъ изъ однихъ только спартанъ и называется малымъ собраніемъ.

Оно бываетъ обыкновенно всякой мѣсяцъ во время новолунія, или чрезвычайное, когда потребуетъ того обстоятельство: предъ сужденіемъ читается опредѣленіе сената, ежели раздѣленіе голосовъ не возпрепятствуетъ сему сословію учинить своего единогласнаго рѣшенія. Въ послѣднемъ случаѣ эфоры переносятъ дѣло въ народное собраніе.

Всякъ изъ присутствующихъ имѣетъ право подавать свой голосъ, ежели минуло ему тридцать лѣтъ: до сего же возраста, не позволяется никому говорить въ собраніи. Сверхъ сего требуется, чтобы онъ былъ самаго честнаго поведенія; и понынѣ помнятъ еще того человѣка, который обольстилъ народъ своимъ краснорѣчіемъ. Со-

вѣтъ его былъ изященъ; но поелику онъ изшелъ изъ нечистыхъ устъ, то одинъ изъ сенаторовъ всталъ, и изъявивъ торжественно свое негодованіе о удобопреклонности всего собранія, заставилъ предложить то же мнѣніе, человѣка добродѣтельнаго. Онъ присовокупилъ, я не хочу, чтобъ сказано было когда нибудь о Лакедемонянахъ, что они слѣдуютъ совѣтамъ распутнаго ритора.

Всеобщее народное собраніе созывается, когда дѣло идетъ о войнѣ, о мирѣ и союзѣ; тогда приглашаются въ оное посланцы городовъ Лаконіи: къ нимъ присовокупляютъ часто посланниковъ союзныхъ народовъ, и тѣхъ, которые требуютъ помощи отъ Лакедемона. Въ ономъ разсуждаютъ о ихъ требованіяхъ и взаимныхъ жалобахъ, о нарушеніяхъ договоровъ другими народами, о средствахъ къ примиренію, о предполагаемыхъ военныхъ походахъ и о разныхъ поборахъ или налогахъ. Цари и сенаторы говорятъ часто въ сихъ собраніяхъ: они имѣютъ въ оныхъ великую власть, а эфоры еще больше. Когда дѣло, о которомъ разсуждаютъ, достаточно объяснится, одинъ изъ эфоровъ спрашиваетъ мнѣнія у всего собранія; во

мгновенїе слышимы бываютъ тысячи голосовъ, изъ которыхъ одни утверждаютъ, другїе опровергаютъ. Когда послѣ многихъ таковыхъ опытовъ не возможно бываетъ отличить большинства голосовъ, тотъ же самый эфоръ удостовѣряется въ семъ, щитая голоса, раздѣленныя имъ на двѣ стороны.

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

О законахъ Лакедемонскихъ.

Природа почти всегда противурѣчитъ законамъ; ибо она печется о благѣ каждаго существа, не входя въ отношенїя его съ другими; а законы утверждаются токмо на отношенїяхъ, ихъ соединяющихъ; поелику она безконечно измѣняетъ наши свойства и склонности, между тѣмъ какъ предметъ законовъ состоитъ въ томъ, чтобы привести ихъ, по возможности, къ единству. Итакъ законодатель, имѣющїй предметомъ своимъ истребленїе или соглашенїе сихъ противностей, долженъ почи-

шать нравоученіе сильнѣйшею пружиною и важнѣйшею частію своей политики; онъ стараться долженъ взять во власть свою твореніе природы, почти при самомъ его рожденіи; онъ долженъ имѣть дерзновеніе преобразить очертаніе и соразмѣрности онаго; стараться, не истребляя первоначальныхъ чертъ, оныя смягчать, дабы наконецъ человѣкъ не зависящій, выходя изъ рукъ его, содѣлался токмо свободнымъ гражданиномъ.

Легко представить себѣ можно, что просвѣщенные люди соединили нѣкогда дикихъ людей по лѣсамъ разсѣянныхъ, что ежедневно мудрые наставники, отъ части по собственной волѣ своей образуютъ свойство дѣтей, попеченію ихъ ввѣренныхъ; но коль великій умъ долженствовалъ имѣть тотъ, кто премѣнилъ цѣлой народъ уже образованной! и коликую бодрость духа, чтобы дерзать рещи ему: я ограничу нужды ваши сущею необходимостію, и потребую отъ страстей вашихъ, самыхъ тягостныхъ пожертвованій: вы не будете болѣе знать прелестей сладострастія; вы премѣните приятности жизни на трудныя и

болѣзненныя упражненія; я лишу однихъ богатства, дабы раздѣлить оное другимъ, и нищій возвыситъ главу свою наровнѣ съ богатымъ; вы должны будете отрещись отъ вашихъ понятій, отъ вашего вкуса, отъ вашихъ привычекъ, отъ вашихъ требованій, иногда даже отъ тѣхъ нѣжныхъ и драгоцѣнныхъ чувствованій, которыя природа напечатлѣла во глубинѣ сердецъ вашихъ!

Сіе однакоже учинилъ Ликургъ посредствомъ постановленій, толь существенно различныхъ отъ другихъ народовъ, что путешественникъ, прибывъ въ Лакедемонъ, почитаетъ себя пренесеннымъ въ новый міръ. Странность ихъ заставляетъ его въ оныя вникать; и вскорѣ бываетъ онъ пораженъ глубыкомысліемъ намѣреній, и тѣми возвышенными чувствованіями, которыя блистаютъ во всемъ твореніи Ликурга.

Онъ велѣлъ вибирать судей не пожребію, но по числу голосовъ. Онъ отнялъ у богатства уваженіе, а у любви ревнивость. Ежели онъ предписалъ нѣкоторыя отличія; то правительство, преисполненное его духа, никогда ихъ не расточало, а добро-

дѣтельные люди не дерзали оныхъ требовать; честь учинилась изящнѣйшею изъ всѣхъ наградъ, а поношенїе жесточайшимъ наказанїемъ. Смертная казнь была иногда опредѣляема, но оной долженствовало предшествовать строгое разсмотрѣнїе; ибо нѣтъ ничего драгоцѣннѣе жизни гражданина. Казнь совершалась въ тюрьмѣ, въ ночное время, дабы твердость виновника не возбудила жалости въ присутствующихъ. Петля служила орудїемъ казни, ибо не почитали нужнымъ увеличивать страданїй.

Въ послѣдствїи опишу я большую часть Ликурговыхъ повѣствованїй; здѣсь упомяну о раздѣлѣ земель. Сїе предложенїе возмутило умы всѣхъ гражданъ; но послѣ самыхъ упорныхъ споровъ, округъ Спартанскїй раздѣленъ былъ на девять тысячъ, а остальная часть Лаконїи на тридцать тысячъ участковъ земли. Каждый участокъ, назначенный во владѣнїе отцу семейства, долженствовалъ производить, кромѣ извѣстнаго количества вина и масла, семьдесятъ мѣръ ржи для начальника семейства и двѣнадцать для жены его.

Послѣ сего Ликургъ почелъ нужнымъ

удалиться изъ отечества, чтобы дать время успокоиться умамъ. По возвращенiи своемъ увидѣлъ онъ поля Лаконскiя покрытыя кучами сноповъ равныя величины, и въ одинаковомъ между собою разстоянiи. Ему казалось, что видитъ обширное владѣнiе, котораго произведенiя дѣлятъ между собою братья; они же, казалось, зрѣли въ немъ отца, которой при раздѣленiи даровъ своихъ, равную ко всѣмъ дѣтямъ имѣлъ нѣжность, не предпочитая одного другому.

Но какъ можетъ существовать сiе равенство имуществъ? До Ликурга, Критскiй законодатель не смѣлъ установить онаго, ибо позволилъ умножать имущества. Послѣ Ликурга, Фалеасъ въ Халкидонѣ, Филопай въ Ѳивахъ, Платонъ, и иные законодатели, иные философы предлагали недостаточныя средства къ разрѣшенiю сей задачи. Одному только Ликургу свойственно было покуситься на чрезвычайныя предприятiя, и соглашать между собою самыя противныя изъ оныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ своимъ закономъ опредѣляетъ онъ число наслѣдственныхъ имуществъ

равное числу гражданъ, а другимъ, дѣлая нѣкоторыя исключенія для гражданъ, имѣющихъ троихъ дѣтей, и предоставляя еще большія выгоды тому, у кого оныхъ четверо, подвергается опасности истребить ту соразмѣрность, которую учредить желаетъ, и возстановить различіе между богатыми и бѣдными, которое уничтожить намѣревается.

Во время моего въ Спартѣ пребыванія, порядокъ въ имуществахъ частныхъ людей нарушенъ былъ опредѣленіемъ эфора Эпитадія, который хотѣлъ отмстить своему сыну; а поелику я тогда не викалъ въ первобытное состояніе оныхъ, то не иначе могу открыть намѣренія законодателя въ разсужденіи сего предмета, какъ восходя до самыхъ его началъ.

По законамъ Ликурговымъ начальникъ семейства, не имѣлъ права ни покупать, ни продавать земель; ему не только запрещено было дарить оныя при жизни, или отказывать по духовной, но даже не позволено было и раздѣлять ихъ. Все имѣніе отца доставалось старшему сыну, подобно какъ въ царскомъ домѣ старшій

сынѣ по праву вступаетѣ на престолѣ. Но какому жребію подвергались прочіе дѣти? Не уже ли законы, обезпечивавшіе состояніе ихѣ при жизни отца, оставляли ихѣ безѣ вниманія послѣ его смерти?

1е. Кажется, что они получали вѣ наслѣдство рабовѣ, часть изѣ того, что отцы накопили во время жизни и разныя вещи изѣ движимаго имѣнія. Продажа сихѣ вещей конечно достаточна была для доставленія имѣ одежды; ибо сукно, которое вѣ то время носили, было столь дешево, что самой бѣднѣйшій могѣ его покупать. 2е. Каждый гражданинѣ имѣетѣ право участвовать вѣ общественныхѣ столахѣ, но долженѣ на свою долю доставать нѣкоторое количество ячменю, цѣною на двѣнадцать медимнѣ, а всякой Спартанецѣ, владѣющій частію наслѣдства, получалѣ сѣ онаго ежегодно по 70, а жена его по 12 медимнѣ. Итакѣ избытокѣ мужнина доходу достаточенѣ былѣ кѣ прокормленію пятерыхѣ дѣтей; поелику Ликургѣ не могѣ предполагать, чтобы всякой отецѣ семейства имѣлѣ толь большое число оныхѣ, то надлежитѣ заключить, что стар-

шій сынЪ обязанЪ былЪ содержать не только своихЪ дѣтей, но и братьевЪ. 3е. Можно предположить, что только братьямЪ, слѣдующимЪ за старшими, позволено было жениться на такихЪ дѣвицахЪ, которыя по недостатку мужескаго колѣна получали послѣ отцевЪ земли вЪ наслѣдство. БезЪ сея предосторожности, всѣ бы наслѣдства достались вЪ руки одному человѣку. 4е. По освидѣтельствованіи дѣтей, при ихЪ рожденіи, судіи раздавали имЪ участки земель, оставшихся по случаю какого либо вымершаго рода. 5е. ВЪ сіи послѣднія времена, частыя войны истребляли великое множество оныхЪ; а вЪ предшествовавшія столѣтія отправлялись они вЪ отдаленныя страны для поселеній. 6е. Дочерей не трудно было пристроивать; имЪ запрещено было давать приданое. 7е. Поелику духЪ союза и безкорыстія содѣлывалЪ, нѣкоторымЪ образомЪ, всѣ вещи общими между гражданами; то преимущество однихЪ гражданЪ надЪ другими, состояло часто только вЪ томЪ, чтобЪ взаимно предупреждать желанія, или споспѣшествовать исполненію оныхЪ.

Доколѣ существовалъ духъ согласія, законоположеніе противуборствовало потрясеніямъ, кои колебать его начинали. Но кто поддержитъ оное отъ нынѣ, когда опредѣленіями эфоровъ, о коихъ я уже говорилъ, позволяется каждому гражданину давать приданое дочерямъ и располагать по произволу своимъ участкомъ? Поелику наслѣдства переходятъ ежедневно въ разныя руки, то симъ нарушается равновѣсіе, какъ въ имуществѣ, такъ и въ равенствѣ.

Теперь я обращаюсь къ разпоряженіямъ Ликурговымъ. Капиталы столь же свободные, какъ и самыя лица, не должны быть подвержены налогамъ. Республика не имѣла собственной казны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, граждане помогали ей, каждый по своей возможности, въ другихъ, прибѣгали они къ такимъ средствамъ, которыя доказывали крайнюю ихъ бѣдность. Посланцы съ острова Самоса просили въ долгъ нѣкоторую сумму денегъ; народное собраніе, не имѣя инаго пособія, наложило всеобщій постъ, какъ на людей свободныхъ, такъ на рабовъ и даже на дома-

шній скотъ. Сбереженныя сими средствами деньги отданы были посланцамъ.

Все покорялось великому разуму Ликурга; любостяжаніе начинало исчезать, сильныя страсти не возмущали уже общественнаго порядка. Но самая сія тишина произвела бы большее нещастіе, естьли бы законодатель не утвердилъ оной. Законы сами собою не могутъ произвести сего великаго дѣйствія; ежели будутъ презрѣны неважныя, то вскорѣ презрятъ и важнѣйшія, естьли законы слишкомъ многочисленны, естьли въ нѣкоторыхъ случаяхъ они молчатъ, а въ другихъ гласъ ихъ столь же теменъ, какъ гласъ прорицалищъ; естьли каждому судьѣ позволено опредѣлять ихъ смыслъ, каждому гражданину на нихъ жаловаться, естьли въ малѣйшихъ подробностяхъ, содержатъ они кромѣ стѣсненія нашей свободы уничижительныя угрозы; тщетно изсѣчены будутъ тогда и на самомъ марморѣ, они никогда до сердецъ нашихъ не достигнутъ.

Примѣтивъ непреоборимую власть, каковую имѣютъ надъ человѣкомъ впечатлѣнія, получаемыя во младенчествѣ и во все

теченіе жизни, Ликургъ уже съ давняго времени утвердился въ системѣ, которую опытъ оправдалъ въ Критѣ. Давайте всѣмъ дѣтямъ равное воспитаніе, придерживаясь одного порядка, однихъ непремѣнныхъ правилъ, подъ надзираніемъ градоначальниковъ и даже всей республики; они познаютъ свои должности исполняя ихъ, потóмъ ихъ возлюбятъ, потому что ихъ исполняли и не престанутъ чтить ихъ, видя, что онѣ исполняются всѣми. Обычаи, оставаясь непремѣнными, получатъ непобѣдимую силу, какъ отъ своей древности, такъ и отъ того, что они всеобщи: непрерывная цѣпь подаваемыхъ и исполняемыхъ примѣровъ произведетъ то, что всякой гражданинъ, содѣлавшись законодателемъ своего сосѣда, будетъ служить для него живымъ правиломъ; таковое покореніе себя силѣ привычки, почтется за повиновеніе законамъ; и каждый будетъ думать, что дѣйствуетъ свободно, потому что дѣйствуетъ безъ усилія.

По сему довольно наставнику народа начертать для всякой части правленія небольшее число законовъ, весьма достаточ-

ныхЪ для каждаго; они будутЪ способствовать кЪ поддержанію сихЪ обыкновеній, превосходящихЪ силу самыхЪ законовЪ. ОнЪ запретитЪ имѣть законы сіи письменные, дабы ими не стѣснить власти добродѣтели; дабы гражданинЪ, думая, что онЪ исполняетЪ все должное, не удерживался отЪ того, что сдѣлать можетЪ. Но законы не будутЪ держаны вЪ тайнѣ, а предаваемы изустно отЪ одного кЪ другому, приводимы во всѣхЪ случаяхЪ, и учинятся извѣстными всѣмЪ гражданамЪ, яко свидѣтелямЪ и судьямЪ дѣйствій каждаго гражданина особенно. МлодымЪ людямЪ не будетЪ позволено ихЪ хулить, даже и разсуждать обЪ нихЪ, ибо они приняли оные какЪ велѣнія небесЪ, и власть законовЪ единственно утверждена на томЪ чрезвычайномЪ почтеніи, какое они вперять должны. РавнымЪ образомЪ не должно будетЪ хвалить законовЪ и обычаевЪ чужеземныхЪ; ибо кто неувѣренЪ вЪ томЪ, что онЪ живетЪ подЪ самымЪ лучшимЪ правленіемЪ, тотЪ скорѣе пожелаетЪ другаго.

ТакЪ не станемЪ удивляться, что повиновеніе для СпартанЪ есть изЪ всѣхЪ

добродѣтелей первѣйшая, и что сїи гордые люди никогда не дерзаютъ, держа въ рукахъ законъ, требовать отъ судей отчета, въ сдѣланныхъ ими опредѣленїяхъ.

Не станемъ также удивляться и тому, что Ликургъ наипервѣйшимъ дѣломъ законодателя почелъ воспитанїе, и что для обузданїя ума и сердца Спартанъ, младенчество ихъ подвергъ опытамъ, о коихъ скажемъ въ послѣдствїи.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

О воспитанїи и бракѣ Спартанъ.

Законы Лакедемонскїе пекутся съ величайшею бдительностїю о воспитанїи дѣтей. Они повелѣваютъ, чтобы воспитанїе было открытое, и какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ одинакое. Они предупреждаютъ даже минуту рожденїя дѣтей: какъ скоро женщина объявитъ о своей беременности, то въ ея покояхъ вѣшаютъ по стѣнамъ изображенїя, въ которыхъ блистаетъ

юность и красота; таковы суть изображенія Аполлона, Гіацинта, Нарцисса, Кастора, Поллукса и проч. дабы ея воображеніе, безпрестанно поражаемое сими предметами, предало нѣкоторыя черты оныхъ носимому во чревѣ ея младенцу.

Тотчасъ по рожденіи представляютъ его собранію старѣйшинъ того колѣна, къ которому принадлежитъ его семейство. Призываютъ кормилицу, которая вмѣсто воды омываетъ его виномъ, отъ чего, какъ думаютъ Лакедемонцы, произходятъ гибельныя слѣдствія въ младенцахъ слабаго сложенія. Послѣ сего испытанія, производимаго со всею возможною строгостію, рѣшится судьба новорожденнаго. Естьли усмотрятъ, что жизнь его безполезна будетъ, какъ для республики, такъ и для самаго младенца, то бросаютъ его въ пропасть, близь горы Тайгета. Естьли же онъ окажется здоровъ и крѣпкаго сложенія, то именемъ отечества избирается онъ быть со временемъ защитникомъ онаго.

Младенца, принесеннаго обратно въ домъ, кладутъ на щитъ: и подлѣ сей, особливаго рода колыбели, ставится копье,

дабы глаза его заблаговременно приучалися смотрѣть на сїе оружїе.

Нѣжныхъ членовъ его не стѣсняютъ пеленами, препятствующими движенїю, не мѣшаютъ ему и плакать, ежели онъ заплачетъ; но не подаютъ причины къ слезамъ угрозами, или побоями. Постепенно привыкаетъ младенецъ оставаться одинъ, быть въ темнотѣ и не дѣлать ни малѣйшаго разбора въ пищѣ. Удаляютъ отъ него всякое впечатлѣнїе страха, не дѣлаютъ ни безполезныхъ принужденій, ни выговоровъ несправедливыхъ; предавшись невиннымъ младенческимъ забавамъ, онъ совершенно наслаждается прїятностями жизни, и его благополучїе споспѣшествуетъ скорѣйшему возращенїю тѣлесныхъ силъ и душевныхъ способностей.

До семи лѣтъ не знаетъ онъ рабскаго страха, и въ сїе время оканчивается обыкновенно домашнее воспитанїе. Вопрошаютъ отца, желаетъ ли онъ, чтобы дитя его было воспитано по законамъ республики: въ случаѣ несогласїя, онъ самъ лишается права гражданина: когда же изъявитъ на то свое желанїе, съ того времени мла-

денецЪ имѣетЪ надзирателями не только родителей, но и законы, градоначальниковЪ и всѣхЪ гражданЪ, имѣющихЪ право вопрошать его, подавать ему совѣты и наказывать, не страшась прослыть суровыми; ибо они сами подверглись бы наказанїю, когдабЪ видя его проступки, по слабости своей, его пощадили. Надзиранїе за дѣтьми ввѣряется одному изЪ почтеннѣйшихЪ мужей вЪ республикѣ; онЪ разпредѣляетЪ ихЪ по разнымЪ отдѣламЪ, изЪ коихЪ надЪ каждымЪ поставляется юный начальникЪ, отличившїйся благоразумїемЪ и мужествомЪ. Они безЪ роптанїя должны повиноваться его повелѣнїямЪ, и сносить наказанїя, отЪ него налагаемыя, и исполняемыя молодыми людьми, достигшими юношескаго возраста.

Строгость воспитанїя ежедневно возрастаетЪ. МладенцамЪ остригаютЪ волосы; принуждаютЪ ихЪ ходить босыми, дабы приучить кЪ суровости годовыхЪ временЪ; заставляютЪ ихЪ иногда сражаться нагими.

По прошествїи двѣнадцати лѣтЪ скидаютЪ они тунику, и носятЪ епанчу, что продолжается цѣлой годЪ. Рѣдко поз-

волякотъ употреблять бани, или благовонія. Каждый отдѣлъ дѣтей спитъ въ одномъ мѣстѣ, на верьхушкахъ тростника, растущаго въ Эвротѣ, и который они срываютъ безъ помощи желѣзнаго орудія.

Тогда-то начинаютъ они вступать въ тѣ особенныя связи, которыя мало извѣстны иностраннымъ народамъ, и которыя бываютъ безпорочнѣе въ Лакедемонѣ, нежели въ другихъ городахъ Грецїи. Каждому изъ нихъ позволено принимать усердныя услуги отъ честнаго молодаго человѣка, который привлекается къ нему приятностїю красоты и сильнѣйшими прелестями добродѣтелей; ибо красота есть, кажется, изображенїе оныхъ. Итакъ юношество Спартанское разпредѣлено на два отдѣла; одинъ состоитъ изъ любящихъ; другой изъ любимыхъ. Первые, долженствующїе служить примѣромъ вторымъ, доводятъ до изступленїя чувствованїе, поддерживающее самое благородное соревнованїе, и которое при восторгахъ любви не иное что есть, какъ страстная нѣжность отца къ сыну, пламенная дружба брата къ брату. Когда при воззрѣнїи на одинъ пред-

метъ, многїе чувствуютъ божественное вдохновенїе, такъ называютъ склонность, ихъ движущую; то не только они другъ другу не завидуютъ, но еще тѣснѣе между собою соединяются, и показываютъ болѣе усердїя къ успѣхамъ того, кого любятъ; ибо все честолюбїе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы любимый ими предметъ толико же былъ почтенъ отъ другихъ, сколько почитаемъ ими. Одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ гражданъ осужденъ былъ на денежную пеню за то, что не былъ привязанъ ни къ одному юношѣ; другой за то, что юный другъ его во время сраженїя закричалъ робкимъ голосомъ.

Такїе союзы, производившїе не рѣдко великїя дѣла, существуютъ между обоими полами, и иногда продолжаются во всю жизнь. Весьма съ давнихъ временъ учреждены они были на островѣ Критѣ. Ликургъ позналъ ихъ цѣну, и предупредилъ опасность, отъ нихъ произойти могущую. Кромѣ того, что малѣйшее нарушенїе дружбы, долженствующей быть священною, и которая почти всегда есть таковою, навѣки покрыло бы безчестїемъ виновнаго, и, смотря по об-

стоятельствамъ, было бы наказано смертїю, воспитанники ни на одно мгновенїе ока не могутъ укрыться отъ взоровъ пожилыхъ людей, которые за долгъ себѣ поставляютъ присутствовать при ихъ упражненїяхъ и содержать въ оныхъ благопристойность; отъ взоровъ главнаго начальника надъ воспитанїемъ; отъ взоровъ Ирена или частнаго смотрителя надъ каждымъ отдѣленїемъ.

Сей Иренъ долженъ быть человѣкъ молодый, лѣтъ двадцати отъ роду, который въ награду за мужество и благоразумїе получаетъ ту честь, что можетъ преподавать наставленїя въ сказанныхъ добродѣтеляхъ юношеству, его попеченїю ввѣренному. Онъ всегда ими предводительствуетъ, когда производятъ они между собою примѣрныя сраженїя, переплываютъ рѣку Эвротъ, ходятъ на охоту, учатся борбѣ, бѣганїю и другимъ тѣлеснымъ упражненїямъ. Возвратясь домой, принимаютъ они здоровую и умѣренную пищу, которую приготовляютъ сами. Сильнѣйшїе приносятъ дрова, а слабѣйшїе зелень и другїе снѣди, которыя должны похищать, вкравшись въ сады и въ храмины, въ коихъ даютъ общенародные

столы. Когда ихъ поймаютъ, то или сѣкутъ розгами, или сверьхъ того не допущаютъ къ общему столу; иногда влекутъ ихъ къ жертвеннику, около котораго заставляютъ ходить и пѣть стихи, въ собственное ихъ посмѣянiе сложенные.

По окончанiи ужина, юный начальникъ однихъ заставляетъ пѣть, другимъ предлагаетъ такiе вопросы, по которымъ судить можно объ ихъ разумѣ или чувствованiяхъ. *Кто честнѣе всѣхъ въ городѣ? Что думаешь ты о такомъ то поступкѣ?* Отвѣтъ долженъ быть коротокъ и основателенъ. Говорящiе безъ всякаго размышленiя, получаютъ легкое наказанiе въ присутствiи градоначальниковъ и старѣйшинъ, находящихся при сихъ разговорахъ, и которые нерѣдко бываютъ недовольны и самыми рѣшенiями юнаго ихъ начальника. Они дожидаются, чтобы онъ остался одинъ, для наказанiя его самаго, за снисхожденiе или за излишнюю строгость.

О словесности вообще подаютъ воспитанникамъ весьма поверхностное понятiе; но научаютъ ихъ выражать мысли свои чисто, дѣйствовать съ прiятностiю въ

хорахъ пляски и музыки, предавать потомству въ стихахъ своихъ память умершихъ за отечество, и поруганiе тѣхъ, которые измѣнили оному. Въ сихъ стихотворенiяхъ высокiя мысли выражаются просто, а возвышенныя чувствiя съ жаромъ.

Эфоры ежедневно къ нимъ ходятъ, а они посѣщаютъ отъ времени до времени эфоровъ, которые разсматриваютъ, тщательно ли производится ихъ воспитанiе, не вкралась ли какая нибудь нѣга въ ихъ постели или одежду, не слишкомъ ли они толстѣютъ. Сiе послѣднее обстоятельство весьма важно; Спартанскiе градоначальники призывали иногда на судъ народа и угрожали ссылкою такихъ гражданъ, коихъ чрезмѣрная тучность казалась быть доказательствомъ излишней ихъ нѣги. Женоподобное лице заставило бы покраснѣть Спартанина; тѣлу, при его возращенiи, надлежитъ принимать большую гибкость и силу, сохраняя всегда надлежащую въ членахъ соразмѣрность.

Сей-то цѣли достигнуть стараются въ Спартѣ, заставляя молодыхъ людей упражняться въ различныхъ трудахъ цѣ-

лый день. Большую часть онаго проводят они в гимназіи, в которой не бывает, как в других городах, учителей, показывающих ученикам своим искуство хитростію побѣждать противников; здѣсь оное унизило бы мужество; ибо честь должна сопровождать как побѣжденнаго, так и побѣдителя. Для того-то, в нѣкоторых тѣлесных упражненіях, не позволено побѣждаемому Спартанину подымать руки, ибо сим образом признал бы он себя побѣжденным.

Я часто присутствовал в Платанистѣ на сраженіях, в которых упражняются молодые люди, достигшіе восьмнадцатилѣтняго возраста. Они приготовляются к оным в своем училищѣ, находящемся в селеніи, Ѳерапнееою называемом: раздѣлясь на два отряда, из которых один называется именем Иракла, а другой именем Ликурга, закалают купно в нощное время пса, в жертву Марсу. Мнили тогда, что самое отважнѣйшее из домашних животных долженствовало быть пріятнѣйшею жертвою самому отважному из богов. По совершеніи

сей жертвы, каждый отрядъ приводитъ по одному укрощенному вепрю, возбуждаютъ ихъ другъ противъ друга своимъ крикомъ, и чей вепрь побѣдитъ, та сторона почитаетъ сіе щастливымъ для себя предзнаменованіемъ.

На другой день около полудня, юные воины идутъ въ порядкѣ, и различными путями, опредѣляемыми жребіемъ, на поле сраженія. По данному знаку бросаются они другъ на друга, сражаются и попремѣнно другъ друга прогоняютъ. Вскорѣ жаръ ихъ постепенно увеличивается, они бьются ногами и кулаками, терзаютъ одни другихъ зубами и кохтями, продолжаютъ невыгодную битву, не смотря на жестокія раны, желая скорѣе погибнуть нежели уступить; иногда даже возрастаетъ въ нихъ гордость по мѣрѣ, какъ ослабѣваютъ силы. Одинъ изъ нихъ, готовый уже повергнуть соперника своего на землю, вдругъ закричалъ: *Ты кусаешь меня какъ женщина. Нѣтъ, отвѣтствовалъ другой, но такъ какъ левъ.* Битва сія происходитъ въ присутствіи пяти градоначальниковъ, которые однимъ словомъ могутъ укротить ея жестокость;

въ присутствіи множества свидѣтелей, которые попеременно осыпаютъ побѣдителей похвалами, а побѣжденныхъ насмѣшками. Они кончатся когда одна сторона принуждена бываетъ переплыть рѣку Эвротъ, или каналъ, который, купно съ сею рѣкою, окружаетъ Платанисту.

Я былъ зрителемъ другихъ сраженій, на которыхъ величайшая твердость духа борется съ величайшими страданіями. Во время празднества, ежегодно отправляемаго въ честь Діаны, проименованной Орѳіею, ставятъ около олтаря юныхъ Спартанъ, едва вышедшихъ изъ младенческаго возраста, и выбранныхъ изъ различныхъ состояній; ихъ бьютъ бичемъ дотолѣ, пока потечетъ кровь. Сіе происходитъ въ присутствіи жрицы; въ рукахъ своихъ держитъ она весьма малый и легкій деревянный истуканъ богини Діаны. Какъ скоро бичующіе покажутся наклонными къ жалости; то жрица восклицаетъ, что ей тяжело держать истуканъ. Тогда усугубляются удары; вниманіе общее увеличивается. Сродники, съ жестокимъ воплемъ, упрашиваютъ сихъ невинныхъ жертвъ, чтобы они

не произносили ни малѣйшей жалобы: сіи последнія, сами требуютъ страданій и куппно презираютъ ихъ. Присутствіе толь великаго числа зрителей, занимающихся единственно наблюденіемъ наималѣйшаго ихъ движенія, и надежда одержать побѣду, которая приписывается тому, кто постояннѣе выдержитъ мученіе, толико ихъ ожесточаютъ, что они симъ ужаснымъ страданіямъ противуполагаютъ только спокойный видъ и радость, негодованіе возбуждающую.

Удивленъ будучи ихъ твердостію, я сказалъ сопровождавшему меня Дамонаксу: признаться должно, что законы ваши строго наблюдаются. Скажи лучше, отвѣтствовалъ онъ, что мы оскорбляемъ оные, выходя изъ предѣловъ. Обрядъ, которой ты видѣлъ, былъ нѣкогда введенъ въ честь варварскаго божества, котораго богослуженіе и истуканъ пренесенъ, какъ говорятъ, Орестомъ изъ Тавриды въ Лакедемонъ. Прорицалище повелѣло приносить ему людей въ жертву; но Ликургъ уничтожилъ сіе ужасное обыкновеніе; а чтобъ вмѣсто того оставить нѣчто для суевѣрія, онъ предписалъ,

чтобъ юные Спартанцы, осужденные за вины свои къ наказанію бичемъ, подвергаемы были оному у олтаря богини.

Надлежало держаться словъ и смысла закона: оный предписывалъ легкое токмо наказаніе; но безразсудныя похвалы наши, какъ здѣсь, такъ и въ Платанистѣ, возбуждаютъ между сими молодыми людьми ненавистное соревнованіе. Ихъ мученія служатъ пищею нашему любопытству; для нихъ же торжествомъ. Отцамъ нашимъ извѣстно было единое иройство, полезное отечеству; и добродѣтели ихъ были ни выше, ни ниже ихъ должностей. Но когда въ наши добродѣтели вкралось тщеславіе, то черты ихъ толико учинились грубы, что и узнать ихъ трудно. Сія перемѣна, начавшаяся со времени войны Пелопонисской, служитъ разительнымъ признакомъ развращенія нашихъ нравовъ. Умноженіе зла производитъ презрѣніе, а умноженіе добра по неволѣ привлекаетъ почтеніе. Въ такомъ случаѣ мы думаемъ, что блистательный подвигъ освобождаетъ насъ отъ священнѣйшихъ обязанностей. Естьли злоупотребленіе сіе продлится, то юношество наше питать

будешъ въ душахъ своихъ неустрашимость для единаго только оказательства; при олтарѣ Дїаны оно презирать будетъ смерть; а увидя неприятеля обратится въ бѣгство.

Приведите на память того младенца, который за нѣсколько дней спрятавъ за пазуху молоденькую лисичку, попустилъ ей растерзать грудь свою, не хотя признаться въ кражѣ: упрямство его казалось столь необычайнымъ, что товарищи порицали его явно. Но оно было, сказалъ я ему, слѣдствїемъ вашихъ узаконенїй; ибо младенецъ отвѣтствовалъ, что лучше умереть въ страданїяхъ, нежели жить въ поношенїи. Итакъ тѣ философы говорятъ правду, которые утверждаютъ, что упражненїя ваши напечатлѣваютъ въ душахъ юныхъ воиновъ нѣкоторое звѣрство.

Они нападаютъ на насъ, возразилъ Дамонаксъ, тогда, когда мы уже низложены. Излишеству добродѣтелей нашихъ положилъ Ликургъ оплоты, существовавшїе въ теченїе четырехъ столѣтїй; и коихъ слѣды донынѣ остались. Мы недавно видѣли Спартанца, учинившаго славные подвиги, наказаннаго за то, что онъ сра-

жался безъ щита? Но по мѣрѣ измѣненія нравовъ нашихъ, тщеславіе расторгаетъ предѣлы, и нечувствительно вкрадывается во всѣ степени гражданъ. Прежде жены Спартанскія, будучи благоразумнѣе и благопристойнѣе, нежели нынѣ, услыша о смерти сыновъ своихъ, павшихъ на полѣ сраженія, довольствовались тѣмъ, что заглушали въ себѣ чувствованія природы; нынѣ же вмѣняютъ себѣ въ достоинство ругаться оными; и страшась изъявить слабость, не боятся показываться зверскими. Таковъ былъ отвѣтъ Дамонаска. Я обращаюсь къ воспитанію Спартанцевъ.

Во многихъ Греческихъ городахъ, юноши, достигшіе семнадцати лѣтъ, не находятся уже болѣе подъ надзираніемъ бдительнаго ока наставниковъ. Ликургъ столько зналъ сердце человѣческое, что не восхотѣлъ предоставить его собственной своей волѣ въ сіи опасныя минуты жизни, отъ которыхъ почти всегда зависитъ судьба гражданина, а иногда и цѣлаго отечества. Онъ противуположилъ первоначальному дѣйствію страстей новую цѣпь упражненій и трудовъ. Въ сіе время начальники тре-

буютъ отъ учениковъ своихъ большей кротости, большей умѣренности, покорности и рвенія, Нельзя безъ удивленія смотрѣть на сіе блистательное юношество, въ которое чувствованіе храбрости и красоты своей долженствуетъ вперять высокое о самихъ себѣ мнѣніе, не дерзающее, такъ сказать, отверзнуть устъ, или возвести очей, и шествующее тихими шагами, храня благопристойность стыдливой дѣвы, идущей со священными приношеніями.

Но смотря на то, естьли сіе благоустройство не будетъ имѣть цѣлію важной пользы; то стыдливость будетъ украшать ихъ чело, а порокъ обладать сердцами. И потому Ликургъ возбуждаетъ противу ихъ толпу соглядателей и соперниковъ, безпрестанно за ними надзирающихъ. Правило сіе есть самое удобнѣйшее для содѣланія добродѣтелей чистѣйшими. Поставь молодому человѣку въ образецъ другаго юношу, равнаго ему лѣтами: онъ его возненавидитъ, когда не возможетъ съ нимъ сравниться; естьли же безъ труда превзойдетъ, станетъ презирать его. Противуположи одно общество друго-

му: поелику легко уравнять ихъ силы и премѣнять составы; то честь, коею увѣнчавается побѣда, и стыдъ, отъ пораженія происходящій, не могутъ ни излишней вперять гордости, ни слишкомъ унижать каждаго, изъ составляющихъ сіе общество, въ особенности. Тогда родится между ими соперничество, соединенное со взаимнымъ почтеніемъ; родственники и друзья ихъ будутъ стремиться раздѣлить оное, и въ семъ случаѣ простыя упражненія содѣлываются зрѣлищами, привлекательными для всѣхъ гражданъ.

Юные Спартане оставляютъ часто свои игры, дабы предаться труднѣйшимъ упражненіямъ. Имъ повелѣваютъ разсѣяваться по всей области, вооруженнымъ, босымъ; они подвергаются тогда всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ, не имѣя при себѣ ни служителей, ни покрова для защиты себя отъ ночнаго хлада. Они упражняются или въ разсматриваніи страны, ими обитаемой, и средствъ, охраняться отъ непріятельскихъ набѣговъ, или въ ловитвѣ кабановъ и другихъ дикихъ звѣрей. Иногда для испытанія различныхъ изворотовъ военнаго искуства, дер-

жатся они во весь день въ засадѣ, а по наступленіи ночи нападаютъ и низлагаютъ Илотовъ, которые, хотя и бываютъ предупреждаемы объ опасности, по неосторожности своей выходятъ изъ домовъ и съ ними встрѣчаются.

Въ Спартѣ дѣвицы воспитываются иначе, нежели въ Аѳинахъ; имъ не предписывается сидѣть заключенными, прясть волну, воздерживаться отъ вина, и отъ излишества въ пищѣ. Но учатъ ихъ плясать, пѣть, бороться, съ легкостію бѣгать по песку, съ силою бросать кружокъ и дротикъ. Онѣ должны быть во всѣхъ сихъ упражненіяхъ безъ покрова и полунагіе, въ присутствіи царей, градоначальниковъ, и всѣхъ гражданъ, не исключая даже юношей, которыхъ побуждаютъ онѣ къ славѣ, или своимъ примѣромъ, или лестною похвалою, или острыми насмѣшками.

Во время сихъ игръ, сердца, предопредѣленныя ко взаимному союзу, начинаютъ въ первый разъ ощущать впечатлѣнія, которыя въ послѣдствіи времени долженствуютъ составить ихъ благополучіе; но восторги раждающейся любви никогда не

бывают увѣнчаны преждевремяннымъ бракомъ. Вездѣ, гдѣ только позволяется незрѣлому юношеству продолжать родъ свой, люди умаляются въ ростѣ, и перерождаются въ худшее племя. Но въ Лакедемонѣ они не измѣняются потому, что не позволено вступать въ бракъ дотолѣ, пока тѣло не достигнетъ совершеннаго роста, и пока разумъ не будетъ способенъ учинить безошибочной выборъ.

Съ качествами душевными, оба супруга должны соединять мужественную красоту и цвѣтущее здравіе. Ликургъ, а по немъ уже просвѣщенные философы удивлялись тому, съ какимъ тщаніемъ пекутся о усовершенствованіи разныхъ породъ животныхъ, между тѣмъ, какъ вовсе небрегутъ о людяхъ. Намѣренія его были исполнены, и щастливые союзы, кажется, возвели природу человѣческую на новую степень силы и величія. И въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ прекраснѣе и чище крови Спартанцевъ.

Я не войду въ подробное описаніе брачныхъ обрядовъ; но упомяну объ обычаѣ, достойномъ примѣчанія по его странно-

сти. По наступленiи той минуты, въ которую долженъ совершиться бракъ, юный супругъ, вкусивъ небольшое количество пищи за общенароднымъ столомъ, уходитъ при самомъ наступленiи ночи, въ домъ новыхъ своихъ сродниковъ; онъ украдкою уводитъ оттуда новобрачную, приводитъ къ себѣ и вскорѣ потомъ возвращается въ Гимназiю къ своимъ товарищамъ, съ которыми по прежнему продолжаетъ жить вмѣстѣ. Въ слѣдующiе дни, ходитъ онъ какъ обыкновенно въ родительской домъ; но страсти своей удовлетворяетъ только въ такiя минуты, въ которыя можетъ скрыться отъ взоровъ всѣхъ его окружающихъ; онъ бы устыдился естьлибъ кто увидѣлъ его выходящаго изъ покоя своей супруги. Иногда проводитъ онъ такимъ образомъ цѣлые годы, въ которые тайна присовокупляетъ толико прелестей къ любовнымъ внезапностямъ и похищенiямъ. Ликургъ зналъ, что желанiя, удовлетворяемыя съ излишествомъ, часто производятъ холодность, и даже самое отвращенiе; онъ умѣлъ продлить сiи желанiя, дабы супруги имѣли время

привыкнуть ко взаимнымъ своимъ недостаткамъ, и дабы любовь ихъ, обнажась нечувствительно отъ своихъ очарованій, достигла до совершенства, превратясь въ дружбу. Отсюда проистекаетъ счастливое согласіе, господствующее въ семействахъ, которыхъ начальники повинуются охотно одинъ другому, и кажутся сопрягающимися ежедневно новымъ союзомъ; онѣ всегда представляютъ разительное зрѣлище величайшей твердости духа, соединенной съ величайшею кротостію.

Самыя только важныя причины даютъ право Спартанину не вступать въ бракъ; но таковый въ старости, не долженъ ожидать уваженія, оказываемаго другимъ гражданамъ. Въ примѣръ сему приводятъ Деркиллида, которой съ великою славою начальствовалъ надъ войскомъ. Когда онъ пришелъ въ собраніе, молодой человѣкъ сказалъ ему: „Я не встаю передъ тобою, „ибо ты не оставишь дѣтей, которые бы „со временемъ передо мною встали.„ Безбрачные люди подвержены еще другимъ уничиженіямъ: они не могутъ присутствовать во время сраженій полуобнаженныхъ Спар-

шанскихъ дѣвъ; градоначальникъ можетъ ихъ принудить въ самое холодное зимнее время обойти, скинувъ плашье, городскую площадь, и пѣть, въ порицанiе самихъ себя, сложенныя пѣсни, въ коихъ признаютъ они, что ихъ неповиновенiе законамъ заслуживаетъ опредѣленное имъ наказанiе.

ГЛАВА СОРОКЪ ОСЬМАЯ.

О нравахъ и обычаяхъ Спартанъ.

Сiя глава служитъ продолженiемъ предыдущей: ибо воспитанiе Спартанъ не прерывается, такъ сказать, во всю ихъ жизнь,

Съ двадцатилѣтняго возраста отращиваютъ они волосы и бороду: долгiе волосы возвышаютъ красоту, и приличны свободному человѣку, равномѣрно какъ и воину. Въ самыхъ маловажныхъ вещахъ испытываютъ ихъ повиновенiе; когда эфоры придутъ на площадь, то при звукѣ трубъ, повелѣваютъ возвѣстить приказъ, которымъ предписывается брить усы только надъ верхнею губою, равномѣрно какъ и

повиноваться законамъ. Здѣсь все служитъ наставленїемъ: нѣкоторой Спартанинъ, будучи вопрошенъ, за чѣмъ онъ носитъ столь длинную бороду, отвѣтствовалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ она отъ времени побѣлѣла, воспоминаетъ мнѣ ежеминутно о томъ, чтобы я не обезчестилъ своей старости.

Спартане, нося одежду безъ всякаго украшенїя, подали примѣръ, которому удивляются, а не подражаютъ прочїе народы. У нихъ цари, градоначальники, и граждане послѣднихъ степеней, не имѣютъ никакого внѣшняго отличїя; они всѣ носятъ весьма короткую тунику, изъ самой грубой шерсти, накидывая сверьху плащъ или толстое покрывало. На ногахъ носятъ сандалїи, или другую обувь, изъ которой самая обыкновеннѣйшая краснаго цвѣта. Два ироя Лакедемонскїе, Касторъ и Поллуксъ, изображаются въ шапкахъ, которыя, соединены будучи вмѣстѣ нижнею частью, представляютъ подобїе того яица, изъ котораго, какъ баснословятъ, родились сїи ирои; таковыя шапки носятъ нынѣ Спартанцы. Иные привязываютъ ихъ плотно ремнями

къ ушамъ; иные же замѣняютъ ихъ головнымъ уборомъ Греческихъ любодѣйцъ. „Уже „Лакедемоняне, не суть непобѣдимы, гово„рилъ въ мое время стихотворецъ Анти„фанъ; ибо сѣтки, коими держатся ихъ „волосы, окрашены багряною краскою.„

Они первые, послѣ Критянъ, имѣли обыкновенiе скидывать одежду во время Гимнастическихъ упражненiй. Сей обычай введенъ былъ потомъ на играхъ Олимпiйскихъ, и престалъ быть непристойнымъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался общимъ.

Они являются въ собранiя съ толстыми палками, съ верьху крюкомъ загнутыми, но таковыхъ палокъ не позволено имѣть при себѣ въ общемъ народа собранiи; ибо государственныя дѣла долженствуютъ рѣшимы быть силою разума, а не силою оружiя.

Домы ихъ малы и выстроены безъ всякаго искуства: на дѣланiе дверей другихъ орудiй не употребляется, кромѣ пилы, а на дѣланiе пола, кромѣ топора: древесные пни, отъ коры обнаженные, служатъ перекладинами. Домашнiе приборы, хотя съ большимъ вкусомъ сдѣланы, но

столь же просты; они никогда не бываютъ многочисленны, и всегда расположены порядочно. Спартане все нужное держатъ подъ рукою, ибо всякую вещь кладутъ на свое мѣсто. Сїе вниманїе къ самымъ мѣлочамъ подкрѣпляетъ въ нихъ любовь къ порядку и благоустройству.

Правила умѣренности у нихъ весьма строги. Нѣкоторый иностранецъ, видѣвшїй ихъ лежащихъ около стола, и на полѣ сраженїя, утверждалъ, что легче перенести таковую смерть, нежели жизнь, которую они проводятъ. Совсѣмъ тѣмъ Ликургъ исключилъ только одно излишество изъ ихъ столовъ; причиною воздержности въ пищѣ есть болѣе ихъ добродѣтель, нежели нужда. Они употребляютъ мясо самое свѣжее; гора Тайгетъ доставляетъ имъ изобильную ловлю; равнины, зайцовъ, куропатокъ и другую дичину; море и рѣка Эвротъ, рыбу. Сыръ ихъ, изъ Гиѳїума получаемый, почитается весьма хорошимъ. Сверьхъ того имѣютъ они разные роды овощей, плодовъ, хлѣбеннаго и пирожнаго.

Правда, что повары ихъ умѣютъ только варить и жарить говядину, но не смѣ-

ютъ приготовлять разнаго рода похлебокъ, кромѣ такъ называемой *черной* (Brouet noir). Я позабылъ составъ сей похлебки (*), въ которую Спартане обмакиваютъ хлѣбъ. Они предпочитаютъ оную избраннѣйшимъ яствамъ. Діонисій, тираннъ Сиракузскій, возжелалъ умножить ею число блюдъ своего стола, слыша повсюду приписываемую ей похвалу. Онъ призвалъ къ себѣ Лакедемонскаго повара и приказалъ приготовить сію снѣдь, не щадя никакихъ издержекъ. Какъ скоро подали ее на столъ, то царь, отвѣдавъ, оттолкнулъ съ негодованіемъ. ,,Государь, сказалъ ему невольникъ, тутъ не достаетъ главной приправы. ,,Чегожъ, отвѣтствовалъ царь? Сильнаго ,,движенія до обѣда, сказалъ невольникъ.,,

Лаконія производитъ разные роды ви-

(*) Меурзій (Miscell. Lacon. lib. I. cap. 8.) думаетъ, что черная похлебка была не иное что, какъ сокъ, выжимаемый изъ части свинины, къ которому прибавляли уксусу и соли. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что кромѣ сихъ веществъ, Спартанскіе повары никакихъ другихъ приправъ употреблять не могли. (Plut. de Sanit. t. 2. p. 128.

нограда; собираемый на пяти холмахЪ, на семь стадій разстояніемЪ отЪ Спарты, испускаетЪ благовоніе, подобное цвѣтамЪ. ТотЪ, который они варятЪ, долженЪ кипѣть до тѣхЪ порЪ, пока выдетЪ парами пятая часть сока. Они не пьютЪ его цѣлые четыре года. Во время столовЪ, сосудЪ сЪ виномЪ передаютЪ изЪ рукЪ вЪ руки, какЪ водится у другихЪ народовЪ; но каждый выпиваетЪ свой, который тотчасЪ наполняется невольникомЪ, служащимЪ при ихЪ столѣ. ИмЪ позволяется пить сколько угодно; симЪ позволеніемЪ пользуются они сЪ удовольствіемЪ, но никогда не употребляютЪ онаго во зло. Отвратительное зрѣлище пьянаго раба, котораго показываютЪ имЪ во время ихЪ младенчества, вселяетЪ вЪ нихЪ величайшее отвращеніе отЪ пьянства, и души ихЪ столь горды, что не могутЪ унизиться до сея степени. Сіе то знаменованіе заключается вЪ отвѣтѣ Спартанина на вопросЪ, за чѣмЪ онЪ умѣренно употребляетЪ вино: „ я для того сіе дѣлаю, сказалЪ онЪ, чтобы не имѣть нужды вЪ чужомЪ умѣ.„ Кромѣ сего питія, утоляютЪ они жажду сывороткою.

Общественные столы бывают у них различнаго рода. Обыкновеннѣйшие называются *Филитіями.* Цари, градоначальники, простые граждане, всѣ собираются въ одно мѣсто для вкушенія пищи, въ большихъ покояхъ, въ которыхъ накрыто множество столовъ, изъ которыхъ на каждомъ бываетъ большею частію по 15 приборовъ. Никто изъ нихъ не переходитъ отъ одного стола къ другому; каждый столъ составляется изъ общества друзей; приглашаются къ оному съ общаго токмо согласія. Они лежатъ на жесткихъ постеляхъ, сдѣланныхъ изъ дуба, облокотясь локтемъ на камень или на кусокъ дерева. Сначала подаютъ имъ черную похлебку, потомъ вареную свинину; яства сіи раздѣлены на равные участки, которые каждому Спартанину подносятся особенно; они бываютъ иногда столь малы, что едва вѣсятъ пол-мины (*). Имъ подаютъ вино, пироги и ячменной хлѣбъ въ большомъ количествѣ, иногда присовокупляютъ къ обыкновенному кушанью рыбу и разныхъ родовъ дичину. Тѣмъ, которые

(*) Около трехъ унцій съ половиною.

ходятъ на приношенiе жертвы или на охоту, позволяется по ихъ возвращенiи обѣдать дома; но они должны посылать часть изготовленной дичины, или закланныхъ жертвъ къ застольнымъ своимъ сотоварищамъ. При каждомъ приборѣ кладется по куску хлѣбнаго мякиша, для вытиранiя пальцовъ.

Во время столовъ разговариваютъ часто о предметахъ нравоучительныхъ, или о высокихъ примѣрахъ добродѣтели. О добрыхъ дѣлахъ упоминаютъ, какъ о такой новости, которая достойна занимать Спартанцевъ. Обыкновенно начинаютъ рѣчь старики; они говорятъ кратко, основательно и рѣшительно, а слушаютъ ихъ съ почтенiемъ.

Веселость соединяется съ благопристойностiю. Ликургъ положилъ сiе правиломъ для всѣхъ при столѣ собесѣдующихъ; и въ семъ-то намѣренiи повелѣлъ онъ ставить предъ ихъ глазами истуканъ, посвященный богу смѣха. Но веселые разговоры не должны заключать въ себѣ ничего обиднаго; и естьли у кого изъ присутствующихъ вырвется колкое слово, что не поз-

воляется выносить онаго. Старшій изъ нихъ, показывая дверь входящимъ, предувѣдомляетъ ихъ, что изъ двери сей ничего выходить не должно, чтобы они ни услышали.

Воспитанники разныхъ отдѣленій присутствуютъ при сихъ столахъ, но не имѣютъ въ нихъ участія; юнѣйшіе для того тутъ бываютъ, чтобы искусно похищать часть кушанья, которое раздѣляютъ съ своими товарищами; прочіе научаются тутъ мудрости и благопристойнымъ шуткамъ.

Сіи общественные столы, учрежденные въ городѣ или по примѣру тѣхъ, каковые бываютъ въ воинскомъ станѣ, или заведенные по другой какой либо причинѣ, производятъ въ небольшомъ государствѣ удивительное дѣйствіе, подкрѣпляя законы; въ мирное время содержатъ они союзъ, воздержаніе, равенство; въ военное побуждаютъ всякаго Спартанца поспѣшать на защиту гражданина, съ которымъ находится онъ въ сообществѣ или при жертвоприношеніяхъ, или при изліяніяхъ. Миносъ учредилъ оныя въ своемъ государствѣ; Ликургъ при-

нялъ сїе обыкновенїе, съ нѣкоторыми примѣчанїя достойными перемѣнами. Въ Критѣ столы содержатся на счетъ республики; въ Лакедемонѣ на счетъ частныхъ людей, изъ которыхъ каждый долженъ ставить всякой мѣсяцъ извѣстное количество ячменной муки, вина, сыру, смоквъ и даже денегъ. Отъ сихъ принужденныхъ сборовъ, бѣднѣйшїе граждане подвергаются изключенїю изъ общихъ столовъ, и вотъ недостатокъ, которой приписываетъ Аристотель законамъ Ликурга: съ другой стороны Платонъ порицалъ Миноса и Ликурга за то, что они не подвергли женщинъ таковой общественной жизни. Я не дерзаю быть судьею толь великихъ политиковъ и законодателей.

Нѣкоторые изъ Спартанъ не умѣютъ ни читать ни писать; другїе едва знаютъ считать; они не имѣютъ никакого понятїя о геометрїи, объ астрономїи и другихъ наукахъ. Ученнѣйшїе изъ нихъ наибольшее удовольствїе полагаютъ въ чтенїи стихотворенїй Омира, Терпандра и Тиртея, поелику онѣ возвышаютъ душу. Ѳеатръ ихъ опредѣленъ токмо для тѣле-

сныхЪ упражненій; они не представляютЪ наономЪ ни трагедій, ни комедій, сдѣлавЪ себѣ закономЪ не допускать вЪ свое отечество сихЪ драматическихЪ сочиненій. Нѣкоторые изЪ нихЪ, коихЪ число однако же весьма мало, сЪ успѣхомЪ упражнялись вЪ лирическомЪ стихотворствѣ. АлкманЪ, жившій за три столѣтія предЪ симЪ, весьма вЪ ономЪ отличился; слогЪ его пріятенЪ, хотя долженствовалЪ онЪ бороться сЪ грубымЪ дорическимЪ нарѣчіемЪ, которымЪ говорятЪ вЪ Лакедемонѣ; но его одушевляло чувствованіе, все украшающее: онЪ посвятилЪ всю жизнь свою любви, и воспѣвалЪ любовь во всю жизнЪ.

Они пристрастны кЪ музыкѣ, вперяющей сильную любовь кЪ добродѣтели: не упражняясь вЪ семЪ искуствѣ, они вЪ состояніи судить о вліяніи онаго во нравы, и отвергаютЪ всѣ новости, могущія измѣнить простоту оной.

ИзЪ слѣдующихЪ примѣровЪ можно судить обЪ ихЪ отвращеніи кЪ риторикѣ. Юный СпартанецЪ обучался вЪ чужихЪ земляхЪ риторскому искуству; по возвращеніи вЪ отечество, эфоры велѣли

наказать его за принятое имЪ намѣренiе обманывать своихЪ соотчичей. Во время войны Пелопониской другой СпартанецЪ посланЪ былЪ кЪ Сатрапу Тиссаферну, чтобы заставить его предпочесть союзЪ сЪ Лакедемонянами союзу Аѳинскому. ОнЪ изЪяснился вЪ короткихЪ словахЪ; и увидя, что посланники Аѳинскiе истощаютЪ всю силу краснорѣчiя, провелЪ онЪ двѣ черты, которыя соединились вЪ одной точкѣ, одну прямую, другую излучистую, и показывая ихЪ Сатрапу, сказалЪ: избирай. За два предЪ симЪ столѣтiя, жители одного изЪ острововЪ Егейскаго моря, томимые гладомЪ, просили помощи у своихЪ союзниковЪ ЛакедемонянЪ, которые отвѣтствовали посланнику: мы не разумѣли конца твоей рѣчи, и позабыли начало оной. ВыбранЪ былЪ другой посланникЪ, которому совѣтовали изЪясняться сколько возможно короче. ПришедЪ кЪ Лакедемонянамъ, показалЪ имЪ одинЪ пустой мучной мѣшекЪ. Народное собранiе рѣшилось тотчасЪ снабдить островЪ сЪѣстными припасами; но совѣтовало посланнику впредь не быть столь многорѣчиву; хотя

онъ ничего болѣе не сказалъ, какъ только то, что мѣшекъ должно наполнить.

Они презираютъ искуство краснорѣчїя; но почитаютъ даръ онаго. Нѣкоторые получили сей даръ отъ природы и оказали оный, какъ въ собранїяхъ ихъ соотчичей и другихъ народовъ, такъ и въ надгробныхъ рѣчахъ, которыя ежегодно говорятъ въ честь Павзанїя и Леонида. Вождя Бразида, поддержавшаго въ Пелопонисскую войну честь отечества своего въ Македонїи, почитали краснорѣчивымъ и сами Аѳиняне, которые весьма уважаютъ краснорѣчїе.

Краснорѣчїе Лакедемонянъ стремится прямо къ своей цѣли, и достигаетъ оныя самыми простыми путями. Иногда чужеземные софисты получали позволенїе прiѣхавъ въ Спарту, говорить въ ихъ присутствїи; ихъ принимали ласково, естьли возвѣщали они полезныя истинны, но переставали ихъ слушать, когда старались они токмо ослѣплять. Одинъ изъ сихъ софистовъ предлагалъ намъ выслушать похвальное слово Ираклу. Ираклу? вскричалъ Анталкидъ; да ктожъ смѣетъ его порицать?

Они не стыдятся, что не знаютъ наукъ, которыя почитаютъ излишними; и одинъ изъ нихъ отвѣтствовалъ Аѳинянину, который за то дѣлалъ ему упреки: „Въ самомъ дѣлѣ, однихъ только насъ не могли вы научить своимъ порокамъ.„ Поелику Спартане стараются приобрѣтать нужныя только познанія, то понятія ихъ бываютъ справедливѣе, разборчивѣе, и выраженія употребляются всегда къ стати; ибо ложныя понятія подобны неправильнымъ частямъ, коихъ не можно помѣстить въ составъ зданія.

По сему то, народъ сей хотя не столь ученъ, какъ прочіе, но гораздо болѣе просвѣщенъ. Говорятъ, что отъ него Ѳалесъ, Питтакъ и другіе мудрецы Греціи заимствовали искуство заключать правила нравоученія въ краткихъ выраженіяхъ. То, чему я самъ былъ свидѣтелемъ, часто меня удивляло. Я думалъ, что разговариваю съ людьми, ничего не знающими и грубыми; но вдругъ исходили изъ устъ ихъ отвѣты, преисполненные глубокомыслія и поразительные какъ стрѣлы. Будучи съ юныхъ лѣтъ приучены изъяснять мы-

сли свои сильно и съ великою краткостїю, они всегда молчатъ, когда не могутъ говорить о чемъ либо достойномъ вниманїя. Естьли же и имѣютъ сказать весьма много достопамятнаго, то и тогда извиняются въ молчанїи: по нѣкоторому естественному внушенїю величїя, чувствуютъ они, что многословїе прилично токмо одному просящему рабу; въ самомъ дѣлѣ, многорѣчивый слогъ, кажется, походитъ на прозьбу, пресмыкающуюся и извивающуюся у ногъ того, кого убѣдить старается. Напротивъ того, слогъ краткїй есть важенъ и величественъ: онъ приличенъ повелѣвающему начальнику, онъ соотвѣтствуетъ свойству Спартанъ, употребляющихъ оной часто въ своихъ разговорахъ и въ письмахъ. Отвѣты ихъ быстрые, подобно молнїя, оставляютъ по себѣ то сильный блескъ, то высокое мнѣнїе, каковое имѣютъ они о самихъ себѣ, и о своемъ отечествѣ.

Нѣкогда прославляли милосердїе юнаго царя Харилая. „Какъ возможно называть его милосердымъ, отвѣтствовалъ другой царь, ежели онъ таковъ же и къ злымъ?„ Въ одномъ Греческомъ городѣ провозвѣстникъ,

которому поручена была продажа невольниковъ, сказалъ въ слухъ: „я продаю Лакедемонянина. Скажи лучше плѣнника,„ вскричалъ сей послѣднїй, заградивъ ему рукою уста. Военачальники царя Персидскаго вопрошали посланниковъ Лакедемонскихъ, въ какомъ качествѣ хотятъ продолжать они переговоры? Въ качествѣ частныхъ людей, когда будетъ намъ неудача; а когда получимъ успѣхъ, то въ качествѣ посланниковъ.

Таже самая краткость примѣтна въ письмахъ градоначальниковъ, и въ получаемыхъ ими отъ вождей. Эфоры, опасаясь, чтобы охранное войско города Декелїи, не подверглось нечаянному неприятельскому нападенїю, написали къ оному токмо сїи слова: *не гуляйте*. Самое ужасное пораженїе, самая блистательная побѣда, возвѣщаются съ равною простотою. Когда въ Пелопонисскую войну, флотъ ихъ, подъ предводительствомъ Миндара, былъ побѣжденъ Аѳинскимъ, которымъ начальствовалъ Алвикїадъ; то Спартанскїй чиновникъ написалъ эфорамъ: *флотъ разбитъ. Миндаръ умеръ. Нѣтъ ни съестныхъ при-*

пасовъ, ни пособій Вскорѣ потомъ получили они отъ Лисандра, своего военачальника, письмо слѣдующаго содержанія:,, *Аѳины взяты.* Таково было извѣстіе о славнѣйшей и полезнѣйшей побѣдѣ для Лакедемона.

По симъ примѣрамъ не должно заключать, чтобы Спартане приученные строго наблюдать правила разсудка, не смѣли казать веселаго лица. Они имѣютъ склонность къ веселости, произтекающей отъ свободы духа и здравія тѣла. Радость свою сообщаютъ они другъ другу скоро, ибо она сильна и естественна: она подд ерживается остроумными шутками, которыя не имѣя въ себѣ ничего низкаго и оскорбительнаго, существенно различествуютъ отъ шутовства и язвительности. Спартане отъ юности научаются принимать сіи шутки и на оныя отвѣтствовать. Шутки тотчасъ прекращаются, какъ скоро тотъ, до кого онѣ касаются, попроситъ его пощадить. Таковымъ - то образомъ отражаютъ они иногда высокоуміе и угрюмость. Нѣкогда былъ я у царя Архидама; Періандръ, врачъ его, поднесъ ему

стихи своего сочиненія. Государь, прочитавъ ихъ, сказалъ ему дружески: „за чѣмъ изъ столь искуснаго врача дѣлаешся ты столь худымъ стихотворцемъ?„ Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ старикъ, жалуясь царю Агису о нѣкоторыхъ нарушеніяхъ закона, вопіялъ: „все погибло.„ Это такая истинна, отвѣчалъ Агисъ съ улыбкою, о которой я слышалъ отъ отца моего въ моемъ младенчествѣ, которой въ своемъ младенчествѣ слышалъ о ней отъ своего отца.„

Прибыточныя художества, особливо служащія къ роскоши, строго запрещены между Спартанами. Имъ запрещено измѣнять благовоніями свойство масла, а красками, кромѣ багряной, бѣлизну волны. Итакъ у нихъ нѣтъ ни составляющихъ благовонія, ни красильщиковъ. Они не должны знать ни злата, ни сребра, слѣдовательно и тѣхъ, кто ихъ обработываетъ. Въ войскѣ могутъ они отправлять нѣкоторыя полезныя ремесла, какъ то: трубача, повара, съ тѣмъ только, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцу въ его ремеслѣ, по примѣру Египтянъ.

Они такое имѣютъ понятіе о вольно-

сти, что не могутЪ согласить оную сЪ ручными работами. ОдинЪ изЪ нихЪ, возвратясь изЪ АѳинЪ, сказалЪ мнѣ: я былЪ вЪ такомЪ городѣ, гдѣ ничего нѣтЪ безчестнаго. ПодЪ симЪ разумѣлЪ онЪ и тѣхЪ, которые доставляли за деньги наложницЪ, и производившихЪ мелочной торгЪ. Другой находясь вЪ томЪ же городѣ, и услыша, что нѣкто изЪ гражданЪ осужденЪ былЪ за праздность на денежную пѣню, великое возымѣлЪ желанїе посмотрѣть, какЪ на рѣдкую вещь на такого гражданина, котораго осудили вЪ республикѣ за то, что онЪ свергЪ всякое иго рабства.

Удивленїе сїе основано было на томЪ, что законы его отечества наипаче стремятся кЪ истребленїю вЪ душахЪ корыстолюбїя и домашнихЪ попеченїй. Обладающїе землями, должны отдавать ихЪ на откупЪ ИлотамЪ; а тѣ, между коими возстаютЪ несогласїя, обязаны кончить ихЪ дружественно; ибо запрещено имЪ посвящать драгоцѣнное время жизни на дѣла тяжебныя, торговыя, равно какЪ и на всѣ упражненія, служащїя кЪ умноженїю имущества или развлекающїя мысли о своемЪ существованїи.

При всемъ томъ не знаютъ они никакой скуки; ибо они никогда не бываютъ наединѣ и не знаютъ успокоенія. Плаваніе, борьба, бѣганіе, игра мячемъ, другія гимназическія упражненія и военные извороты занимаютъ ихъ нѣкоторую часть дня; они вмѣняютъ себѣ въ удовольствіе и въ обязанность присутствовать во время игръ и сраженій юныхъ своихъ воспитанниковъ; оттуда идутъ въ Лескесъ; такъ называются большія храмины, находящіяся въ различныхъ частяхъ города, въ которыя собираются мущины всякаго возраста. Они великое находятъ удовольствіе въ разговорахъ: разговоры сіи никогда не касаются до выгодъ или предпріятій различныхъ народовъ; но они охотно слушаютъ наставленія пожилыхъ людей и съ удовольствіемъ внимаютъ повѣствованію о происхожденіи знаменитыхъ мужей, ироевъ, и градовъ; важность сихъ разговоровъ прерывается часто остроумными шутками.

Сіи собранія, равно какъ и общественныя упражненія и столы, почтены бываютъ всегда присутствіемъ старцевъ. Я для того о семъ упоминаю, что старость

въ другихъ странахъ презираемая, возводитъ Спартанца на верьхъ почестей. Всѣ граждане, а особливо молодые люди, оказываютъ ей то уваженіе, каковое въ по слѣдствіи времени имъ самимъ бываетъ оказываемо. Законъ повелѣваетъ имъ, встрѣчаясь съ старикомъ, уступать ему дорогу, вставать въ его присутствіи, и молчать, когда онъ начнетъ говорить. Его слушаютъ съ уваженіемъ въ собраніяхъ народныхъ и въ гимназіяхъ; итакъ граждане, служившіе отечеству, при окончаніи поприща своего, не токмо не отлучаются отъ онаго, но бываютъ почитаемы, одни яко хранители опытности, другіе подобно тѣмъ памятникамъ, которыхъ развалины соблюдаются свято.

Естьли мы посмотримъ на Спартанъ, посвящающихъ часть своего времени ловитвѣ и народнымъ собраніямъ, торжествующихъ великое множество праздниковъ, коихъ блескъ умножается пляскою и музыкою, и естьли разсудимъ притомъ, что общенародныя удовольствія гораздо бываютъ приятнѣе, нежели удовольствія частнаго человѣка; тогда, не только не ста-

немъ сожалѣть о судьбѣ ихъ, но увидимъ, что она доставляетъ имъ непрерывныя удовольствія и любопытныя позорища. Два таковыя позорища возбудили удивленіе въ Пиндарѣ; на нихъ-то, говорилъ онъ, видно бываетъ пламенное мужество юныхъ воиновъ, всегда умѣряемое зрѣлою мудростію старцевъ; и блестящее торжество музъ, влекущее за собою восторги всеобщей радости.

Гробницы ихъ, такъ какъ и домы, никакого украшенія неимѣющія, не показываютъ ни малѣйшаго различія между гражданами; ихъ позволено воздвигать въ самомъ городѣ, и даже подлѣ храмовъ. Спартане ни при погребеніи, ниже при послѣднихъ часахъ умирающаго не проливаютъ слезъ и не рыдаютъ: столь же равнодушно взираютъ на смерть, какъ и на жизнь свою; увѣрены будучи, что смерть должна служить предѣломъ ихъ существованія, безъ всякаго ропшанія повинуются они законамъ природы, равно какъ и нуждамъ своего отечества.

Женщины ихъ великорослы, крѣпки, здоровы и почти всѣ прекрасны. Но красо-

та ихъ исполнена важности и вперяетъ къ себѣ почтенiе; Фидiю могли бы онѣ представить множество примѣровъ для изваянiя Минервы, а весьма малое число оныхъ Праксителю для изсѣченiя истукана Венеры.

Одежда ихъ состоитъ въ туникѣ или въ родѣ короткой сорочки, и въ длинномъ платьѣ, досязающемъ до пятъ. Дѣвы, принужденныя проводить цѣлые дни въ борьбѣ, беганьи, скачкѣ и другихъ трудныхъ упражненiяхъ, носятъ обыкновенно легкое платье безъ рукавовъ, которое держится на плечахъ крючками, а посредствомъ пояса поднимается оно спереди выше колѣнъ: нижняя его часть отверзта съ обѣихъ сторонъ, такъ что половина тѣла бываетъ обнаженною. Я нимало не намѣренъ защищать сего обыкновенiя, но упомяну о причинахъ и дѣйствiяхъ онаго, узнанныхъ мною изъ отвѣтовъ нѣкоторыхъ Спартанъ, коимъ изъявилъ я свое удивленiе.

Ликургъ не могъ подвергнуть дѣвъ Спартанскихъ одинаковымъ съ мущинами упражненiямъ, не удаливъ всего того, что могло препятствовать тѣлесному ихъ дви-

женїю. Онъ конечно зналъ, что человѣкъ тогда началъ покрывать наготу свою, когда развратился; что купно съ числомъ пороковъ умножалось и число одеждъ; что красоты, которыя его прельщаютъ, обнаруживаясь теряютъ часто свои прелести, и что наконецъ взгляды развращаютъ только однѣ уже до того развращенныя души. Руководимъ будучи сими размышленїями, онъ вознамѣрился посредствомъ законовъ своихъ возстановить таковое согласїе добродѣтелей между обоими полами, посредствомъ котораго дерзость одного долженствовала быть укрощаема, а слабость другаго поддерживаема. Итакъ не токмо опредѣлилъ онъ смертную казнь за безчестїе, нанесенное дѣвицѣ, но приучилъ юношество Спартанское стыдиться и одного только порока. Стыдливость, обнаженная отъ части своихъ покрововъ, была почитаема какъ съ той, такъ и съ другой стороны; и жены Лакедемонскїя отличались отъ прочихъ чистотою нравовъ своихъ. Къ сему присовокуплю я, что съ Ликургомъ многїе философы были въ томъ согласны: Платонъ желаетъ, чтобы въ его

республикѣ жены всѣхъ возрастовъ упражнялись въ гимназїяхъ, однѣ только добродѣтели свои имѣя одеждою.

Спартанка показывается въ обществѣ безъ покрова до тѣхъ поръ, пока не выдетъ за мужъ. Послѣ брака выходитъ изъ дому подъ покровомъ; поелику она должна нравиться одному только своему супругу; а какъ она и должна быть извѣстна ему только одному, то и не позволяется другимъ говорить объ ней съ похвалою; но сей мрачный покровъ и сїе почтительное молчанїе суть токмо почести, оказываемыя благопристойности. Нигдѣ за женщинами столь мало не надзираютъ, нигдѣ онѣ не бываютъ столь свободны, нигдѣ менѣе не употребляютъ своей свободы во зло, какъ въ Спартѣ. Мысль, въ чемъ либо провиниться противу супруга своего, показалась бы имъ въ прежнїя времена толико же странною, какъ и мысль быть разборчивыми въ своихъ нарядахъ: нынѣ хотя уже и не имѣютъ онѣ ни прежняго цѣломудрїя, ни прежней кротости, но гораздо болѣе привязаны къ своимъ должностямъ, нежели прочїя Греческїя женщины.

Онѣ имѣютъ также непоколебимѣйшія свойства, и съ великимъ успѣхомъ употребляютъ оныя къ покоренію себѣ своихъ мужей, которые охотно спрашиваютъ у нихъ совѣта какъ въ дѣлахъ домашнихъ, такъ и въ дѣлахъ государственныхъ. Примѣчано, что народы воинственные склонны къ любви; союзъ Марса и Венеры, какъ кажется, служитъ свидѣтельствомъ сей истиннѣ; а примѣръ Лакедемонянъ оную подтверждаетъ. Иностранка сказала однажды женѣ царя Леонида: „вы однѣ только имѣ„ете власть надъ своими мужьями. Конеч„но, отвѣтствовала сія послѣдняя, ибо мы „однѣ токмо раждаемъ на свѣтъ мужей.„

Сіи твердыя души нѣсколько лѣтъ тому назадъ подали примѣръ, приведшій въ удивленіе всю Грецію. Увидя войско Эпаминондово, привели онѣ городъ въ замѣшательство и въ ужасъ. Не уже ли свойство ихъ начинаетъ измѣняться, подобно ихъ добродѣтели? Не уже ли самое мужество слѣпой судьбѣ иногда покоряется? Не уже ли мгновенная слабость можетъ поколебать въ душахъ ихъ многія изящныя и великія свойства, которыми онѣ во

всѣ времена отличались, и кои ежедневно теряютъ?

Онѣ высокое имѣютъ понятіе о чести и свободѣ, которыя иногда до того простираютъ, что приводятъ въ недоумѣніе, какъ именовать должно то чувствованіе, коимъ онѣ одушевляются. Одна изъ нихъ писала къ сыну, который бѣжалъ съ поля сраженія: „о тебѣ худо говорить „начинаютъ, прекрати молву сію, или пе„рестань жить„. Въ подобномъ же обстоятельствѣ нѣкоторая Аѳинянка писала къ своему сыну: „благодарю тебя за то, что „ты для меня сохранилъ жизнь свою.„ Самые тѣ люди, которые пожелали бы извинить послѣднюю, всеконечно не моглибъ не удивляться первой? они бы равно поражены были отвѣтомъ Аргилеонисы, матери славнаго Бразида: Ѳракійцы, возвѣщая ей о славной смерти ея сына, присовокупили къ сему, что никогда еще Лакедемонъ не производилъ толь великаго полководца. Иностранцы, сказала она: „сынъ мой былъ „храбрый человѣкъ; но знайте, что въ „Спартѣ есть много гражданъ, которые „гораздо его превосходятъ.„

Здѣсь природныя чувствованія покорены порядку, но не заглушены; и въ семъ-то состоитъ истинное мужество. Потому и оказали эфоры женѣ сей великія почести. Но кто можетъ безъ содроганія слышать сіи слова, произнесенныя матерью, которой возвѣстили, что сынъ ея убитъ, не оставляя своего мѣста: „велите похоронить „его, а брату стать на его мѣсто?„ и сей другой Спартанки, которая въ предмѣстіи ожидала извѣстія о сраженіи. Гонецъ пріѣзжаетъ: она вопрошаетъ его. „Пять „сыновей твоихъ убиты — Я не объ нихъ „тебя спрашиваю; а въ безопасности ли мое „отечество? — Оно торжествуетъ. — И „такъ я съ удовольствіемъ перенесу мою „потерю.„ Кто безъ ужаса можетъ взирать на женъ, предающихъ смерти сыновей своихъ, въ робости уличенныхъ? и на тѣхъ, которыя прибѣжавъ на поле сраженія, просятъ показать имъ трупъ единственнаго своего сына; осматриваютъ съ безпокойнымъ взоромъ полученныя имъ раны, считаютъ тѣ изъ нихъ, кои могутъ принести честь или безчестіе его смерти, и послѣ сего ужаснаго осмотра шествуютъ

горделиво при плачевномъ обрядѣ погребенія, или запираются дома, чтобы скрыть слезы и стыдъ свой?

Сихъ излишествъ, или, лучше сказать, сихъ преступленій чести, простирающихся толь далеко за предѣлы величія, приличнаго человѣку, никогда не оказывали даже и тѣ Спартане, которые наиболѣе преданы были изувѣрству славы. И вотъ сему причина. Въ нихъ любовь къ отечеству есть добродѣтель, творящая великія дѣла; а въ женахъ ихъ она есть страсть, стремящаяся къ подвигамъ чрезвычайнымъ. Поелику красота, украшенія, знатная порода, пріятности ума не столько въ Спартѣ уважаются, чтобы могли составить отличіе женщинъ; то онѣ принуждены были гордиться одна передъ другою числомъ и достоинствомъ своихъ дѣтей. При жизни сыновей наслаждаются онѣ подаваемою ими надеждою, по смерти же ихъ тою знаменитостію, каковую оставляютъ имъ въ наслѣдство. Сіе-то злощастное наслѣдство внушаетъ въ нихъ звѣрство, и бываетъ причиною, что преданность ихъ отечеству сопровождаема бываетъ иногда всякимъ неистовствомъ честолюбія и суеславія.

Сїю великость души, которую онѣ иногда показываютъ, замѣнятъ скоро чувствованія подлыя, не истребляя однакоже ее совершенно; и жизнь ихъ содѣлается смѣшеніемъ низости и величія, варварства и сластолюбія. Нѣкоторыя изъ нихъ плѣняются уже блескомъ злата, и прелестію веселій. Аѳиняне, явно порицавшіе свободу, въ которой жили Спартанскія жены, торжествуютъ, видя свободу сїю прераждающуюся въ необузданность. Самые философы укоряютъ Ликурга за то, что онъ занимался воспитаніемъ одного мужескаго пола?

Въ другой главѣ разсмотримъ мы, справедливо ли сїе обвиненїе, и разберемъ причины развращенія Спартанскихъ нравовъ. Ибо, признаться должно, они уже не таковы, каковыми были за сто лѣтъ предъ симъ. Одни невозбранно кичатся своими богатствами, другїе стремятся получить званія, которыя отцы ихъ токмо заслуживать старались. Не давно открыли любодѣйцу въ окрестностяхъ Спарты; и, что не менѣе опасно, видѣли мы сестру Царя Агезилая Киниску, пославшую въ

Олимпїю колесницу, въ которую впряжены были четыре коня, для полученїя награды на ристанїяхъ; видѣли стихотворцевъ воспѣвшихъ ея побѣду, и памятникъ, Государствомъ въ честь ея воздвигнутый.

По крайней мѣрѣ, въ паденїи своемъ, сохраняютъ они остатки прежняго своего величїя. Они никогда не прибѣгаютъ къ лукавству, къ подлостямъ, ко всѣмъ симъ маловажнымъ средствамъ, унижающимъ души: они жадны безъ сребролюбїя, честолюбивы безъ коварства. Сильнѣйшїе граждане имѣютъ еще столько стыдливости, что скрываютъ отъ общества развратное свое поведенїе; они суть бѣглецы, боящїеся законовъ, ими нарушенныхъ, и сожалѣющїе о потерянныхъ ими добродѣтеляхъ.

Въ самое то же время видѣлъ я и такихъ Спартанъ, коихъ великодушїе заставляло имъ подражать. Высокое свое званїе сохраняли они безъ усилїй, безъ надменности, не привязываясь къ жизни блескомъ почестей, или надеждою наградъ. Отъ нихъ не должно требовать никакой подлости; они не боятся ни бѣдности, ни смерти. Въ послѣднее мое путешествїе

въ Лакедемонъ, разговаривалъ я съ Талекромъ, которой былъ весьма бѣденъ, и съ Даминдомъ, жившимъ въ изобиліи. Въ сіе время вошелъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ Филиппъ, царь Македонскій нанималъ для подкупленія ему участниковъ. Онъ сказалъ первому: „въ чемъ состоитъ „твое имущество? Въ необходимомъ для „жизни, отвѣчалъ Талекръ, оборотясь къ „нему спиною. Другому угрожалъ онъ гнѣвомъ Филиппа. „Подлый человѣкъ, ска„залъ Даминдъ, что можетъ сдѣлать царь „твой такимъ людямъ, которые не боят„ся смерти?„

Когда созерцалъ я съ духомъ свободнымъ такое сліяніе раждающихся пороковъ съ древними добродѣтелями; то казалось мнѣ, что я нахожусь среди лѣса, пламенемъ опустошеннаго: я видѣлъ тамъ древа обращенныя въ пепелъ, другія до половины сгорѣвшія; иныя же, коимъ не было нанесено вреда, возносили горделиво главы свои къ небесамъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

О вѣрѣ и празднествахъ Спартанскихъ.

Предметы богопочитанія народнаго вселяютъ въ Спартѣ одно только глубокое почтеніе и совершенное молчаніе. Объ нихъ никогда не разсуждаютъ, и не позволяютъ обнаруживать никакихъ сомнѣній; обожать боговъ, чтить ироевъ, вотъ единый догматъ Спартанъ.

Въ числѣ ироевъ, коимъ воздвигнули они храмы, жертвенники или истуканы, отличаются: Ираклъ, Касторъ, Поллуксъ, Ахиллъ, Улиссъ, Ликургъ и проч. Незнающимъ различныхъ народныхъ преданій покажется удивительно, что Еленѣ и Менелаю воздаются совокупно почти божескія почести, и что истуканъ Клитемнестры стоитъ вмѣстѣ съ истуканомъ Агамемнона.

Спартане весьма суевѣрны. Одному изъ нихъ показалось ночью привидѣніе, скитающееся около гробницы; онъ погнался за нимъ съ копьемъ, крича: „какъ ни старайся, ты умрешь вторично.„ Но таковое

суевѣрїе поддерживаютъ не жрецы, а эфоры; иногда препровождаютъ они ночь въ капищѣ Пазифаи, а наутро выдаютъ сны свои за настоящую быль.

Ликургъ, не въ силахъ будучи владычествовать надъ мнѣнїями, до вѣры касающимися, истребилъ происходившїя отъ оныхъ злоупотребленїя. Во всѣхъ странахъ не иначе надлежитъ предстать предъ боговъ, какъ съ жертвами, неимѣющими на себѣ пороковъ, и при томъ съ великою иногда пышностїю; а въ Спартѣ приносятся жертвы малоцѣнныя и со смиренїемъ, приличнымъ молящемуся. Въ другихъ мѣстахъ возсылаютъ богамъ молитвы продолжительныя и безразсудныя; въ Спартѣ испрашиваютъ у нихъ только благодати къ произведенїю изящныхъ подвиговъ, по учиненїи дѣлъ добрыхъ; и сїе обычайное моленїе оканчивается сими словами, коихъ силу почувствовать могутъ только великїя души: „даруйте намъ твердость духа къ пренесе„нїю неправосудїя. Воззрѣнїе на умершихъ не оскорбляетъ тамъ очей, какъ у другихъ народовъ. Печальный обрядъ продолжается не долѣе одиннадцати дней; ежели

печаль безпритворна, то не должно ограничиват времени оной; естьли же она притворна, то по крайней мѣрѣ не надлежитъ продолжать лицемѣрства.

Итакъ заключить должно, что богослуженіе у Лакедемонянъ, какъ и у прочихъ Грековъ, хотя и преисполнено заблужденіями и предразсудками въ умозрѣніи, но оно чисто и благоразумно на самомъ дѣлѣ.

Аѳиняне, изображая побѣду безъ крылъ, думали чрезъ то удержать ее при себѣ; по сей же причинѣ Спартане представляли иногда Марса и Венеру въ оковахъ. Сей браноносный народъ отягчилъ оружіемъ прелести Венеры, и почти всѣмъ богамъ своимъ и богинямъ далъ въ руки по копью. У него истуканъ Смерти поставленъ вмѣстѣ съ истуканомъ Сна, дабы привыкнуть смотрѣть на обоихъ равнодушно. Онъ посвятилъ храмъ Музамъ, ибо на сраженіе выходятъ всегда при сладкогласіи лиръ и свирѣлей; другой храмъ воздвигнулъ Нептуну, потрясающему землю, поелику Спартане обитаютъ въ странѣ, подверженной частымъ землетрясеніямъ; третій храмъ посвященъ Страху; ибо есть

страхи спасительные; таковъ есть и страхъ законовъ.

Въ свободное время бываетъ у нихъ великое множество празднествъ. Во время отправленія большей части оныхъ, видѣлъ я три лика, которые шли въ порядкѣ и наполняли воздухъ своимъ пѣніемъ; ликъ старцевъ произноситъ сіи слова:

Въ наши юны дни и зрѣлы
Храбры были мы и смѣлы.

Совершеннолѣтніе отвѣчаютъ на сіе:

Да и мы теперь готовы
На труды, сраженья новы.

Потомъ поютъ дѣти:

Время сдѣлаетъ и насъ
Тѣмъ, что вы, и лучше васъ.

Я видѣлъ въ празднество, отправляемое въ честь Вакха, какъ одиннадцать женъ Спартанскихъ спорились между собою въ бѣганіи. Я слѣдовалъ за юными Спартанскими дѣвами, когда онѣ посреди восторговъ общественной радости ѣхали на колесницахъ въ городокъ Ѳерапнею, для принесенія жертвъ на гробахъ Менелая и Елены.

Во время празднествъ въ честь Апол-

лону, проименованному Карнейскимъ; отправляемыхъ ежегодно въ концѣ лѣта, и продолжающихся девять дней, присутствовалъ я при состязанїяхъ, которыя бываютъ между играющими на гитарѣ. Около города поставлено было девять шалашей или кущей, наподобїе шатровъ. Ежедневно новые гости, числомъ восемдесять одинъ человѣкъ, то есть, по девяти на каждый шатеръ, приходили туда пиршествовать; чиновники, по жребїю избираемые, смотрѣли тамъ за порядкомъ, и все исполнялось по гласу общественнаго герольда. Шатры сїи представляли видъ воинскаго стана; со всѣмъ тѣмъ не видно было ни малаго расположенїя къ войнѣ; ибо ни что не должно нарушать сихъ празднествъ, и сколь бы ни велика была опасность, ожидаютъ всегда окончанїя оныхъ, чтобы вывести войско въ поле.

Такое же благоговѣнїе удерживаетъ Лакедемонянъ въ ихъ отечествѣ во время празднествъ, въ честь Гїацинта установленныхъ, которыя торжествуются весною, наипаче въ городѣ Амиклеѣ. Повѣствуютъ, что сынъ царя Лакедемонскаго былъ неж-

но любимЪ АполлономЪ, и что ЗефирЪ, завидуя красотѣ его направилЪ кружокЪ, прекратившій дни его; что наконецЪ АполлонЪ, пустившій оный, не могЪ иначе облегчить печали своей, какЪ превративЪ юнаго царевича вЪ цвѣтокЪ, носящій его имя. Тогда установлены были игры, ежегодно отправляемыя. ВЪ первый и третій день, видѣнЪ только бываетЪ образЪ печали и унынія; а вторый, есть день веселій. Весь ЛакедемонЪ предается безмѣрной радости; и день сей бываетЪ днемЪ свободы; ибо рабы вкушаютЪ пищу за однимЪ столомЪ сЪ господами своими.

Со всѣхЪ сторонЪ видны лики юныхЪ отроковЪ вЪ однихЪ туникахЪ; изЪ нихЪ одни играютЪ на лирѣ, или возглашаютЪ хвалу Гіацинту старинными пѣснопѣніями, при гласѣ свирѣли; нѣкоторые изЪ нихЪ пляшутЪ; а иные, сѣвЪ на коней, стараются отличиться своимЪ искуствомЪ, на мѣстѣ, опредѣленномЪ для общественныхЪ позорищЪ.

ТакимЪ образомЪ торжественное шествіе приближается кЪ городу Амиклѣ, предводводимое начальникомЪ, который,

подъ именемъ посланца, долженъ изъявить во храмѣ Аполлоновомъ благоговѣйныя желанія народа. По ихъ прибытіи оканчиваются всѣ приуготовленія къ пышному жертвоприношенію, и начинается, въ видѣ возліянія, окропленіе виномъ и млекомъ внутренности жертвенника, служащаго подставою истукану. Жертвенникъ сей есть гробница Гіацинта. Вокругъ онаго поставлены отъ 20 до 25 юныхъ отроковъ, и столько же дѣвъ, наполняющихъ храмъ восхитительными пѣніями, въ присутствіи многихъ Лакедемонскихъ градоначальниковъ. Поелику въ семъ городѣ, равно какъ и во всей Греціи торжественные обряды вѣры обращаютъ на себя вниманіе правительства; то цари и дѣти ихъ за долгъ себѣ почитаютъ присутствовать при оныхъ. Въ сіи послѣднія времена видѣли царя Агезилая по одержаніи славныхъ побѣдъ, сидящаго на томъ мѣстѣ, которое отвелъ ему начальникъ лика, и посреди простыхъ гражданъ воспѣвающаго пѣснь Аполлонову, на празднество въ честь Гіацинта.

Въ Спартѣ благоустройство есть таково, что и при самыхъ увеселеніяхъ соблю-

дается нѣкоторая пристойность; даже во время Вакховыхъ торжествъ, какъ въ городѣ, такъ и внѣ онаго, никто не дерзаетъ нарушить закона, возбраняющаго неумѣренное употребленіе вина!

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

О военной службѣ у Спартанъ.

Спартане обязаны продолжать военную службу отъ 20 до 60 лѣтъ своего возраста: по прошествіи сего срока, увольняются они отъ службы, естьли токмо неприятель не вторгнется въ самую Лаконію.

Когда наступитъ время набирать войско; тогда эфоры чрезъ герольдовъ вызываютъ гражданъ, имѣющихъ отъ роду 20 лѣтъ, до означеннаго въ объявленіи возраста, записываться въ пѣхоту, тяжело вооруженную, или въ конницу; таковый вызовъ дѣлается и ремесленникамъ, долженствующимъ быть при войскѣ.

Поелику Спартане состоятъ изъ пя-

ти колѣнъ, то и тяжелая пѣхота раздѣлена на пять полковъ, надъ которыми обыкновенно начальствуетъ толикое же число полемарковъ; каждый полкъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій, осьми пентекостій и шестьнадцати эномотій или ротъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы посылать весь полкъ, отряжаютъ нѣсколько отдѣленій; и тогда увеличивая вдвое или вчетверо ихъ роты, составляютъ каждое отдѣленіе изъ 256 или даже изъ 512 человѣкъ. Я привожу здѣсь примѣры, а не правила; ибо число людей въ ротѣ не всегда бываетъ одинаково; и военачальникъ, дабы скрыть отъ неприятеля свои силы, часто перемѣняетъ составъ своего воинства. Сверьхъ пяти полковъ, находится еще отрядъ, изъ 600 избранныхъ воиновъ; ихъ называютъ Скиритами, и отъ нихъ иногда зависѣла побѣда.

Главное оружіе пѣшаго воина состоитъ изъ копья и щита; я не полагаю въ сіе число меча, который не иное что есть, какъ кинжалъ, носимый воиномъ на поясѣ. Вся его надежда на копье; онъ не

оставляетъ его почти во все время войны. Нѣкоторый иностранецъ спросилъ честолюбиваго Агезилая: „гдѣжь полагаешь ты „предѣлы Лаконiи? На концѣ копiй на„шихъ, отвѣчалъ онъ.„

Тѣло свое покрываютъ они мѣднымъ круглопродолговатымъ щитомъ, имѣющимъ выемку съ обоихъ боковъ, а иногда только съ одного, и на обоихъ концахъ заостреннымъ; на немъ начертаны начальныя буквы имени Лакедемона. По сему признаку познается народъ; но надлежитъ имѣть другой признакъ, чтобы узнать каждаго воина, который обязанъ возвратиться въ отечество со щитомъ своимъ; въ противномъ случаѣ подвергается безчестiю; онъ вырѣзываетъ на полѣ щита какой нибудь знакъ по своему выбору. Одинъ изъ нихъ подвергъ себя насмѣшкамъ приятелей своихъ, выбравъ себѣ эмблемою муху въ природной величинѣ: „я такъ близко подойду „къ неприятелю, сказалъ онъ имъ, что онъ „увидитъ сей знакъ„.

Одежду воина составляетъ красное полукафтанье. Сей цвѣтъ предпочитается другимъ по тому, чтобы неприятель не

могЪ примѣтить наономЪ пролитой имЪ крови.

Царь идетЪ передЪ войскомЪ, предшествуемЪ будучи отрядомЪ СкиритовЪ и конницею, посылаемою для открытія непріятеля. ОнЪ часто приноситЪ жертвы, при чемЪ присутствуютЪ начальствующіе войскомЪ ЛакедемонскимЪ и союзническимЪ. Часто перемѣщаетЪ онЪ станЪ свой, какЪ для защиты земель союзниковЪ, такЪ и для нанесенія вреда землямЪ непріятельскимЪ.

Воины ежедневно занимаются гимнастическими упражненіями. Мѣсто для сего отводится вЪ окрестностяхЪ стана. Послѣ утреннихЪ упражненій сидятЪ они на землѣ до самаго обѣда; а послѣ вечернихЪ ужинаютЪ; поютЪ гимны вЪ честь боговЪ и ложатся спать на своемЪ оружіи. Промежутки дня препровождаютЪ вЪ различныхЪ увеселеніяхЪ; ибо тогда отправляютЪ они гораздо меньшее число работЪ, нежели до выступленія своего вЪ походЪ, и всякЪ бы сказалЪ, что война есть для нихЪ время отдохновенія.

ВЪ день сраженія, царь, по примѣру

Иракла, закалаетъ въ жертву богамъ козу; въ сїе время музыканты играютъ на свирѣляхъ пѣснь Кастору. Потóмъ возглашаетъ онъ воинскую пѣснь; всѣ воины, имѣя чело, украшенное вѣнками, вмѣстѣ оную возглашаютъ. Послѣ сей колико страшной, толико и важной минуты, оправляютъ волосы свои и плаmье, чистятъ оружїе, побуждаютъ вождей своихъ вести ихъ на поле чести, одушевляютъ другъ друга веселыми шутками, и идутъ съ войскомъ въ порядкѣ, при гласѣ свирѣлей, возбуждающихъ и умѣряющихъ мужество ихъ. Царь становится въ первомъ ряду; окружаютъ его сто юныхъ ратниковъ, которые для спасенїя его не должны щадить своей жизни; въ противномъ случаѣ подвергнутся безчестїю; его сопровождаютъ также нѣсколько бойцевъ, одержавшихъ побѣду на всенародныхъ Греческихъ играхъ и почитающихъ сїе мѣсто за самое знаменитое отличїе.

Я ни слова не скажу объ искусныхъ военныхъ оборотахъ, дѣлаемыхъ Спартанцами предъ сраженїемъ и во время онаго; ихъ тактика покажется съ перваго взгля-

да многосложною; но при малѣйшемъ вниманіи увѣриться можно, что въ оной все уже предусмотрѣно, все облегчено, и военныя постановленія Ликурговы должно предпочитать постановленіямъ другихъ народовъ.

Бѣгство постыдно для всякаго человѣка, а для Спартанца страшно и помыслить объ ономъ. Однакожъ храбрость ихъ, сколь они ни пылки и ни стремительны, не есть слѣпое бѣшенство. Одинъ изъ нихъ въ самомъ жару сраженія слышитъ знакъ къ отступленію, между тѣмъ, какъ уже держитъ наднесенный мечъ на поверженнаго къ ногамъ его непріятеля; онъ тотчасъ остановляется, сказавъ, что первымъ долгомъ почитаетъ повиноваться своему вождю.

Таковые люди не созданы носить оковы; законъ вопіетъ имъ непрестанно: лучше умереть, нежели быть рабами. Когда на Віаса, который начальствовалъ отрядами войскъ, учинилъ нечаянное нападеніе Ификратъ, то воины спросили его, что въ семъ случаѣ дѣлать должно? „Вы мо-

„жете удалиться, сказалъ онъ, а я сра-„жусь и умру„.

Они вящшее прилагаютъ старанїе о соблюденїи своихъ рядовъ, нежели о томъ, чтобы убить нѣсколько болѣе неприятелей; имъ запрещено не токмо за ними гнаться, но даже и грабить ихъ, безъ даннаго на то повелѣнїя; ибо они должны болѣе помышлять о побѣдѣ, нежели о добычѣ. Триста Спартанъ надзираютъ за наблюденїемъ сего закона.

Ежели военачальникъ въ первомъ сраженїи потерялъ нѣсколько воиновъ; то онъ долженъ начать второе, дабы оныхъ возвратить.

Ежели воинъ выйдетъ изъ своего ряда, то его принуждаютъ стоять на нѣкоторое время опершись на щитъ свой, въ виду всего воинства.

Оказанїе трусости, чему дотолѣ весьма мало было примѣровъ, подвергаетъ виновнаго величайшему безчестїю; его не допускаютъ ни къ какой должности; естьли онъ женатъ, то никакое семейство не хочетъ имѣть связи съ его семействомъ; ежели холостъ, то ни съ кѣмъ въ союзъ вступить не можетъ;

кажется, что таковое безчестїе можетъ посрамить все его потомство.

Погибшїе на сраженїи погребаются, какъ и прочїе граждане, въ красной одеждѣ и съ масличною вѣтвїю, которая есть символъ воинскихъ добродѣтелей у Спартанъ. Ежели они учинили отличные подвиги, то имена ихъ начертаваются на надгробныхъ памятникахъ, а иногда присовокупляютъ къ сему изображенїе льва; но ежели воинъ убитъ, обратясь тыломъ къ неприятелю, тогда лишается онъ погребенїя.

Успѣхамъ храбрости предпочитаются успѣхи благоразумїя. Добычи, отъ неприятеля полученной, не вѣшаютъ въ храмахъ. Дары, отъятые у слабодушныхъ воиновъ, не должны находиться ни предъ очами боговъ, ни предъ юношествомъ Спартанскимъ, говаривалъ царь Клеоменъ. Прежде побѣда не возбуждала ни радости, ни удивленїя; нынѣ же преимущество, полученное Архидамомъ, сыномъ Агезилаевымъ, толь великїй восторгъ произвело въ Спартанахъ, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнїя о ихъ упадкѣ.

Въ конницу избираютъ людей неопытныхъ, не имѣющихъ достаточной тѣлесной крѣпости или рвенія. Богатый гражданинъ снабжаетъ войско оружіемъ и содержитъ лошадь. Конница Спартанская обязана успѣхами своими нѣкоторымъ чужестраннымъ всадникамъ, которыхъ Лакедемонъ содержалъ на своемъ иждивеніи. Вообще Спартане охотнѣе служатъ въ пѣхотѣ; увѣрены будучи, что истинная храбрость не требуетъ постороннихъ пособій, желаютъ они сражаться собственными силами. Я находился тогда подлѣ царя Архидама, когда представлено ему было примѣрное орудіе для киданія стрѣлъ, изобрѣтенное въ Сициліи; онъ разсмотрѣвъ его со вниманіемъ, сказалъ: „теперь „мужество ужѐ совсѣмъ безполезно.„

Лаконія могла бы содержать триста тысячъ тяжелой пѣхоты, и тысячу пять сотъ человѣкъ конницы; но, отъ того ли, что мало было споспѣшествуемо размноженію народа; или отъ того, что правительство ставило за великую славу содержать многочисленное воинство, Спарта, не рѣдко выводившая весь народъ на войну про-

шиву сосѣдей своихъ, посылала токмо малую часть своего воинства въ отдаленные походы. Правда на Платейскомъ сраженіи имѣла она 45,000 войска; но въ ономъ Спартанъ было только пять тысячъ и столько же Лакедемонянъ; остальную часть составляли Илоты. На сраженіи при Левктрахъ было только 700 Спартанъ.

Итакъ она не собственнымъ силамъ обязана своимъ преимуществомъ; и хотя при началѣ войны Пелопониской, послала она 60,000 человѣкъ войска противъ Аѳинянъ, но сіе потому только, что народы сего полуострова, большею частію въ союзѣ съ нею бывшіе уже нѣсколько вѣковъ, присоединили свои войска къ Спартанскимъ. Въ послѣднія времена воинство ея составлено было изъ нѣсколькихъ Спартанъ и отряда Неодамовъ или отпущенниковъ, а къ нимъ, смотря по обстоятельствамъ, присовокупляли Лаконскихъ воиновъ и большую часть другихъ, которые доставляемы были отъ союзныхъ городовъ.

Послѣ сраженія при Левктрахъ, Эпаминондъ, возвратившъ свободу Мессеніи, которую долгое время держали Спартане

подЪ игомЪ своимЪ, отнялЪ у нихЪ средство набирать воиновЪ вЪ сей области; потомЪ оставлены они были многими Пелопонисскими народами, и тогда владычество ихЪ, бывшее нѣкогда весьма страшнымЪ, вЪ такой приведено упадокЪ, отЪ котораго уже никогда не возстанетЪ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

Защищеніе законовЪ ЛикурговыхЪ: причина ихЪ упадка.

Я уже сказалЪ выше, что ФилотЪ отправился вЪ Аѳины на другой день по прибытіи нашемЪ вЪ ЛакедемонЪ. Долговременное его отсутствіе меня обезпокоивало; и я не понималЪ, какЪ онЪ могЪ долго сносить толь жестокую разлуку. Прежде нежели я кЪ нему отправился, хотѣлось мнѣ вторично поговорить сЪ ДамонаксомЪ. ВЪ первомЪ нашемЪ разговорѣ разсуждалЪ онЪ о законахЪ ЛикурговыхЪ, когда они были во всей своей силѣ: видя, что

въ оныe ежедневно, безъ дальняго препятствія, вводимы были опасныя новости, начиналъ я сомнѣваться и о прежнемъ ихъ дѣйствіи надъ народомъ. При первомъ случаѣ объяснился я о семъ съ Дамонаксомъ.

Разговаривая нѣкогда вечеромъ нечувствительно коснулись мы Ликурга: я притворно изъявилъ уже меньше уваженія къ сему великому человѣку. Мнѣ кажется, сказалъ я ему, что многіе ваши законы взяты отъ Персовъ и Египтянъ. Онъ отвѣчалъ: Зодчій, построившій Египетскій Лавиринѳъ, не меньше заслуживаетъ похвалы за то, что украсилъ входъ въ оный рѣдкимъ Паросскимъ марморомъ, который привезенъ былъ весьма издалека. Чтобъ судить о великомъ умѣ Ликурга, надлежитъ разсматривать законодательство его въ цѣломъ его составѣ. Сего-то состава изящество хотятъ у васъ отнять, сказалъ я. Аѳиняне и Критяне утверждаютъ, что ихъ законоположенія, хотя между собою и различествуютъ, служили образцемъ вашему.

Свидѣтельство первыхъ, сказалъ Дамонаксъ, всегда сопровождаемо бываетъ какимъ-то дѣтскимъ пристрастіемъ; они для

того только о насъ думаютъ, чтобы думать о себѣ самихъ. Мнѣнїе Критянъ основательнѣе. Ликургъ принялъ многїе Миносовы законы, а нѣкоторые изъ нихъ отвергъ; принятые такъ перемѣнилъ, и столь изящно умѣлъ принаровить ихъ къ своему умоначертанїю, что, не обинуясь сказать можно, онъ открылъ то, что уже открыто было Миносомъ, и можетъ быть другими, до него жившими. Сравни оба правительства; ты увидишь, то понятїя великаго человѣка, усовершенствованныя человѣкомъ еще величайшимъ; то различїя толь ощутительныя, что тебѣ трудно будетъ постигнуть, какъ могли ихъ смѣшать одного съ другимъ. Я долженъ показать тебѣ примѣръ сихъ противуположныхъ намѣренїй. Законы Миносовы допускаютъ неравенство состоянїй, а наши онаго не терпятъ; отъ сего долженствовало произойти существенное различїе въ законоположенїяхъ и во нравахъ обоихъ народовъ. Не смотря на сїе, сказалъ я ему, злато и сребро расторгли между вами преграды, которыя противупоставляли онымъ недостаточные законы; и вы уже не такъ благополучны, какъ преж-

де, когда вы отвергали всякую роскошь, и не такЪ богаты, каковыми были и при самой своей бѣдности.,,

ДамонаксЪ готовился мнѣ отвѣтствовать, какЪ мы услышали на улицѣ многократно повторенный крикЪ: отвори, отвори; ибо вЪ Лакедемонѣ запрещено стучаться вЪ двери. То былЪ ФилотЪ. Я спѣшилЪ вЪ его объятiя, но онЪ былЪ уже вЪ моихЪ; я его вторично представилЪ Дамонаксу, который изЪ учтивости тотчасЪ оставилЪ насЪ однихЪ. ФилотЪ спросилЪ меня о его свойствахЪ. Я отвѣчалЪ: онЪ добрЪ, обходителенЪ; онЪ вЪ душѣ своей еще доброжелательнѣе, нежели по наружности; нравомЪ простЪ, а чувствованiями честенЪ. ФилотЪ заключалЪ изЪ сего, что ДамонаксЪ былЪ столько же несвѣдущЪ, какЪ и бóльшая часть СпартанЪ. Я присовокупилЪ: онЪ страстно любитЪ законы Ликурговы. Филоту показалось, что онЪ обошелся сЪ нимЪ еще страннѣе, нежели при первомЪ нашемЪ свиданiи.

ДругЪ мой столько былЪ пристрастенЪ кЪ своему народу, что презиралЪ всѣ другiе, а ЛакедемонянЪ совершенно нена-

видѣлъ. Онъ собралъ противу сихъ послѣднихъ всѣ насмѣшки, коими язвятъ ихъ на ѳеатрѣ Аѳинскомъ, всѣ злословія, извергаемыя противу ихъ Аѳинскими ораторами, и всѣ погрѣшности, которыя Аѳинскіе философы приписываютъ законамъ Ликурга: съ симъ оружіемъ нападалъ онъ безпрестанно на приверженцевъ Спарты. Часто покушался я исправить его отъ сего порока, и не могъ терпѣть, чтобъ другъ мой имѣлъ какой нибудь недостатокъ.

Онъ возвратился чрезъ Арголиду: дорога оттуда до Лакедемона такъ выбита и безпокойна, что въ чрезвычайной усталости, сказалъ мнѣ ложася спать: конечно ты, по своему похвальному обыкновенію, заставишь меня взлѣзть на какую нибудь каменную гору, чтобы удивляться на досугѣ окрестностямъ сего великолѣпнаго города? здѣсь нѣтъ въ горахъ недостатка, и легко можно доставить такое удовольствіе путешественникамъ. Завтра отвѣчалъ я, пойдемъ мы на Менелаіонъ, холмъ находящійся по ту сторону Эвро-

та; Дамонаксъ конечно не откажется насъ туда проводить.

Въ слѣдующій день перешли мы черезъ Вавиксъ, такъ называется мостъ на рѣкѣ Эвротѣ. Вскорѣ предстали взору нашему развалины нѣсколькихъ домовъ, построенныхъ нѣкогда на лѣвомъ берегу Эврота, и раззоренныхъ въ послѣднюю войну войсками Эпаминонда. Другъ мой при семъ случаѣ возносилъ величайшими похвалами величайшаго врага Лакедемонянъ; а какъ Дамонаксъ хранилъ молчаніе, то онъ почувствовалъ къ нему жалость.

Продолжая путь нашъ, увидѣли мы трехъ, или четырехъ Лакедемонянъ въ епанчахъ, вышитыхъ разными цвѣтами, и имѣющихъ бороды обритыя съ одной только стороны. Что за смѣшное позорище представляютъ сіи люди, спросилъ Филотъ? это трусы, отвѣчалъ Дамонаксъ, и преимущественно такъ названы потому, что они обратились въ бѣгство на томъ сраженіи, на которомъ прогнали мы войско Эпаминондово. Ихъ узнавать можно по наружности, толико ихъ уничижающей, и по тому, что скитаются только по мѣстамъ

уединеннымъ; ты видишь, что они бѣгутъ отъ нашего присутствія.

Обозрѣвъ съ вершины холма прекрасныя поля, простирающіяся на полдень, и угрюмыя горы, окружающія Лаконію съ запада, сѣли мы противу самаго города Спарты. По правую руку сидѣлъ Дамонаксъ, а по лѣвую Филотъ, который едва обращалъ взоры на множество хижинъ, соединенныхъ безъ всякаго порядка. Онѣ однакожъ, сказалъ я ему, составляютъ смиренное жилище того народа, у котораго съ юныхъ лѣтъ научаются искуству повелѣвать, и еще труднѣйшему искуству повиноваться. Филотъ жалъ мнѣ руку, и давалъ мнѣ знать, чтобъ я молчалъ. Того народа, примолвилъ я, который никогда не кичился своими успѣхами, и никогда не унывалъ въ несчастіи. Филотъ шепталъ мнѣ на ухо: прошу тебя именемъ боговъ, не заставляй меня говорить; ты уже видѣлъ, что сей человѣкъ не въ состояніи мнѣ отвѣтствовать. Я продолжалъ: того народа, который всегда имѣлъ преимущество надъ другими, который разбилъ Персовъ, часто побѣждалъ

вождей Аѳинскихъ, и наконецъ овладѣлъ ихъ столицею; народа, въ которомъ нѣтъ ни легкомыслія, ни вѣтренности. .... Который не управляется подкупленными Ораторами, который во всей Греціи совершенно ненавидимъ за свою жестокость и презираемъ за пороки, вскричалъ Филотъ, и вдругъ покраснѣвъ отъ стыда: прости, сказалъ онъ Дамонаксу, сію вспылчивость молодому человѣку, который боготворитъ свое отечество, и который никогда не потерпитъ, чтобъ поругались оному. Я уважаю таковое чувствованіе, отвѣчалъ Спартанинъ; Ликургъ сдѣлалъ оное пружиною всѣхъ нашихъ дѣйствій. О сынъ мой! кто любитъ свое отечество, тотъ повинуется законамъ, и тогда всѣ его должности исполнены; твое отечество заслуживаетъ привязанность, и я похулилъ бы Анахарсиса за то, что онъ простеръ столь далеко свою шутку, естьлибъ чрезъ сіе не доставилъ онъ случая кому нибудь изъ насъ излѣчиться отъ нашихъ предразсужденій. Поприще отверзто: ты явишься наономъ со всѣми выгодами, коими

обязанъ своему воспитанію, а я предстану съ единою любовію къ истиннѣ.

Между тѣмъ Филотъ говорилъ мнѣ тихо: сей Спартанинъ мыслитъ здраво, не доведи меня до того, чтобъ я противъ воли моей оскорбилъ его; естьли возможно, перемѣни разговоръ. Дамонаксъ! сказалъ я, Филотъ изобразилъ Спартанъ, слѣдуя Аѳинскимъ писателямъ; попроси его, чтобъ онъ изображеніе сіе тебѣ показалъ. Уже другъ мой обращалъ на меня весь свой гнѣвъ, какъ Дамонаксъ предупредилъ оный слѣдующими словами. Ты оскорбилъ мое отечество, я долженъ защищать его: ты виноватъ, ежели говорилъ по собственному своему убѣжденію; естьли же послѣдовалъ только мнѣнію нѣкоторыхъ Аѳинянъ, то я извиняю тебя; ибо не думаю, чтобъ всѣ они столь худо о насъ мыслили. Нѣтъ, не думай сего, отвѣчалъ съ жаромъ Филотъ, между ими есть такіе, которые почитаютъ васъ полу-богами, и стараются подражать вашимъ поступкамъ; но признаюсь, что мудрецы наши свободно говорятъ о вашихъ законахъ и нравахъ. Они конечно люди свѣдущіе. — Какъ свѣдущіе! они

превосходнѣйшіе умы во всей Греціи, Платонъ, Исократъ, Аристотель и многіе другіе. Дамонаксъ скрылъ свое удивленіе; а Филотъ, послѣ многихъ извиненій, опять говорить началъ:

Ликургъ не зналъ постепенности добродѣтелей. Мужеству далъ онъ первое между оными мѣсто. Отъ сего произошли тѣ многочисленныя бѣдствія, какія претерпѣли сами Лакедемоняне, и какія нанесли они другимъ.

Едва умеръ Ликургъ, какъ начали они простирать честолюбивые свои виды на сосѣдственные народы: сіе подтверждаетъ историкъ, котораго ты не знаешь, и котораго зовутъ Иродотомъ. Алкая владычествовать, и будучи безсильны, принуждены они были прибѣгать часто къ самымъ низкимъ средствамъ, къ жестокимъ неправдамъ: они первые начали подкупать вождей неприятельскихъ, первые униженно испрашивали покровительства у Персовъ, у сихъ варваровъ, которымъ чрезъ Анталкидскій миръ продали они недавно вольность всѣхъ Асійскихъ Грековъ.

Бывъ притворны въ своихъ поступ-

кахъ, невѣрны въ договорахъ, въ сраженіи замѣняютъ они мужество военными хитростями. Успѣхи какого бы то ни было народа въ крайнее приводятъ ихъ огорченіе; они возбуждаютъ на него неприятелей, разсѣваютъ и питаютъ раздоры, народъ сей терзающіе: въ послѣднемъ столѣтіи предложили они раззорить Аѳины, спасшіе Грецію, и воспламенили войну Пелопонискую, раззорившую Аѳины.

Тщетно старался Ликургъ предохранить ихъ отъ яда любостяжанія; ибо Лакедемонъ заключаетъ неисчетныя богатства въ своихъ нѣдрахъ, но оныя находятся въ рукахъ нѣсколькихъ частныхъ людей, не могущихъ насытить своей алчности. Сіи только послѣдніе достигаютъ до высокихъ степеней, которыя возбранены достоинству, стенящему въ убожествѣ. Жены ихъ, о воспитаніи которыхъ, такъ какъ и о прочихъ Лакедемонянкахъ, Ликургъ не думалъ; жены ихъ, говорю, вѣроломно ими управляя, раздѣляютъ съ ними жадность къ стяжанію, и распутною своею жизнію умножаютъ всеобщее развращеніе.

Добродѣтель Лакедемонянъ угрюма,

сурова и единственно основана на страхѣ. Воспитанïе содѣлываетъ ихъ толь жестокими, что они смотрятъ равнодушно на проливаемую кровь чадъ своихъ, и безъ угрызенïя совѣсти на кровь рабовъ своихъ.

Сïи укоризны весьма важны, сказалъ Филотъ, оканчивая рѣчь свою, и я не знаю, какъ ты на оныя отвѣтствовать станешь. Словами того льва, сказалъ Спартанинъ, который видя изваянïе, изображающее подобнаго ему животнаго, уступающаго человѣку, замѣтилъ только, что у львовъ нѣтъ ваятелей. Удивленный Филотъ говорилъ мнѣ тихонько: развѣ онъ читалъ Езоповы басни? не знаю, отвѣчалъ я, можетъ быть слышалъ онъ басню сïю отъ какого нибудь Аѳинянина. Дамонаксъ продолжалъ; повѣрь, что здѣсь столь же мало занимаются тѣмъ, что говорятъ на площади Аѳинской, какъ и тѣмъ, что дѣлается за столпами Иракловыми. Какъ! возразилъ Филотъ, не уже ли позволишь ты, чтобъ имя твое со стыдомъ переходило изъ города въ городъ и изъ рода въ родъ? Люди чуждые нашего государства и на-

шего вѣка, отвѣчалъ Дамонаксъ, не посмѣютъ обвинять насъ, утверждаясь на свидѣтельствѣ народа, который всегда былъ соперникомъ, а часто и неприятелемъ нашимъ. Можетъ быть найдемъ мы и защитниковъ? — Праведное небо! что возмогутъ они противуположить тому изображенїю, которое я только что начерталъ? изображенїю гораздо вѣрнѣйшему и начертанному столь же искусною рукою? Вотъ оно.

Въ одномъ только Лакедемонѣ и Критѣ существуетъ подлинное правительство; въ другихъ мѣстахъ находимъ только сборище гражданъ, изъ которыхъ одни господа, а другїе рабы. Въ Лакедемонѣ нѣтъ инаго различїя между царемъ и частнымъ человѣкомъ, между богатымъ и бѣднымъ, кромѣ того, которое постановилъ законодатель, самими богами вдохновенный. Нѣкое божество и тогда руководило Ликургомъ, когда онъ уменшилъ чрезъ мѣру великую власть царей, учредивъ Сенатъ.

Сїе правительство, въ которомъ толь изящно противуположены власти вла-

стямЪ, и которое отЪ всѣхЪ вообще признано мудрымЪ, существовало вЪ теченіе четырехЪ вѣковЪ, не претерпѣвЪ никакой важной перемѣны, и не возбудивЪ между гражданами ни малѣйшаго несогласія. ВЪ сіи благополучныя времена, республика не учинила ни одного постыднаго дѣянія; ни вЪ какое время и ни вЪ какомЪ государствѣ не видано такого повиновенія законамЪ, толь великаго безкорыстія, воздержанія, кротости и великодушія, мужества и скромности. Тогда-то, не смотря на убѣжденія нашихЪ союзниковЪ, отказались мы раззорить Аѳины, которые потомЪ .... при сихЪ словахЪ ФилотЪ вскричалЪ: ты конечно читалЪ сіе вЪ однихЪ только Лакедемонскихъ писателяхЪ? у насЪ никакихЪ нѣтЪ писателей, сказалЪ ДамонаксЪ. ТакЪ вѣрно есть подкупленные Лакедемоном? — Мы никогда не подкупаемЪ. Хотите ли знать, кто мои свидѣтели? величайшіе умы Греціи, ПлатонЪ, ѲукидидЪ, ИсократЪ, КсенофонтЪ, Аристотель и многіе другіе. СЪ нѣкоторыми изЪ нихЪ былЪ я вЪ тѣсной связи, во время прежнихЪ частыхЪ моихЪ поѣздокЪ вЪ Аѳины,

по повелѣнїю правительства; ихъ разговорамъ и сочиненїямъ обязанъ я тѣми слабыми знанїями, которыя удивляютъ васъ въ Спартанинѣ.

Дамонаксъ примѣчалъ въ Филотѣ одно только удивленїе; а я видѣлъ въ немъ даже страхъ быть уличеннымъ въ невѣжествѣ или во лжи: но въ самомъ дѣлѣ былъ онъ только предубѣжденъ и легкомысленъ. Я спросилъ Дамонакса, для чего писатели Аѳинские бываютъ толь разногласны и дерзки, когда говорятъ о его народѣ. Я могу вамъ на сїе сказать, что они попремѣнно одушевлялись то истинною, то народною ненавистїю. Однако не страшись Филотъ, я не потревожу твоей чуствительности.

Во время войны ваши ораторы и стихотворцы, дабы возбудить противу насъ чернь, поступаютъ такъ же какъ и тѣ живописцы, которые, для отмщенїя своимъ неприятелямъ, представляютъ ихъ въ безобразномъ видѣ. Ваши философы и дѣеписатели, будучи благоразумнѣе, хвалили и порицали насъ попремѣнно; мы заслужили и то и другое, смотря по различїю временъ. Послѣднїе

поступили подобно искуснымъ художникамъ, которые изображаютъ Ироевъ своихъ въ различныхъ положенїяхъ, то въ спокойствiи, то въ гнѣвѣ, то съ юношескими приятностями, то съ морщинами и безобразїемъ свойственными старости. Мы выставили купно съ тобою сїи различныя изображенїя; ты занялъ у нихъ тѣ только черты, коими свою картину могъ обезобразить; я воспользовался бы всѣми, кои украсить могутъ мою, естьлибы ты позволилъ мнѣ ее кончить; и совсѣмъ тѣмъ у обоихъ вышлибы только невѣрные списки. Итакъ возвратимся къ прежнему, и утвердимъ понятїя наши на неоспоримыхъ событїяхъ.

Я долженъ выдержать два нападенїя, ибо удары твои равномѣрно устремлены были на нравы наши и на наше правительство. Нравы наши пребыли непремѣнными въ теченїе четырехъ столѣтїй; сїе признали сами писатели ваши. Они начали измѣняться во время войны Пелопониской; мы на сїе и согласны: охуждай наши нынѣшнїе пороки, но почитай прежнія наши добродѣтели.

Изъ двухъ статей, которыя мнѣ защищать надлежало, одну я кончилъ; не могу отступиться и отъ другой, и всегда утверждать стану, что правительство Лакедемонское есть наилучшее изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ правительствъ. Правда, что Платонъ, хотя и увѣренъ былъ въ изяществѣ онаго, усматривалъ въ немъ нѣкоторые недостатки, и я недавно узналъ, что Аристотель намѣренъ показать еще большее число оныхъ.

Ежели сїи недостатки не составляютъ существеннаго порока въ нашемъ законоположенїи, то я скажу Платону: ты научилъ меня, что первоначальное изъ существъ образуя вселенную, дѣйствовало на вещество предсуществовавшее, которое противуполагало ему иногда непреодолимое упорство, и что сїе существо сдѣлало токмо то благо, каковое позволяло оному вѣчное свойство вещей; а я смѣю сказать: Ликургъ трудился надъ образованїемъ вещества къ тому весьма неудобнаго, которое причастно несовершенству, свойственному сущности всѣхъ вещей; то есть надъ образованїемъ человѣка, изъ ко-

тораго сдѣлалъ все, что только можно было изъ него сдѣлать.

Ежели законы его отъ недостатковъ, каковые имъ приписываются, должны необходимо клониться къ паденїю, я приведу на память Платону то, что признано справедливымъ всѣми Аѳинскими писателями, и о чемъ онъ напослѣдокъ самъ писалъ къ Дїонисїю царю Сиракузскому: въ Лакедемонѣ царствуетъ только законъ, и одинакое правленїе существуетъ тамъ многїе вѣки со славою. Посему какъ же можно представить себѣ такое законоположенїе, которое, при вредоноснѣйшихъ и съ существомъ закона сопряженныхъ пороках, пребывало бы всегда непоколебимо и ограждено отъ крамолъ, толь часто прочїе города Грецїи опустошавшихъ.

Таковое согласїе противурѣчїй тѣмъ страннѣе, сказалъ я тогда, что у васъ одна половина гражданъ порабощена законамъ, а другая ни мало. По крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ Аѳинскїе философы; они говорятъ, что ваши законы не простираются на женъ, которыя взявъ неограни-

ченную власть надъ своими мужьями, ускоряютъ со дня на день успѣхи разврата.

Дамонаксъ отвѣчалъ мнѣ: скажи симъ философамъ, что дочери наши воспитываются по такимъ же правиламъ и съ такою же строгостїю, съ какою и сыновья наши; что онѣ приучаются къ тѣмъ же тѣлеснымъ упражненїямъ, что вмѣсто приданаго должны онѣ приносить мужьямъ своимъ непоколебимую добродѣтель; что каждая изъ нихъ, содѣлавшись матерью, долженствуетъ заниматься долговременнымъ воспитанїемъ дѣтей своихъ, въ началѣ купно съ мужемъ, а потомъ съ чиновниками республики; что нравоблюстители безпрестанно надзираютъ за ихъ поведенїемъ; что попеченїе о рабахъ и хозяйствѣ ввѣрено имъ однѣмъ; что Ликургъ нарочно запретилъ имъ всякое украшенїе; что не прошло еще 50ти лѣтъ, какъ въ Спартѣ думали, что всякое богатое платье затмеваетъ красоту, и что до сего времени чистота нравовъ ихъ была уважаема всѣми народами, наконецъ, вопроси, можно ли тому статься, чтобы въ какомъ ниесть государствѣ мужескїй полъ

былъ добродѣтеленъ безъ того, чтобы женскій не былъ такъ же добродѣтеленъ.

Ваши дочери, возразилъ я, приучаются съ малолѣтства къ труднымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, и сіе-то Платонъ одобряетъ: вступивъ въ супружество, онѣ отъ нихъ отстаютъ; и сіе-то Платонъ осуждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ таковомъ правительствѣ, каково ваше, женщины, по примѣру женщинъ Савроматскихъ, должны быть всегда готовы къ нападенію на непріятеля, или къ его отраженію. Мы для того только сурово воспитываемъ дочерей нашихъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ укрѣпить ихъ тѣло; и отъ женъ нашихъ требуемъ только кроткихъ добродѣтелей, полу ихъ свойственныхъ. На что давать имъ оружіе? довольно рукъ нашихъ къ ихъ защищенію.

Тогда Филотъ прервалъ молчаніе, и съ кротостію сказалъ Дамонаксу: поелику ваши законы имѣютъ предметомъ одну только войну, то не должны ли вы необходимо умножить число сражающихся? только войну предметомъ! вскричалъ Спартанинъ; вотъ слова вашихъ писателей; самому человѣколюбивому законодателю приписы-

ваютъ они самое жестокое, и самое безумное намѣренiе: самое жестокое, если онъ хотѣлъ, чтобы Грецiя содержала всегда войско жаждущее крови народовъ, и алчущее завоеванiй: самое безумное, ибо для произведенiя его въ дѣйство, онъ предложилъ бы средства, совершенно противныя своей цѣли. Прочти воинскiй нашъ уставъ: его распоряженiя, принятыя буквально, стремятся только ко внушенiю въ насъ чувствованiй великодушныхъ, къ укрощенiю нашего честолюбiя. По несчастiю мы небрежемъ ими, но со всѣмъ тѣмъ они показываютъ намъ намѣренiя Ликурговы.

Въ самомъ дѣлѣ какимъ образомъ могъ бы усилиться такой народъ, котораго мужеству на каждомъ шагѣ встрѣчаются препятствiя; который не можетъ распространить владѣнiй своихъ на морѣ, ибо закономъ возбраняется ему имѣть корабельныхъ служителей и военные корабли, а на сушѣ не позволено осаждать крѣпостей, коими усѣяны предѣлы его сосѣдей; которому запрещено преслѣдовать бѣгущаго непрiятеля и его грабить; который, не въсостоянiи будучи продолжать

войны съ однимъ и тѣмъ же народомъ, принужденъ бываетъ предпочитать мирные переговоры звуку оружія; который не долженъ выступать въ походъ до полнолунія, ниже сражаться въ нѣкоторые праздничные дни, и слѣдовательно не можетъ иногда совершить своихъ предприятій; который наконецъ, по своей чрезвычайной бѣдности не въ силахъ ни въ какое время предпринять чего либо важнаго? Ликургъ не хотѣлъ учредить у насъ училища для завоевателей, но для воиновъ спокойныхъ, кои любили бы миръ, ежели никто не нарушаетъ ихъ спокойствія, и дышали бы войною, когда дерзнетъ кто возмутить оное.

По крайней мѣрѣ кажется, возразилъ Филотъ, что по существу вещей, народъ воинственный долженъ со временемъ преобратиться въ народъ завоевателей; и изъ послѣдовавшихъ опытовъ видно, что сіе измѣненіе дѣйствительно съ вами сбылось, хотя вы того и не примѣтили. Васъ упрекаютъ и тѣмъ, что вы весьма давно вознамѣрились покорить себѣ жителей Аркадіи и Арголиды, и сей цѣли никогда не теряли изъ виду; не говорю о Мессенскихъ

вашихъ войнахъ, ибо вы почитаете оныя справедливыми.

Я уже тебѣ сказалъ, отвѣтствовалъ Дамонаксъ, что у насъ нѣтъ лѣтописей; мы знаемъ по темнымъ преданіямъ, что въ древнія времена бывали между нами и сосѣдами нашими раздоры о нѣкоторыхъ взаимныхъ выгодахъ. Кто подалъ къ онымъ поводъ? ты того не знаешь, и я также; я знаю только, что въ теченіе сихъ отдаленныхъ вѣковъ, одинъ изъ царей нашихъ разбилъ Оргіянъ, а союзники совѣтовали ему завладѣть ихъ городомъ. Случай былъ удобенъ, завоеваніе легко. Сіе было бы несправедливо, отвѣчалъ онъ; мы только для того воевали, чтобы обезпечить безопасность своихъ предѣловъ, а не для того, чтобъ завладѣть государствомъ, на которое ни какого не имѣемъ права.

Хочешь ли знать сущность нашего постановленія? приведи себѣ на память новѣйшія событія, и сравни наше поведеніе съ поведеніемъ Аѳинянъ. Греки восторжествовали надъ Персами, но война еще не кончилась: она продолжалась съ успѣхомъ

подъ предводительствомъ Павсанія, употребившаго во зло свою власть. Мы его опять призвали и удостоверясь въ его злонамѣреніяхъ, осудили на смерть побѣдителя Платейскаго. Между тѣмъ союзники, оскорбленные его высокомѣріемъ, препоручили Аѳинянамъ главное начальство надъ войсками. Такимъ образомъ лишились мы права, коимъ дотолѣ пользовались, и которое содѣлывало насъ главою всѣхъ народовъ Греціи. Воины наши, кипя гнѣвомъ, непремѣнно хотѣли удержать то право силою оружія, но когда нѣкій старецъ представилъ имъ, что войны сіи, въ отдаленныхъ странахъ развращаютъ токмо нравы наши; то они тотчасъ рѣшились лучше отказаться отъ своихъ преимуществъ, нежели отъ своихъ добродѣтелей. Въ семъ ли состоитъ свойство завоевателей?

Аѳиняне, съ согласія нашего, содѣлавшись сильнѣйшимъ народомъ Греціи, со дня на день умножали свои завоеванія; ничто не могло противостоять ихъ силѣ, и удовлетворить ихъ честолюбію: ихъ морскія и сухопутныя ополченія невозбранно нападали, какъ на дружествен-

ные, такъ и на неприязненные народы. Жалобы угнетенной Грецїи достигли до насъ; затруднительныя обстоятельства сперва препятствовали намъ ихъ выслушать, а когда мы успокоились, то не позволила намъ сего безпечность наша. Стремительный потокъ начиналъ уже исторгаться изъ предѣловъ своихъ на древнихъ нашихъ союзниковъ Пелопонисскихъ; они готовились оставить насъ, а можетъ быть хотѣли его направить на собственныя главы наши, ежели бы мы помедлили хотя мало удержать его въ семъ стремленїи.

Повѣствованїе мое несомнительно: я въ ономъ слѣдую токмо самому вѣрнѣйшему Греческому историку, Аѳинянину просвѣщенному, безпристрастному, и очевидцу сихъ событїй; прочти въ Ѳукидидовомъ сочиненїи рѣчи Коринѳскаго посланника, и Царя Лакедемонскаго; замѣть все, что мы тогда сдѣлали для сохраненїя мира, и разсуди самъ, должно ли нашей зависти и нашему любочестїю приписывать войну Пелопонисскую, въ чемъ со временемъ, можетъ статься, будутъ насъ упрекать, полагаясь на нѣкоторыхъ предубѣжденныхъ писателей.

Того народа не можно назвать любочестивымъ, который по свойству и правиламъ своимъ, чрезвычайно медлителенъ въ изобрѣтеніи предпріятій и произведеніи оныхъ въ дѣйство; который не дерзаетъ ни на что отваживаться и котораго должно принуждать къ поднятію оружія. Нѣтъ, мы не были завистливы, мы бы почли сіе за крайнее себѣ униженіе; но съ негодованіемъ взирали на то, что тѣ прекрасныя земли, которыя освобождены нами отъ ига Персовъ, готовы, были подпасть игу одного города.

Въ теченіи долговременной и злосчастной войны, обѣ стороны впали въ грубыя погрѣшности и произвели ужасныя лютости; Аѳиняне должны были замѣтить неоднократно что мы, по медленности нашей пользоваться своими выгодами, не были опаснѣйшими ихъ врагами. Они должны были такъ же неоднократно удивляться рвенію нашему прекратить бѣдствія, продолжавшіяся сверьхъ нашего чаянія. При всякомъ походѣ, при всякомъ военномъ предпріятіи, мы чрезвычайно сожалѣли о томъ спокойствіи, которое у насъ похи-

щаемо было. Мы почти всегда последніе принималися за оружіе, и первые оставляли оное; побѣждая предлагали миръ, и бывъ побѣждаемы просили онаго.

Таковы были вообще наши расположенія; благополучны бы мы были, еслибъ несогласія, начинавшіяся въ Спартѣ, и уваженіе, которое доставили намъ наши союзники, позволили соображаться съ сими расположеніями. Но несогласія явно обнаружились при взятіи Аѳинъ. Коринѳяне, Ѳивяне и другіе народы предложили разрушить ихъ до основанія. Мы отвергли таковое предложеніе; и въ самомъ дѣлѣ ни домовъ, ни храмовъ ихъ не должно было погребсти въ утробѣ земли, но сокровища, которыя въ нихъ заключались; тѣ драгоцѣнныя добычи, и несмѣтное количество денегъ, которые Лисандръ, вождь нашего флота, собиралъ во время своихъ походовъ, и мало по малу доставлялъ въ нашъ городъ. Я помню сіе, хотя былъ еще молодъ; самые мудрѣйшіе изъ насъ вострепетали, увидя сего врага. Возбужденное ихъ воплями судилище эфоровъ, предложило удалить навсегда

сіи сокровища, обильный источникъ несогласій и безпорядковъ, которые угрожали намъ гибелью. Сторона Лисандрова превозмогла: рѣшено было превратить злато и сребро въ монеты для нужды республики, а не для нуждъ частныхъ людей. Безумное и пагубное рѣшеніе! какъ скоро правительство начало уважать сіи металлы, то и должно было ожидать, что въ глазахъ частныхъ людей учинятся они вскорѣ безконечно важнѣйшими.

Имъ легко было обольстить васъ, сказалъ я тогда, потому что законы ваши, по замѣчанію Платона, научали васъ побѣждать боль, а не сластолюбіе. Когда ядъ уже вкрался въ государство, отвѣчалъ Дамонаксъ, то философія должна насъ охранять отъ онаго; а когда еще не вкрался, то законодатель долженъ отразить его; ибо самое лучшее средство избѣгать нѣкоторыхъ опасностей состоитъ въ томъ, чтобы ихъ не знать. Но какъ народное собраніе, сказалъ я, само приняло пагубный даръ, поднесенный ему Лисандромъ, то должно ли почитать Лисандра первымъ виновникомъ тѣхъ перемѣнъ, коимъ подверглись ваши нравы?

Зло сїе возникло гораздо ранѣе, отвѣчалъ онъ. Война съ Персами вывела насъ на сїе позорище свѣта, отъ котораго желалъ удалить Ликургъ. Въ теченїе полувѣка, не смотря на узаконенїя свои, ходили мы съ войскомъ въ отдаленныя страны; тамъ вступали съ жителями въ тѣсныя связи. Нравы наши, сливаясь безпрестанно со нравами чуждыхъ народовъ, портились подобно чистому источнику, протекающему по смрадному и заразительному блату. Вожди наши, побѣжденные дарами тѣхъ, которыхъ бы долженствовали они побѣдить оружїемъ, день отъ дня болѣе помрачали свою и нашу славу. Мы наказывали ихъ по возращенїи въ отечество; но наконецъ, поелику преступники имѣли высокое званїе и великїя достоинства, порокъ учинился не столь гнусенъ, а законъ вперялъ одинъ только страхъ. Периклъ, посредствомъ подарковъ, неоднократно заставлялъ хранить молчанїе тѣхъ изъ нашихъ чиновниковъ, которые столько имѣли довѣренности народной, что могли отвратить взоры онаго отъ предприятїй Аѳинянъ.

По окончанiи сей войны, увѣнчавшей насъ славою, и посѣявшей въ сердцахъ нашихъ сѣмена пороковъ, безъ ужаса взирали мы на неистовыя страсти двухъ великихъ людей, которые, къ несчастiю нашему, возникли среди нашего народа, или лучше сказать, мы съ ними оныя раздѣляли. Лисандръ и Агезилай предприняли возвести Спарту на высочайшую степень силы, одинъ для того, чтобы владычествовать надъ нею, а другой купно съ нею.

Не однократно разбитые на морѣ Аѳиняне, окончанiе 27 лѣтней войны, взятiе Аѳинъ въ одинъ часъ, освобожденiе многихъ городовъ отъ ненавистнаго ига, управленiе другихъ, порученное градоправителямъ, нами самими избраннымъ, и оныя наконецъ угнѣтавшимъ, молчанiе цѣлой Грецiи, которая принуждена была признать преимущество Спарты, были главнѣйшими произшествiями, коими отличается славное правленiе Лисандра.

Вся его политика основана была на двухъ только правилахъ; на силѣ и вѣроломствѣ. По случаю несогласiй, возставшихъ между нами и Аргiянами за раз-

граниченіе земель, сіи послѣдніе доказывали свои права. Вотъ мой отвѣтъ, сказалъ Лисандръ, положивъ руку на мечъ. У него было любимое правило, дѣтей обманывать игрушками, а совершеннолѣтнихъ клятвами.

Отсюду произошли притѣсненія и неправосудія, имъ учиненныя, когда онъ ничего не боялся; коварство и притворство, когда не смѣлъ дѣйствовать открытою силою; отсюда произошла и та гибкость, съ каковою онъ принаравливался къ обстоятельствамъ; отъ сатраповъ Азіятскихъ сносилъ онъ безъ роптанія бремя ихъ величія, и почти въ то же время обращалъ на Грековъ презрѣніе, которое оказывали ему Персы.

Получивъ на моряхъ владычество, истребилъ онъ повсюду народное правленіе: таковъ былъ обычай въ Спартѣ: онъ ему упорно слѣдовалъ, чтобы поставлять градоначальниками такихъ людей, которые не имѣли другаго достоинства, кромѣ совершеннаго повиновенія его волѣ. Сіи перемѣны неиначе производимы были, какъ съ пролитіемъ источниковъ слезъ и крови. Онъ ничего не щадилъ для обогащенія сво-

ихъ приверженцевъ, и на истребленіе враговъ своихъ; симъ именемъ называлъ онъ тѣхъ, которые защищали права народа. Въ ненависти своей былъ онъ неумолимъ, во мщеніи ужасенъ: а когда старость ожесточила строптивый нравъ его, тогда и малѣйшее сопротивленіе дѣлало его лютымъ; однажды повелѣлъ онъ лишить жизни 800 Милетскихъ жителей, которые, по неблагоразумію своему, повѣривъ его клятвѣ, оставили свои убѣжища.

Спарта въ глубокомъ молчаніи сносила толь ужасныя лютости. Онъ привлекъ на свою сторону многихъ изъ Спартянъ, строгостію своихъ нравовъ, повиновеніемъ градоправителямъ и блескомъ побѣдъ своихъ. Когда же чрезвычайною щедростію и ужасомъ своего имени приобрѣлъ онъ себѣ еще болѣе сообщниковъ въ народахъ иноплеменныхъ, то его почитали повелителемъ всей Греціи.

Хотя происходилъ онъ отъ колѣна Ираклова, однакоже такъ былъ далекъ отъ престола, что не могъ къ оному приближиться; онъ возвелъ на оный Агезилая, коего любилъ нѣжно и коего права на царскій

вѣнецъ могли еще быть оспориваемы. Какъ онъ льстился самъ управлять подъ именемъ сего юнаго государя, то внушалъ ему любовь къ славѣ, и упоилъ надеждою разрушить обширную Персидскую монархїю. Вскорѣ отъ многихъ городовъ прибыли въ Спарту посланцы, которыхъ онъ вызвалъ тайно. Они требовали, чтобы Агезилаю поручить предводительство надъ войсками, собранными противу варваровъ. Сей государь немедлѣнно туда отправился, сопровождаемый совѣтомъ, состоявшимъ изъ тридцати Спартянъ, въ коемъ председательствовалъ Лисандръ.

Они прибыли въ Асїю: тогда всѣ малосильные владѣльцы сосѣдственныхъ городовъ, опредѣленные Лисандромъ тиранны, сто кратъ жесточайшїе тиранновъ великихъ государствъ, ибо жестокость увеличивается по мѣрѣ слабости, обращаютъ взоры на единаго своего покровителя, ползаютъ рабски при дверяхъ его чертоговъ, а государю воздаютъ слабое почтенїе, изъ одной только благопристойности. Агезилай, алкающїй властолюбїя, вскорѣ примѣтилъ, что хотя онъ занималъ первую

степень, но представлялъ второе лице. Онъ изъявилъ съ хладнокровіемъ неудовольствіе своему другу, возвратившемуся въ Спарту, дыша единымъ только мщеніемъ. Тогда рѣшился онъ исполнить то предпріятіе, о которомъ давно уже помышлялъ, и которое предначерталъ въ запискѣ, найденной между бумагами, послѣ его смерти.

Колѣно Ираклово раздѣлено на многія отрасли. Двѣ только изъ оныхъ имѣютъ право на престолъ. Лисандръ хотѣлъ распространить его не только на прочія отрасли, но и на всѣхъ Спартянъ. Честь царствовать надъ свободнымъ народомъ учинилась бы наконецъ наградою добродѣтели, и Лисандръ, по своей довѣренности, могъ бы со временемъ достигнуть верховной власти. Поелику таковой перемѣны не возможно было произвести открытою силою, то онъ прибѣгнулъ къ обману.

Слухъ пронесся, будто въ Понтійскомъ царствѣ, нѣкоторая женщина родила сына, котораго отцемъ былъ Аполлонъ, и что первѣйшіе въ народѣ люди воспитывали его подъ именемъ Силена. Сіи пустые разсказы родили въ Лисандрѣ мысль къ обману,

который продолжался многїе годы, и который велъ онъ, скрывая лице свое, посредствомъ людей подчиненныхъ. Одни, отъ времени до времени, воспоминали о чудесномъ рожденїи младенца; другїе объявляли, что жрецы Дельфїйскїе хранили древнїя прорицанїя, до которыхъ не позволено имъ было прикасаться, и которые должны они со временемъ вручить сыну того бога, при олтаряхъ коего служили.

Время открытїя сей странной тайны приближалось. Силенъ появился въ Грецїи. Положено было, чтобы онъ прибылъ въ Дельфы, гдѣ подкупленные жрецы долженствовали, въ присутствїи множества свидѣтелей, разсмотрѣть доказательства о его происхожденїи, и бывъ принуждены признать его за сына Аполлонова, должны были вручить ему древнїя пророчества, прочитать ихъ посреди сего многочисленнаго собранїя, и включить въ одно изъ сихъ прорицанїй повелѣнїе, дабы Спартяне отъ сего времени избирали себѣ въ цари однихъ только добродѣтельнѣйшихъ гражданъ.

Въ самое то время, когда надлежало сїе исполнить одинъ изъ главныхъ сообщниковъ, ужаснувшись отъ послѣдствїй таковаго предприятїя, не смѣлъ онаго окончить, а Лисандръ, предавшись отчаянїю, испросилъ себѣ начальство надъ нѣкоторымъ числомъ войскъ, отправлявшихся въ Вїотїю. Онъ погибъ на сраженїи. Мы почтили его память; а надлежало бы ее помрачить. Онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ истребленїю нашей умѣренности и нашей бѣдности.

Средства Лисандровы къ своему возвышенїю употреблены были съ бо́льшимъ благоразумїемъ Агезилаемъ. Я не буду говорить вамъ о его подвигахъ въ Грецїи, въ Асїи и въ Египтѣ; онъ былъ опаснѣе Лисандра, ибо съ равными дарованїями соединялъ болѣе добродѣтелей, и хотя столь же былъ честолюбивъ, но всегда чуждался высокоумїя и тщеславїя. Онъ ни какъ не позволялъ воздвигнуть въ честь себѣ истуканъ, а Лисандръ самъ поставилъ себѣ оный въ храмѣ Дельфїйскомъ; онъ позволилъ соорудить себѣ олтари и приносить жертвы; щедро награждалъ сти-

хотворцевъ, которые осыпали его похвалами, и всегда держалъ одного при себѣ, для замѣчанія и прославленія малѣйшихъ своихъ успѣховъ.

Тотъ и другой обогатили своихъ тварей, жили въ крайней бѣдности, и не любили никакихъ забавъ.

И тотъ и другой, для полученія начальства надъ войсками, постыднымъ образомъ льстили эфорамъ, и успѣли въ томъ, что верховная власть перешла въ ихъ руки. Лизандръ, по взятіи Аѳинъ, писалъ къ нимъ: „Я сказалъ Аѳинянамъ, что вы „властны разпоряжать войною и миромъ.„ Агезилай вставалъ съ своего престола, какъ скоро они являлись.

Они оба, бывъ увѣрены въ ихъ покровительствѣ, поселили въ насъ какое-то непостоянство, и безпрестанными неправдами и насиліями ополчили противу насъ Эпаминонда, который, послѣ побѣды при Левктрахъ, и по возстановленіи Мессенянъ, довелъ насъ до того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ мы и теперь еще находимся. Мы увидѣли, что величіе наше, вкупѣ съ добродѣтелями, разруши-

лось. Уже прошли тѣ времена, въ которыя народы, желавшїе возвратить свободу свою, просили у Спарты единаго изъ ея воиновъ, для расторженїя оковъ своихъ.

Однакоже воздай послѣднее почтенїе законамъ нашимъ. Въ другихъ мѣстахъ разврат начался бы разслабленїемъ душъ; въ насъ обнаружилъ онъ страсти сильныя и великїя, любочестїе, мщенїе, жадность ко владычеству, и непреоборимое стремленїе къ славѣ. Кажется, что пороки приближаются къ намъ какъ бы съ нѣкою осмотрительностїю. Жадность къ злату, не во всѣхъ еще состоянїяхъ оказалась, и прелести роскошной жизни заразили нынѣ токмо малое число людей частныхъ. Неоднократно видѣли мы, что градоправители и военачальники мужественно поддерживали древнее наше благоустройство, и что простые граждане показывали добродѣтели, достойныя самыхъ цвѣтущихъ временъ Грецїи.

Спартане, уподобляясь тѣмъ народамъ, которые, бывъ сопредѣльны двумъ владычествамъ, смѣшиваютъ языки и нравы того и другаго, находятся такъ сказать,

на предѣлахъ пороковъ и добродѣтелей; но мы недолго пребудемъ въ семъ опасномъ положенiи; каждая минута напоминаетъ намъ, что какая-то непреодолимая сила влечетъ насъ въ бездну. Я самъ ужасаюсь того примѣра, которой себѣ подаю вамъ нынѣ. Чтобы сказалъ Ликургъ, увидѣвъ питомца своего разговаривающаго, спорящаго, и употребляющаго риторическiя правила. Ахъ! я весьма долго жилъ съ Аѳинянами, и теперь я не иное что, какъ развращенный Спартанинъ.

ГЛАВА ПЯТДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

Путешествiе по Аркадiи.

Нѣсколько дней спустя послѣ сей бесѣды, разстались мы съ Дамонаксомъ, съ равномѣрнымъ съ обѣихъ сторонъ сожалѣнiемъ и предприняли путь въ Аркадiю.

Первый встрѣтившiйся намъ предметъ былъ храмъ Ахилловъ, которой никогда не отворяется, и предъ которымъ приносятся жертвы юношами, долженствующими въ Платанистѣ имѣть состязанiе, о коемъ сказано мною выше; далѣе видѣ-

ли мы семь столповъ, воздвигнутыхъ нѣкогда, какъ сказываютъ, въ честь семи планетъ; еще далѣе города Пеллану, а потомъ Вельмину, лежащіе на предѣлахъ Лаконіи и Аркадіи. Вельмина, укрѣпленное мѣсто, за которое часто происходили несогласія между обоими народами, и коего земля орошается рѣкою Эвротомъ, и многими, низпадающими съ сосѣдственныхъ горъ источниками, лежитъ при тѣсномъ проходѣ, которымъ проѣзжаютъ въ Мегалополь, отстоящій на 90 стадій отъ Вельмины и около 340 отъ Лакедемона. Въ продолженіе цѣлаго дня, видѣли мы съ удовольствіемъ по сторонамъ дороги, то шумные и стремительные потоки, то тихія воды Эврота, Ѳіуна и Алѳея.

Аркадія находится въ самомъ средоточіи Пелопониса. Будучи выше окружающихъ ее странъ, она усѣяна горами, изъ коихъ иныя чрезмѣрно высоки; почти всѣ обитаемы дикими звѣрями и покрыты лѣсами. Поля ея часто пресѣкаются рѣками и ручьями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чрезъ мѣру изобильныя воды, не находя прохода на равнинѣ, вдругъ низвергаются въ

глубокія бездны, нѣсколько времени текутъ скрытно и по многихъ усиліяхъ стремительно вырываются и опять выходятъ на поверхность земли.

Много прилагаемо было старанія для направленія ихъ теченія, но старанія сіи были недостаточны. Подлѣ плодоносныхъ полей видѣли мы и такія, которыя отъ частыхъ наводненій содѣлались навсегда безплодными. Первыя производятъ въ изобиліи пшеницу и другія колосяныя травы; онѣ могутъ питать многочисленныя стада; кормъ на нихъ весьма хорошъ, особливо для ословъ и лошадей, коихъ породы здѣсь почитаются лучшими.

Кромѣ многихъ лѣкарственныхъ растеній, сія страна производитъ почти всѣ извѣстныя деревья. Жители, упражняющіеся прилѣжно въ разпознаваніи оныхъ, каждое изъ сихъ деревъ называютъ особливымъ именемъ; примѣтнѣйшія изъ нихъ суть сосна, ель, кипарисъ, туія, андрахнея (*), тополь, и такой кедръ, котораго

(*) Андрахнея совсѣмъ не есть дерево; родъ сей заключаетъ только двѣ породы; одна есть

плодъ созрѣваетъ не прежде, какъ на третій годъ. Я умалчиваю о многихъ другихъ, также обыкновенныхъ деревахъ, какъ и о тѣхъ, которыя служатъ къ украшенію садовъ. Въ одной долинѣ видѣли мы сосны необычайной толщины и вышины: намъ сказывали, что такая величина ихъ происходитъ отъ выгоднаго ихъ мѣстоположенія; они не подвержены ни жестокости вѣтровъ, ни солнечному зною. Въ лѣсу близь Мантинеи, показывали намъ три породы дуба; одинъ широколистный, другой такъ называемый фагъ (phagus), и третій такой, котораго кора столь легка, что на водѣ не тонетъ (*); рыбаки дѣ-

---

низменная травка, растущая въ Греціи и Италіи и называемая Andrachne telephoides, См. Lamarck, illustrations de Botanique, pl. 797, а другая кустарникъ въ Индіи произрастающій. Прим. переводчика.

(*) *Фагъ*, не есть порода *дуба*, но совсѣмъ отличное отъ онаго дерево, называемое *букомъ* (Fagus sylvatica), а порода дуба, легкую кору имѣющая, есть по видимому пробковое дерево, произрастающее наипаче въ Испаніи и въ

лаютъ изъ нея поплавки для неводовъ, а корабельщики употребляютъ вмѣсто буя, для показанія мѣста, гдѣ брошенъ якорь.

Аркадяне почитаютъ себя чадами земли, поелику всегда обитали въ одной странѣ, и никогда не были подъ чуждымъ игомъ. Увѣряютъ, что они, поселясь сперва на горахъ, мало по малу научились строить хижины, одѣваться кабаньими шкурами, предпочитать дикорастущимъ, и нерѣдко вредоноснымъ травамъ, желуди фага, коими питались еще въ послѣднія столѣтія. Кажется достовѣрно только то, что они ощутивъ нужду жить въ сообществѣ, не знали однакожъ пріятностей общежитія. Холодной и жестокой ихъ климатъ придаетъ тѣлу крѣпость, а душѣ суровость. Для умягченія сихъ дикихъ нравовъ, мудрецы превосходнѣйшаго ума, желая вселить въ нихъ новыя чувствованія, внушили имъ вкусъ къ стихотворству, пѣнію, пляскѣ и празднествамъ. Никогда еще свѣтъ разсудка не произво-

---

Греціи; оно называется въ Системѣ Quercus suber. *Примѣч. переводчика.*

дилъ во нравахъ столь скорой и общей перемѣны. Слѣдствія, имъ произведенныя, достигли и до нашихъ временъ, ибо жители Аркадіи не преставали упражняться въ искуствахъ, отъ предковъ своихъ ими заимствованныхъ.

Будучи ежедневно приглашаемы для пѣнія на пиршествахъ, они поставили бы себѣ за стыдъ не знать или не уважать музыки, коей учиться обязаны съ самаго младенчества и во все время юныхъ лѣтъ. Какъ на празднествахъ, такъ и въ войскахъ, соразмѣряютъ они шествіе и движенія свои со звукомъ свирѣли. Градоначальники ихъ, увѣрены будучи, что однѣ только сіи очаровательныя искуства могутъ оградить ихъ отъ вліянія суроваго климата, собираютъ ежегодно юныхъ питомцевъ, и заставляютъ при себѣ плясать, дабы судить о ихъ успѣхахъ. Примѣръ Кинеѳеянъ оправдываетъ сію предосторожность; сіе малое селеніе, сопредѣльное сѣверной Аркадіи, и лежащее посреди горъ, подъ суровымъ небомъ, никогда не хотѣло предаваться сему обольщенію; жители онаго учинились потомъ толь звѣронравны и

жестоки, что имени ихъ никто безъ ужаса не произноситъ.

Аркадяне человѣколюбивы, благотворительны, гостепріимны, въ трудахъ терпѣливы, въ предприятіяхъ своихъ упорны, не смотря ни на какія опасности и препоны. Часто сражались они съ успѣхомъ, и всегда со славою. Въ мирное время нанимаются они въ службу къ иностраннымъ державамъ, не имѣя никакого въ томъ разбора и никого не предпочитая, такъ что случалось имъ служить на противныхъ сторонахъ, и сражаться со своими соотчичами. Не смотря на такое наемничество, они чрезвычайно привержены къ свободѣ. Послѣ Херонейской битвы, на коей одержалъ побѣду Филиппъ, царь Македонскій, они не восхотѣли назвать побѣдителя верховнымъ вождемъ всѣхъ Греческихъ войскъ.

Въ древнія времена повиновались они царямъ, а потомъ раздѣлились на республики, имѣющія право посылать повѣренныхъ на общій сеймъ. Мантинея и Тегея суть главнѣйшіе города изъ участвующихъ въ семъ союзѣ, который могъ бы содѣлаться весьма страшнымъ, еслибы со-

единили они всѣ свои силы; ибо страна сія весьма многолюдна; въ ней считается до 300,000 рабовъ; но желаніе владычествовать, въ безпрестанномъ содержитъ несогласіи, какъ большія, такъ и малыя правительства. Въ наше время крамолы толико умножились, что общему собранію народа представлено было начертаніе о новомъ союзѣ; въ семъ начертаніи между прочимъ постановлено, чтобъ десяти тысячамъ гражданъ ввѣрить власть объявлять войну и заключать миръ. Сіе намѣреніе, оставшееся безъ исполненія по причинѣ новыхъ безпокойствъ, отъ онаго начало свое получившихъ, возобновлено было съ большимъ ревніемъ послѣ сраженія при Левктрахъ. Эпаминондъ, дабы со всѣхъ сторонъ удержать Спартанъ, призвалъ опять древнихъ обитателей Мессеніи, предложилъ жителямъ Аркадіи, чтобы они истребили малые города, безъ защиты остающіеся и переселили обывателей оныхъ въ укрѣпленное мѣсто, которое надлежало построить на рубежахъ Лаконіи. Онъ далъ имъ 1000 человѣкъ для споспѣшествованія сему предпріятію, и тотчасъ положено

было основанїе Мегалополя. Сїе произошло за 15 лѣтъ до нашего прибытїя.

Мы удивились обширности его и высотѣ стѣнъ, по концамъ которыхъ возвышались башни. Уже Лакедемонцы начинали опасаться сего города. Я примѣтилъ сїе, разговаривая однажды съ царемъ Архидамомъ. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, онъ напалъ на сїе новое поселенїе, а наконецъ заключилъ съ онымъ договоръ. Мегалополь.

Въ началѣ обратило оно все вниманїе на законодательство, почему и просило Платона сочинить законы. Сему философу весьма приятно было толь лестное отличїе; но уведавъ, какъ отъ повѣренныхъ, такъ и отъ одного изъ учениковъ своихъ, въ сей городъ имъ отправленнаго, что жители онаго никогда не согласятся на равный раздѣлъ имуществъ, рѣшился отказаться отъ ихъ требованїя.

Небольшая рѣка Элиссонъ раздѣляетъ городъ на двѣ части; какъ въ той, такъ и въ другой построены были, и при насъ еще строились домы и общественныя зданїя. Сѣверная часть украшалась площадью, обведенною каменными перилами,

и окруженною священными зданїями и портиками. Противу храма Юпитерова воздвигнутъ былъ бронзовой истуканъ Аполлоновъ, въ 12 футовъ вышиною. Его подарили Фигалїяне, съ удовольствїемъ принимавшїе участїе въ украшенїи новаго города. Простые граждане оказывали такокое же усердїе; одинъ изъ портиковъ назывался Аристандровымъ, по имени построившаго оный своимъ иждивенїемъ.

Въ нижней половинѣ города видѣли мы пространное зданїе, въ которомъ собираются уполномоченные 10,000 человѣкъ, коимъ ввѣрено попеченїе о важнѣйшихъ дѣлахъ народныхъ; а въ храмѣ Эскулаповомъ показали намъ огромныя кости, о которыхъ говорили, что они остались отъ какого-то исполина.

Городъ день отъ дня обогащался истуканами; мы познакомились тамъ съ двумя Аѳинскими художниками, Кефисодотїемъ и Ксенофонтомъ, трудившимися надъ изваянїемъ купы, представлявшей Юпитера сѣдящаго на престолѣ, имѣющаго по правую руку городъ Мегалополь, а по лѣвую Дїану охранительницу. Марморъ привезенъ былъ изъ каменоломней горы Пентелики, лежащей близь Аѳинъ.

Мнѣ бы можно было упомянуть и о другихъ достопамятностяхъ; но въ запискахъ о моемъ путешествіи избѣгалъ я описанія множества храмовъ, жертвенниковъ, истукановъ и надгробныхъ памятниковъ, которыя представлялись взорамъ нашимъ на каждомъ шагу, въ городахъ, селахъ, и даже въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ; я почелъ за нужное прейти молчаніемъ большую часть чудесъ и нелѣпыхъ басней, о коихъ весьма подробно намъ разсказывали; принужденный выслушивать оныя путешественникъ не долженъ, по крайней мѣрѣ, причинять таковагожъ мученія своимъ читателямъ. Ежелибы захотѣлъ онъ согласить между собою различныя преданія о богахъ и первыхъ ирояхъ; то бы труды его послужили единственно къ умноженію безпорядка въ томъ хаосѣ, въ который не проницалъ свѣтъ разума. Вообще онъ примѣтить долженъ, что у нѣкоторыхъ народовъ предметы общественнаго почитанія извѣстны подъ другими названіями; приносимыя имъ жертвы сопровождаемы другими обрядами, истуканы ихъ отличены другими принадлежностями.

Но путешественникъ долженъ устремить вниманіе свое на памятники, показывающіе вкусъ, просвѣщеніе или невѣжество какого либо вѣка; описывать празднества, ибо сколько возможно чаще надлежитъ предлагать ненасытнымъ взорамъ несчастныхъ смертныхъ пріятныя и веселыя изображенія; онъ долженъ повѣствовать о мнѣніяхъ и обычаяхъ, могущихъ служить примѣромъ и наставленіемъ, предоставляя на волю читателей употреблять оныя съ пользою. Напримѣръ, если я только скажу, что въ одномъ округѣ Аркадіи, всевышнее существо почитается подъ именемъ благаго, то всякой исполнится къ нему любовію. Когда же скажу, что въ той же области изувѣрство приносило ему въ жертву людей, кто не вострепещетъ, услышавъ, что народъ, обожавшій всеблагаго бога, доведенъ изувѣрствомъ до толикаго неистовства. Но возвратимся къ моему повѣствованію.

Мы вознамѣрились объѣхать Аркадію. Страна сія представляетъ непрерывную связь картинъ, въ коихъ природа явила все свое величество и всю свою плодовитость,

и кои собрала она небрежно, не смотря на разность оныхъ. Мощная десница, воздвигнувшая на вѣчномъ основанiи ужасной величины голые утесы, у подножiя или въ промежуткахъ оныхъ начертала легкою кистью прелестные прохладою и спокойствiемъ дышущiе луга. Повсюду представляются виды, достойные кисти живописца, неожидаемыя противуположности, поражающiя чувства.

Коликократно, взошедъ на угрюмую вершину горы, зрѣли мы сверкающiя надъ главами нашими молнiи! сколько разъ случалось намъ останавливаться въ облачной странѣ, въ которой свѣтъ дневный преобращался вдругъ въ сумрачную ясность, сгущенный воздухъ сильно волновался, и взорамъ нашимъ представлялось сколь прелестное, столь и ужасное зрѣлище! потоки влажныхъ паровъ мгновенно являлись предъ очами нашими, и низвергались въ глубокiя долины; многоводные потоки съ ревомъ стремились въ бездны; огромныя толщи горъ, сквозь густую влагу, казались намъ подернутыми чернымъ покровомъ; печальный крикъ пернатыхъ,

томный шумъ вѣтровъ и колеблющихся древесъ; все сїе представляло адъ Эмпедокловъ, океанъ нестройнаго и бѣловатаго воздуха, колеблющїй злотворныя души, и носящїй ихъ, то въ пространствахъ воздушныхъ, то посреди мїровъ, въ нихъ разсѣянныхъ.

Ликозура.

Выѣхавъ изъ Мегалополя, и переправясь черезъ Алфей, прибыли мы въ Ликозуру городъ лежащїй у подошвы горы Алкея, иначе Олимпомъ называемыя. Сей округъ весьма лѣсистъ и наполненъ дикими звѣрями. Въ вечеру хозяева наши хотѣли завести съ нами разговоръ о своемъ городѣ, который есть древнѣйшїй въ цѣломъ мїрѣ, о горѣ своей, на коей воспитанъ былъ Юпитеръ, о храмѣ и о празднествахъ въ честь бога сего отправляемыхъ, а наипаче о его жрецѣ, имѣющемъ власть низводить небесныя воды, во время засухи; потомъ разсказывали они намъ о лани, бывшей за два столѣтїя предъ симъ, которая, какъ, сказываютъ, жила болѣе 700 лѣтъ. Она поймана за нѣсколько лѣтъ до войны Троянской. День, въ который она изловлена, означенъ былъ на ошейникѣ: ее содержали, какъ

священное животное въ оградѣ храма. Аристотель, которому я однажды разсказывалъ о семъ, утверждаясь на свидѣтельствѣ Исіода, который еще должайшій вѣкъ приписываетъ оленямъ, смѣло мнѣ противорѣчилъ, замѣтивъ, что время, въ которое самка носитъ, и то въ какое выростаетъ молодой олень, не соотвѣтствуютъ таковой долговѣчности.

На другой день достигнувъ вершины горы Ликея, съ которой виденъ весь Пелопонисъ, присутствовали мы на играхъ, отправляемыхъ въ честь бога Пана, близь храма и рощи ему посвященныхъ. По опредѣленіи награды, увидѣли мы нагихъ юношей, кои преслѣдовали, съ громогласнымъ смѣхомъ, всѣхъ съ ними встрѣчавшихся: другіе бичевали истуканъ бога; они наказывали его за то, что не поймали достаточнаго количества дичины для своего пиршества, на ловлѣ, въ которой призывали его на помощь.

Не смотря на сіе, жители Аркадіи великое оказываютъ почтеніе Пану. Они воздвигли ему множество храмовъ, жертвенниковъ, истукановъ, и посвятили

многія рощи; его изображаютъ они на монетахъ. Сей богъ преслѣдуетъ на ловитвѣ животныхъ вредоносныхъ жатвѣ; съ веселіемъ скитается по горамъ, откуду блитъ надъ многочисленными стадами, пасущимися на равнинѣ; и изъ семиствольной цѣвницы, которой онъ почитается изобрѣтателемъ, извлекаетъ звуки, раздающіеся въ окрестныхъ долинахъ.

Пану нѣкогда оказываемо было еще бо́льшее уваженіе; онъ предсказывалъ будущее въ одномъ изъ своихъ храмовъ, въ которомъ содержался неугасаемый свѣтильникъ. Еще и доселѣ утверждаютъ Аркадяне, что онъ распредѣляетъ смертнымъ, во время ихъ жизни, заслуживаемыя ими награды и наказанія; они, по примѣру Египтянъ, помѣщаютъ его въ число первостепенныхъ божествъ, и судя по имени, которымъ его нарицаютъ, властъ его простирается на весь вещественный міръ. Не смотря на сіи великолѣпныя по́чести, почитаютъ его нынѣ единственно покровителемъ ловчихъ и пастуховъ.

Не подалеку отъ его храма находится храмъ Юпитеровъ; онъ обнесенъ огра-

дою, въ которую нельзя намъ было войти. Вскорѣ нашли мы еще другія священныя мѣста, куда возбраненъ входъ мущинамъ, а пускаютъ однѣхъ только женщинъ.

Потомъ прибыли мы въ Фигалею; она стоитъ на весьма крутомъ утесѣ, и видна издалека. На городской площади воздвигнутъ истуканъ, достопамятный въ исторіи художествъ. Ноги у него почти совсѣмъ не раздѣлены, а висящія руки плотно прикасаются къ бокамъ и бедрамъ. Такъ дѣлали прежде истукановъ въ Греціи, а въ Египтѣ они и до сихъ поръ таковыми остались. Видѣнный нами поставленъ былъ въ честь бойца Аррахіона, который одержалъ верьхъ въ 52, 53 и 54 Олимпіады. Изъ сего должно заключить, что за два вѣка до насъ, многіе ваятели послѣдовали рабски Египетскому вкусу. Фигалея.

Въ право, на 30 стадій разстояніемъ отъ города, лежитъ гора Елаій; а въ лѣво, на 40 стадій, гора Котилій. Въ первой видна пещера Цереры, прозванная черною по тому, что богиня, печалясь о похищеніи Прозерпины, на нѣкоторое время заключилась въ оную, облекшись въ печаль-

ную одежду. На жертвенникѣ, стоящемъ при входѣ въ храмъ, не закалаютъ животныхъ, но приносятъ плоды, медъ, и необдѣланную волну. Пришедъ въ мѣстечко, лежащее на другой горѣ, поражены мы были удивленiемъ, увидѣвъ храмъ Аполлоновъ, который есть изящнѣйшiй въ цѣломъ Пелопонисѣ, какъ по выбору камней, составляющихъ крышку и стѣны, такъ и по удачной соразмѣрности всѣхъ его частей. Одно имя зодчаго можетъ прославить навсегда сiе зданiе; зодчiй сей есть тотъ самый Иктинъ, который во времена Перикла построилъ въ Аѳинахъ знаменитый Минервинъ храмъ.

Прибывъ опять въ Фигалею, были мы на празднествѣ, которое кончилось великолѣпнымъ пиршествомъ; рабы были за столомъ вмѣстѣ съ своими господами, и того, кто болѣе ѣлъ, превозносили чрезмѣрными похвалами.

Гортисъ. На другой день возвращаясь чрезъ Ликозуры, переправились мы неподалеку отъ Трапезонта чрезъ Алфей, и прiѣхали ночевать въ Гортисъ, коего окрестныя поля утучняются рѣкою сего же имени. Во весь день встрѣчались съ нами купцы и путе-

шественники, ѣхавшïе на ярмонку въ Алиферу, небольшой городъ, который у насъ остался въ лѣвѣ. Мы за ними не послѣдовали, во первыхъ потому, что часто видѣли таковое зрѣлище, а во вторыхъ, поелику весьма долгое время надлежало бы взбираться на гору, окруженную пропастями. Проводники позабыли намъ показать долину, не подалеку отъ Трапезонта лежащую; земля, какъ говорятъ, извергаетъ тамъ пламя, близь источника Олимпïи, который пересыхаетъ единожды въ каждое двулѣтïе. Сверхъ того разсказывали намъ, будто на семъ мѣстѣ происходило сраженïе исполиновъ съ богами; и что въ воспоминанïе сего произшествïя, жители онаго мѣста, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приносили жертвы бурямъ, молнïи и грому.

Стихотворцы воспѣвали прохладныя воды Кидна въ Киликïи, и Меласа въ Памфилïи; но воды Гортиса заслуживали отъ нихъ большую похвалу: самая жестокая стужа не покрываетъ ихъ льдомъ, ни самый палящïй зной не увеличиваетъ степени ихъ теплоты: рѣка сïя, какъ пьющимъ ея

воду, такъ и купающимся въ оной, служитъ пріятнѣйшимъ услажденіемъ.

Кромѣ прохлады, коею отличаются всѣ источники въ Аркадіи, вода въ Ладонѣ, черезъ которую переѣзжали мы въ слѣдующее утро, столь прозрачна и чиста, что едва ли можно сыскать лучшую на всемъ лицѣ земномъ. На берегахъ ея, осѣненныхъ величественными тополами, увидѣли мы дѣвъ изъ окрестныхъ селеній; онѣ плясали вокругъ лавроваго дерева, которое украсили связками цвѣтовъ. Юная Клитія, играя на лирѣ, воспѣвала любовь Дафны, дочери Лодона и Левкиппа, сына царя Пизскаго. Дафна превосходила красотою всѣхъ дѣвъ Аркадскихъ; въ Елидѣ не было юноши прекраснѣе Левкиппа. Но какъ восторжествовать надъ сердцемъ, которое находилось во власти Діаны, и которымъ не могъ овладѣть самъ Аполлонъ? Левкиппъ поверьхъ главы своей перевязываетъ власы, облекается въ легкую тунику, обременяетъ плеча свои колчаномъ; въ семъ обманчивомъ превращеніи, купно съ Дафною, гоняется онъ по равнинѣ за лань-

ми и сернами. Она бѣжитъ, и теряется съ нимъ во глубинѣ лѣса; тщетно желаютъ они скрыть тайный пламень свой отъ ревности очей Аполлоновыхъ: онъ увѣдомляетъ о семъ подругъ Дафны, и нещастный Левкиппъ падаетъ мертвъ, пораженный ихъ стрѣлами. Клитїя присовокупила къ сему, что нимфа, не возмогши перенести ни присутствїя бога, ее преслѣдующаго, ни свѣта, изливаемаго имъ на смертныхъ, умоляла землю о принятїи ея въ свое нѣдро, и что наконецъ была она превращена въ лавровое дерево.

Мы продолжали путь свой въ верьхъ по Ладону, и поворотивъ на лѣво, ѣхали по дорогѣ Псофисской, черезъ многїя деревни, и сквозь лѣсъ Соронской; въ немъ, какъ и въ прочихъ лѣсахъ Аркадскихъ, водятся медвѣди, вепри и весьма большїя черепахи, которыхъ черепъ можно употреблять на дѣланїе лиръ. **Псофисъ.**

Псофисъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Пелопониса, находится на предѣлахъ Аркадїи и Элиды. Весьма высокїй холмъ закрываетъ его отъ сѣвернаго вѣтра; съ восточной стороны протекаетъ рѣ-

ка Эриманѳъ, исходящая изъ горы того же имени, и на которой часто травятъ вепрей и оленей; къ западу окружается городъ глубокою пропастью, въ которую низвергается стремительный потокъ, впадающїй на полуденной сторонѣ въ Эриманѳъ.

Два предмета обратили на себя наше вниманїе: гробъ того Алкмеона, который изъ повиновенїя отцу своему Амфїораю, убилъ мать свою Ерифилу, долгое время былъ терзаемъ Фурїями, и скончалъ нещастно дни свои, препровожденные въ ужасныхъ мученїяхъ. Подлѣ гробницы его, украшенной одними кипарисами чрезвычайной вышины, показали намъ небольшое поле и шалашъ. Въ немъ обиталъ за нѣсколько вѣковъ, бѣдный, но добродѣтельный гражданинъ; онъ именовался Аглаемъ. Ничего не боясь и ничего не желая, неизвѣстенъ онъ былъ человѣческому обществу, и самъ не зналъ, что въ ономъ происходило; наслаждаясь спокойствїемъ, обработывалъ малый участокъ земли своей, за предѣлы котораго никогда не переходилъ. Въ то время, когда уже онъ достигъ до глубочайшей старо-

сти, случилось, что посланники царя Лидійскаго, Гигеса, или Креза, отправлены были для вопрошенія Дельфійскаго оракула, существуетъ ли на всей землѣ смертный, превосходящій щастіемъ сего государя? Пиѳія отвѣтствовала: существуетъ; *Аглай Псофисскій.*

На пути отъ Псофиса въ Фенеосъ разсказывали намъ о многихъ водахъ, имѣющихъ удивительныя свойства. Жители Клиторскіе утверждали, что одинъ ихъ источникъ вселяетъ толь великое отвращеніе отъ вина, что и запахъ онаго несносенъ напившемуся сей воды. Далѣе къ сѣверу, между горъ, близь города Нонакриса, находится весьма высокій утесъ, изъ котораго безпрестанно истекаетъ пагубная вода, составляющая источникъ Стикса, толико страшнаго богамъ и человѣкамъ: онъ извивается по долинѣ, въ которую приходятъ Аркадяне для подтвержденія даннаго слова ненарушимыми клятвами; но въ немъ не утоляютъ они томящей ихъ жажды, и пастухъ никогда не водитъ туда стадъ своихъ. Вода сего источника хотя прозрачна и никакого запаху не

Ѳенеосъ.

имѣетъ, но смертоносна не только прочимъ животнымъ, но и самому человѣку: вкусивъ ее, лишаются они жизни: она растворяетъ металлы; въ ней трескаются всѣ сосуды, кромѣ особливаго рода оныхъ, дѣлаемыхъ изъ копытъ нѣкоторыхъ животныхъ.

Поелику Кинеѳеане опустошали тогда сей округъ, то мы туда и не поѣхали для удостовѣренія въ истиннѣ сихъ явленій. Но встрѣтясь дорогою съ двумя посланцами нѣкотораго Ахайскаго города, ѣхавшими въ Ѳенеосъ, и которые не однократно проѣзжали вдоль сего ручья, мы распросили ихъ объономъ, и изъ отвѣтовъ ихъ заключили, что большая часть приписываемыхъ сему знаменитому источнику чудесъ изчезаетъ при малѣйшемъ изслѣдованіи оныхъ.

Они были люди свѣдущіе: мы еще о многомъ ихъ вопрошали. Они показывали намъ, на сѣверо-востокѣ, гору Киллену, величественно возвышающуюся надъ горами Аркадіи, и которая простирается въ вышину до 15 или 20 стадій отвѣсно; въ семъ только мѣстѣ изъ всей Греціи водятся бѣлые

дрозды. Гора Киллонъ, сопредѣльна съ горою Стимфалою, у подошвы которыя находится городъ, озеро и рѣка того же имени. Городъ сей былъ нѣкогда одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ всея Аркадіи; рѣка вытекаетъ изъ озера, и получивъ начало свое въ сей области, скрывается, а потомъ кончится подъ другимъ именемъ въ Арголидѣ. Въ наши дни, Ификратъ, начальствовавшій Аѳинскимъ войскомъ, вознамѣрился совсѣмъ заградить исходъ, дабы воды ея обратясь опять въ озеро, потопили городъ, который онъ осаждалъ безъ всякаго успѣха, желая симъ средствомъ принудить жителей сдаться на волю побѣдителя; но по долговремянномъ усиліи, принужденъ былъ оставить свое предпріятіе. Стимфала.

По нѣкоему древнему преданію на озерѣ семъ водилось великое множество хищныхъ птицъ, безпокоившихъ всю окрестную страну. Ираклъ ихъ истребилъ, побивая стрѣлами, или прогоняя звукомъ нѣкоторыхъ орудій. Сей подвигъ сдѣлалъ честь ирою, и учинилъ озеро славнымъ. Птицы уже не возвращаются на оное; но еще понынѣ изображаютъ ихъ на монетахъ

Стимфальскихъ. Вотъ что разсказывали намъ наши сопутники.

Городъ Фенеосъ хотя и почитается главнѣйшимъ въ Аркадїи, не заключаетъ въ себѣ однако же ничего достопамятнаго; но лежащая близь онаго долина представила взору нашему прекраснѣйшее произведенїе древности. Не льзя опредѣлить времени, когда оное начато, видно только, что въ самые отдаленные вѣки, быстрые потоки, стремящїеся съ горъ, коими оно окружено, потопивъ его совсѣмъ, разрушили до основанїя древнїй Фенеосъ, и что для отвращенїя впредь подобнаго раззоренїя, рѣшились сдѣлать въ долинѣ каналъ, въ 50 стадїй длиною, въ 30 футовъ глубиною, и соразмѣрной ширины. Въ него должна была впадать рѣка Олвїй и стекать необычайныя дождевыя воды. Каналъ сей веденъ былъ къ двумъ пропастямъ, еще понынѣ существующимъ у подошвы двухъ горъ, подъ которыми сама вода промыла себѣ скрытые пути.

Сїи подвиги, приписываемые Ираклу, болѣе бы украсили его исторїю, нежели брань съ баснословными птицами озера

Стимфальскаго. КакЪ бы то ни было, содержанїе канала мало по малу приходило вЪ небреженїе, а потóмЪ землетрясенїе завалило подземные пути, коими поглощались воды сЪ полей. Жители, убѣжавшїе на горы, построили для сообщенїя своего деревянные мосты; а какЪ вода день ото дня подымалась выше, то надЪ первыми мостами принуждены были построить еще другїе.

Нѣсколько времени спустя, воды открыли себѣ путь сквозь обвалы, служившїе запрудою, и свирѣпо вырываясь изЪ мрачныхЪ полостей земли, распространили ужасЪ во многихЪ областяхЪ. ЛадонЪ, сїя прекрасная и тихая рѣка, о которой я упомянулЪ, прекратившая теченїе свое сЪ того времени, когда завалены были подземные протоки, исторгшись сЪ необузданною силою, излилась вЪ Алѳей, потопившїй страну Олимпїйскую. ВЪ Фенеосѣ разсказывали за рѣдкость, что сосновый лѣсЪ, изЪ котораго построены были мосты, обнаженЪ будучи отЪ коры, противустоялЪ гнилости.

ИзЪ Фенеоса, отправились мы вЪ Ка- Кафїя.

фїю, гдѣ показали намъ подлѣ источника старый яворъ, носящїй имя Менелая. Намъ сказывали, что сей царь посадилъ оный самъ передъ отправленїемъ своимъ къ облежанїю Трои. Въ сосѣдней деревнѣ видѣли мы священную рощу и храмъ Дїаны, нарицаемый *Удавленною*. Почтенный старецъ объявилъ намъ о происхожденїи сего страннаго проименованїя: дѣти, игравшїе подлѣ истукана богини, сказалъ онъ, опутали оный веревкою, которою его тащили и кричали смѣючись: „мы давимъ богиню.„ Прибѣжавшїе въ то время люди толико были раздражены симъ зрѣлищемъ, что всѣхъ ихъ побили каменьями. Они мнили мстить за боговъ, но боги отмстили за невинность. Мы ощутили на себѣ ихъ гнѣвъ, и вопрошенное прорицалище повелѣло намъ воздвигнуть гробницу симъ нещастнымъ жертвамъ и ежегодно воздавать имъ надгробныя почести.

Архоменъ.

Далѣе, пошли мы мимо плотины, построенные жителями города Кафїи, дабы оградить себя отъ быстраго потока и большаго озера, находящихся въ окрестностяхъ Орхомена. Сей послѣднїй городъ стоитъ

на горѣ: мы обозрѣли оный слегка; тамъ показывали намъ зеркала, сдѣланныя изъ черноватаго камня, близь сего города находящагося; и мы пошли по одной изъ двухъ дорогъ, вѣдущихъ въ Мантинею.

Наши проводники остановились противъ небольшаго холма, который показываютъ они иностранцамъ; и Мантинейскїе жители, прогуливавшїеся въ окрестности, говорили намъ: вы слышали о Пенелопѣ, о ея печали, слезахъ, а наипаче о ея вѣрности; знайте же, что она утѣшалась въ отсутствїе супруга съ своими любовниками, которыхъ умѣла къ себѣ привлечь; что Улиссъ по возвращенїи своемъ выгналъ ее изъ дому; что она на семъ мѣстѣ кончила жизнь, и вотъ ея гробница. Когда мы изъявили свое удивленїе: вы не менѣе бы удивлялись, сказали они, естьлибы избрали другую дорогу; вы бы увидѣли на наклонности холма храмъ Дїаны, гдѣ ежегодно отправляется торжество въ честь сея богини. Храмъ принадлежитъ равно жителямъ Орхоменскимъ и Мантинейскимъ; одни содержатъ въ немъ жреца, а другїе жрицу. Званїе свое сохраняютъ они во

всю жизнь. Какъ тотъ, такъ и другая обязаны наблюдать строгое воздержанїе. Имъ не позволяется ходить въ гости, возбраняется также купаться и наслаждаться самыми невинными удовольствїями жизни; они всегда одни, и будучи ни чѣмъ неразвлечены, обязаны соблюдать самое строгое воздержанїе.

Мантинея.

Мантинея, основанная нѣкогда жителями четырехъ или пяти бѣдныхъ деревушекъ, отличается многолюдствомъ, богатствомъ и украшающими оную памятниками. Она имѣетъ плодоносныя поля: отъ нея лежатъ многїя дороги, ведущїя къ главнѣйшимъ городамъ Аркадїи; одна изъ дорогъ, идущихъ въ Арголиду, называется *лѣствичною*, ибо въ высокой горѣ изсѣчены ступени для спокойствїя пѣшеходцевъ.

Жители сего города, какъ говорятъ, въ своихъ воинскихъ упражненїяхъ, первые изобрѣли сражаться порознь, или нападая по одиначкѣ человѣкъ на человѣка; они первые облеклись въ воинскую одежду, и въ нѣкоторое вооруженїе, называемое именемъ сего города; ихъ всегда почитали самыми храбрѣйшими обитателями Аркадїи. Во время Персидской

войны, пришедъ въ Платею по окончанiи битвы, изъявили они свое соболѣзнованiе; возжелали, къ наказанiю своему, преслѣдовать до Өессалiи отрядъ Персидскаго воинства, обратившiйся въ бѣгство, а по возвращенiи въ домы свои, изгнали своихъ полководцевъ, коихъ медлительность лишила ихъ чести сражаться. Въ послѣдовавшихъ за сею войнахъ Лакедемоняне боялись ихъ, имѣя неприятелями, и радовались имѣя союзниками. Вступая попеременно въ союзъ съ Спартою, съ Аөинами и съ другими чужестранными народами, разпространили они владычество свое на всю область, и потомъ не могли уже защищать собственныхъ своихъ предѣловъ.

Не задолго до сраженiя при Левктрахъ Лакедемоняне осадили Мантинею; а поелику осада была продолжительна, то провели они къ кирпичнымъ городскимъ стѣнамъ рѣку, текущую близъ оныхъ; стѣны обрушились, городъ почти совсѣмъ былъ раззоренъ, и жители разсѣялись по деревнямъ, въ коихъ прежде обитали. Вскорѣ послѣ сего времени Мантинея, иcшедшая въ новомъ блескѣ

изъ своихъ развалинъ, не устыдилась вступить въ союзъ съ Лакедемономъ противу Эпаминонда, которому отъ части обязана была своею свободою: въ послѣдствiи спокойствiе города сего безпрестанно нарушаемо было, то внѣшними войнами, то внутренними крамолами. Такова была въ сiи послѣднiя времена участь всѣхъ Греческихъ городовъ, а наипаче тѣхъ, въ коихъ верховная власть находилась въ рукахъ народа.

Сей образъ правленiя всегда существовалъ въ Мантинеѣ; первые законодатели сдѣлали въ немъ нѣкоторыя перемѣны, для предупрежденiя опасности, могущей отъ онаго произойти. Всѣ граждане имѣли право подавать голоса въ общенародномъ собранiи; малое число оныхъ достигали до званiя чиновниковъ республики; прочiя части сего постановленiя толь изящно были устроены, что оное и до сихъ поръ почитается образцемъ. Нынѣ демiурги, или трибуны народные, отправляютъ важнѣйшiя должности, и подписываютъ имена свои на бумагахъ, касающихся до общест-

венныхъ дѣлъ, выше сенаторовъ и другихъ градоправителей.

Въ Мантинеѣ познакомились мы съ нѣкоторымъ Аркадяниномъ, по имени Антіохомъ, который, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ многими городами Греціи къ царю Персидскому, для разсужденія въ его присутствіи о взаимныхъ своихъ выгодахъ. Антіохъ говорилъ именемъ своего народа, и худо былъ принятъ. По возвращеніи своемъ, сказалъ онъ слѣдующее въ собраніи десяти тысячъ: ,,въ чертогахъ Артаксеркса видѣлъ я великое множество хлѣбниковъ, поваровъ, виночерпіевъ, привратниковъ. Я искалъ въ его государствѣ воиновъ, кои могли бы противустоять нашимъ, и не нашелъ ихъ. Все, что ни говорятъ о его сокровищахъ, есть одно только хвастовство: вы можете о семъ судить по тому золотому явору, о которомъ такъ много говорятъ; онъ столь малъ, что тѣнію своею не могъ бы покрыть травной кобылки,,

На пути изъ Мантинеи въ Тегею по правую сторону была гора Меналъ, а по

лѣвую обширный лѣсъ; на равнинѣ, лежащей по срединѣ, происходило нѣсколько лѣтъ тому назадъ сраженіе, въ которомъ Эпаминондъ одержалъ побѣду и лишился жизни. Ему воздвигли два памятника, трофей и гробницу; они находятся по близости одинъ отъ другаго, и кажется будто сама философія опредѣляла имъ мѣсто.

Гробница Эпоминонда состоитъ изъ простаго столпа, на которомъ повѣшенъ щитъ; тотъ щитъ, который я весьма часто видалъ въ сей храминѣ, подлѣ сего ложа, на сей стѣнѣ, надъ симъ стуломъ, на которомъ ирой обыкновенно сиживалъ. Сіи мѣстныя обстоятельства, возродясь вдругъ въ умѣ моемъ, купно съ воспоминаніемъ о его добродѣтеляхъ, о его милостяхъ, о словѣ, сказанномъ въ такомъ случаѣ, о нечаянной улыбкѣ въ другомъ, о тысящѣ подробностяхъ, коими любитъ питать себя прискорбіе; и соединясь съ несносною мыслію, что отъ сего великаго мужа осталось токмо нѣсколько изсохшихъ костей, которыя безпрестанно въ землѣ истлѣваютъ, и которыя теперь только попиралъ я ногами, я почувствовалъ толь

терзательное и сильное движенїе, что меня надлежало отвлечь отъ предмета, на который не могъ смотрѣть и котораго не могъ оставить. Я былъ тогда еще чувствителенъ; нынѣ я ужѐ не таковъ, и примѣчаю сїе по слабости моихъ выраженїй.

По крайней мѣрѣ почту я утѣшенїемъ присовокупить новый лучъ къ славѣ сего великаго мужа. Три города спорятъ между собою о малой чести, состоящей въ томъ, въ которомъ изъ нихъ родился воинъ, поразившїй его смертельнымъ ударомъ. Аѳиняне провозглашаютъ Грилла, сына Ксенофонтова, и хотятъ, чтобы Эвфаноръ въ одной изъ картинъ своихъ сообразался съ симъ мнѣнїемъ. Естьли вѣрить Мантинейскимъ жителямъ, воинъ сей былъ Махерїонъ, ихъ согражданинъ; а Лакедемоняне утверждаютъ, что то былъ Спартанинъ Антикратъ; они воздали ему почести, и даровали преимущества, которыя должны простираться и на его потомство; отличїя, мѣру превосходящїя и доказывающїя, коликїй страхъ внушилъ въ нихъ Эпаминондъ.

Тегея разстоянїемъ отъ Мантинеи Тегея.

только около 100 стадій: жители сихъ городовъ, будучи по сосѣдству соперниками и врагами, неоднократно вступали между собою въ кровавыя сраженія; и въ войнахъ между другими народами они всегда приставали къ противнымъ сторонамъ. На Платейскомъ сраженіи, коимъ кончилась важная пря между Греціею и Персіею, Тегеяне въ числѣ 1500 спорили съ Аѳинянами о начальствѣ надъ однимъ крыломъ Греческаго воинства; они сего не достигли, но учинивъ самые блестящіе подвиги, доказали, что достойны были сей чести.

Каждый Греческій городъ прибѣгаетъ подъ особенное покровительство какого либо божества. Тегея избрала Минерву, проименованную *Алеа*. Поелику старый храмъ былъ сожженъ, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ войны Пелопонисской, то построили новой, по чертежу и подъ руководствомъ Скопа Паросскаго, того самаго художника, который изваялъ толикое множество прекрасныхъ истукановъ. Перистилъ, окружающій храмъ, составленъ изъ столповъ Іоническаго чина.

На переднемъ щипцѣ представилъ онъ травлю Каледонскаго вепря; тамъ видны многія лица, между прочими Иракль, Ѳисей, Пириѳой, Касторъ и пр. Сраженіе Ахиллеса и Телефа украшаютъ вторый щипецъ. Храмъ раздѣленъ на три части двумя рядами Дорическихъ столповъ, на коихъ возвышаются Коринѳскаго чина столпы, досязающіе до верьха и оный поддерживающіе.

По стѣнамъ развѣшаны оковы, которыя приготовили Лакедемоняне для жителей Тегейскихъ, во время одного изъ предпринятыхъ ими походовъ, и коими обременены были сами. Говорятъ, что во время сраженія жены Тегейскія, скрывшись въ засадѣ, внезапно напали на неприятеля и одержали побѣду. Вдова, по имени Марпесса, толико при семъ прославилась, что вооруженіе ея хранятъ во храмѣ. Подлѣ онаго показываютъ клыки и кожу Каледонскаго вепря, доставшіяся по раздѣлу прекрасной Аталантѣ Тегейской, нанесшей первый ударъ сему дикому звѣрю. Наконецъ, показали намъ даже мѣдное корыто, похищенное Тегеянами изъ конюшни Персидскаго вождя, во время сраженія при Пла-

тѣ. Таковыя добычи составляютъ предметъ тщеславія народнаго, а иногда побуждаютъ къ соревнованію.

Въ семъ храмѣ, красивѣйшемъ въ цѣломъ Пелопонисѣ, служитъ юная дѣва, оставляющая званіе жрицы, по достиженіи совершеннолѣтія.

Мы видѣли другой храмъ, въ который жрецъ ходитъ единожды въ годъ; а на городской площади два столпа, изъ которыхъ на одномъ воздвигнуты истуканы законодателей Тегейскихъ, а на другомъ конный истуканъ нѣкотораго частнаго человѣка, отличившагося во время игръ Олимпійскихъ на конномъ ристаніи. Жители всѣмъ имъ одинаковую оказали почесть; но должно думать, что не ко всѣмъ равное имѣютъ уваженіе.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЯ.

Путешествіе вЪ Арголиду.

ИзЪ Тегеи пробрались мы вЪ Арголиду чрезЪ узкій проходЪ между горЪ нарочитой вышины. Приближась кЪ морю, увидѣли Лернское болото, бывшее нѣкогда жилищемЪ чудовищной гидры, пораженной ИракломЪ. Оттуда по прекрасному лугу поѣхали мы вЪ АргосЪ.

Арголида также, какЪ и Аркадія, пресѣкается холмами и горами, между которыми лежатЪ долины и плодоносныя поля. Взоры наши не поражались болѣе удивленія достойною неправильностію мѣстоположенія; но предметЪ, совсѣмЪ отличнаго рода, обращалЪ на себя наше вниманіе. Сія область была колыбелію ГрековЪ; ибо вЪ оную прежде всѣхЪ прибыли чужеземные поселенцы, умягчившее нравы сего народа. Она содѣлалась позорищемЪ большей части произшествій, коими наполнены Греческія лѣтописи. ТамЪ-то явился ИнахЪ, по имени котораго нарицается рѣка, орошающая водами своими землю Аргосскую;

тамъ-то жили: Данай, Гипермнестра, Линкей, Алкмеонъ, Персей, Амфитрїонъ, Пелопсъ, Атрей, Ѳїестъ, Агамемнонъ и множество другихъ знаменитыхъ особъ въ исторїи.

Имена ихъ, коими толь часто украшали писанїя свои стихотворцы, кои толикократно произносимы были на ѳеатрахъ, дѣлаютъ еще сильнѣйшее впечатлѣнїе, когда кажутся, какъ бы воспрiявшими новую жизнь на празднествахъ и въ памятникахъ, посвященныхъ симъ ироямъ. Воззрѣнїе на мѣста сближаетъ времена, даетъ существо вымысламъ и жизнь предметамъ безчувственнымъ. Въ Аргосѣ посреди развалинъ подземныхъ чертоговъ, въ которые, какъ сказывали намъ, царь Акризїй заключилъ дочь свою Данаю, мнилось мнѣ, что слышу еще жалобы сей несчастной царевны. На пути изъ Гермїоны въ Трезену, казалось мнѣ, видѣлъ я Тезея, подъемлющаго огромный камень, подъ которымъ положенъ былъ мечъ и другїя отличїя, по коимъ долженствовалъ онъ быть познанъ отъ отца своего. Сїи мечтанїя суть почести, воздаваемыя знаменитости; онѣ удовлетворяютъ

воображенїю, которое чаще имѣетъ нужду въ пищѣ, нежели самый разсудокъ.

Аргосъ стоитъ у подошвы холма, на которомъ построенъ зáмокъ; онъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Грецїи. Въ самомъ началѣ своемъ онъ толико былъ славенъ, что именемъ его называли самую область Пелопонисъ и всю Грецїю. Когда родъ Пелопидóвъ поселился въ Микенахъ, то сей городъ затмилъ славу своего соперника. Агамемнонъ царствовалъ въ первомъ, Дїомидъ и Сѳенелъ въ послѣднемъ. Нѣсколько времени спустя, Аргосъ возвратилъ прежнее свое преимущество, и онаго ужѐ не терялъ. Аргосъ.

Управленїе поручено было вначалѣ царямъ, кои утѣснили своихъ подданныхъ; почему вскорѣ оставили первымъ одно только титло, ими во зло употребленное.

Въ послѣдствїи самое титло сїе было уничтожено, и народоправленїе всегда уже существовало. Сенатъ разбираетъ дѣла прежде, нежели представитъ ихъ на рѣшенїе народу; но какъ сенатъ не можетъ принять на себя исполненїя по онымъ, то восемдесять членовъ сего сословїя безпре-

станно пекутся о благѣ общественномъ, отправляя тѣже должности, какъ и пританы Аѳинскіе. Неоднократно случалось, и даже въ наше время, что знатнѣйшіе граждане желали освободиться неограниченной власти простаго народа, учрежденіемъ олигархіи, но всѣ усилія ихъ послужили токмо къ пролитію крови.

Въ сихъ гражданахъ примѣтна еще была наклонность къ неудачному умыслу, каковый имѣли они за нѣсколько предъ симъ лѣтъ. Соскучивши внимать злорѣчію, которымъ ораторы не преставали очернять ихъ въ говоренныхъ ими къ народу рѣчахъ, возобновилось въ нихъ желаніе перемѣнить образъ правленія. Намѣреніе ихъ открылось: многіе отягчены были оковами. Видя приготовленія къ пыткѣ, нѣкоторые лишили себя жизни. Одинъ изъ нихъ, не въ состояніи будучи переносить болѣе страданія, объявилъ имена тридцати соумышленниковъ. Ихъ предали смерти, не допытавшись ни о чемъ, а имущество ихъ продано съ молотка. Доносы умножались: всякъ тотъ погибалъ, на кого доносили. Тысяча шесть сотъ богатѣйшихъ гражданъ были наказаны

смертію; а поелику ораторы, боясь совершенной перемѣны въ правленіи, начали смягчаться; то народъ, почитая себя отъ нихъ оставленнымъ, всѣхъ ихъ принесъ въ жертву неистовому своему гнѣву. Ни единъ изъ Греческихъ городовъ не зрѣлъ въ стѣнахъ своихъ примѣра толь ужаснаго варварства. Аѳиняне, услышавъ о семъ въ одномъ изъ своихъ народныхъ собраній, почли себя толико поруганными, что тотъ же часъ прибѣгли къ обрядамъ очищенія.

Аргіяне славны по своей храбрости; они имѣли съ сосѣдственными народами частыя ссоры, и никогда не боялись могущества Лакедемонянъ, которые не рѣдко искали ихъ союза.

Мы уже сказали выше, что первая эпоха ихъ исторіи блистаетъ славными именами и громкими дѣяніями. Въ послѣдней же эпохѣ возымѣвъ надежду владычествовать надъ всемъ Пелопонисомъ, ослабили они себя несчастливыми походами и внутренними раздорами.

Подобно Аркадянамъ, небрегли они о наукахъ, и упражнялись въ художествахъ.

до похода Ксерксова, искуствомъ своимъ въ музыкѣ превосходили они прочїе народы; въ теченїе нѣкотораго времени они столь привязаны были къ древней музыкѣ, что наложили пеню на музыканта, который явился на состязанїе съ лирою, на коей было болѣе семи струнъ, а игралъ на строяхъ, которые ими еще не были приняты. Изъ уроженцевъ сей области отличными музыкантами почитаются Лазъ, Сакадъ и Аристоникъ; изъ ваятелей отличаются Агеладъ и Поликтетъ; изъ стихотворцевъ же Телезилла.

Трое первыхъ способствовали къ скорѣйшему успѣху въ музыкѣ; а Агеладъ и Поликтетъ успѣхамъ ваянїя. Сей последнїй, жившїй не задолго до Перикла, обогатилъ безсмертными своими произведенїями Пелопонисъ и всю Грецїю. Присовокупивъ новыя красоты къ природѣ человѣческой, превзошелъ онъ Фидїя; но въ изображенїи боговъ не могъ достичь до высокости понятїй своего соперника. Онъ избиралъ образцемъ своимъ юношей или младенцевъ, и можно сказать, что руки его, привыкшїя изображать однѣ прелести, не

смѣли изваять старости. Сей родъ художества можетъ терпѣть до такой степени нѣкоторую небрежность, что Поликтетъ достоинъ великой похвалы за строгую привязанность свою къ правильности рисунка; въ самомъ дѣлѣ послѣ него осталось изображенїе, въ коемъ соразмѣрности тѣла человѣческаго такъ наблюдены, что по неоспоримому сужденїю самые художники называютъ оное закономъ или правиломъ; они подражаютъ ему въ обдѣлыванїи одинакаго предмета и въ одинакихъ обстоятельствахъ: ибо не возможно изобрѣсти единственнаго образца для всякаго возраста, пола и свойства. Естьли кто вздумаетъ въ чемъ либо укоришь Поликтета, таковому можно сказать въ отвѣтъ: ежели сей ваятель и не достигъ совершенства, то по крайней мѣрѣ приближился къ оному. Онъ самъ не вѣрилъ своимъ успѣхамъ: въ то время, когда художники подписывали подъ своими творенїями: *такой-то оное сдѣлалъ:* Поликтетъ напротивъ того подъ своими произведенїями подписывалъ, *сїе дѣлалъ Поликтетъ:* какъ будто бы для окон-

чанія оныхъ ожидалъ онъ мнѣнія отъ всего общества.

Онъ слушалъ совѣты и зналъ ихъ цѣнить. Онъ сдѣлалъ два истукана, изображающіе одинъ предметъ: надъ однимъ трудился втайнѣ, слѣдуя внушенію собственнаго своего разума и глубокомысленнымъ правиламъ искусства; другимъ же занимался въ своей рабочей, отверзтой для всѣхъ, и поправлялъ оный, слѣдуя людямъ, подававшимъ ему щедро свои совѣты. По окончаніи сихъ истукановъ, выставилъ ихъ на общее сужденіе. Первый возбудилъ удивленіе, вторый смѣхъ: тогда онъ сказалъ: это ваше, а это мое дѣло. Слѣдующее событіе доказываетъ равномѣрно, что онъ уважаемъ былъ еще при жизни. Иппоникъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ Аѳинскихъ гражданъ, желалъ посвятить истуканъ своему отечеству, ему совѣтовали употребить къ сему Поликтета: я никакъ сего не сдѣлаю, отвѣчалъ онъ, ибо въ семъ случаѣ вся честь сего приношенія припишется одному только художнику. Ниже увидимъ, что ко всему способный его умъ съ равнымъ успѣхомъ упражнялся въ зодчествѣ.

Телезилла, процвѣтавшая за 150 лѣтъ, прославила отечество своими сочиненіями, и спасла оное своимъ мужествомъ. Городъ Аргосъ готовъ ужѐ былъ покориться Лакедемонянамъ; онъ потерялъ 6000 воиновъ, въ числѣ коихъ были избраннѣйшіе юноши. Въ сіе несчастное время Телезилла собираетъ женъ, способнѣйшихъ къ произведенію въ дѣйство своихъ намѣреній, даетъ имъ оружіе, взятое изъ храмовъ и домовъ гражданъ, бѣжитъ съ оными на стѣны и отражаетъ неприятеля, который, боясь укоризны какъ за побѣду, такъ и за низложеніе, принимаетъ намѣреніе отступить.

Симъ воительницамъ возданы были величайшія почести. Погибшія на сраженіи погребены были при дорогѣ Аргосской; другимъ позволено было воздвигнуть истуканъ богу Марсу. Истуканъ Телезиллы поставленъ на столпѣ противъ храма Венеры; вмѣсто того, чтобы простирать взоры свои на изображенные у ногъ ея свитки, она обращаетъ ихъ съ удовольствіемъ на шлемъ, который держитъ въ рукѣ и хочетъ возложить на главу свою. Наконецъ, дабы содѣлать вѣчнымъ воспомина-

нїе о толь удивительномъ происшествїи, учреждено ежегодное празднество, на которое женщины приходятъ въ мужескомъ, а мущины въ женскомъ одѣянїи.

Въ Аргосѣ, какъ и въ прочихъ Греческихъ городахъ, художественные памятники многочисленны, а превосходныя творенїя весьма рѣдки. Изъ числа послѣднихъ стоитъ только упомянуть о многихъ истуканахъ работы Поликлета и Праксителя: нижеслѣдующїе предметы поразили насъ по другимъ причинамъ.

Мы видѣли гробницу одной изъ дщерей Персеевыхъ, которая по смерти перваго своего супруга вышла за Эвала, царя Спартанскаго. До сего времени жены Аргоссkїя не смѣли вступать вторично въ супружество; сїе происшествїе случилось въ глубокой древности.

Мы видѣли купу, изображающую Перилая Аргосскаго, готоваго умертвить Спартанина Оѳрїада. Лакедемоняне и Аргїяне спорили между собою о владѣнїи города Ѳиреи. Сдѣлано было условїе, чтобы съ обѣихъ сторонъ, для окончанїя сего несогласїя сраженїемъ, выслать по 300 воиновъ. Они всѣ погибли, выключая двухъ Аргїянъ

которые, увѣрясь въ своей побѣдѣ, увѣдомили объ оной градоправителей Аргосскихъ. Однакоже Өѣріадъ еще дышалъ, и не смотря на смертоносныя раны, имѣлъ еще столько силъ, что поставилъ трофей на полѣ сраженія, и написавъ наономъ своею кровію слѣдующія слова: „*Лакедемоняне побѣдители Аргіянъ*„, лишилъ себя жизни, дабы не пережить своихъ сотоварищей.

Аргіяне увѣрены, что Аполлонъ въ одномъ изъ своихъ храмовъ предсказываетъ будущее. Жрица, долженствующая хранить воздержаніе, каждый мѣсяцъ одинъ разъ, и притомъ ночью, приноситъ въ жертву овцу; и какъ скоро вкуситъ жертвенной крови, то вселяется въ нее духъ пророчества.

Мы видѣли женъ Аргосскихъ, собирающихся нѣсколько дней сряду въ нѣкоторый родъ часовни, находящейся близъ храма Юпитера спасителя, для оплакиванія Адониса. Я хотѣлъ имъ сказать то же, что въ подобныхъ случаяхъ отвѣтствовали мудрецы: почто проливать о немъ слезы, ежели онъ богъ; когда же онъ не богъ, то для чего приносить ему жертвы?

На сорокъ стадій разстояніемъ отъ

Аргоса находится храмъ Юноны, одинъ изъ славнѣйшихъ въ Грецiи, принадлежащiй какъ сему городу, такъ и Микенамъ. Нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ сгорѣлъ старый храмъ, отъ неосторожности жрицы Хрисиды, забывшей погасить свѣтильникъ, который окруженъ былъ священными лентiями. Новый храмъ, построенный у подошвы горы Эввеи, на берегу небольшаго ручья, свидѣтельствуетъ собою о успѣхахъ художествъ и учинитъ навсегда знаменитымъ имя Аргосскаго зодчаго Эвполема.

Но имя Поликлета будетъ еще знаменитѣе по произведенiямъ, коими украсилъ онъ храмъ сей; наипаче по истукану Юноны огромной величины. Она сидитъ на престолѣ; на вѣнцѣ, покрывающемъ главу ея, вырѣзаны часы и Грацiи; въ правой рукѣ держитъ она плодъ гранатнаго дерева, таинственное изображенiе, которое не изъясняютъ простолюдимамъ; въ лѣвой скипетръ съ кукушкою; странная принадлежность, подающая поводъ ко многимъ дѣтскимъ разсказамъ. Между тѣмъ, какъ мы удивлялись произведенiю, достойному соперника Ѳидiя, и богатству вещества, состоящаго изъ злата и слоновыя кости,

Филотъ показывалъ мнѣ смѣючись сидящій истуканъ; онъ былъ безобразенъ, сдѣланъ изъ дикой груши, и покрытъ пылью. Изъ всѣхъ истукановъ Юноны, сей есть самый древнѣйшій; долгое время люди приносили ей поклоненіе; а нынѣ постигла ее участь старости и нищеты; она поставлена въ углу храма, гдѣ ужѐ никто ей не поклоняется.

Надъ жертвенникомъ произносятъ клятвы свои градоначальники Аргосскіе о соблюденіи мирныхъ договоровъ; но иностранцамъ возбраняется приносить наономъ жертвы.

Во храмѣ, со времени его основанія, служитъ жрица, долженствующая между прочимъ, воздерживаться отъ вкушенія нѣкоторыхъ рыбъ; при жизни воздвигаютъ ей истуканъ, а по смерти подписываютъ на ономъ ея имя и число лѣтъ ея священнослуженія. Сей рядъ памятниковъ, поставленныхъ противъ храма и смѣшанныхъ со истуканами многихъ ироевъ, представляетъ рядъ числъ, служащихъ историкамъ для опредѣленія порядка времени.

Въ росписи о жрицахъ находятся зна-

менитыя имена, какъ-то имя Гипермнестры, дщери Данаевой, Адметы, дщери царя Эврисѳея, Кидиппы, славившейся не столько предками своими, сколько дѣтьми Во время отправленія Юнонина празднества разсказывали намъ о ея жизни. Сей день, привлекающій великое множество зрителей, наипаче примѣчанія достоинъ торжественнымъ ходомъ изъ Аргоса въ храмъ богини: въ переди идутъ сто воловъ, украшенныхъ повязками изъ цвѣтовъ; ихъ приносятъ въ жертву богинѣ, и потомъ раздѣляютъ предстоящимъ; оный ходъ сопрождаемъ бываетъ юными Аргїянами, покрытыми блестящимъ оружїемъ, которое они слагаютъ съ себя изъ почтенія прежде, нежели приближатся къ жертвеннику; шествїе сїе заключаетъ жрица, сѣдящая на колесницѣ, везомой двумя волами отличной красоты и бѣлизны. Во времена Кидиппы, когда ходъ ужѐ миновалъ, а назначенные для колесницы волы не были еще приведены, Витонъ и Клеовисъ везли сами въ торжествѣ чрезъ 45 стадїй колесницу своей матери по равнинѣ, и до самой половины горы, на которой стоялъ храмъ: Кидиппа прибыла

туда посреди восклицаній и рукоплесканій; и въ радостныхъ восторгахъ просила богиню даровать дѣтямъ ея самое величайшее благополучіе. Сказываютъ, что желаніе ея было исполнено; пріятный сонъ объялъ чувства ихъ въ самомъ храмѣ, и такимъ образомъ прешли они спокойно отъ жизни къ смерти: какъ будто боги не могутъ даровать намъ бо́льшаго блага, кромѣ прекращенія дней нашихъ!

Примѣры сыновней любви конечно не могутъ быть рѣдки во многочисленныхъ народахъ; но воспоминаніе объ оныхъ едва остается въ нѣдрѣ того семейства, гдѣ оные случились; напротивъ того въ Греціи, цѣлый городъ присвояетъ ихъ себѣ и дѣлаетъ вѣчными, какъ такія преимущества, коими столько же гордится, сколько и побѣдою, надъ неприятелемъ одержанною. Аргіяне послали въ Дельфы истуканы сихъ великодушныхъ братьевъ; а въ одномъ изъ храмовъ Арголидскихъ видѣлъ я купу, изображающую ихъ, припряженныхъ къ колесницѣ своей матери.

Мы видѣли благородную награду, которую Микены. Греки воздаютъ добродѣтелямъ частныхъ

людей; на пятнадцать стадій разстояніемЪ отЪ храма, увидѣли мы до какого излишества простираютЪ они страсть ко властвованію. Развалины, между которыми сЪ трудомЪ можно замѣтить гробницы Атрея, Агамемнона, Ореста и Электры, составляютЪ остатки древняго и знаменитаго города МикенЪ. Тому ужѐ почти полтора столѣтія, какЪ Аргіяне разрушили оный городЪ. Вина его состояла вЪ томЪ, что не хотѣлЪ никогда подвергнуться игу, которое они наложили почти на всю Арголиду, и не смотря на ихЪ запрещеніе, соединилЪ свое воинство сЪ воинствомЪ ГреческимЪ противу ПерсовЪ. Несчастные его жители скитались по разнымЪ странамЪ, и большая часть изЪ нихЪ нашла себѣ убѣжище вЪ одной только Македоніи.

Греческая исторія представляетЪ многіе примѣры толь страшныхЪ переселеній, и сему не должно удивляться. Большая часть ГреческихЪ областей вЪ самомЪ своемЪ началѣ составлены были изЪ многихЪ, одна отЪ другой не зависящихЪ республикЪ; вЪ однѣхЪ введено было вельможе-

властїе, въ другихъ правленїе народное; всѣ могли прибѣгать подъ защиту сосѣдственныхъ державъ, коихъ польза состояла въ томъ, чтобы содержать ихъ въ несогласїи. Тщетно старались онѣ вступить между собою во всеобщїй союзъ; сильнѣйшїя, покоривъ себѣ слабѣйшихъ, спорили между собою о владычествѣ; иногда же одна изъ нихъ, возвысясь надъ прочими, управляла ими съ непомѣрнымъ самовластїемъ подъ благовиднымъ предлогомъ свободы. Отсюда проистекли сїи вражды и общенародныя войны, опустошавшїя столь долгое время Өессалїю, Вїотїю, Аркадїю и Арголиду. Но Аттика и Лаконїя пребыли спокойны: Аттика по тому, что жители ея обитаютъ подъ властїю однихъ и тѣхъ же законовъ, какъ граждане одного города; Лаконїя по тому, что жители ея всегда были содержимы въ зависимости дѣятельною бдительностїю градоправителей Спартанскихъ, и извѣстною всѣмъ храбростїю Спартанъ.

Я знаю, что на нарушенїе договоровъ, и на презрѣнїе правъ народныхъ приносили иногда жалобу собранїю Амфиктїоновъ, ко-

торое учреждено было съ самыхъ древнихъ временъ между сѣверными народами Грецїи; я знаю также, что многїе города Арголиды учредили у себя подобное судилище; но сїи сословїя, въ кои входили токмо нѣкоторыя дѣла, или не простирали своей власти на всю Грецїю, или никогда не могли прїобрѣсть столько силы, чтобы заставить исполнять свои опредѣленїя.

Возвратясь въ Аргосъ, вошли мы въ крѣпость, гдѣ во храмѣ Минервиномъ видѣли истуканъ Юпитеровъ, который нѣкогда хранился, какъ сказываютъ, въ Прїамовыхъ чертогахъ. Истуканъ сей о трехъ глазахъ, изъ которыхъ одинъ находится среди чела; такъ сдѣланъ онъ можетъ быть или для означенїя, что сей богъ равно царствуетъ на небесахъ, на морѣ и во адѣ, или для показанїя, что онъ видитъ прошедшее, настоящее и будущее.

Тиринѳъ. Мы отправились въ Тиринѳъ, отстоящїй отъ Аргоса на 50 стадїй. Отъ сего толь древняго города остались однѣ только стѣны, толщиною въ 20 футовъ, и соразмѣрной сему вышины. Онѣ построены изъ камней чрезвычайной величины, возгро-

мозженныхЪ одинЪ на другой; малѣйшїе изЪ нихЪ столь тяжелы, что два лошака сЪ трудомЪ могли бы ихЪ везти. Поелику они не были обтесаны, то и старались наполнять каменьями меньшей величины тѣ пустоты, которыя оставались между ими отЪ ихЪ неправильности. Стѣны сїи существуютЪ ужѐ многїе вѣки; можетЪ быть еще нѣсколько тысячЪ лѣтЪ будутЪ онѣ предметомЪ удивленїя.

Таковый же образЪ строенїя представляютЪ древнїе памятники Арголиды; наипаче видно сїе вЪ полуразрушившихся стѣнахЪ МикенЪ, и вЪ большихЪ углубленїяхЪ, которыя видѣли мы близь Навплїйской пристани, весьма недалеко отЪ Тиринѳа лежащїя.

Всѣ сїи зданїя приписываютЪ ЦиклопамЪ, коихЪ имя возбуждаетЪ величественныя понятїя, ибо древнїе стихотворцы нарицали оныхЪ то исполинами, то чадами неба и земли, коихЪ должность была ковать стрѣлы для Юпитера. Посему начали вѣрить, что огромныя зданїя не могли быть произведены обыкновенными смертными. КакЪ видно тогда не примѣтили,

что люди отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ, строя себѣ жилища, болѣе думали о твердости, нежели о наружномъ благообразіи, и употребляли сильныя средства для доставленія наибольшей прочности необходимо нужнымъ сооруженіямъ. Они изсѣкали въ каменныхъ горахъ обширныя пещеры, дабы скрываться въ нихъ во время жизни, или для погребенія своего по смерти: отторгали огромныя части горъ, и окружали оными свои жилища: сіе было плодомъ силы, и торжествомъ надъ препятствіями. Тогда слѣдовали начертанію природы, коея всѣ произведенія суть просты, необходимы и прочны. Точная соразмѣрность, и наружная красота, введенныя потомъ въ строеніе памятниковъ, дѣлаютъ въ насъ пріятнѣйшія впечатлѣнія; но я не думаю, чтобы оныя сохранялись въ насъ долговременно. Въ такихъ даже памятникахъ, которые наиболѣе способны возбуждать общее удивленіе, и кои величественно возвышаются надъ земною поверхностію, рука искуства скрываетъ руку природы, и въ нихъ великолѣпіемъ замѣнилось величество.

Между тѣмъ, какъ разсказывали намъ въ Тиринѳѣ, что Аргїяне, изнуренные продолжительными войнами, истребили Тиринѳъ, Мидею, Гизїю и нѣкоторые другїе города, дабы жителей оныхъ переселить къ себѣ, Филотъ сожалѣлъ, что не нашелъ ужѐ въ сихъ мѣстахъ древнихъ Тиринѳянъ. Я спросилъ его о причинѣ. Я не потому о семъ сожалѣю, сказалъ онъ, что они любили вино столько же, сколько и прочїе жители сего округа, но особливый родъ ихъ глупости меня бы позабавилъ. Вотъ, что разсказывалъ мнѣ о семъ одинъ Аргїянинъ.

Они такъ привыкли шутить надъ всемъ, что не могли разсуждать безъ смѣха и о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Когда наскучило имъ ихъ легкомыслїе, то прибѣгли они къ Дельфїйскому прорицалищу. Оное увѣрило ихъ, что они излечатся отъ сей привычки, естьли принесши въ жертву Нептуну вола, воздержась отъ смѣха, бросятъ его въ море. Удобно видѣть можно, что таковое привычкѣ ихъ противное повелѣнїе не позволитъ совершить сего опыта. Однакожъ собрались они на морской берегъ,

приказавъ не допускать туда дѣтей; а между тѣмъ, когда хотѣли прогнать одного прокравшагося тихонько отрока: „развѣ вы боитесь, сказалъ онъ громко, „что бы я не проглотилъ вашего вола.„ При сихъ словахъ они захохотали; и удостовѣрившись, что болѣзнь ихъ неизлѣчима, подверглись безъ ропотанія своей судьбѣ.

Герміона. Мы вышли изъ Тиринѳа, и достигнувъ до предѣловъ Арголиды, заѣхали въ Герміону и Трезену. Въ первомъ городѣ видѣли мы между прочимъ рощу, посвященную Граціямъ, храмъ Венеры, въ которомъ всѣ дѣвы, до вступленія своего въ бракъ, обязаны приносить жертву; храмъ Цереры, передъ которымъ поставлены истуканы ея жрицъ. Лѣтомъ отправляется тамъ празднество, котораго главные обряды опишу я вкратцѣ.

Ходъ открывается жрецами различныхъ боговъ и градоначальниками; за ними слѣдуютъ женщины, мущины, дѣти, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, воспѣвая священные гимны. Потомъ показываются четыре юницы, которыхъ вводятъ въ храмъ одну за другою, и кои въ

семъ порядкѣ закалаются четырмя престарѣлыми женщинами. Сіи жертвы, которыхъ до того едва можно удерживать, укрощаются внимая ихъ гласу, и добровольно подходятъ къ жертвеннику. Мы сами сего не видали; ибо двери храма затворяются во время жертвоприношенія.

Позади сего зданія находятся три площади, окруженныя каменными перилами. На одной изъ оныхъ разверзается земля и является глубокая пропасть: она есть одно изъ адскихъ жерлъ, о которыхъ я упоминалъ въ путешествіи моемъ по Лаконіи. Жители сказывали, что Плутонъ, похитивъ Прозерпину, предпочелъ сойти въ сіе жерло, ибо чрезъ оное лежащій путь короче. Къ сему присовокупили они, что по причинѣ близости къ аду, освобождены они отъ подати платимой Харону, и не кладутъ умершимъ въ ротъ по монетѣ, что дѣлается во всѣхъ прочихъ мѣстахъ.

Въ Трезенѣ осматривали мы съ удовольствіемъ памятники; съ терпѣніемъ выслушивали продолжительныя разсказы народа, кичащагося своимъ происхожденіемъ, о исторіи древнихъ ихъ царей и иро- Трезена.

евъ въ сей странѣ бывшихъ. Намъ показывали стулъ, на которомъ Питѳій, сынъ Пелопсовъ, отправлялъ правосудіе; домъ, въ коемъ родился Тезей, его внукъ и воспитанникъ; домъ Ипполитовъ; храмъ его, въ которомъ дѣвы Трезенскія полагаютъ обрѣзанныя свои косы передъ вступленіемъ въ бракъ. Трезенскіе жители, воздающіе ему божескія почести, посвятили Венерѣ то мѣсто, откуда скрытно смотрѣла Федра на Ипполита, когда онъ на поприщѣ ѣздилъ въ колесницѣ. Нѣкоторые утверждали, что онъ не былъ разтерзанъ своими конями, но помѣщенъ въ число созвѣздій: другіе водили насъ на его могилу, находящуюся подлѣ надгробнаго памятника Федры.

Намъ показывали также зданіе наподобіе шатра, куда заключенъ былъ Орестъ во время его очищенія, и весьма древній жертвенникъ, на которомъ приносятся жертвы тѣнямъ умершихъ и сну совокупно, по причинѣ союза царствующаго между сими божествами. Часть города Трезены лежитъ на скатѣ горы; другая на равнинѣ, простирающейся до пристани, гдѣ изви-

вается рѣка называемая Хризорой, и которую почти со всѣхъ сторонъ окружаютъ холмы и горы, покрытыя до нѣкоторой высоты виноградными лозами, масличными, гранатными и миртовыми деревьями, коихъ вершины увѣнчаны сосновымъ и еловымъ лѣсомъ, который кажется возвышающимся до небесъ.

Красота сего зрѣлища не могла удержать насъ долѣе въ семъ городѣ. Въ нѣкоторыя времена года воздухъ тамъ вредоносенъ; винъ его не хвалятъ, и воды, доставляемыя однимъ только источникомъ, худое имѣютъ качество.

Продолжая путь по морскому берегу, прибыли мы въ Эпидавръ, стоящій при заливѣ, противу острова Эгины, древле оному принадлежавшаго: твердыя стѣны защищали оный иногда отъ сосѣдственныхъ народовъ; вся страна ему принадлежащая наполнена многими виноградными садами, и окружена горами, покрытыми дубовымъ лѣсомъ. Внѣ стѣнъ онаго, на 40 стадій разстояніемъ, находится храмъ и священная роща Эскулапа, куда со всѣхъ сторонъ стекаются больные для своего излѣченія. Совѣту, со- Эпидавръ.

стоящему изо 180 граждан, препоручено управленіе сею небольшою землею.

О жизни Эскулаповой не извѣстно ничего вѣрнаго; отъ сего-то и происходятъ толь многія объ немъ разсказы. Естьли вѣрить словамъ жителей, то пастухъ, потерявшій собаку, и одну козу, нашелъ оныхъ на ближней горѣ, подлѣ младенца блистающаго свѣтомъ, котораго кормила коза, а собака охраняла: то былъ Эскулапъ, сынъ Апполлона и Корониды. Дни его посвящены было на помощь несчастнымъ. Раны и самыя опаснѣйшія болѣзни изцѣлялись его искуствомъ, его лѣкарствами, благогласнымъ пѣніемъ и волшебными словами, кои онъ употреблялъ. Боги не завидовали симъ его успѣхамъ; но онъ возымѣлъ дерзновеніе воскрешать мертвыхъ, и по жалобѣ, принесенной Плутономъ, былъ пораженъ перуномъ.

Другія преданія показываютъ намъ нѣкоторый свѣтъ истинны, и подаютъ нить, коей будемъ мы нѣкоторое время слѣдовать, не вдавая сь однакоже въ ея извороты. Наставникъ Ахилла, мудрый Хиронъ, приобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ силѣ

травъ, а наибольшія въ излѣченіи переломовъ и вывиховъ; онъ предалъ оныя своимъ потомкамъ, еще донынѣ въ Ѳессаліи существующимъ, и которыя во всѣ времена посвящали себя на службу больнымъ.

Кажется, что Эскулапъ былъ ученикъ его, и сдѣлавшись преемникомъ его таинствъ, научилъ онымъ сыновей своихъ Махаона и Подалира, которые по смерти его царствовали въ небольшомъ Ѳессалійскомъ городѣ. Во время войны Троянской ознаменовали они мужество свое въ сраженіяхъ, и искуство въ лѣченіи раненыхъ; ибо прилѣжно упражнялись они въ хирургіи, составляющей важнѣйшую часть врачебной науки, и которая по видимому одна была извѣстна въ сіи отдаленныя столѣтія. Махаонъ лишился жизни подъ стѣнами Трои. Прахъ его, попеченіемъ Нестора, пренесенъ былъ въ Пелопонисъ; а дѣти, по привязанности къ искуству отеческому, поселились въ сей странѣ; они воздвигли жертвенники своему дѣду, и сами заслужили оные оказаніемъ благодѣяній роду человѣческому.

Сей человѣкъ, отъ котораго произо-

шло толь почтенное семейство, учинился вскорѣ предметомъ народнаго обожанія. Время, когда включили его въ число боговъ, полагать должно по смерти Омировой, который описываетъ его, какъ простаго смертнаго. Нынѣ же воздаютъ ему повсюду божескія почести. Поклоненіе сіе прешло изъ Эпидавра въ прочіе города Греціи, и даже въ отдаленнѣйшія страны; оное еще болѣе распространится, ибо больные, всегда съ упованіемъ призывать будутъ на помощь божество, которое подвержено было равнымъ съ ними немощамъ.

Эпидавряне учредили въ честь его празднества, ежегодно отправляемыя, и къ которымъ отъ времени до времени присовокупляются новыя зрѣлища. Хотя оныя и весьма великолѣпны, но храмъ бога сего, зданія окружающія оный, и явленія тамъ происходящія, гораздо достойнѣе любопытства внимательнаго путешественника.

Я не говорю о тѣхъ драгоцѣнныхъ приношеніяхъ, которыми надежда и благодарность больныхъ обогатили сіе убѣжище; но взоры тотчасъ поражаются сими прекрасными

словами, начертанными надъ дверьми храма: „*Входъ въ сіи мѣста позволяется токмо душамъ чистымъ*.„ Истуканъ бога, работы Ѳразимеда Паросскаго, какъ сіе показываетъ начертанное внизу онаго имя, сдѣланъ изъ золота и слоновой кости. Эскулапъ представленъ сидящимъ на престолѣ; у ногъ его лежитъ песъ; въ одной рукѣ держитъ онъ жезлъ, другую простираетъ надъ змїемъ, который по видимому воздымается для того, чтобы ее схватить. Художникъ вырѣзалъ на престолѣ подвиги нѣкоторыхъ ироевъ Арголидскихъ: Веллерофонтъ побѣждаетъ Химеру; Персей отсѣкаетъ главу у Медузы.

Поликлетъ, котораго никто еще не превзошелъ въ ваятельномъ искуствѣ, и съ коимъ малое число художниковъ сравнилось въ зодчествѣ, построилъ въ священной рощѣ великолѣпный и прекраснаго вкуса ѳеатръ, гдѣ помѣщаются зрители во время нѣкоторыхъ празднествъ. Близь онаго воздвигнулъ онъ изъ мармора округлое зданїе, привлекающее на себя взоры; внутренность онаго въ наше время украсилъ Павсїй живописью. На одной изъ его кар-

шинъ Амуръ изображенъ уже не въ видѣ угрожающаго воина; колчанъ и стрѣлы выпали изъ рукъ его; для одержанія побѣды нужна ему одна только лира, которую держитъ онъ въ рукѣ своей. На другой представилъ Павсій пьянство въ видѣ женщины, коея лице видѣть можно сквозь стеклянный сосудъ, который приготовляется она опорожнить.

Въ окрестностяхъ видѣли мы множество столповъ, на которыхъ вырѣзаны не только имена излѣчившихся, и болѣзней, коими были они одержимы, но и подробное описаніе средствъ, какъ возвращено имъ здравіе. Таковые памятники, хранящіе на себѣ опытность цѣлыхъ вѣковъ, во всѣ времена были бы драгоцѣнны; они были необходимы тогда, когда не было еще никакого сочиненія о врачебной наукѣ. Извѣстно, что въ Египтѣ жрецы сохраняютъ въ храмахъ своихъ подробныя описанія о врачеваніяхъ, ими произведенныхъ. Въ Греціи обычай сей съ другими обрядами введенъ служителями бога Эскулапа, во всѣхъ почти мѣстахъ, гдѣ они вселились. Гиппократъ позналъ ихъ цѣну, и часть ученія

своего о воздержанiи при лѣченiи, почерпнулъ изъ многихъ древнихъ надписей, выставленныхъ близь храма, который жители Коса воздвигнули въ честь Эскулапу.

Не смотря на сiе, должно признаться, что жрецы сего бога, желая болѣе производить чудеса, нежели врачевать больныхъ, весьма не рѣдко употребляютъ обманъ, дабы овладѣть народными умами. Они заслуживаютъ похвалу за то, что храмы свои строютъ внѣ городовъ и на возвышенiяхъ. Храмъ Эпидаврскiй окруженъ рощею, въ которой не позволяется женщинамъ родить, ниже кому либо умирать. Ибо, для удаленiя отъ сего мѣста ужаснаго образа смерти, отдаляютъ безнадежныхъ больныхъ, и такихъ женщинъ, которыя уже близки къ разрѣшенiю отъ бремени. Здоровый воздухъ, умѣренное тѣлодвиженiе, пристойное воздержанiе, приличныя лѣкарства, суть мудрыя предосторожности, почитаемыя тамъ за необходимо нужныя для возстановленiя здравiя; но онѣ не удовлетворяютъ намѣренiямъ жрецовъ, которые, для приписанiя естественныхъ дѣйствiй чрезъестественнымъ причинамъ, къ

средствамъ лѣченія присовокупляютъ великое множество суевѣрныхъ обрядовъ.

Подлѣ капища построена обширная храмина, въ которой приходящіе для испрошенія помощи Эскулаповой, поставивъ на священный столъ хлѣбъ, плоды и другія приношенія, препровождаютъ ночь на небольшихъ постеляхъ: одинъ изъ жрецовъ повелѣваетъ имъ предаться сну, хранить глубокое молчаніе, даже и въ такомъ случаѣ, когда услышатъ шумъ, и замѣчать сновидѣнія, кои низпошлетъ имъ сей богъ; потомъ гаситъ онъ свѣтильники и собираетъ приношенія, коими наполненъ столъ. Спустя нѣсколько времени, больнымъ кажется, будто слышатъ голосъ Эскулапа; можетъ быть доходитъ оный до нихъ какимъ либо хитрымъ искуствомъ, можетъ самъ жрецъ, вскорѣ возвратясь, произноситъ вокругъ ихъ постели глухо нѣкоторыя слова; наконецъ и то можетъ статься, что во время успокоенія чувствъ, ихъ воображеніе представляетъ себѣ дѣйствительными всѣ повѣствованія, и всѣ предметы, коими съ самаго своего прибытія непрестанно занимались.

Божескій гласъ предписываетъ имъ лѣкарства, назначенныя къ ихъ излѣченію; онѣ довольно сходствуютъ съ тѣми, кои прописываютъ всѣ прочіе врачи. Сей гласъ наставляетъ ихъ также въ набожныхъ обрядахъ, дабы лѣкарства производили лучшее дѣйствіе. Естьли немощь больнаго состоитъ токмо въ томъ, что онъ боится всякихъ болѣзней, естьли онъ вознамѣрится служить орудіемъ обмана, то повелѣваютъ ему на другое утро придти во храмъ, перейти съ одной стороны жертвенника на другую, положить на оный руку, перенесть ее на больное мѣсто, и громогласно возвѣстить о своемъ излѣченіи, въ присутствіи великаго множества зрителей, которыхъ чудо сіе наполняетъ новымъ изступленіемъ. Иногда для спасенія чести Эскулаповой, повелѣваютъ больнымъ идти въ отдаленныя мѣста для исполненія его предписаній. Иногда же больные посѣщаемы бываютъ Эскулапомъ въ видѣ великаго змія, коего ласканія возраждаютъ въ нихъ упованіе.

Зміи вообще посвящены сему богу, или потому, что большая часть оныхъ ода-

рена врачебными силами, или по другимъ причинамъ, о которыхъ упоминать безполезно; но кажется, что Эскулапъ наипаче благоволитъ къ тѣмъ изъ оныхъ, которые водятся въ землѣ Эпидаврской, и кои цвѣтомъ желтоваты. Не имѣя яду, они смирны и тихи, и любятъ жить дружественно съ людьми. Тотъ змїй, котораго жрецы содержатъ во внутренности храма, обвивается иногда около ихъ тѣла, или поднимается на хвостъ для принятїя пищи, подносимой ему на блюдѣ: его рѣдко выпускаютъ изъ храма; когда же даютъ ему свободу, онъ величественно прогуливается по улицамъ; какъ появленїе его почитается хорошимъ предзнаменованїемъ, то оно и возбуждаетъ всеобщую радость. Одни почитаютъ его за то, что онъ находится подъ покровительствомъ ихъ божества, хранителя мѣста; другїе падаютъ предъ нимъ ницъ, ибо думаютъ, что онъ есть самый богъ.

Таковые же смирные змїи, находятся въ другихъ капищахъ Эскулапа, Вакха, и нѣкоторыхъ иныхъ божествъ. Они весьма обыкновенны въ Пеллѣ, столичномъ

городѣ Македонскомъ. Женщины тамъ за удовольствїе почитаютъ ихъ воспитывать. Во время сильныхъ жаровъ, онѣ опутываютъ ими шею, наподобїе ожерелья, а во время Оргїй, украшаются оными какъ убранствомъ, или трясутъ ихъ надъ своими головами. Когда я былъ въ Грецїи, сказывали мнѣ, что Олимпїя, супруга Филиппа, царя Македонскаго, часто клала таковаго змїя съ собою на постелю; даже говорили, что подъ видомъ сего животнаго скрывался Юпитеръ, и что Александръ былъ сынъ его.

Эпидавряне легковѣрны, а больные еще легковѣрнѣе. Они толпою приходятъ въ Эпидавръ; тамъ предаются они врачеванїямъ съ полнымъ довѣрїемъ, отъ которыхъ до того времени никакой не получали пользы, и кои становятся иногда дѣйствительнѣе отъ чрезмѣрнаго ихъ упованїя; многїе разсказывали мнѣ съ теплою вѣрою о снахъ, кои благоволилъ низпослать имъ богъ; иные имѣли умъ, толико ограниченный, что при малѣйшемъ противурѣчїи оказывали жестокое негодованїе; другїе

такъ были устрашены, что и самыми сильными доводами не льзя было переувѣрить въ томъ, что они не больны: каждый изъ нихъ приводилъ примѣры излѣченія, которые они надъ собою испытали и которые получали новую силу, преходя изъ устъ въ уста.

Немея. Проѣхавъ вторично чрезъ Аргосъ, отправились мы въ Немею, городъ знаменитый празднественными играми, кои отправляются тамъ торжественно въ каждое трехлѣтіе, въ честь Юпитера. Поелику позорища, во время оныхъ бывающія, подобны позорищамъ игръ Олимпійскихъ, то я о нихъ говорить не буду; я замѣчу только, что Аргіяне занимаютъ тамъ первыя мѣста, и что побѣдителю дается только вѣнокъ изъ травы, называемой вьюнъ (convolvulus). Потомъ ѣхали мы горами, и на 15 стадій отъ города, наши проводники показывали пещеру, служившую логовищемъ тому льву, который погибъ подъ палицею Иракла.

Оттуда возвратясь въ Коринѳъ, поѣхали мы вскорѣ обратно въ Аѳины, гдѣ тот-

часъ по прїѣздѣ продолжалъ я изысканїя мои, какъ о частяхъ правленїя, такъ о мнѣнїяхъ философовъ и различныхъ отрасляхъ словесности.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

О Платоновой республикѣ.

Два великїе предмета занимаютъ философовъ Греческихъ: первый, какъ управляется вселенная, и вторый, какъ управлять людьми. Сїи задачи, изъ которыхъ, можетъ быть, какъ одну такъ и другую рѣшить весьма трудно, составляютъ всегдашнїй предметъ ихъ разговоровъ и ихъ писанїй. Мы увидимъ въ послѣдствїи, какимъ образомъ Платонъ понималъ происхожденїе мїра, слѣдуя Тимею. Здѣсь предлагаю я средства, имъ изобрѣтенныя, для составленїя счастливѣйшаго человѣческаго общества.

Онъ бесѣдовалъ съ нами не однократно о семъ предметѣ: но однажды изъяснилъ онъ мысли свои обстоятельнѣе когда находясь въ Академїи, въ которой съ нѣкоего времени пересталъ преподавать наставленїя, хотѣлъ доказать, что человѣкъ благополученъ, когда онъ справедливъ, хотя бы не могъ надѣяться никакой награды отъ боговъ, и долженствовалъ ожи-

дать всякаго зла отъ человѣковъ. Дабы лучше познать, что произведетъ правосудіе въ честномъ человѣкѣ, онъ разсматривалъ, какія дѣйствія окажетъ оно въ правительствѣ, въ коемъ можетъ оно болѣе обнаружить свое вліяніе и ощутительнѣе показать свойства. Вотъ почти самое то понятіе, какое подалъ онъ намъ о своей системѣ. Я заставлю его говорить; но буду имѣть нужду въ снисхожденіи: ежели сохранить въ повѣствованіи всѣ прелести, коими умѣетъ онъ украшать свои мысли, то надлежитъ предоставить Граціямъ водить моею кистію.

Я не представлю вамъ ни начертанія единовластія, нижѐ правленія народнаго. Пусть находится власть въ рукахъ одного, или многихъ, для меня сіе равно. Я составляю такое правительство, въ которомъ народы были бы благополучны подъ владычествомъ добродѣтели.

Гражданъ онаго раздѣляю я на три статьи; одна состоять будетъ изъ наемниковъ, или изъ простаго народа; другая изъ воиновъ или охранителей общества; третью составятъ судіи, или мудрецы.

Первой я не дѣлаю ни какихъ предписаній; она должна слѣпо послѣдовать впечатлѣніямъ двухъ другихъ.

Я хочу имѣть войско, которое не будетъ выпускать изъ рукъ своихъ оружія, и котораго предметомъ будетъ сохраненіе постояннаго спокойствія въ государствѣ. Оно не будетъ перемѣшано съ прочими гражданами; но будетъ жить въ станѣ, и всегда готово къ укрощенію внутреннихъ несогласій, и къ отраженію внѣшнихъ нападеній.

Но поелику толь страшные люди могли бы учиниться весьма опасными, и имѣя въ рукахъ своихъ всю силу государства, могли бы похитить всю онаго власть, мы удержимъ ихъ не законами, но силою учрежденій, въ которыхъ предпишутся предѣлы ихъ страстямъ, и даже ихъ добродѣтелямъ. Мы станемъ усовершать ихъ разумъ и сердце познаніями въ музыкѣ, и умножимъ въ нихъ духъ храбрости и здравіе тѣлесными упражненіями.

Воспитаніе ихъ должно начинаться съ первыми лѣтами ихъ младенчества; впечатлѣнія, какія получатъ они тогда, не

должны быть противуположны тѣмъ, каковыя будутъ на нихъ дѣйствовать въ послѣдствіи; наипаче должно стараться, чтобы не занимались они суетными вымыслами, находящимися въ твореніяхъ Омира, Исіода и другихъ стихотворцевъ. Раздоры и мщеніе, ложно приписываемыя богамъ, представляютъ токмо ужасныя преступленія, оправдываемыя великою властію; за величайшее должно почитать несчастіе, приучить свой разумъ заблаговременно ничего не находить ужаснаго въ самыхъ звѣрскихъ дѣяніяхъ.

Не будемъ никогда унижать божества таковыми онаго изображеніями. Пусть возвѣститъ о немъ поэзія чадамъ воиновъ съ равною важностію и прелестями: имъ безпрестанно твердить должно, что богъ можетъ только быть творцемъ единыхъ благъ; что онъ никого не ввергаетъ въ несчастіе; что наказанія его суть благодѣянія, и что о злыхъ людяхъ не тогда сожалѣть должно, когда они подвержены бываютъ онымъ, но когда находятъ средства ихъ избѣгать.

Надлежитъ тщиться при воспитанїи вперять въ нихъ совершенное презрѣнїе къ смерти и къ устрашающей картинѣ ада. Сїи ужасныя и предѣлъ превосходящїя изображенїя Коцита и Стикса могутъ быть полезны въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; но онѣ сдѣланы не для такихъ людей, которые долженствуютъ судить о страхѣ по тому только, каковый они сами вперяютъ въ другихъ.

Бывъ убѣждены сими истиннами, что смерть не есть зло, и что мудрый ни въ комъ нужды не имѣетъ, узрятъ они умирающихъ окрестъ себя родственниковъ и друзей, не проливая ни единой слезы, не испуская ни единаго вздоха. Душа ихъ не должна никогда предаваться излишней печали, радости или гнѣву; она не должна причастна быть ни гнуснаго корыстолюбїя, ни лжи, еще гнуснѣйшей, ежели то возможно; да отвратится она отъ слабостей и жестокости, приписуемыхъ стихотворцами древнимъ ироямъ, и да поставляетъ истинное иройство въ побѣжденїи своихъ страстей и въ повиновенїи закoнамъ.

Вѣ сихѣ-то душахѣ, какѣ на мѣди, напечатлѣются безсмертныя понятія о правосудіи и истиннѣ; вѣ нихѣ вырѣзано будетѣ незагладимыми чертами, что злые люди и вѣ самомѣ благоденствіи суть несчастны, и что добродѣтель благополучна и вѣ то время, когда бываетѣ гонима и предана забвенію.

Но истинны сіи не должны быть изображены такими красками, которыя уничижали бы ихѣ величіе. Да не будетѣ здѣсь лицедѣевѣ, унижающихѣ оныя на ѳеатрѣ, присовокупляя кѣ нимѣ весьма вѣрное изображеніе малодушества и пороковѣ человѣческихѣ. Ихѣ дарованія внушили бы вѣ нашихѣ воспитанниковѣ вкусѣ подражанія; а рановременная кѣ оному привычка преходитѣ во нравы, и пробуждается вѣ каждое мгновеніе жизни. Они не должны перенимать тѣлодвиженій или словѣ, имѣ несвойственныхѣ; надлежитѣ, чтобы они наружнымѣ видомѣ своимѣ и разговоромѣ вперяли святость добродѣтели, и украшались бы единою чрезвычайною простотою. Естьлибы вкрался вѣ городѣ нашѣ стихотворецѣ, искусный вѣ измѣненіи расположе-

нія слова, и въ изображеніи безъ всякаго выбора всякаго рода лицъ, мы бы опрыскали главу его благовоніями и отъ себя бы его удалили.

Мы изгонимъ и жалобные звуки Лидійской гармоніи, и нѣжныя пѣсни Іоническія. Мы сохранимъ Дорическій строй, коего звуки возбудятъ храбрость въ нашихъ воинахъ, и Фригійскій, коего мирное и набожное свойство можетъ согласоваться съ тишиною ихъ души; но даже оба сіи строя ограничимъ въ ихъ движеніяхъ, и принудимъ ихъ принять ходъ благороднѣйшій, приличный обстоятельствамъ, согласный съ пѣніемъ, которымъ оный управляться долженствуетъ, и со словами, коимъ его всегда надлежитъ подчинять.

Отъ сего благополучнаго соотношенія между словами, гармоніею и числомъ, произойдетъ благопристойность и слѣдовательно красота, о которой понятіе долженствуетъ безпрестанно находиться въ умѣ нашихъ юныхъ питомцевъ. Мы потребуемъ, чтобы живопись, зодчество и всѣ художества представляли оную ихъ взорамъ, дабы, будучи со всѣхъ сторонъ окру-

жены и преслѣдуемы образомъ красоты, и живя посреди сихъ изображенiй, какъ въ чистомъ и ясномъ воздухѣ, проникли бы себя оными до глубины души, и привыкли бы возраждать ихъ въ своихъ поступкахъ и нравахъ. Питаемы будучи сими божественными сѣменами, вознегодуютъ они при первомъ воззрѣнiи на порокъ; ибо не познаютъ въ немъ того величественнаго напечатлѣнiя, которое носятъ въ своемъ сердцѣ; они возтрепещутъ съ радости, при гласѣ разума и добродѣтели, ибо они предстанутъ имъ въ лицѣ знакомомъ. Они возлюбятъ красоту, со всѣми восторгами, но безъ всякаго излишества, любви свойственнаго.

Тѣми же началами управляться будетъ часть ихъ воспитанiя, имѣющая предметомъ потребности и движенiя тѣлесныя. Не будетъ никакого единообразнаго и непремѣняемаго правила, относительно ихъ содержанiя; люди опредѣленные жить въ станѣ, и къ произведенiю военныхъ дѣйствiй въ походѣ, долженствуютъ научиться переносить гладъ, жажду, стужу, зной, всякую нужду, усталость и всякую погоду.

Въ умѣренной пищѣ обрѣтутъ они сокровище здравія; а въ безпрестанныхъ движеніяхъ, средства увеличить паче свою храбрость, нежели силы. Тѣ изъ нихъ, которые отъ природы нѣжнаго сложенія, не станутъ прибѣгать къ искуству для подкрѣпленія онаго. Подобно наемнику, не имѣющему времени возстановить развалины тѣла, снѣдаемаго трудомъ, они покраснѣли бы, естьлибъ возжелали попеченіями продлить жизнь погасающую и безполезную государству. Болѣзни случайныя лѣчить будутъ лѣкарствами простыми и скоро дѣйствующими; а происходящія отъ неумѣренности или другихъ излишествъ не будутъ извѣстны; тѣ же коихъ сѣмена приносятся купно съ рожденіемъ на свѣтъ, предоставлены будутъ слѣпому случаю. Таковымъ образомъ изгнано будетъ врачебное искуство, котораго всѣ усилія стремятся только къ тому, чтобы умножать страданія наши, и заставлять насъ умирать медленнѣе.

Я здѣсь ни слова не скажу о ловитвѣ, пляскѣ и сраженіяхъ въ гимназіи; не буду говорить о непремѣнномъ почтеніи,

жаковое должно быть оказываемо родителямъ и старымъ людямъ, и о множествѣ другихъ правилъ, коихъ подробное исчисленіе завело бы меня далеко. Я постановляю здѣсь только всеобщія правила; частныя проистекутъ изъ оныхъ сами собою, и удобно прилагаемы будутъ къ обстоятельствамъ. Важнѣе всего есть то, чтобы музыка, и гимнастика равное имѣли на воспитаніе вліяніе, и чтобы упражненія разума въ совершенной находились соразмѣрности съ упражненіями тѣла; ибо музыка, сама по себѣ разслабляетъ характеръ, ею умягчаемый, а гимнастика придаетъ ему суровость и жестокость, дѣлая его сильнымъ. Соединяя между собою сіи два искуства, поправляя однимъ погрѣшности другаго, можемъ мы единственно до того достигнуть, чтобы напрящи, или ослабить въ точной соразмѣрности пружины души слишкомъ слабой, или чрезмѣру пылкой; симъ-то средствомъ воины наши, сопрягая силу и храбрость съ мужествомъ и пріятностію, покажутся врагамъ своимъ самыми ужасными изъ смертныхъ, а согражданамъ самыми любезными: Но для произ-

веденія сего счастливаго дѣйствія, должно какъ можно избѣгать, чтобы ничего не вводили новаго въ систему постановленія, единожды принятаго. Говорятъ, что премѣнить правила въ музыкѣ значитъ то же, что и потрясти началами, служащими основаніемъ правленію. Я къ сему присовокупляю, что тѣмъже можно подвергнуться несчастіямъ, преобразуя игры, позорища и малѣйшія обыкновенія. Въ народѣ, который болѣе управляется нравами, нежели законами, наималѣйшая новость опасна, ибо удаляясь въ одномъ отношеніи отъ принятыхъ обыкновеній, лишаемся мы мнѣнія о ихъ изяществѣ; злоупотребленіе вкралось и ядъ ужè находится въ государствѣ.

Все въ республикѣ нашей зависѣть будетъ отъ воспитанія воинскаго; а въ семъ воспитаніи все зависѣть будетъ отъ наблюденія строгаго порядка; юноши такимъ образомъ воспитываемые, будутъ почитать малѣйшее предписаніе должностію, малѣйшее небреженіе преступленіемъ. Не должно удивляться, что мы толь много уважаемъ дѣйствія, по виду маловажныя; хотя бы онѣ и не прямо клонились къ об-

щему благу, но точность въ выполненіи оныхъ была бы неоцѣненна, ибо она обуздывала бы и полагала предѣлы склонностямъ. Мы хотимъ возвысить души ихъ до того, чтобъ онѣ были для самихъ себя совершеннѣйшими, а для отечества полезнѣйшими. Надлежитъ, чтобы подъ руководствомъ начальниковъ были онѣ способны, какъ къ самымъ малымъ, такъ и къ самымъ великимъ дѣламъ; надобно, чтобы онѣ безпрестанно преодолѣвали волю свою, и помощію таковыхъ пожертвованій достигли бы до того, чтобы мыслить, дѣйствовать и существовать единственно для блага республики. Неспособные къ таковому отъ самихъ себя отверженію не будутъ приемлемы въ число воиновъ, но помѣстятся между художниками и земледѣльцами; ибо въ распредѣленіи состояній не порода, а единственно качества душевныя примутся въ уваженіе.

Не поступая далѣе, принудимъ нашихъ воспитанниковъ обратить взоры свои на тотъ образъ жизни, каковый въ послѣдствіи имъ предлежитъ; они не столько удивятся тогда строгости нашихъ правилъ,

и лучше приготовятся къ важному предназначенію, ихъ ожидающему.

Естьлибы воины имѣли во владѣніи у себя земли и домы, естьлибы злато и сребро осквернило единожды ихъ руки, то вскорѣ честолюбіе, ненависть и всѣ страсти, раждаемыя богатствомъ, вкрались бы въ ихъ сердца, и тогда бы стали они на ряду съ обыкновенными человѣками. Освободимъ ихъ отъ маловажныхъ нуждъ, заставляющихъ клонить чело свое къ землѣ. Пищею довольствуемы будутъ на счетъ общественный; отечество, которому посвятятъ они всѣ мысли и желанія свои, приметъ на себя удовлетворять всѣмъ ихъ нуждамъ, которыя состоять будутъ только въ самомъ необходимомъ; естьли возразитъ кто, что таковыми ограниченіями будутъ они не столь счастливы, какъ прочіе граждане, я на сіе отвѣчать буду, что законодатель долженъ предположить себѣ цѣлію благополучіе всего общества, а не одного какого либо изъ состояній, оное составляющихъ. Какое бы онъ ни употребилъ средство, естьли оное будетъ благоуспѣшно, то онъ содѣлаетъ частное благополучіе, завися-

щее всегда отъ благополучїя общественнаго. Впрочемъ я не хочу, чтобы городъ преизбыточествовалъ всякими наслажденїями; но желаю въ ономъ распредѣлить труды такимъ образомъ, чтобы не было въ немъ ни бѣдности, ни излишняго богатства; естьли воины наши будутъ различествовать отъ другихъ гражданъ, то единственно тѣмъ, что они имѣя болѣе добродѣтелей, будутъ имѣть менѣе нуждъ.

Мы старались истребить въ нихъ гнусное корыстолюбїе, производящее толикое множество злодѣйствъ. Надлежитъ еще погасить, или лучше сказать усовершить въ сердцахъ ихъ тѣ склонности, какїя внушаетъ природа, и соединить ихъ между собою тѣми же средствами, кои способствуютъ къ ихъ несогласїю. Я вступаю въ новое поприще и шествую по оному съ трепетомъ; понятїя, кои предложить я намѣренъ, покажутся толико же отвратительными, сколь онѣ суемысленны; я даже самъ онымъ не довѣряю, и по сему расположенїю ума моего, ежели я заблуждаюсь, то увѣренъ впередъ, что меня простятъ за невольное мое заблужденїе.

Тотъ полъ, который мы ограничиваемъ самыми низкими и обыкновенными домашними упражненїями, не опредѣленъ ли къ благороднѣйшимъ и высшимъ должностямъ. Не показалъ ли онъ примѣровъ мужества, и мудрости? не явилъ ли успѣховъ во всѣхъ добродѣтеляхъ и во всѣхъ художествахъ? Можетъ быть, качества онаго пола имѣютъ въ себѣ слабости, ему свойственныя и уступаютъ нашимъ. Но слѣдуетъ ли изъ того, что онѣ безполезны отечеству? Нѣтъ! природа никогда не надѣляетъ дарами своими для того, чтобы они были безплодны; и великое искуство законодателя состоитъ въ томъ, чтобы привести въ движенїе всѣ пружины, ею доставляемыя, которыя мы оставляемъ въ недѣйствїи. Наши воины раздѣлятъ съ супругами своими попеченїе о спокойствїи города, подобно вѣрному псу, раздѣляющему съ своею подругою бдѣнїе о стадѣ, ему ввѣренномъ. Какъ тѣ, такъ и другїя будутъ воспитаны въ однѣхъ правилахъ, въ однѣхъ мѣстахъ и одними учителями. Вмѣстѣ будутъ получать съ основанїями наукъ, наставленїя въ мудрости; и въ

гимназїяхъ юныя дѣвы, совлекши одежды свои, и украсясь своими добродѣтелями, яко почтеннѣйшимъ покровомъ, будутъ препираться съ юношами, имъ соревнующими о наградѣ за подвиги.

Мы столько уже имѣемъ благопристойности, и купно развращенїя, что равнодушно смотримъ на такое учрежденїе, которое посредствомъ долговременной привычки и чистѣйшихъ нравовъ, можетъ содѣлаться не столь опаснымъ. Однакоже градоначальники обязаны будутъ предупреждать злоупотребленїе онаго. Во время празднествъ, опредѣленныхъ для заключенїя законныхъ и священныхъ брачныхъ союзовъ, чиновники сїи бросятъ въ урну имена тѣхъ, кои назначены для дарованїя защитниковъ республикѣ. Таковыми должны быть ирои отъ 30 до 50, и ироини отъ 20 до 40 лѣтъ. Число посягающихъ на бракъ должно быть соразмѣрно съ потерею, каковую республика претерпитъ; ибо въ размноженїи народа мы должны избѣгать равномѣрно какъ излишества, такъ и недостатка. Случай по видимому будетъ соединять супруговъ; но градона-

чальники, искуснымъ образомъ, будутъ поправлять слѣпоту случая такъ, что всегда изберутъ, какъ изъ мужескаго, такъ и женскаго пола, способнѣйшихъ для сохраненія во всей чистотѣ поколѣнія нашихъ ироевъ. Въ то же самое время жрецы и жрицы излїютъ на жертвенникъ кровь животныхъ; воздухъ наполнится пѣнїемъ брачныхъ пѣсней, и народъ, будучи свидѣтелемъ и поручителемъ союзовъ, учиненныхъ по случаю, будетъ просить небо, да пошлетъ имъ чадъ, добродѣтелїю отцевъ превосходящихъ.

Младенцы, которые родятся отъ сихъ браковъ, немедленно взяты будутъ отъ родителей, и сохраняемы въ такомъ мѣстѣ, въ которое матери, не зная дѣтей своихъ, станутъ ходить, для кормленїя, то того, то другаго младенца млекомъ, котораго не возмогутъ исключительно сберегать для плода любви своей.

Въ сей колыбели воиновъ не будетъ дѣтей, родившихся безобразными; онѣ будутъ удалены и сокрыты въ какомъ либо мрачномъ убѣжищѣ; равномѣрно не будутъ туда допускаемы и тѣ дѣти, коихъ рожденїю не предшествовалъ священный обрядъ,

о коемъ теперь лишь я говорилъ, ниже тѣ, которыхъ родители произвели на свѣтъ, сопрягшись преждевременнымъ или позднимъ союзомъ.

Какъ скоро супруги удовлетворятъ желанiю отечества, то разлучатся, и пребудутъ свободными, доколѣ градоправители позовутъ ихъ къ новому выбору, и доколѣ жребiй опредѣлитъ имъ другiе узы. Сiе послѣдованiе браковъ и разводовъ содѣлаетъ, что жены будутъ принадлежать попеременно многимъ воинамъ.

Но какъ скоро тѣ и другiя переживутъ годы, назначенные закономъ для союзовъ, ими позволенныхъ, имъ не возбраняется вступать въ бракъ, съ тѣмъ однакоже условiемъ, чтобы съ одной стороны не показывали они ни единаго плода отъ сего союза произшедшаго, и чтобы съ другой стороны сколько возможно избѣгали, дабы не вступить въ союзъ съ тѣми, отъ кого жизнь получили, или же съ тѣми, кому оную даровали.

Но поелику имъ не возможно будетъ узнать ихъ, то довольно, ежели станутъ почитать сынами и дочерьми своими мла-

денцевъ, родившихся въ единое время съ настоящими ихъ дѣтьми; и сїе очарованїе содѣлается основанїемъ согласїя неизвѣстнаго прочимъ государствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый воинъ почтетъ себя сопряженнымъ узами крови со всѣми подобными себѣ; а чрезъ сїе родственныя связи толико между ими умножатся, что повсюду раздаваться будутъ нѣжныя и священныя имена отца и матери, сына и дочери, брата и сестры. Естественныя чувствованїя вмѣсто того, чтобы соединиться въ частныхъ предметахъ, излїются изобильно на сїе многочисленное семейство, котораго одушевятъ единымъ духомъ: сердца безъ принужденїя исполнять будутъ должности, кои сами на себя возложатъ; и, отрѣкшись отъ всякой личной выгоды, будутъ сообщать другъ другу свои страданїя, кои чрезъ то облегчатся, и свои удовольствїя, которыя увеличатся отъ того, что станутъ ихъ раздѣлять между собою: всякое сѣмя раздора исторгнуто будетъ властїю начальниковъ, и всякое насилїе обуздано боязнїю оскорбить природу.

Сія дратоцѣнная нѣжность, которая будетъ сопрягать ихъ между собою въ мирное время, съ бо́льшею силою возбудится во время военное. Да поставятъ на полѣ сраженія войско, состоящее изъ юныхъ воиновъ, преисполненныхъ мужества, приученныхъ съ самаго младенчества къ битвамъ, достигшихъ наконецъ до чреды, на которой могутъ они явить приобрѣтенныя ими добродѣтели; они увѣрены, что малодушіе ихъ унизитъ, что славный подвигъ возведетъ ихъ на высоту честей, и что смертію заслужатъ себѣ олтари; да поразитъ въ сіе мгновеніе слухъ ихъ сильный гласъ отечества, и призоветъ ихъ на свою защиту; да присоединится къ сему гласу жалостный вопль дружества, показующій имъ во всѣхъ рядахъ войска друзей, опасности подверженныхъ; наконецъ, для произведенія въ душахъ ихъ самыхъ сильнѣйшихъ движеній, да повергнутъ посреди ихъ женъ и дѣтей! женъ, пришедшихъ сражаться вмѣстѣ съ ними, и ободрять ихъ гласомъ и взорами; дѣтей, коимъ обязаны они подавать примѣры мужества, и которые, можетъ быть, погибнутъ отъ меча вра-

говъ. Ктобы могъ подумать, чтобы сїе огромное тѣло, воспламененное сими сильными побужденїями, какъ пожирающимъ огнемъ, хотя бы единое мгновенїе могло пребыть, не собравъ всѣхъ своихъ силъ, и не одушевясь всею яростїю, да ударитъ подобно молнїи на полки непрїятельскїе, и подавитъ оные ужасною своею тягостїю?

Толь сильно будетъ дѣйствовать союзъ, учрежденный между воинами. Одно только дѣйствїе долженствуетъ произвести собственная ихъ добродѣтель, то есть, остановить свой гнѣвъ и содѣлаться опять кроткими, чувствительными и человѣколюбивыми по одержанїи побѣды. Въ самомъ упоенїи славы отъ прїобрѣтеннаго успѣха, не должны они помышлять о томъ, чтобы обременить побѣжденнаго непрїятеля оковами, ругаться умершими на полѣ сраженїя, повѣсить оружїе во храмѣ боговъ, не ищущихъ таковыхъ приношенїй; чтобы опустошать поля и пожигать домы. Таковыхъ жестокостей, кои бы едва пожелали они употребить противу варваровъ, не должны оказывать въ Грецїи, сей республикѣ дружественныхъ народовъ, коихъ раздоры

никогда не должны представлять образЪ войны, но подобиться скоропреходящимЪ несогласїямЪ, случающимся иногда между гражданЪ одного и того же города.

Кажется мы всемЪ снабдили нашихЪ воиновЪ, что только можетЪ содѣлать ихЪ благополучными; самымЪ лишенїемЪ мы обогатили ихЪ; ничѣмЪ не обладая, будутЪ они наслаждаться всемЪ; между ими не останется ни одного такого человѣка, который бы не могЪ сказать: все мнѣ принадлежитЪ. И кто кЪ сему не присовокупитЪ, сказалЪ Аристотель, хранившїй до того молчанїе: ничто не принадлежитЪ мнѣ вЪ самомЪ дѣлѣ. О ПлатонЪ! не тѣ имущества, кои раздѣляемЪ мы сЪ другими, наиболѣе бываютЪ намЪ приятны: но тѣ, кои намЪ собственно принадлежатЪ. КакЪ скоро воины ваши лишены будутЪ всякой собственности, то участїе, ими принимаемое, будетЪ безЪ жара и безЪ цѣли: нѣжность ихЪ, не могущая обратиться на множество дѣтей, коими они окружены будутЪ, ослабѣетЪ, и они будутЪ надѣяться одинЪ на другаго вЪ подаванїи имЪ добрыхЪ примѣровЪ и наставленїй, подобно домашнимЪ

рабамъ, не брегущимъ о должностяхъ, всѣмъ имъ равно общихъ.

Платонъ отвѣтствовалъ: въ сердца воиновъ нашихъ поселили мы два начала, которыя, совокуплены будучи, должны безпрестанно одушевлять ихъ ревностїю; сїи начала суть: чувствительность и добродѣтель. Первую, не только изливать они станутъ на всѣхъ вообще, почитая себя гражданами одного отечества; но еще болѣе напитаютъ ею свои души, видя другъ въ другѣ чадъ единаго семейства; они въ самомъ дѣлѣ таковыми содѣлаются, и неизвѣстность ихъ рожденїя ни мало не затмитъ правъ родства ихъ. Если мечта въ семъ случаѣ менѣе имѣетъ силы, нежели существенность, то по крайней мѣрѣ оная распространится на бо́льшее число предметовъ, и республикѣ будетъ сїе полезно; ибо ей до того нѣтъ нужды, чтобы между нѣкоторыми частными людьми существовала излишняя привязанность; ей нужно, чтобы оная разлилась по всѣмъ душамъ, и достаточна была къ соединенїю всѣхъ ихъ общими узами. Но если, по какому случаю, она будетъ слишкомъ слаба

для содѣланія воиновъ нашихъ прилѣжными и бдительными, то развѣ нѣтъ у насъ другаго побужденія, состоящаго въ сей выспренней добродѣтели, которая будетъ побуждать ихъ безпрестанно къ подвигамъ, должности ихъ превышающимъ?

Аристотель хотѣлъ-было возразить на сіе; но мы его остановили, и онъ вопросилъ только Платона, увѣренъ ли онъ въ томъ, что республика его существовать можетъ?

Платонъ со кротостію отвѣчалъ: вспомни о предметѣ моихъ изслѣдованій. Я хочу доказать, что благополучіе неразрывно съ правосудіемъ; и въ семъ отношеніи разсматриваю я, какое правленіе есть наилучшее, дабы потомъ доказать, что оно же самое есть и благополучнѣйшее. Еслибы живописецъ показалъ намъ изображеніе, коего красота превзошла бы наше понятіе; то не уже ли сдѣлаютъ ему возраженіе, что природа никогда подобнаго не производитъ? — Равнымъ образомъ я представляю вамъ картину самой совершенной республики; я представляю ее, какъ образецъ, которому прочія правительства дол-

жны быть болѣе или менѣе подобны, дабы содѣлаться болѣе, или менѣе счастливыми. Далѣе, дерзаю я еще присовокупить, что предметъ мой, сколь ни мечтателенъ быть кажется, могъ бы нѣкоторымъ образомъ содѣлаться способнымъ къ приведенію въ дѣйствіе, не только между нами, но и повсюду; еслибы употреблено было стараніе перемѣнить управленіе дѣлами. Какаяжъ должна быть сія перемѣна? Надлежитъ философамъ быть на престолѣ, или государямъ содѣлаться философами.

Сія мысль конечно не понравится всѣмъ тѣмъ, кто не знаетъ истинной философіи. Прочіе согласятся, что безъ нея, нѣтъ средствъ къ истребленію золъ, угнетающихъ человѣчество.

Мы достигли теперь до третьяго и важнѣйшаго состоянія нашихъ гражданъ: я буду говорить о нашихъ градоначальникахъ, о семъ маломъ числѣ мужей, избранныхъ изъ числа самыхъ добродѣтельныхъ людей, словомъ о начальникахъ, которые взяты будучи изъ воинскаго званія, толико превзойдутъ воиновъ отличнымъ своимъ

достоинствомЪ, колико воины превосходятЪ ремесленниковЪ и землѣдѣльцевЪ.

Коль великую осторожность надобно будетЪ употреблять вЪ нашей республикѣ, для избранія столь рѣдкихЪ людей! коликое искуство нужно, чтобы ихЪ познать! коль великое вниманіе, чтобы образовать ихЪ! ВнидемЪ во святилище, вЪ коемЪ воспитываются дѣти, рожденные отЪ воиновЪ, и вЪ которое могутЪ допущены быть и дѣти прочихЪ гражданЪ, естьли оное заслужатЪ. ОбратимЪ вниманіе на тѣхЪ, которые, соединяя стройность тѣла сЪ природными пріятностями, отличаться будутЪ отЪ сотоварищей своихЪ вЪ упражненіяхЪ тѣлесныхЪ и нравственныхЪ. РазсмотримЪ, рано ли окажется вЪ ихЪ рѣчахЪ, или возблещетЪ во взорахЪ желаніе кЪ познаніямЪ и любовь ко благу; бо́льшую ли они ощутятЪ привязанность кЪ должностямЪ своимЪ, по мѣрѣ какЪ станутЪ обнаруживаться ихЪ знанія, и покажутЪ ли они болѣе и болѣе опытовЪ счастливаго свойства, по мѣрѣ лѣтЪ своихЪ. ПоставимЪ сѣти раждающемуся вЪ нихЪ разсудку. Ежели начала, ими пріобрѣтенныя,

не измѣнятся ни временемъ, ни началами ипротивуположными, потщимся ихъ опровергнуть угрожая страданїями, прельщая утѣхами, словомъ, употребимъ всѣ возможныя насилїя и обольщенїя. Приведемъ потомъ сихъ юныхъ питомцемъ предъ враговъ нашихъ, не для того, чтобы они сражались, но да будутъ свидѣтелями битвы, и станемъ наблюдать, какое влїянїе окажутъ на тѣлесныя ихъ орудїя опасности и труды. Если узримъ ихъ послѣ сихъ испытанїй толико же чистыхъ, какъ злато въ горнилѣ искушенное, удостовѣрясь, что они естественное имѣютъ отвращенїе отъ чувственныхъ удовольствїй; что ужасаются обмана; что они соединяютъ здравомыслїе съ благородствомъ чувствованїй, и живое воображенїе съ основательнымъ нравомъ; то усугубимъ вниманїе наше для надзиранїя за ихъ поведенїемъ, и для наблюденїя успѣховъ въ ихъ воспитанїи.

Выше говорили мы о правилахъ, устрояющихъ нравы ихъ; теперь слѣдуетъ упомянуть о наукахъ, нужныхъ къ распространенїю ихъ просвѣщенїя. Таковы суть во перьвыхъ числительная наука и земле-

тѣріе, обѣ способствуютъ къ умноженію силы и проницанія разума, обѣ полезны воину, для управленія военными дѣйствіями, и необходимы философу; ибо приучаютъ его къ постояннымъ умствованіямъ и способствуютъ доходить до истинны. Звѣздозаконіе, музыка, словомъ всѣ науки, подобное сему дѣйствіе производящія, составятъ начертаніе нашего учрежденія. Но воспитанники наши должны упражняться въ оныхъ безъ всякаго насилія или принужденія, а играючи; по достиженіи 18 лѣтняго возраста упражненія сіи пресѣкаются, и два или три года назначаются единственно для гимнастическихъ упражненій, по прошествіи котораго времени, они опять должны обучаться онымъ; дабы съ точностію познать, въ какомъ отношеніи находятся оныя науки между собою. Воспитанники, кои оправдаютъ дальнѣйшими успѣхами надежду, какую подали намъ во младенчествѣ своемъ, отличены будутъ почестями; какъ же скоро достигнутъ они до 30 лѣтъ, то мы посвятимъ ихъ наукѣ умствованія, сей высокой діалектикѣ, которою заключатся всѣ первыя ихъ

науки, и которой предметъ состоитъ въ познанїи не столько бытїя, сколько сущности вещей. (*)

Мы должны укорять самихъ себя, ежели не произвели до сихъ поръ въ дѣйство сего намѣренїя. Наши молодые люди, занимаясь слишкомъ рано дїалектикою, и не въ состоянїи будучи дойти до началъ истинны, которымъ оная учитъ, только что забавляются ея пособїями и входятъ между собою въ споры, въ которыхъ уступая и побѣждая попеременно, напослѣдокъ приобрѣтаютъ одни только заблужденїя и сомнѣнїя. Отъ сего-то происходятъ пороки, сохраняемые ими во всю жизнь: охота противурѣчить, равнодушїе къ истиннамъ, коихъ не умѣли защищать, пристрастїе къ лжеумствованїямъ, учинившимъ ихъ побѣдителями.

Успѣхи толико суетные и опасные не обольстятъ молодыхъ людей, коихъ воспитанїе будемъ мы доканчивать; чистѣй-

(*) Во время Платона, подъ именемъ дїалектики, разумѣли логику, естественную богословїю и метафизику.

шія понятія будутъ плодомъ ихъ разговоровъ и прилѣжности. Отдалясь, такъ сказать, отъ чувствъ, и погрузясь въ размышленіе, преисполнятся они мало по малу понятіемъ о благѣ, о семъ благѣ, о постиженіи котораго мы столь усердно печемся, и которое толь не ясно представляемъ въ своихъ мысляхъ; о семъ высочайшемъ благѣ, которое, будучи источникомъ всякія истинны и правоты, долженствуетъ одушевлять верховнаго градоправителя, и содѣлывать его непоколебимымъ въ исполненіи должностей своихъ. Но гдѣ оно кроется? гдѣ должно искать его? въ сихъ ли удовольствіяхъ, кои насъ упояютъ? въ сихъ ли познаніяхъ, коими толико кичимся? въ блестящей ли наружности, насъ ослѣпляющей? Нѣтъ, ибо всѣ премѣнное и преходящее не можетъ быть истиннымъ благомъ. Оставимъ землю и мракъ ее покрывающій, вознесемъ разумъ нашъ къ чертогамъ свѣта, и возвѣстимъ смертнымъ истинны имъ неизвѣстныя.

Два суть міра: одинъ видимый, а другой умственный. Первый, составленный по образцу втораго, есть тотъ, въ которомъ

мы обитаемъ. Поелику въ немъ все должно родиться и истребляться, то все премѣняется и изчезаетъ безпрестанно; въ немъ видны только образы и преходящія части существа. Вторый заключаетъ въ себѣ сущности и образцы всѣхъ видимыхъ предметовъ, и сіи сущности суть истинныя существа, ибо онѣ непреложны. Два царя, изъ которыхъ одинъ есть исполнитель воли и рабъ другаго, распространяютъ свѣтъ свой въ обоихъ сихъ мірахъ. Солнце, съ высоты воздушной роститъ и продолжаетъ бытіе предметовъ, кои содѣлываетъ намъ видимыми. Съ величайшей высоты умственнаго міра, высочайшее благо производитъ и сохраняетъ сущности, которыя творитъ удобопонятными душамъ нашимъ. Солнце озаряетъ насъ своимъ свѣтомъ, высочайшее благо своею истинною; а поелику глаза наши ясно видятъ, когда устремляются на предметъ, озаренный дневнымъ свѣтомъ, такъ точно душа наша приобрѣтаетъ истинныя познанія, разсматривая существа, отъ которыхъ отражается истинна.

Желаете ли познать, колико свѣтъ,

озаряющій сіи два владычества, различествуетъ въ сіяніи и красотѣ? Представьте себѣ глубокую пещеру, въ которой люди, отъ самаго младенчества столь крѣпко прикованы тяжкими цѣпями, что не могутъ ни сойти съ мѣста, ниже видѣть иныхъ предметовъ, выключая противуположенныхъ ихъ взорамъ; въ нѣкоторомъ разстояніи позади ихъ находится на возвышеніи огонь, освѣщающій пещеру; между симъ огнемъ и невольниками находится стѣна, вдоль которой ходятъ люди взадъ и впередъ; одни молчатъ, другіе разговариваютъ между собою, держа въ рукахъ и подымая выше стѣны изображенія людей или другихъ животныхъ, и тварей разнаго рода, коихъ тѣнь изображается на той сторонѣ стѣны, которая находится предъ глазами заключенныхъ. Поражены будучи сими временными мечтами, примутъ они ихъ за настоящія существа, и припишутъ имъ движеніе, жизнь и даръ слова. Изберемъ теперь одного изъ сихъ заключенныхъ; и для разогнанія мечты его, расторгнемъ его цѣпи, заставимъ его встать и обратить взоръ свой позадь себя: удивленъ будучи,

при воззрѣніи на новые предметы, которые представятся глазамъ его, онъ усумнится въ ихъ существованіи: будучи ослѣпленъ и пораженъ блескомъ пламени, отвратитъ онъ отъ него взоры свои, дабы обратить ихъ опять на призраки, прежде его занимавшіе. Сдѣлаемъ съ нимъ еще новый опытъ: исторгнемъ его изъ пещеры, не смотря ни на вопль, ни на усилія, ни на какія сопротивленія. Пришедъ на поверхность земли, онъ вдругъ почувствуетъ себя удрученнымъ блескомъ дневнаго свѣта; и уже по весьма многимъ опытамъ научится различать тѣни, тѣла, звѣзды въ ночи свѣтящія, взирать на солнце и почитать его творцемъ годовыхъ временъ, и плодотворящимъ источникомъ всего того, что подвержено чувствамъ нашимъ.

Что подумаетъ онъ тогда о похвалахъ, приписываемыхъ въ подземномъ жилищѣ тѣмъ, кои первые усматриваютъ и познаютъ тѣни при ихъ прохожденіи? что подумаетъ онъ о самолюбіи, о зависти и ненависти, возбуждаемыхъ сими открытіями въ семъ сборищѣ несчастныхъ? Чувствованіе состраданія заставитъ его конечно

устремиться къ нимъ на помощь, дабы доказать имъ ложную ихъ мудрость, и дѣтскія познанія: но, поелику перешедъ вдругъ отъ толь яркаго свѣта въ толь глубокій мракъ, онъ не въ состояніи будетъ ничего видѣть, они возстанутъ противъ него; и не переставая укорять его въ слѣпотѣ, будутъ приводить его въ доказательство той страшной опасности, каковой подвергаются переходя въ вышшее пространство.

Вотъ точное изображеніе бѣдственнаго нашего положенія: родъ человѣческій погребенъ въ необъятной пещерѣ, отягченъ цѣпями, и ничѣмъ инымъ не можетъ заниматься, какъ пустыми и искуственными мечтами; тамъ всѣ удовольствія имѣютъ худыя послѣдствія; всѣ блага, тщетный блескъ; добродѣтели, ненадежное основаніе, самыя тѣла обманчивое бытіе: должно оставить сіе мрачное жилище, расторгнуть цѣпи свои, всѣми силами вознестись до невещественнаго міра, мало по малу приближиться къ высочайшему разуму, и въ молчаніи чувствъ и страстей созерцать божественную онаго сущность. Тогда узрятъ, что отъ престола Его, въ порядкѣ

нравственномъ, истекаютъ правосудіе, наука и истинна; а въ порядкѣ вещественномъ, свѣтъ солнечный, произведенія земныя, и бытіе всяческихъ. Не можетъ быть, чтобы душа, достигшая до сего крайняго возвышенія, ощутившая единожды движенія, порывы и восторги, возбуждаемые воззрѣніемъ на высочайшее благо, восхотѣла возвратиться, дабы раздѣлять съ нами наши труды и наши почести; а если оная къ намъ и низойдетъ, и не примѣнившись ко мраку, у насъ царствующему, принуждена будетъ изъяснить мысли свои предъ человѣками, которые знаютъ только одинъ ея призракъ; то новыя ея правила покажутся толико странными, толико опасными, что наконецъ будутъ издѣваться надъ ея безуміемъ, или накажутъ ее за дерзость.

Таковы однакожъ суть мудрецы, которые должны быть главою нашей республики, и кои обязаны знать діалектику. Посвятивъ себя на цѣлыя пять лѣтъ изученію сей науки, будутъ они размышлять о свойствахъ истиннаго, справедливаго и честнаго. Но не удовлетворясь ложными и не

основательными мнѣнїями, каковыя имѣютъ объ оныхъ нынѣ, изыщутъ они истинное ихъ начало: должности свои познаютъ они не изъ людскихъ поученїй, но будутъ наставлены въ оныхъ существомъ существъ. Въ короткомъ, такъ сказать, обращенїи, которое они имѣть съ нимъ будутъ, почерпнутъ они непреложныя начала, ведущїя къ познанїю истинны, непоколебимую твердость въ отправленїи правосудїя, и сїе незыблемое постоянство въ содѣланїи добра, котораго ничто покорить не можетъ, и которое наконецъ надъ всемъ торжествуетъ.

Во время тѣснаго сего союза съ высочайшимъ благомъ, и между тѣмъ, какъ станутъ они препровождать истинную жизнь, забывъ всю природу, республика, имѣющая право на ихъ добродѣтели, будетъ ихъ призывать для препорученїя имъ должностей военныхъ и другихъ званїю ихъ сообразныхъ. Она учинитъ имъ новое испытанїе прежде, нежели достигнутъ они пятидесяти лѣтъ; тогда, противъ воли ихъ, поручается имъ верховная власть, и они съ новою горячностїю приближаются къ верховному

Существу, дабы оно управляло ихъ поведенїемъ. Таковымъ образомъ находясь въ союзѣ съ небомъ посредствомъ философїи, а съ землею посредствомъ должностей своихъ, они просвѣтятъ сограждан, и учинятъ ихъ благополучными. По смерти своей возстанутъ они въ наслѣдникахъ своихъ, наученныхъ ихъ примѣрами и наставленїями; благодарное отечество воздвигнетъ имъ надгробные памятники и станетъ къ нимъ взывать, какъ къ существамъ, его покровительствующимъ.

Итакъ философы, которымъ ввѣримъ мы верховную власть въ нашей республикѣ, не будутъ праздные пустословы, ниже софисты, презираемые народомъ, коимъ управлять они не въ состоянїи. Они будутъ души твердыя, великїя, занимающїяся единственно общественнымъ благомъ, прїобрѣвшїе познанїя во всѣхъ частяхъ правленїя долговременною опытностїю и наилучшею изъ всѣхъ ѳеорїй, содѣлавшїеся по своимъ добродѣтелямъ и учености подобїемъ боговъ на земли, и толкователями ихъ воли. Поелику республика наша будетъ не обширная, то однимъ взглядомъ обы-

мутЪ они всѣ ея части. Власть ихЪ, толико сама по себѣ достойная почтенія, будетЪ вЪ нужномЪ случаѣ поддерживаема помянутыми воинами, столько же не побѣдимыми, сколь и миролюбивыми, которыхЪ все честолюбіе долженствуетЪ состоять вЪ томЪ, чтобы защищать законы и отечество. НародЪ обрѣтетЪ благополучіе свое вЪ наслажденіи хотя небольшимЪ, но прочнымЪ достаткомЪ; воины вЪ освобожденіи своемЪ отЪ всѣхЪ заботЪ домашнихЪ и вЪ похвалѣ, которою сопровождаемы будутЪ ихЪ подвиги; начальники республики обрѣтутЪ оное вЪ удовольствіи, проистекающемЪ отЪ благодѣяній, и вЪ томЪ, что само всевышнее Существо будетЪ тому свидѣтелемЪ.

КЪ симЪ побужденіямЪ, ПлатонЪ присовокупилЪ еще одно гораздо сильнѣйшее: картину благЪ и золЪ, предоставленныхЪ вЪ будущей жизни пороку и добродѣтели. ОнЪ пространно говорилЪ о безсмертіи и о различныхЪ преселеніяхЪ души; потомЪ упомянулЪ вкратцѣ о существенныхЪ недостаткахЪ правленій, между людьми учрежденныхЪ, и кончилЪ разговорЪ свой при-

мѣчанїемъ, что онъ ничего не предписалъ о богопочитанїи; ибо сїе зависитъ отъ Дельфїйскаго прорицалища.

Онъ кончилъ разговоръ, и ученики его, увлеченные его краснорѣчїемъ, пребыли въ удивленїи. Но другїе слушатели, которые внимали ему съ бóльшимъ равнодушїемъ, утверждали, что зданїе, имъ воздвигнутое, болѣе величественно, нежели прочно, и что его система должна быть почитаема единою мечтою воспаленнаго воображенїя и души добродѣтельной. Другїе судили о немъ еще съ бóльшею строгостїю. Платонъ, говорили они, не есть изобрѣтатель сего начертанїя; онъ почерпнулъ его изъ законовъ Ликурга и изъ сочиненїй Протагора, въ которыхъ оное почти отъ слова до слова помѣщено. Находясь въ Сицилїи, хотѣлъ онъ произвести его въ дѣйство въ нѣкоторомъ небольшомъ мѣстечкѣ сего острова. Дїонисїй младшїй, царь Сиракузскїй объявилъ было на сїе свое согласїе, а послѣ въ томъ ему отказалъ. Нынѣ, какъ кажется, предлагаетъ онъ свое ученїе съ нѣкоторыми ограниченїями, и какъ простое умоположенїе; но объявляя въ разговорахъ

своихъ неоднократно, что его возможно произвести въ дѣйство, обнаружилъ онъ сокровенныя свои намѣренія.

Притомъ говорили, что тѣ, которые нѣкогда искали средствъ къ усовершенствованію образа правленія, были мудрые мужи, которые, просвѣтясь собственнымъ опытомъ или опытомъ другихъ, вѣдали, что зло въ государствѣ увеличивается, а не уменшается, при употребленіи средствъ насильственныхъ; нынѣ таковые люди суть философы, у которыхъ больше остроумія, нежели познанія, и которые желали бы составить правительства безъ недостатковъ, людей безъ слабостей. Первый изъ нихъ Гипподамъ Милетскій, не имѣвъ никакого участія въ управленіи дѣлами государственными, изобрѣлъ новое начертаніе для республики. Протагоръ и другіе писатели послѣдовали его примѣру, который и впредь найдетъ себѣ послѣдователей: ибо нѣтъ ничего легче, какъ изобрѣтать системы для содѣланія народа благополучнымъ, а напротивъ того нѣтъ ничего труднѣе, какъ привести оныя въ исполненіе. Да и кто сіе лучше можетъ знать, кромѣ Платона, который не осмѣливался предлагать

средствѣ своихъ къ преобразованїю такимъ народамъ, кои сего желали, или предлагалъ ихъ другимъ, которые не могли ихъ исполнить? Онъ отказалъ въ семъ пособїи жителямъ Мегалополя, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы не хотѣлъ допустить совершеннаго равенства въ имуществахъ и въ почестяхъ; а жителямъ города Кирены отказалъ потому, что они были столь богаты, что не могли повиноваться его законамъ; но естьлибы какъ тѣ, такъ и другїе толико были добродѣтельны, и толико же отвращались отъ прїобрѣтенїя сокровищъ и отличїй, колико онъ желаетъ, тогда не имѣли бы они нужды въ его совѣтахъ. Не смотря на то, онъ объявилъ мнѣнїе свое обитателямъ Сиракузскимъ, которые по смерти Дїона вопрошали его о родѣ правленїя, каковое должны они учредить въ своемъ городѣ. Правда, что предначертанїе не было принято, хотя оное легче было произвести въ дѣйство, нежели предначертанїе о его республикѣ.

Такимъ образомъ одни изъ слушателей его весьма справедливо, другїе же изъ зависти, говорили о политическихъ системахъ сего философа.

ГЛАВА ПЯТДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

О торговлѣ Аѳинянъ.

ВЪ Пирейскую пристань приходитъ великое множество кораблей не только Греческихъ, но и такихъ народовъ, коихъ Греки называютъ варварами. Республика сїя могла бы привлечь еще бо́льшее число оныхъ, естьлибы умѣла лучше пользоваться счастливымъ положенїемъ своей земли, удобствомъ своихъ корабельныхъ пристаней, превосходствомъ морской своей силы, серебряными рудниками и другими выгодами, коими она обладаетъ; и естьлибы сверхъ сего награждала она почестями производящихъ торговлю людей, коихъ промышленность и дѣятельность умножили бы народное богатство. Но когда Аѳиняне почувствовали необходимость учредить морскую силу; то, увлекаемы будучи желанїемъ завоеванїй, для того токмо стремились прїобрѣсти владычество на морѣ, чтобы похитить оное и на твердой землѣ; и съ тѣхъ поръ торговля ихъ ограничилась тѣмъ, что вывозили отъ иностранцевъ одни

только съѣстные припасы и тѣ произведенія, кои необходимо нужны къ ихъ содержанію.

Во всей Греціи законы стѣсняли торговлю; а законы Карѳагенскіе иногда налагали узы и на самое имущество поселенцевъ. Овладѣвъ частію Сардиніи и населивъ оную новыми жителями, Карѳагенъ запретилъ имъ засѣвать земли свои, и повелѣлъ обмѣнивать плоды ихъ промышленности на тѣ жизненные припасы, коими преизобиловала столица. Греческія поселенія не подвержены таковой зависимости, и вообще могутъ болѣе доставлять жизненныхъ припасовъ своимъ столицамъ, нежели отъ нихъ получать.

Платонъ сравниваетъ золото и добродѣтель съ двумя тяжестями, которыя естьлибъ были положены на вѣски, то одна не поднялась бы безъ того, чтобы другая не опустилась. По сему понятію, полезнѣе строить города въ отдаленности отъ моря и собирать умѣренное количество съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ того, что въ нихъ соблюлись бы нравы во всей чистотѣ, они имѣли бы нужду въ половинѣ только

того числа законовъ, коковое необходимо для другихъ государствъ; ибо законы умножаются тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе процвѣтаетъ торговля. Аѳиняне имѣютъ великое число такихъ законовъ, которые относятся до людей вооружающихъ суда, до купцовъ, таможенъ, до росту денегъ, отдаваемыхъ въ заемъ, и касательно договоровъ различнаго рода, возобновляющихся безпрестанно, какъ въ Пиреѣ такъ и у банкировъ.

Во многихъ законахъ, къ сему относящихся, старались колико возможно удалить тяжбы и всѣ препятствія, производящія помѣшательство въ торговыхъ дѣлахъ. По силѣ оныхъ тотъ, кто донесетъ на купца, не будучи въ состояніи доказать его преступленія, повиненъ заплатить 1000 драхмъ, а иногда заключенъ бываетъ въ темницу. Поелику купеческіе корабли находятся въ морѣ только съ мѣсяца Мунихіона до мѣсяца Воедроміона, (*) то торговыя дѣла не долѣе могутъ

(*) Въ Циклѣ Метоновомъ мѣсяцъ Мунихіонъ начинался не ранѣе какъ съ 28 Марта, по Іюліянскому лѣточисленію; а мѣсяцъ Воедраміонъ, 23 Августа.

быть разбираемы, какъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, начиная отъ возвращенія кораблей до новаго ихъ отправленія въ море. Ксенофонтъ предлагалъ, чтобы къ сему благоразумному распоряженію присовокуплены были награды для тѣхъ судей, которые скорѣе рѣшатъ спорныя дѣла, въ судъ ихъ поступившія.

Судебное мѣсто, имѣющее предметомъ однѣ таковыя дѣла, тщательно наблюдаетъ за поведеніемъ торговыхъ людей. Поелику заимодавцы болѣе поддерживаютъ торговлю, нежели заимщики. Я былъ свидѣтелемъ смертной казни одного гражданина, сына нѣкоего Аѳинянина, начальствовавшаго надъ войсками, которая ему опредѣлена, была за то, что онъ, занявъ знатную сумму денегъ, былъ не въ состояніи дать достаточнаго заклада.

Аттика производитъ мало хлѣба, а посему вывозъ онаго запрещенъ; тѣ же купцы, которые ѣздятъ за нимъ въ отдаленныя страны, не могутъ продавать его въ иной городъ кромѣ Аѳинъ, не подвергшись строжайшему наказанію. Хлѣбъ привозится изъ Египта и Сициліи; но еще въ боль-

шемъ количествѣ получается оный изъ Пантикапеи и Θеодосіи, городовъ Херсониса Таврическаго; ибо государь сей земли, будучи обладателемъ Восфора Киммерическаго, освобождаетъ Аθинскіе корабли отъ подати, состоящей въ тридцатой долѣ всего количества хлѣба, взимаемой со всѣхъ другихъ народовъ, вывозящихъ оный оттуда. Пользуясь сею выгодою, отправляютъ они наипаче торговлю свою по Восфору Киммерическому, и Аθины получаютъ оттуда ежегодно по 400,000 медимнъ хлѣба.

Изъ Пантикапеи и съ береговъ Понта Эвксинскаго привозятъ строевой лѣсъ, невольниковъ, соль, медъ, воскъ, волну, юфть и козьи кожи; изъ Византіи и нѣкоторыхъ другихъ Θракійскихъ и Македонскихъ округовъ получается соленая рыба, также корабельный и другій строевый лѣсъ; изъ Фригіи и Милета ковры, одѣяла и та изящная волна, изъ которой дѣлаютъ сукна; съ острововъ Эгейскаго моря вина и разнаго рода плоды, на нихъ произрастающіе; изъ Θракіи, Θессаліи, Фригіи и многихъ иныхъ странъ нарочитое число невольниковъ.

Оливковое масло есть единое произведенїе, которое позволилъ Солонъ промѣнивать на иностранные товары; вывозъ прочихъ произведенїй Аттическихъ запрещенъ; и не платя великихъ податей, не позволяется вывозить строевой лѣсъ, какъ то сосну, кипарисъ, чинаръ и другїя деревья, растущїя въ окрестностяхъ Аѳинъ.

Жители Аѳинъ великое находятъ пособїе для своей торговли въ серебряныхъ своихъ рудникахъ. Во многихъ городахъ, монета обыкновенно бываетъ низшей доброты; то монета Аѳинская, предпочитаемая прочимъ, доставляетъ выгодный обмѣнъ. Обыкновенно покупаютъ они на оную вино съ острововъ Эгейскихъ, или на берегахъ Ѳракїи; ибо бóльшею частїю торгуютъ они симъ произведенїемъ съ народами, обитающими вокругъ Понта Эвксинскаго. Издѣлїя ихъ, по своей изящности, раскупаются въ великомъ множествѣ. Они возятъ въ отдаленныя страны мечи и разнаго рода оружїе, сукна, кровати и другїе домашнїе приборы. Торгуютъ даже и книгами.

Почти во всѣхъ мѣстахъ, куда влечетъ ихъ прибытокъ, имѣютъ они людей,

ведущихъ съ ними переписку. Многїе народы выбираютъ таковыхъ же повѣренныхъ въ Аѳинахъ, дабы они надзирали за ихъ выгодами по дѣламъ торговымъ.

Тѣ только иностранцы, которые поселились въ Аѳинахъ, заплативъ подать на нихъ положенную, имѣютъ право торговать на рынкахъ; прочїе обязаны выставлять товары свои въ самой Пирейской пристани; а дабы не возвышалась цѣна на хлѣбъ, которая составляетъ 5 драхмъ за каждую медимну, то каждому гражданину подъ смертною казнїю возбраняется покупать онаго болѣе извѣстнаго количества. Таковая же казнь опредѣлена и надсмотрщикамъ за хлѣбомъ, если не будутъ они наблюдать, чтобы не было единоторжїя (монополїи), которое навсегда запрещено частнымъ людямъ, а въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ позволено правительству, когда оно желаетъ умножить свои доходы.

Большая часть Аѳинянъ пользуются въ торговлѣ своими деньгами, но въ займы никуда отдать ихъ не могутъ, кромѣ Аѳинъ. Проценты, ими получаемые, не опредѣлены

законами; они зависятъ отъ условiй, изображенныхъ въ договорѣ, который отдаютъ въ руки мѣновщика, или общаго приятеля. Если на примѣръ дѣло идетъ о мореплаванiи по Восфору Киммерическому, то въ договорѣ означается время, когда пойдетъ корабль въ море; пристань, въ которой оный остановится; родъ припасовъ, коими долженъ онъ тамъ заготовиться; продажа, которую онъ будетъ производить въ Восфорѣ; товары, которые долженъ онъ вывезть оттуда въ Аѳины; а поелику продолженiе плаванiя не опредѣлено съ точностiю, то одни дѣлаютъ условiе, чтобы требовать прибытокъ свой по возвращенiи корабля; другiе, не столь отважные, получаютъ оный въ самомъ Восфорѣ послѣ продажи товаровъ; они или сами туда отправляются за деньгами, или посылаютъ повѣренныхъ, коимъ даютъ письменные виды.

Заимодавецъ имѣетъ въ залогѣ своемъ или имѣнiе, или товары заимщика; но поелику опасность, коей въ морѣ корабль подвергается, частiю беретъ на свой страхъ первый, а выигрышъ послѣдняго можетъ

быть весьма великъ, то проценты могутъ простираться до 30 на 100, иногдаже болѣе или менѣе, смотря на долговременность и опасности плаванія, могущія повстрѣчаться во время путешествія.

Ростъ, о которомъ я говорю, называется *морскимъ*. А тотъ ростъ, который называется *сухопутнымъ*, гораздо несноснѣе и не меньшимъ подверженъ перемѣнамъ.

Желающіе употреблять въ пользу деньги свои, не вдаваясь въ морскія опасности, отдаютъ ихъ банкирамъ или другимъ особамъ, взимая ежегодно по 12 со ста, или по одному со 100 въ каждое новолуніе; а поелику законы Солоновы не запрещаютъ брать сколько возможно бо́льшіе проценты, то нѣкоторые частные люди отдаютъ деньги свои по 16 со ста на каждый мѣсяцъ; а другіе, особливо простолюдимы, требуютъ ежедневно четвертую часть данной въ заемъ суммы. Сіи злоупотребленія извѣстны и могутъ только наказаны быть общественнымъ мнѣніемъ, которое хотя и осуждаетъ виновныхъ, но не показываетъ имъ достойнаго презрѣнія.

Торговля увеличиваетъ обращенїе богатствъ, и для сего обращенїя учреждены банкиры, которые еще болѣе оному способствуютъ. Человѣкъ, отправляющїйся въ путь, опасаясь оставить дома великую сумму денегъ, отдаетъ имъ оную, иногда только просто для храненїя и безъ всякихъ процентовъ, а иногда съ условїемъ раздѣлить съ банкиромъ прибыль, каковую онъ получитъ съ оныя. Они даютъ заимообразно деньги военачальникамъ, отправляющимся къ своимъ войскамъ, или частнымъ людямъ, имѣющимъ нужду въ ихъ пособїи.

Въ большей части договоровъ съ ними заключаемыхъ, не призываютъ ни какихъ свидѣтелей; а обыкновенно вносятъ только въ роспись, что такой-то человѣкъ, вручилъ имъ такое-то число денегъ, которое должны они въ случаѣ его смерти отдать такому-то. Безъ сомнѣнїя иногда весьма бы трудно было обличить ихъ въ полученїи извѣстной суммы для храненїя; но естьлибы они часто подвергали себя таковымъ обвиненїямъ, то бы могли лишены быть общественной довѣренности,

отъ которой зависитъ весь успѣхъ въ ихъ оборотахъ.

Пуская въ обращенїе деньги, данныя имъ только на сохраненїе, отдаютъ ихъ въ долгъ гораздо съ бо́льшими процентами, нежели съ каковыми сами получаютъ, и отъ того приобрѣтаютъ великое богатство, доставляющее имъ друзей, коихъ покровительство покупаютъ они безпрестанными услугами. Но все изчезаетъ, когда они, не могши выручить капиталовъ, приходятъ не въ состоянїе исполнять своихъ обязательствъ; тогда принуждены будучи скрыться, не иначе могутъ избѣгнуть строгости законовъ, какъ уступивъ заимодавцамъ все свое остальное имущество.

Кто желаетъ вымѣнять иностранныя деньги, какъ-то *дарики, кизикены* и проч. ибо и оныя ходятъ въ торговлѣ, тотъ относится къ банкирамъ, которые различными средствами на примѣръ на оселкѣ и вѣскахъ испытываютъ, не поддѣльныя ли онѣ, въ разсужденїи содержанїя металла или вѣса.

Аѳиняне имѣютъ три рода монеты. Кажется, что сначала били онѣ сереб-

ряныя, а потомъ уже золотыя. Не болѣе ста лѣтъ тому, какъ начали они употреблять и мѣдныя.

Серебряныя деньги суть самыя обыкновенныя; ихъ надлежало сдѣлать различнаго рода, какъ войскамъ для жалованья, которое часто было перемѣняемо, такъ и для награжденій народу, по временамъ раздаваемыхъ, и для облегченія торговли. Выше драхмы, состоящей изъ шести оболовъ, есть *дидрахма* или двойная драхма, и *тетрадрахма* или четверная драхма; ниже сихъ монетъ находятся такія, кои содержатъ 4, 3 и два обола; потомъ слѣдуетъ оболъ и полуоболъ. Сіи послѣднія, хотя и малой цѣны, но весьма были невыгодны въ обмѣнахъ между простымъ народомъ; а по сему предъ войною Пелопониесскою введена была мѣдная монета, и начали дѣлать деньги, въ осмнадцатую часть обола.

Самая большая золотая монета содержитъ вѣсу 2 драхмы, и стоитъ 28 серебряныхъ драхмъ.

Золото было весьма рѣдко въ Греціи, когда я туда пріѣхалъ. Его привозили изъ Лидіи и изъ нѣкоторыхъ другихъ странъ

малой Азіи; также изъ Македоніи, гдѣ поселяне собирали малѣйшія частицы и куски, вымываемые дождями изъ окрестныхъ горъ; съ острова Ѳаза, коего рудники, открытые нѣкогда Финикіанами, въ нѣдрахъ своихъ донынѣ сохраняютъ слѣды обширныхъ работъ, каковыя предпринималъ сей трудолюбивый народъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, часть сего драгоцѣннаго вещества употреблялась на дѣланіе монеты; и не было почти ни одного города, въ которомъ бы не употребляли онаго на небольшія женскія украшенія, или на приношенія богамъ.

Два произшествія, при мнѣ случившіяся, ввели металлъ сей въ бо́льшее употребленіе. Филиппъ Царь Македонскій, узнавъ, что въ его государствѣ находятся рудники, кои въ самыхъ отдаленныхъ временахъ были разработаны, а въ его царствованіе оставлены, велѣлъ вновь раскопать тѣ изъ нихъ, кои были открыты близь горы Пангеи. Успѣхъ соотвѣтствовалъ его ожиданію; и сей государь, имѣвшій до тѣхъ поръ только одинъ небольшой золотой фіалъ, который ночью клалъ онъ подъ свою подушку, ежегодно

получалъ изъ сего рудника болѣе тысячи талантовъ золота.

Въ то же время Фокеяне похитили изъ Дельфїйской сокровищницы золотые дары, присланные Лидїйскими государями въ капище Аполлоново. Вскорѣ количество золота умножилось до того, что содержанїе его къ серебру не было ужѐ какъ 1 къ 13 ти, какъ за сто лѣтъ предъ симъ, нижѐ 1 къ 12 ти, какъ сїе случилось чрезъ нѣсколько времени потомъ, но оное было какъ 1 къ 10.

ГЛАВА ПЯТДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

О налогахъ и доходахъ у Аѳинянъ.

Доходы республики простирались иногда до 2000 талантовъ, и сїи доходы суть двоякаго рода; одни собираются въ самой республикѣ, а другїе съ народовъ платящихъ дань.

Къ первому роду принадлежатъ 1) доходы, получаемые съ недвижимаго имѣнїя, ей принадлежащаго, какъ-то съ домовъ, которые она отдаетъ въ наемъ, съ земель

и лѣсовъ на откупъ отдаваемыхъ; 2) двадцать четвертая часть, которую предоставляетъ она себѣ съ прибыли, получаемой отъ серебряныхъ рудниковъ частными людьми, коимъ дано отъ нея позволенiе на разработку оныхъ; 3) ежегодная подать, сбираемая республикою съ отпущенниковъ, и съ десяти тысячъ иностранцевъ, въ Аттикѣ поселившихся; 4) пѣни и описныя имущества, коихъ большая часть назначается въ государственную казну; 5) пятидесятая часть, собираемая съ хлѣба и другихъ товаровъ, привозимыхъ изъ чужихъ странъ, равномѣрно какъ и съ большей части тѣхъ, кои отправляются изъ Пирейской пристани; 6) множество другихъ мѣлкихъ поборовъ, какъ то сборъ съ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ, на рынкѣ продающихся, и налогъ, получаемый съ людей содержащихъ у себя распутныхъ женщинъ.

Бóльшая часть сихъ сборовъ отдается на откупъ; отдача сiя производится въ какомъ либо общенародномъ мѣстѣ при десяти чиновникахъ, кои наблюдаютъ за производствомъ торговъ. Однажды вздумалось мнѣ посмотрѣть на ухватки торгую-

щихся. Одни, для удаленія своихъ соперниковъ, употребляли угрозы, или обѣщанія; другіе наружною ненавистію скрывали соглашеніе свое послѣ многихъ медлительныхъ торговъ и наддачъ. Когда уже рѣшились судьи продлить время откупа прежнихъ откупщиковъ, тогда явился незнакомый человѣкъ и наддалъ еще одинъ талантъ. Откупщики встревожились; стали требовать отъ него порукъ, ибо безъ сего нельзя обойтися. Онъ ихъ представилъ, и какъ они уже лишены были средствъ удалить его, то наконецъ переговоривъ съ нимъ тайно, кончили тѣмъ, что взяли въ свое товарищество.

Откупщики обязаны до наступленія девятаго мѣсяца въ году, отдавать договорную сумму денегъ собирателямъ государственныхъ доходовъ. Въ случаѣ неисполненія договоровъ, сажаютъ ихъ въ тюрьму, обязываютъ заплатить двойную сумму, и дотолѣ лишаютъ части преимуществъ, предоставленныхъ званію гражданскому, доколѣ не исполнятъ они по договору. Тому же подвергаются и поручители. Вторая и главная часть государственныхъ доходовъ состоитъ въ налогахъ, ко-

торые платятъ республикѣ многїе города и острова, находящїеся у ней въ зависимости. Въ семъ отношенїи права ея основаны на злоупотребленїи власти. Послѣ сраженїя при Платеѣ, когда побѣдители вознамѣрились отмстить Персамъ за оскорбленїя, Грецїи нанесенныя, то жители островов, въ сей союзъ вошедшїе, согласились ежегодно доставлять великое число денегъ на малыя издержки. Аѳиняне, коимъ поручено было собирать сїи налоги, получили до 460 талантовъ изъ разныхъ городовъ, которыхъ дружбу дотолѣ уважали, пока не приобрѣли совершеннаго надъ прочими превосходства. Но когда власть ихъ увеличилась, то они превратили въ уничижительную подать добровольныя приношенїя союзныхъ городовъ, и однимъ предписали ставить извѣстное число кораблей, когда они того потребуютъ, другимъ платить ту ежегодную дань, которую они прежде давали по собственному желанїю. Таковую же дань наложили они на области, ими завоеванныя; и всѣ иностранные налоги, при началѣ войны Пелопониской собираемые, простирались до 600 талантовъ, а около средины сей войны до 1200

или до 1300. Во время пребыванія моего въ Греціи, завоеванія Филиппа были причиною уменьшенія суммы сей до 400 талантовъ, но Аѳиняне льстили себя надеждою опять довести оную до 1200.

Поелику сіи доходы, какъ они ни велики, не соразмѣрны расходамъ, то республика часто бываетъ принуждена прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, какъ-то къ добровольнымъ подаяніямъ и къ насильственнымъ налогамъ.

Въ необходимости Сенатъ представляетъ общественному собранію о нуждахъ государства, не могущихъ терпѣть отлагательства. Одни стараются избѣжать сего предложенія, другіе хранятъ молчаніе, и упреки собранія заставляютъ ихъ стыдиться или скупости своей или бѣдности; а нѣкоторые наконецъ объявляютъ всенародно о числѣ денегъ, которое даруютъ республикѣ; и пожертвованія ихъ сопровождаются толикимъ множествомъ похвалъ, что можно усомниться въ истиннѣ ихъ великодушія.

Иногда правительство налагаетъ подать на каждое изъ десяти колѣнъ, и на всѣхъ гражданъ, оныя составляющихъ, со-

размѣряясь съ ихъ имуществомъ, такъ что ежели частный человѣкъ имѣетъ помѣстья въ уѣздахъ многихъ колѣнъ, то изо всѣхъ оныхъ платить обязанъ. Сборъ сего налога бываетъ иногда сопряженъ съ великими затрудненїями; прежде употребляли при сборахъ личное насильство; но наконецъ сїе отмѣнено, ибо противно свойству правленїя; обыкновенно дѣлаются отсрочки на нѣкоторое время, по прошествїи коего отнимаютъ имѣнїе и продаютъ съ публичнаго торга.

Содержанїе морской силы есть самое отяготительное, по нужнымъ на оное издержкамъ. Недавно двое или трое богатыхъ гражданъ совокупно вооружили галеру; потомъ обнародованъ былъ законъ, существовавшїй еще при моемъ пребыванїи въ Грецїи, по которому сообразно числу колѣнъ, всѣ граждане, имѣющїе фабрики и деньги, въ торгу обращающїяся или отданныя въ банкъ раздѣлялись на десять статей, изъ которыхъ каждая состояла изъ 120 человѣкъ. Поелику сїи граждане имѣютъ въ рукахъ своихъ почти все богатство Аттики, то принуждали ихъ платить всѣ налоги, а наипаче содер-

жать и умножать морскую силу республики въ нужныхъ обстоятельствахъ. Поелику каждый изъ нихъ долженъ былъ платить слѣдующую съ него часть налога въ одинъ изъ двухъ годовъ, то 1200 человѣкъ, на коихъ налогъ сей возложенъ, раздѣлены были на двѣ обширныя статьи, изъ коихъ каждая содержала въ себѣ 600 гражданъ; такъ что въ ней 300 было самыхъ богатыхъ, а 300 имѣвшихъ посредственный достатокъ. Первые отвѣчали за послѣднихъ, а въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, должны были за нихъ вносить деньги.

При вооруженіи флота, каждое изъ десяти отдѣленій повелѣвало собрать въ своемъ округѣ число талантовъ, равное тому, сколько надлежало вооружить галеръ; и требовало оныя съ толикагожъ числа сообществъ, кои составляли иногда 16 гражданъ, обязанныхъ платить налогъ. Собранныя съ нихъ деньги раздѣляемы были по Тріерархамъ; такъ называются начальники военныхъ судовъ. На каждой галерѣ было оныхъ по два; каждый изъ нихъ служилъ полгода, и обязанъ былъ содержать всѣхъ корабельныхъ служите-

лей; ибо республика обыкновенно доставляла только снасти и матросов.

Сїе разпоряженїе было весьма неблагоразумно, во первых по тому, что исполненїе по оному было медлительно, а во вторых по тому, что не смотря на неравенство имуществ, самые богатѣйшїе граждане платили иногда только шестуюнадесять часть, на вооруженїе одной галеры. В послѣднїе годы моего пребыванїя в Грецїи, Демосѳен ввел закон, облегчающїй собиранїе налогов, и сообразнѣйшїй с правосудїем; вот содержанїе онаго.

Всякой гражданин, котораго имущество равняется 10ти талантам, в нужном случаѣ должен поставить для государства одну галеру; имѣющїй 20 талантов капиталу, ставит оных двѣ; но сколько бы впрочем ни велико было богатство гражданина, болѣе трех галер и одной шлюпки с него не требуется. Тѣ же, кои и 10 талантов не имѣют, должны дѣлать складчину для построенїя одной галеры.

Сей налог, от котораго освобождены одни архонты, по возможности соразмѣряют с имѣнїем граждан; тягость его

падаетъ всегда на богатѣйшихъ людей; оный есть послѣдствіе правила, что подати должно полагать не на лица, а на ихъ имущество.

Поелику богатство нѣкоторыхъ гражданъ увеличивается, а у другихъ оно уменьшается, Демосѳенъ оставилъ въ дѣйствіи законъ о замѣнахъ. Чиновники, имѣющіе въ вѣденіи своемъ морскую силу республики, ежегодно позволяютъ каждому, платящему налогъ, объявлять о гражданинѣ, на котораго меньшая наложена подать нежели на него, хотя онъ сдѣлался богаче его, или всегда таковымъ былъ. Ежели обвиняемый признается въ умноженіи, или въ превосходствѣ своего имущества, то онъ замѣняетъ обвинителя въ росписи о платящихъ подать; ежели же онъ въ томъ не захочетъ признаться, то дѣлаютъ обыскъ, и иногда принуждаютъ его помѣняться имуществомъ съ своимъ обвинителемъ.

Выгоды, коими пользуются начальники галеръ, какъ отъ правительства, такъ и отъ своего колѣна, были бы для нихъ недостаточны, ежелибы усердіе и любочестіе не дополняло сего недостатка. Пое-

лику собственная ихъ польза того требуетъ, чтобъ они отличались отъ своихъ соперниковъ, то многіе изъ нихъ употребляютъ всѣ силы, чтобы имѣть галеры самыя легкія на ходу, и наилучшихъ морскихъ служителей; нѣкоторые прибавляютъ собственно отъ себя жалованье матросамъ, которымъ выдается только три обола въ сутки.

Сіе соревнованіе, возбуждаемое надеждою приобрѣсти почести и награжденія, весьма выгодно въ такомъ государствѣ, въ которомъ при малѣйшей войнѣ истощается казна и заграждаются источники доходовъ. Во все время продолженія войны сей, платящіе дань народы, безпрестанно будучи угрожаемы своими неприятелями, или подвергаемы ихъ игу, не могутъ доставлять пособія республикѣ, или принуждены бываютъ сами у нея же просить онаго. Въ сихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, флоты республики опустошаютъ отдаленныя страны и часто возвращаются отягченные добычами. Естьли удастся имъ овладѣть Гелеспонтомъ, то требуютъ со всѣхъ кораблей, торгующихъ по Черному морю, десятую долю товаровъ, ими перево-

зимыхъ; и сїе средство не однажды спасало государство.

При окончанїи войны оканчивается и обязанность ставить корабли, или помогать деньгами; но обычай повелѣваетъ богатымъ гражданамъ дѣлать въ нѣкоторые дни угощенїя для своего колѣна, содѣйствовать къ содержанїю гимназїй, и посылать на общественныя позорища хоры, для состязанїя въ пляскѣ и музыкѣ. Одни добровольно берутъ на себя таковыя расходы; другїе осуждаются на сїе выборомъ своего колѣна, и никакъ не могутъ отъ того избавиться, ежели не исключатъ ихъ отъ онаго заслуги, оказанныя отечеству. Всѣ вообще имѣютъ право на благорасположенїе народа, который вознаграждаетъ мѣстами и почестями тѣхъ, кои раззорилися, употребляя имущество свое на украшенїе празднествъ.

Многїя сословїя чиновниковъ, избранныхъ народомъ, должны бдѣть надъ управленїемъ государственными доходами; и каждое изъ десяти колѣнъ назначаетъ чиновника для большой части сихъ сословїй. Одни отдаютъ на откупъ сборъ съ привозимыхъ товаровъ, позволяютъ, съ нѣкоторыми условї-

ями, разработывать рудники, присутствуютЪ при продажѢ взятыхЪ вЪ казну имѢнiй и проч. Другiе вносятЪ вЪ роспись количество денегЪ, каковое долженЪ дать всякiй гражданинЪ вЪ необходимой нуждѢ.

Разные роды доходовЪ ежегодно собираются вЪ различныя казнохранилища, изЪ которыхЪ каждое управляется особенно десятью сборщиками или казначеями. Купно сЪ оными распредѢляетЪ сенатЪ сими деньгами, сообразуясь постановленiю народа, вЪ присутствiи двухЪ надзирателей, ведущихЪ онымЪ роспись; одинЪ изЪ нихЪ присылается отЪ сената, другой отЪ управляющихЪ.

Казначеи, коимЪ порученЪ сборЪ денегЪ сЪ народа, хранятЪ у себя росписи гражданскимЪ налогамЪ. ВЪ присутствiи сената, вымарываютЪ они имена тѢхЪ, кто внесЪ свою часть, и объявляютЪ опредѢленному для сего суду о тѢхЪ, кои сего еще не исполнили. СудЪ наряжаетЪ чиновниковЪ, для взысканiя сЪ таковыхЪ гражданЪ должной суммы, обыкновеннымЪ порядкомЪ, а вЪ случаѢ ихЪ ослушанiя, отнимается вЪ казну имѢнiе. Таковое отношенiе кЪ чиновникамЪ бываетЪ тогда толь-

ко, когда дѣло идетъ о важномъ предметѣ; въ противномъ случаѣ предоставляется попеченію сборщиковъ рѣшить споры, происходящіе въ ихъ отдѣленіяхъ.

Тѣ изъ сихъ послѣднихъ чиновниковъ, которые сбираютъ пѣни, имѣютъ особенное право разсматривать приговоры первыхъ судей, уменьшать или отмѣнять пеню, ежели она слишкомъ велика.

Расходы, относящіеся до войны и до всѣхъ частей правленія, назначаются изъ различныхъ казнохранилищъ, о коихъ упомянулъ я выше. Законъ постановляетъ, чтобы въ военное время, всѣ остатки изъ прочихъ хранилищъ казны, вносимы были въ военное; но при всякой перемѣнѣ порядка въ назначеніяхъ суммы нужно опредѣленіе народа.

Въ особливую казну, управляемую нарочно для того опредѣленнымъ чиновникомъ, вносится ежегодно весьма большая сумма, которую раздаютъ всенародно, дабы привести въ состояніе бѣдныхъ гражданъ платить за мѣста на зрѣлищахъ. Народъ не позволяетъ касаться до сей суммы, и въ наше время сдѣлалъ онъ опредѣленіе, по силѣ котораго должно предавать смерти

шого оратора, который предложитЪ употребить сїю сумму на пользу государства, истощеннаго долговременною войною. ЛѢтописи о народахЪ не представляютЪ намЪ другаго примѢра таковаго безумїя.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

Продолженїе о книгохранилищѢ Аѳинянина. Логика.

До отЪѢзда моего вЪ Греческїя области провелЪ я нѢсколько дней вЪ книгохранилищѢ Эвклида: по возвращенїи же моемЪ, я опять началЪ оное разсматривать.

ЭвклидЪ показалЪ мнѢ вЪ связкахЪ таблицЪ всѢ сочиненїя, касающїяся до логики и риторики, помѣщенныя однѢ подлѢ другихЪ; ибо обѢ сїи науки имѢютЪ великое отношенїе между собою. ИхЪ не много, сказалЪ онЪ; ибо о наукѢ мыслить и говорить не прежде стали разсуждать, какЪ назадЪ тому около ста лѢтЪ. Мы обязаны симЪ ИталїанскимЪ и СицилїйскимЪ ГрекамЪ, и сїе было слѢдствїемЪ того

паденія, каковое дала уму человѣческому Пифагорова философія.

Мы должны отдать справедливость Зенону Элейскому, какъ первому издателю опыта о діалектикѣ; но не менѣе обязаны благодарить и Аристотеля, что онъ толико усовершилъ способъ разсуждать, что можетъ почитаться изобрѣтателемъ онаго.

Привычка научила насъ сравнивать между собою два, или нѣсколько понятій, дабы познать и показать другимъ связь или противоположенія, въ оныхъ находящіяся. Такова есть естественная логика; оная была бы достаточна для такого народа, который, не имѣя способности разбирать понятій, каждое по его роду, видитъ какъ въ общественной жизни, такъ и въ природѣ вещи каждую въ особенности. Онъ бы часто ошибался въ начальныхъ основаніяхъ, ибо весьма былъ бы не свѣдущъ; но заключенія имъ выводимыя были бы справедливы, ибо его понятія были бы ясны и всегда выражаемы свойственнымъ словомъ.

У просвѣщенныхъ народовъ, разумъ

отъ безпрестаннаго упражненія въ общихъ и отвлеченныхъ понятіяхъ, открылъ мысленный міръ, который, можетъ быть, столько же трудно познать, какъ и міръ вещественный. Къ великому множеству впечатлѣній, получаемыхъ чувствами нашими, присовокупилось удивительное множество соображеній (combinaisons), составляемыхъ умомъ нашимъ, который такъ плодовитъ, что не возможно положить ему предѣловъ.

Ежели мы разсмотримъ потомъ, что весьма многіе изъ предметовъ нашихъ мыслей имѣютъ между собою ощутительныя соотношенія, отъ которыхъ онѣ кажутся быть однѣ и тѣ же, и малое несходство, въ самомъ дѣлѣ ихъ различающее, то мы удивимся неустрашимости и проницательности тѣхъ, кои первые предприяли и исполнили намѣреніе постановить порядокъ и связь въ безконечномъ множествѣ понятій, каковыя люди имѣли дотолѣ, и каковыя могутъ имѣть въ послѣдствіи.

Въ семъ-то, можетъ быть, состоитъ величайшее усиліе ума человѣческаго; или по крайней мѣрѣ сіе есть одно изъ важ-

нѣйшихъ открытій, коими Греки могутъ хвалиться. Отъ Египтянъ, Халдеянъ, а можетъ быть еще отъ какого древнѣйшаго народа прешли къ намъ начальныя основанія почти всѣхъ наукъ и почти всѣхъ художествъ: потомство намъ обязано будетъ *симъ способомъ ученія*, котораго удачное искусство подчиняетъ умствованіе правиламъ. Пройдемъ слегка главнѣшія части онаго.

Есть вещи, которыя мы только именуемъ, ничего объ нихъ не утверждая и не отрицая; такимъ образомъ говорю я: *человѣкъ*, *лошадь*, *животное двуногое*; и есть вещи такія, кои означаемъ словами утвердительными или отрицательными.

Категоріи.

Сколь ни многочисленны суть первыя, но нашли средство раздѣлить ихъ на десять статей, изъ коихъ одна содержитъ самую сущность, а прочія заключаютъ ея измѣненія. Въ первой статьѣ помѣщены всѣ сущности, какъ-то *человѣкъ*, *лошадь*, и проч. во второй количество, каковое бы оно ни было, какъ число, время, пространство и проч. въ третьей качество, подъ

которымъ разумѣется 1-е, навыки, каковы суть добродѣтели, науки; 2-е, расположенія естественныя, содѣлывающія одного человѣка способнѣйшимъ къ извѣстнымъ упражненіямъ, нежели другаго; 3-е, чувствамъ подлежащія качества, какъ-то: *сладость, горечь, хладъ, тепло, цвѣтъ*; 4-е, наружный видъ, очертаніе, на примѣръ: *круглый, четвероугольный* и проч.

Прочія статьи содержатъ различныя роды отношеній, дѣйствій, положеній, обладаній, и проч. такъ что сіи десять отдѣленій содержатъ всѣ существа, и всѣ роды бытія ихъ. Онѣ называются *категоріями* или *принадлежностями*; ибо нельзя приписать какому нибудь предмету ничего такого, что не было бы или *вещество*, или *количество* или *качество*, и проч.

Хотя довольно много сдѣлано, что предметы мыслей нашихъ ограничены толь малымъ числомъ статей; но сего было еще не достаточно. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ каждую категорію, тотчасъ увидишь, что онѣ могутъ имѣть множество подраздѣленій, одно отъ другаго какъ бы зависящихъ. Объяснимъ сіе примѣромъ, взятымъ изъ первой категоріи.

О нераздѣльныхъ. Въ младенствѣ, разумъ нашъ видитъ и понимаетъ однѣ токмо *не раздѣльныя;* еще и нынѣ называемъ мы оныя первыми сущностями, или потому, что онѣ обращаютъ на себя первые наши взоры, или по тому, что онѣ дѣйствительно суть самыя вещественныя сущности.

О видахъ. Потомъ тѣ изъ нихъ, кои имѣютъ ощутительнѣйшее между собою сходство, поелику представляются намъ подъ однимъ и тѣмъ же видомъ, т. е, подъ одинаковымъ образомъ, подъ одинаковою наружностію, раздѣлили мы на многія особенныя статьи. Такимъ образомъ имѣя особенное понятіе о какомъ либо человѣкѣ, о какомъ либо конѣ, мы получили частное понятіе о человѣкѣ, о конѣ.

Какъ разныя отрасли какого либо поколѣнія относятся къ единому общему происхожденію, такъ и разные виды, имѣющіе великое между собою сходство, принадлежатъ къ одному роду. Такимъ образомъ частныя понятія о человѣкѣ, о конѣ, о волѣ, о всѣхъ существахъ, жизнію и чувствованіемъ одаренныхъ, произошло общее понятіе о *животномъ* или *существѣ живущемъ*; поелику слова сіи на языкѣ нашемъ означаютъ одно

и тоже. Кромѣ сего рода есть еще роды гораздо его обширнѣе, какъ то: *сущность* и проч.; и наконецъ родъ высшій, какъ-то *существо* или *бытіе*.

Въ сей лествицѣ, коея самую верьшину занимаетъ *существо* и по которой низходятъ до *нераздѣльныхъ*, каждая изъ всѣхъ прочихъ степеней можетъ быть родомъ въ разсужденіи низшей степени, а видомъ въ разсужденіи высшей.

Философы охотно полагаютъ таковую связь или зависимость во всѣхъ предметахъ природы, во всѣхъ понятіяхъ разумомъ приобрѣтаемыхъ: поелику сіе подаетъ имъ легчайшій способъ разсматривать происхожденіе понятій и проходить по порядку различныя статьи, такъ какъ начальники ходятъ по рядамъ воинства во время его сраженія. Иногда, пріемля родъ за *единицу* или за *нѣчто опредѣленное*, виды за *множество*, а нераздѣльныя за *нѣчто неопредѣленное*, дѣлаютъ разныя разсужденія объ *опредѣленномъ* и *неопредѣленномъ*, объ *одномъ* или о *многомъ*; и тогда разсужденія сіи касаются только до свойства *рода*, *видовъ* и *нераздѣльныхъ*.

О разности.

Каждый видъ отличается отъ своего рода существенною какою-либо принадлежностїю, которая ему только свойственна и которая называется разностїю. Разумъ, составляющїй самое превосходное и неудобьсообщаемое преимущество человѣка, отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ животныхъ. И такъ присовокупивъ къ общему понятїю о животномъ понятїе о разумномъ, т. е. о его разности, получишъ частное понятїе о человѣкѣ. Трудно, но притомъ и весьма нужно постигать разности, находящїяся въ одномъ и томъ же родѣ, и разности видовъ зависящихъ отъ родовъ, нѣкоторое сходство между собою имѣющихъ. Обративъ надлежащее вниманїе на каждый видъ, тотчасъ найдешь въ ономъ такїя свойства, кои ему присущи, и измѣненїя, кои бываютъ для него случайны.

О свойственномъ.

Здѣсь говорится не о томъ свойствѣ, которое сливается съ сущностїю какой либо вещи, но о томъ, каковое въ ней замѣчается. Въ таковомъ случаѣ, оно есть принадлежность приличная только виду и происходящая отъ той главной принадлежности, которую назвали мы разностїю.

Человѣкъ имѣетъ способность къ изученiю извѣстныхъ наукъ; таковая способность есть одно изъ его свойствъ: оно происходитъ отъ его способности умствовать и принадлежитъ существамъ одинакаго съ нимъ вида. Способность спать, имѣть движенiе, не можетъ быть его свойствомъ, потому что оная равно принадлежитъ и ему и прочимъ животнымъ.

О случайномъ.

Случайное есть нѣкое измѣненiе, нѣкая принадлежность, которую умъ весьма удобно отдѣляетъ отъ самой вещи: на пр. *Сидѣть*, есть случайное для человѣка; *бѣлизна*, для тѣла.

Израженiе.

Упоминаемыя нами доселѣ понятiя, поелику не заключаютъ въ себѣ ни утвержденiя ни отрицанiя, суть ни истинны, ни ложны. Теперь разсмотримъ такiя понятiя которыя могутъ принять на себя одно которое нибудь изъ сихъ качествъ.

Израженiе есть предложенiе или утвердительное или отрицательное. Слѣдовательно одно только израженiе можетъ быть истинно или ложно. Прочiе же образы рѣчи, каковы суть моленiе, повелѣнiе не заключаютъ въ себѣ ни лжи, ни истинны.

Во всякомъ изражении соединяются или раздѣляются многія понятія. Оно состоитъ изъ *подлежащаго*, *глагола*, *сказуемаго*. На пр. въ слѣдующемъ изражении: *Сократъ естъ мудръ; Сократъ* будетъ подлежащее, *естъ* глаголъ или связка, *мудръ* сказуемое.

Подлежащее означаетъ то, что положено предъ кѣмъ или предъ чѣмъ. Оно названо такъ потому, что изображаетъ вещь, о которой говорится, разсуждается, и которая какъ бы предъ глазами находится; а можетъ быть и по тому, что оно, будучи не столько обширно, какъ сказуемыя, кои ему приписать должно, нѣкоторымъ образомъ отъ нихъ зависитъ.

Подлежащее изображаетъ понятіе или общее и приличное многимъ нераздѣльнымъ, какъ напр. понятіе о человѣкѣ, животномъ; или понятіе особенное и одному только нераздѣльному приличное, каково есть понятіе о Калліи, о Сократѣ. Ежели подлежащее означаетъ понятіе общее или особенное, то и выраженіе, оное въ себѣ содержащее, бываетъ также или общее или особенное.

Когда подлежащее общее нужно взять во всемъ его пространствѣ, то надлежитъ

ставить напереди онаго сіи слова: *всякій* или *никакій*. Слово *человѣкъ* есть терминъ общій: ежели говорю: *всякой человѣкъ*, *никакой человѣкъ*, тогда употребляю терминъ сей во всемъ его пространствѣ, ибо не изключаю изъ него ниединаго человѣка; естьли же говорю просто, *нѣкоторый человѣкъ*, тогда общность его въ тѣсныя заключаю предѣлы.

Глаголъ есть знакъ, показующій, что такое-то сказуемое приличествуетъ такому-то подлежащему. Потребна была связка для ихъ соединенія и сія связка есть глаголъ *быть*, который въ рѣчи или полагается явно, или только подразумѣвается. Я говорю подразумѣвается потому, что онъ часто заключается въ другихъ глаголахъ. Ибо слова сіи: *я иду* означаютъ *я есмь идущъ*.

Что касается до подлежащаго, то мы ужѐ видѣли, что оно берется изъ категоріи, содержащей въ себѣ роды всѣхъ сказуемыхъ.

Итакъ разсужденія наши суть не иное что, какъ дѣйствія, которыми мы что либо о какой вещи утверждаемъ, или отрицаемъ; или лучше сказать, онѣ суть

взоры ума, видящіе, что такое-то свойство или качество должно приписывать какому либо подлежащему, или не должно. Ибо разумъ, сіе усматривающій, есть для души то же, что зрѣніе для ока.

Предложенія раздѣляются на разные виды. Мы кратко упомянемъ только о такихъ, которыя, хотя въ нихъ разсматривается одно и то же подлежащее, бываютъ противуположны въ разсужденіи утвержденія и отрицанія. Кажется, что справедливость одного предложенія должна убѣждать въ несправедливости другаго. Но правило сіе не можетъ быть общимъ, ибо находящееся между ими противуположеніе различными образами совершается.

Ежели общее подлежащее въ обоихъ предложеніяхъ берется во всемъ его пространствѣ, тогда оба предложенія называются противными, и оба онѣ могутъ быть ложны. напр. *всѣ люди суть бѣлы: ни одинъ человѣкъ не есть бѣлъ.* Ежели въ одномъ предложеніи пространство подлежащаго не имѣетъ предѣловъ, а въ другомъ ограничено: то оба сіи предложенія называются противорѣчущими; одно бываетъ справед-

ливо, а другое ложно. Напр. *всѣ люди сутъ бѣлы; нѣкоторые люди не сутъ бѣлы;* или: *никакой человѣкъ не естъ бѣлъ; нѣкоторые люди сутъ бѣлы.* Особенныя предложенія подвержены бываютъ таковому же роду противуположности, какъ и противурѣчущія: одно изъ нихъ непремѣнно будетъ справедливо, а другое ложно: *Сократъ бѣлъ; Сократъ не бѣлъ.*

Два частныя предложенія, изъ коихъ одно утвердительное, а другое отрицательное, не могутъ быть, собственно говоря, между собою противуположными; противоложность бываетъ только въ терминахъ. Когда я говорю: *нѣкоторые люди сутъ справедливы; нѣкоторые люди не сутъ справедливы*, тогда я говорю уже не объ однихъ и тѣхъ же людяхъ.

Вышеупомянутыя познанія, о которыхъ я большею частію умалчиваю, были плодомъ многихъ и долговременныхъ наблюденій. Однако же скоро замѣчано было, что большая часть нашихъ заблужденій проистекаютъ отъ нѣверности нашихъ понятій и знаковъ, коими онѣ изображаются. Приобрѣтая понятія о внѣшнихъ предме-

тахъ только посредствомъ нашихъ чувствъ, и слѣдственно не могши различать оные иначе какъ только, по ихъ наружности, мы очень часто смѣшиваемъ ихъ свойство съ ихъ качествами и съ ихъ случайными принадлежностями. Что касается до предметовъ мысленныхъ, то они въ большей части умовъ производятъ только тусклый блескъ, изображенія неявственныя и непостоянныя. Замѣшательство еще болѣе умножается отъ великаго множества двусмысленныхъ и инознаменательныхъ словъ, коими языки преисполнены, а наипаче великимъ множествомъ общихъ рѣченій, которыя часто употребляемъ мы не понимая ихъ смысла.

Единое токмо размышленіе можетъ приближить къ намъ тѣ предметы, которые сейململ мракъ, по видимому, отъ насъ удаляетъ. Посему единственная разность между просвѣщеннымъ и непросвѣщеннымъ умомъ существующая, состоитъ въ томъ, что одинъ видитъ предметы въ надлежащемъ разстояніи, а другой изъ далека.

За счастіе почитать должно, что людямъ, для исполненія общественныхъ

обязанностей, нужно имѣть только нѣкоторое сходство въ понятїяхъ, и нѣкоторое сближенїе въ языкѣ. Правые умы, мѣняя свои идеи, торгуютъ такъ сказать, хорошею монетою, коея цѣны и достоинства они сами часто не знаютъ; а другїе напротивъ того употребляютъ поддѣльныя деньги, кои однако столь же хорошо принимаются въ торговлѣ, какъ и настоящїя.

Философъ долженъ изображать мысли свои выраженїями самыми употребительными, однакожъ тщательно различая въ нихъ знаменованїя, ежели онѣ имѣютъ ихъ много: потомъ должно ему опредѣлить понятїе, каковое даетъ онъ каждому слову.

Объ опредѣленїи.

Опредѣлить вещь значитъ изобразить свойство ея такими качествами, которыя совершенно отличаютъ ее отъ всякой другой вещи. Въ прежнїя времена не было правилъ къ достиженїю таковой точности, или къ удостовѣренїю себя въ оной. До постановленїя таковыхъ правилъ замѣчано было, что не всякую вещь опредѣлить можно; что опредѣленїе должно приличествовать токмо одному опредѣляемому; что оно должно заключать въ

себѣ все то, что содержится въ понятїи опредѣляемаго; что сверьхъ сего оно должно относиться ко всѣмъ существамъ одинакого вида, напримѣръ опредѣленїе человѣка должно простираться на всѣхъ людей; оно должно быть кратко: всякое слово, которое изъ онаго изключить можно, есть лишнее; оно должно быть ясно: слѣдовательно въ опредѣленїе не должны входить слова двусмысленныя, инознаменательныя, мало-извѣстныя; и чтобы для уразумѣнїя онаго, не нужно было прибѣгать къ опредѣляемой вещи; въ противномъ случаѣ оно будетъ подобно изображенїямъ древнихъ картинъ, которыя не иначе узнаны быть могутъ, какъ по именамъ, подъ ними написаннымъ.

Какимъ же образомъ исполняются сїи условїя? Выше говорили мы о тѣхъ лествицахъ понятїй, которыя ведутъ насъ отъ нераздѣльныхъ до существа общаго. Мы уже видѣли, что каждый видъ непосредственно происходитъ отъ рода, отъ котораго отличается онъ разностїю. Точное опредѣленїе составляется изъ непосредственнаго рода и разности опредѣляемой вещи, и

слѣдственно заключаетъ въ себѣ двѣ главныя свои принадлежности. Я опредѣляю человѣка такъ: животное разумное. Слово *животное* есть родъ и причисляетъ человѣка ко всѣмъ существамъ, жизнію одареннымъ; а разность *разумный* отдѣляетъ его отъ оныхъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что опредѣленіе показываетъ сходство многихъ вещей между собою различныхъ посредствомъ своего рода; а различіе оныхъ посредствомъ своея разности. Слѣдовательно постигать сіе сходство и сіе различіе есть весьма важно для того, кто занимается наукою мыслить и умствовать.

Я опустилъ великое множество весьма тонкихъ замѣчаній о свойствѣ рода и разности, такъ же о разныхъ видахъ доказательствъ, каковыя обыкновенно употребляемы бываютъ при умствованіи. Поелику намѣреніе мое состоитъ только въ томъ, чтобы представить опыты о успѣхахъ ума человѣческаго, то и не долженъ я собирать всѣхъ слѣдовъ просвѣщенія, каковые оставилъ онъ на пути своемъ; однако же изобрѣтеніе силлогизма достойно

того, что бы мы на краткое время занялися оным.

О силлогизмѣ.

Мы уже сказали, что въ предложенiи: *Сократъ есть мудръ*, *Сократъ* есть подлежащее, *мудръ* сказуемое; и что посредствомъ глагола существительнаго, оныя соединяющаго, утверждается, что понятiе о мудрости приличествуетъ понятiю о Сократѣ.

Но какимъ образомъ можно увѣриться въ справедливости или въ несправедливости какого либо предложенiя, когда отношенiе сказуемаго къ подлежащему бываетъ не довольно ощутительно. Сего достигнуть можно, преходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; приемля въ помощь третiе понятiе, коего сугубое отношенiе къ подлежащему и сказуемому было бы гораздо ощутительнѣе.

Для лучшаго уразумѣнiя мною сказаннаго, я разберу одно только утвердительное предложенiе. Я сумнѣваюсь, что А равно В; ежели случится, что А есть равно С, а В также равно С, то тотчасъ заключаю, что А есть равно В.

Посему, дабы утвердить, что право-

судїе есть навыкЪ, должно только показать, что правосудїе есть добродѣтель, а всякая добродѣтель есть навыкЪ. Но что бы доказательству сему дать видЪ силлогизма, поставимЪ слово добродѣтель между подлежащимЪ и сказуемымЪ предложенїя, отЪ чего получимЪ слѣдующїе три термина: *правосудїе*, *добродѣтель*, *навыкъ*. ТерминЪ вЪ срединѣ находящїйся называется *среднимъ*, или по причинѣ своего мѣстоположенїя, или потому, что онЪ служитЪ посредствующимЪ предметомЪ при сравненїи двухЪ другихЪ терминовЪ, называемыхЪ *крайними*. Ужè доказано, что среднїй терминЪ долженЪ быть употребленЪ по крайней мѣрѣ одинЪ разЪ вЪ общемЪ понятїи, и что вЪ силлогизмѣ одно предложенїе должно быть общее. ИтакЪ сперва скажемЪ:

Всякая добродѣтель есть навыкъ;

потòмЪ:

Но правосудїе есть добродѣтель:

Слѣдовательно правосудїе есть навыкъ.

Отсюда слѣдуетЪ 1 е, что силлогизмЪ состоитЪ изЪ трехЪ терминовЪ, что послѣднїй бываетЪ сказуемымЪ втораго, а

вторый перваго. Здѣсь *навыкъ* есть *сказуемое* относительно къ *добродѣтели*, а *добродѣтель* въ разсужденіи *правосудія*.

Поелику подлежащее берется всегда изъ одной какой-либо категоріи или изъ порядка существъ, оную составляющихъ, то отношенія средняго термина къ терминамъ крайнимъ, будутъ отношеніями по существъ, качествъ, количествъ и проч. то родовъ и видовъ, свойствъ и проч. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ они суть отношеніе родовъ и видовъ; ибо *навыкъ* есть родъ относительно къ *добродѣтели*, а *добродѣтель* относительно къ *правосудію*. Итакъ уже извѣстно, что все приписываемое какому-либо высшему роду, должно быть приписано родамъ и видамъ, на низходящей линіи находящимся.

Отсюдажъ слѣдуетъ 2 е, что силлогизмъ состоитъ изъ трехъ предложеній. Въ двухъ первыхъ предложеніяхъ среднїй терминъ сравнивается съ каждымъ изъ терминовъ крайнихъ; въ третьемъ же дѣлается заключенїе, что одинъ изъ крайнихъ терминовъ долженъ быть сказуемымъ другаго; а сїе-то и надлежало доказать.

3 е, Что силлогизмЪ есть умствованїе, посредствомЪ котораго изЪ извѣстныхЪ разсужденїй выводится другое, отЪ первыхЪ отличное.

Различныя соображенїя трехЪ терминовЪ производятЪ различные роды силлогизмовЪ, большею частїю принадлежащихЪ кЪ тому роду, который мы предложили здѣсь за образецЪ.

Разность заключенїй зависитЪ и отЪ того, каковы бываютЪ предложенїя т. е. утвердительныя или отрицательныя, и смотря потому, что онѣ, равно какЪ и термины, бываютЪ болѣе или менѣе общи; и отсюда произошло множество правилЪ, открывающихЪ, при первомЪ воззрѣнїи, справедливость или погрѣшность вЪ умствованїи.

Доказательства и примѣры служатЪ кЪ преклоненїю простаго народа, а силлогизмы кЪ убѣжденїю философовЪ. НѣтЪ ничего убѣдительнѣе, нѣтЪ сильнѣе какЪ заключенїе, выведенное изЪ такихЪ двухЪ истиннЪ, вЪ которыхЪ противникЪ принужденнымЪ былЪ согласиться.

Сїе остроумное составленїе есть не

иное что, какъ разпространенїе дѣйствїй нашего ума. Примѣчено, что всѣ наши разсужденїя, изключая первыя начала, сами собою убѣждающїя въ истиннѣ, суть заключенїя, и основаны на умствованїи, съ удивительною скоростїю въ умѣ нашемъ производящемся. Когда я говорю: *правосудїе естъ навыкъ*, то умственно дѣлаю силлогизмъ, который во всемъ его пространствѣ приведенъ мною выше.

Иногда умалчивается одно изъ предложенїй, которое удобно въ умѣ дополнить можно. Таковый силлогизмъ называется энтимемою, и, при самомъ своемъ несовершенствѣ онъ бываетъ столь же силенъ, какъ и силлогизмъ полный. На примѣръ: *Всякая добродѣтелъ естъ навыкъ; слѣдователъно правосудїе естъ навыкъ;* или: *правосудїе естъ добродѣтелъ; слѣдователъно оно естъ навыкъ.* Я сдѣлалъ бы то же заключенїе, ежели бы сказалъ просто: *правосудїе, будучи добродѣтелїю, естъ навыкъ;* или: *правосудїе естъ навыкъ, потому что всякая добродѣтелъ естъ навыкъ* и проч.

Вотъ еще другой примѣръ, взятый у одного изъ нашихъ стихотворцевъ:

Смертный, не питай ненависти безсмертной.

Желаешь ли обратить изреченіе сіе вЪ силлогизмЪ? то скажи: *никакой смертный не долженъ питать ненависти безсмертной; но ты смертенъ; слѣдовательно* и проч. Хочешь ли сдѣлать изЪ него энтимему? для сего выпусти одно изЪ двухЪ первыхЪ предложеній.

Посему всякое изреченіе, всякое размышленіе, при себѣ ли имѣетЪ оно свое доказательство, или является безЪ сея опоры, есть истинный силлогизмЪ, сЪ тою разностію, что вЪ первомЪ случаѣ доказательство есть терминЪ среднїй, который сближаетЪ или отдаляетЪ сказуемое отЪ подлежащаго, а во второмЪ надлежитЪ замѣнять его чѣмЪ либо другимЪ.

Философы не иначе, какЪ вникая со вниманіемЪ вЪ связь понятій нашихЪ, нашли способЪ содѣлывать ощутительнѣйшими доказательства нашихЪ умствованій, распространять и на статьи раздѣлять неполные силлогизмы, которые мы употребляемЪ непрестанно. Ясно видѣть можно, что успѣхЪ вЪ семЪ дѣлѣ требовалЪ неутомимаго посто-

янства и того наблюдательнаго духа, который хотя и ничего не изобрѣтаетъ, ибо ничего не прибавляетъ къ природѣ, но по крайней мѣрѣ открываетъ въ оной то, чего обыкновенные умы постигнуть не могутъ.

Всякое доказательство есть силлогизмъ; но не всякой силлогизмъ есть доказательство. Онъ тогда только бываетъ доказателенъ, когда основывается на первыхъ началахъ, или на такихъ, кои происходятъ отъ первыхъ; умословнымъ, когда утверждается на мнѣніяхъ, кои каждому человѣку, или по крайней мѣрѣ людямъ просвѣщеннѣйшимъ кажутся быть вѣроятными; спорнымъ или сомнительнымъ, когда заключенія его выводятся изъ такихъ предложеній, кои стараются сдѣлать вѣроятными, и кои въ самомъ дѣлѣ не таковы.

Первый доставляетъ оружіе философамъ, прилѣпляющимся къ истиннѣ; второй діалектикамъ, кои часто принуждены бываютъ заниматься вѣроподобнымъ; третій софистамъ, кои и самою малою наружностію бываютъ довольны.

Послику мы умствуемъ основываясь

чаще на мнѣніяхъ, нежели на извѣстныхъ началахъ, то молодые люди еще съ юныхъ лѣтъ прилѣжно учатся діалектикѣ: такъ называютъ логику, когда она заключенія свои выводитъ только изъ однѣхъ вѣроятностей. Задавая имъ задачи или предложенія, касающіяся до физики, нравственности, логики, приучаютъ ихъ испытывать силы свои надъ разными предметами, разбирать догадки, попремѣнно утверждать мнѣнія, одно другому противоположныя, и входить въ хитрыя уловки лжеумствованія, дабы удобнѣе можно было ихъ узнавать.

Поелику пренія наши часто происходятъ отъ того, что одни, будучи прельщены нѣкоторыми примѣрами, дѣлаютъ понятія съ лишкомъ общими, а другіе, слѣдуя нѣкоторымъ противнымъ примѣрамъ, дѣлаютъ ихъ недовольно общими: первые учатъ, что по частному не должно заключать объ общемъ; вторыежъ, что исключеніе не уничтожаетъ правила.

Иногда о предложеніи разсуждается по вопросамъ и отвѣтамъ. Поелику цѣль сего предложенія клонится къ тому, что бы объяснить сомнѣніе и направить раж-

дающійся разумъ, то рѣшеніе не должно быть ни слишкомъ ясно, ни слишкомъ темно.

Всячески уклоняться должно отъ утвержденія положеній толь невѣроятныхъ, что удобно сдѣлаться могутъ нелѣпыми, и отъ сужденія о такихъ предметахъ, о коихъ сомнѣваться было бы опасно, какъ то: должно ли чествовать боговъ, любить своихъ родителей?

Хотя бы и опасно было, что бы умы такимъ образомъ приобыкшіе къ строгой точности и краткости, не получили къ оной вкуса, а къ оному не присовокупили бы еще склонности къ противорѣчію; однако же не менѣе справедливо и то, что они имѣютъ существеннѣйшую выгоду предъ другими. Въ приобрѣтеніи познаній они бываютъ гораздо склоннѣе къ сомнѣнію, а въ общежитіи къ открытію недостатка въ умствованіи.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ОСЬМАЯ.

Продолженіе о книгохранилищѣ Аѳинянина. Риторика.

Между тѣмъ, какъ ревностно воздвигали зданіе логики, сказалъ мнѣ Эвклидъ, подлѣ онаго сооружалось зданіе риторики, хотя не столь прочное, но гораздо изящнѣе и великолѣпнѣе.

Первое, сказалъ я, могло быть нужно; но не знаю полезно ли другое? Развѣ краснорѣчіе прежде не имѣло своего владычества надъ Греческими народами? развѣ во времена иройскія не оспоривало оно награды у мужества? развѣ не находимъ всѣхъ красотъ въ твореніяхъ Омира, коего надлежитъ почитать первымъ ораторомъ, такъ какъ и первымъ стихотворцемъ? не видимъ ли ихъ въ твореніяхъ мужей отличныхъ дарованій, по слѣдамъ его шествовавшихъ? при толь многихъ примѣрахъ къ чему служитъ толикое множество правилъ? Примѣры сіи, отвѣчалъ Эвклидъ, надлежало выбрать, а симъ-то риторика и занимается. Я возразилъ: не уже ли ошибались въ выборѣ примѣровъ Писистраты, Солоны и тѣ великіе

ораторы, которые въ народныхъ собранїяхъ и въ судилищахъ предавались стремленїю природнаго краснорѣчїя? почто искуствомъ краснорѣчїя замѣнять врожденный даръ слова?

Правилами, отвѣчалъ Эвклидъ, желали только удержать природное дарованїе отъ заблужденій и, обуздавъ оное, принудить его къ соединенїю своихъ силъ. Ты знаешь, что Аристотель, хотя впрочемъ и не одобряетъ ораторскаго искуства, согласенъ однако же, что оно можетъ быть полезно; ты сїе знаешь, а еще сумнѣваешься о пользѣ риторики! ты слыхалъ Демосѳена, а сомнѣваешься, полезна ли сїя наука! Демосѳенъ, отвѣчалъ я, и безъ наставленїя своихъ учителей могъ бы управлять умами! Можетъ быть, Эсхинъ, безъ помощи своихъ наставниковъ не умѣлъ бы выражать мыслей своихъ съ такою прелестїю. Итакъ ты признаешься, спросилъ Эвклидъ, что искуство можетъ дать природному дарованїю прїятнѣйшее образованїе? Я съ таковою же искренностїю признаюсь, что почти въ семъ-то и состоитъ все достоинство риторики.

Потомъ подходя къ полкамъ, сказалъ

мнѣ; вотъ тѣ сочинители, кои предписали намъ правила краснорѣчія, и тѣ, которые оставили намъ образцы онаго. Почти всѣ они жили или въ прошедшемъ, или въ настоящемъ столѣтіи. Къ числу первыхъ принадлежатъ Кораксъ Сиракузскій, Тисій, Ѳразимахъ, Протагоръ, Продикъ, Горгій, Полъ, Ликимній, Алкидамъ, Ѳеодоръ, Эвенъ, Каллипъ и проч. Въ числѣ же вторыхъ, снискавшихъ себѣ достойную славу, суть: Лисій, Антифонъ, Андокидъ, Исей, Каллистратъ, Исократъ; къ симъ послѣднимъ присовокупить должно и тѣхъ, кои въ наше время отличаются, какъ-то Демосѳенъ, Эсхинъ, Иперидъ, Ликургъ и проч.

Я читалъ вашихъ ораторовъ, сказалъ я ему; но еще не знаю твореній вашихъ риторовъ. Въ прежнихъ нашихъ разговорахъ ты увѣдомилъ меня о успѣхахъ и о нынѣшнемъ состояніи вашей словесности въ разныхъ родахъ: могу ли просить, чтобы ты съ таковымъ же снизхожденіемъ далъ мнѣ понятіе о риторикѣ.

Шествіе *основательныхъ наукъ* (sciences exactes) отвѣчалъ мнѣ Эвклидъ, можетъ

быть удобопонятно, потому что какъ онѣ имѣютъ только одинъ путь къ достиженію своей цѣли, то вдругъ видѣть можно обѣ точки, т. е. и ту, отъ которой начинаютъ онѣ свое шествіе, и ту, до которой онѣ достигаютъ. Но съ искуствами, отъ воображенія зависящими, бываетъ совсѣмъ другое. Не возможно, или по крайней мѣрѣ весьма трудно опредѣлить точную мѣру ихъ усиліямъ и ихъ успѣхамъ; ибо вкусъ, который объ нихъ судитъ, бываетъ непостояненъ; предметъ, который они себѣ предполагаютъ, бываетъ часто неопредѣлителенъ, и поприще ихъ раздѣлено на многіе стези, весьма близко одна подлѣ другой лежащія. И въ самомъ дѣлѣ какимъ образомъ можно замѣтить первые шаги дарованія и измѣрить путь генія, когда онъ паритъ по неизмѣримому пространству? какимъ образомъ различить настоящій свѣтъ отъ мнимаго блеска, который его окружаетъ; изъяснить тѣ нѣжныя и легкія пріятности, кои тотчасъ изчезаютъ, какъ скоро станутъ ихъ раздроблять; наконецъ какимъ образомъ опредѣлить цѣну той верховной изящно-

сти, которая составляетЪ совершенство вЪ каждомЪ родѣ? ВЪ удовлетворенiе твоего желанiя, сдѣлаю тебѣ нѣсколько историческихЪ замѣчанiй о риторикѣ; но о семЪ предметѣ, весьма удобно принимающемЪ на себя прикрасы, я сообщу тебѣ немногiя извѣстiя и нѣкоторыя довольно общiя понятiя.

Писатели наши, вЪ продолженiе многихЪ столѣтiй, употребляли только языкЪ стихотворческiй. Проза казалась имЪ рѣчiю весьма простою и неудобною удовлетворить всѣмЪ нуждамЪ разума или лучше сказать воображенiя; ибо кЪ усовершенiю сей способности прилагаемо было наибольшее старанiе. ФилософЪ ФерекидЪ изЪ Сироса и бытописатель КадмЪ Милетскiй начали, назадЪ тому около двухЪ столѣтiй, выходить за предѣлы строгихЪ законовЪ, стѣснявшихЪ образЪ выраженiя мыслей. Хотя они открыли новый и легчайшiй путь, однакожЪ столь трудно было оставить прежнiй, что СолонЪ долженЪ былЪ преложить законы свои вЪ стихи; а философы ЭмпедоклЪ и ПарменидЪ украсили правила своего ученiя прелестями поэзiи.

Употребленіе прозы въ началѣ умножило только число историковъ. Множество писателей издали въ свѣтъ лѣтописи различныхъ народовъ; и въ слогѣ ихъ есть такія погрѣшности, которыя перемѣна, произшедшая въ нашемъ вкусѣ, сдѣлала весьма ощутительными. Онъ чистъ и краток, но совсѣмъ лишенъ приятности и согласія. Краткія рѣченія полагаются въ немъ однѣ за другими, безъ связи; и око устаетъ за ними слѣдовать, ибо тщетно ищетъ сопрягающаго ихъ союза. Иногда, а особливо у первыхъ историковъ, изобилуютъ они стихотворческими оборотами, или, лучше сказать, представляютъ отрывки стиховъ, искажающихъ мѣру. Во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ примѣтно, что писатели имѣли образцемъ своимъ только стихотворцевъ, и что какъ для усовершенія слога прозаическаго, такъ и для открытія правилъ риторики требовалось довольное время.

Первые опыты въ семъ искуствѣ учинены были въ Сициліи. Около ста лѣтъ спустя по смерти Кадмовой, нѣкто Сиракузянинъ, по имени Кораксъ, собралъ уче-

никовъ, и сочинилъ правила риторики, еще донынѣ уважаемыя, хотя по его мнѣнію, все таинство краснорѣчія состоитъ въ обманчивомъ исчисленіи нѣкоторыхъ имовѣрностей. Приведемъ здѣсь примѣръ, какъ онъ употребляетъ краснорѣчіе: человѣкъ, впадшій въ сильное подозрѣніе, что онъ побилъ другаго, призывается къ суду; онъ или слабѣе, или сильнѣе своего обвинителя. Какъ можно предположить, говоритъ Кораксъ, чтобы въ первомъ случаѣ былъ онъ виновенъ, а во второмъ захотѣлъ бы таковымъ казаться? вотъ, кромѣ многихъ другихъ, средства краснорѣчія, имъ употребляемыя. Тизій, воспитанникъ Коракса, распространилъ оныя въ сочиненіи, которое до сихъ поръ соблюдается, а употреблялъ ихъ, когда хотѣлъ обмануть своего господина, который долженъ былъ ему давать денежную плату.

Подобныя уловки вкрались и въ логику, которой основанія начинали уже приводить въ порядокъ; и изъ искуства мыслить пришли онѣ нечувствительно въ искуство говорить. Въ семъ послѣднемъ примѣтны уже были: вкусъ къ лжеумство-

ванїю и духъ противорѣчїя, царствовавшїе въ устраненїяхъ отъ прямаго пути перваго искусства.

Протагоръ, ученикъ Демокритовъ, во время пребыванїя своего въ Сицилїи былъ очевидцемъ славы, приобрѣтенной Кораксомъ. Дотолѣ отличался онъ глубокими изысканїями о природѣ существъ, а вскорѣ потомъ прославился сочиненїями о грамматикѣ и о различныхъ частяхъ ораторскаго искуства. Ему приписываютъ собранїе во едино тѣхъ всеобщихъ предложенїй, которыя называются *общими мѣстами*, и кои употребляетъ ораторъ, или для умноженїя своихъ доказательствъ, или для удобнѣйшаго разсужденїя о различныхъ предметахъ.

Сїи мѣста, хотя ихъ весьма много, могутъ быть заключены въ небольшомъ числѣ статей. На примѣръ разсматривается какое либо дѣйствїе относительно къ причинѣ, къ слѣдствїю, къ обстоятельствамъ, къ лицамъ и проч. и изъ сихъ отношенїй раждаются отдѣлы правилъ и предложенїй противуположныхъ, сопровождаемыхъ своими доказательствами, и кои почти всѣ пред-

ложены въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, въ сочиненїяхъ Протагора и другихъ риторовъ, кои продолжали начатый имъ трудъ.

По начертанїи правилъ, какъ сочинять вступленїе, располагать повѣствованїе и возбуждать страсти въ судьяхъ, распространили владычество краснорѣчїя, которому дотолѣ служили предѣлами народная площадь и судебныя мѣста. Учинясь соперникомъ стихотворству, начало оно прославлять боговъ, ироевъ и гражданъ, погибшихъ въ сраженїи. Потомъ Исократъ сочинялъ похвальныя слова частнымъ знаменитымъ особамъ. Съ тѣхъ поръ хвалили безъ различїя людей, какъ полезныхъ, такъ и безполезныхъ своему отечеству; ѳимїамъ курился со всѣхъ сторонъ, и наконецъ, какъ бы согласились въ томъ, что ни хула ни похвала не должны имѣть предѣловъ.

Сїи различныя попытки продолжались едва одно столѣтїе, и въ то же самое время не менѣе старались образовать слогъ. Не токмо соблюли въ немъ богатство, отъ самаго его начала, имъ у стихотворства заимствованное, но старались еще о умноженїи онаго; ежедневно украшали его

новыми красками и пріятнѣйшимъ благозву-
чіемъ. Сіи, такъ сказать блестящіе припасы, бросаемы были прежде однѣ подлѣ другихъ безъ всякаго порядка, подобно грудѣ камней, собранныхъ для построенія зданія; внутреннее побужденіе и чувствованіе потщились ихъ разобрать, и расположить порядочно. Вмѣсто отрывочныхъ рѣченій, которыя, не имѣя силы и подпоры, падали при каждомъ словѣ, собраніе отборныхъ выраженій, соединясь между собою, составили такое цѣлое, коего части поддерживались взаимно и безъ труда. Самый нѣжный слухъ восхищался благозвучною прозою; и самыя правомыслящіе умы плѣнялись, видя какъ величественно объяснялась какая либо мысль въ одномъ періодѣ.

Сей счастливый образъ писанія, открытый достойными уваженія риторами, каковы суть Горгій, Алкидамъ и Ѳразимахъ, усовершенъ былъ Исократомъ, ученикомъ послѣдняго. Тогда начали располагать періоды слова почти на равныя разстоянія; члены оныхъ связаны были между собою, или другъ отъ друга отличались, помѣщаемыми между оныхъ словами или

мыслями; самыя слова, частыми изворотами, казались извивающимися въ опредѣленномъ для нихъ пространствѣ, такимъ однако же образомъ, что внимательный умъ по самому началу рѣченїя усматривалъ и конецъ онаго. Сїе искуство, къ стати употребляемое, было для нихъ источникомъ удовольствїй; но когда употребляли его слишкомъ часто, то оное толь великую наводило скуку, что въ собранїяхъ нашихъ слушатели иногда перебивали рѣчь и сами оканчивали длинной перїодъ, недожидаясь оратора.

Когда многократныя усилїя учинили словоизраженїе обильнымъ, плавнымъ, благозвучнымъ, свойственнымъ для всѣхъ предметовъ, способнымъ къ возбужденїю всѣхъ страстей, то между Греками извѣстны стали три рода слоговъ; 1. слогъ стихотворства, т. е. благородный и величественный; 2. слогъ разговорный, т. е. простый и умѣренный; и 3. слогъ возвышенной прозы, который имѣлъ въ себѣ нѣчто отъ перваго и втораго, смотря по свойству описываемаго предмета.

Ораторовъ такъ же раздѣляли на два рода; одни изъ нихъ посвящали

краснорѣчїе на просвѣщенїе народа во время собраній, каковъ былъ Периклъ; на защищенїе правъ частныхъ людей въ судѣ, какъ-то Антифонъ и Лизій; на украшенїе философїи блестящими красками стихотворства, какъ Демокритъ и Платонъ; а иные, упражняясь въ риторикѣ, по побужденїю самаго низкаго корыстолюбїя, или по суетному самолюбїю, произносили всенародно рѣчи о свойствѣ правленїя и законовъ, о нравахъ, наукахъ и художествахъ, исполненныя величественныхъ выраженій, но въ которыхъ мысли помрачены были многословїемъ.

Большая часть сихъ послѣднихъ, извѣстныхъ подъ названїемъ софистовъ, распространились по всей Грецїи. Они бродили изъ города въ городъ; вездѣ были принимаемы; за ними вездѣ слѣдовала толпа учениковъ, которые, желая достигнуть первыхъ степеней посредствомъ краснорѣчїя, дорого имъ платили за наставленїя, и запасалися общими понятїями, или общими мѣстами, о которыхъ говорилъ я тебѣ выше.

Сочиненїя ихъ, мною собранныя, пи-

саны съ толикою правильностію и изящесшвомъ, наполнены шакимъ множесшвомъ красотъ, что самъ чишатель невольно ощущаетъ бремя тѣхъ усилій, какихъ стоили онѣ сочинителямъ. Правда, что иногда онѣ плѣняютъ, но никогда не трогаютъ сердца; ибо мѣсто истинны занимаетъ только имовѣрность, а жаръ воображенія видѣнъ въ нихъ вмѣсто огня души.

Риторику почитаютъ они то орудіемъ для убѣжденія, коего употребленіемъ руководствуетъ болѣе умъ, нежели чувствіе, то родомъ тактики, коея предметъ состоитъ въ томъ, чтобы собрать множество словъ, столпить ихъ во едино, распространить, поддержать однѣ другими, и потомъ гордо повести противъ неприятеля. Они имѣютъ свои хитрости и запасное войско; но главное ихъ прибѣжище состоитъ въ шумѣ и блескѣ оружія.

Сей блескъ наипаче сіяетъ въ похвальныхъ словахъ или панигирикахъ Ираклу и полубогамъ. Сіи-то предметы избираютъ они преимущественно предъ другими; и безмѣрная страсть хвалить возрасла до того, что простирается даже и на су-

щества неодушевленныя. У меня есть книга, подъ названіемъ: *Похвала соли*; все обиліе воображенія истощено, для увеличенія пользы, приносимой ею смертнымъ.

Большая часть сихъ сочиненій столь несносны, что возбуждаютъ даже негодованіе, когда сочинители внушаютъ, или стараются показать, что ораторъ долженъ умѣть содѣлать торжествующими какъ преступленіе такъ и невинность, какъ ложь такъ и истинну.

Таковыя сочиненія бываютъ несносны до отвращенія, когда писатели основываютъ разсужденія свои на тонкостяхъ діалектики. Самые лучшіе умы, для испытанія силъ своихъ, охотно пускались въ сіи хитрые извороты. Ксанѳиппъ, сынъ Перикловъ, часто разсказывалъ, что когда во время отправленія нѣкоторыхъ игръ безъ намѣренія пущенная стрѣла убила лошадь, то отецъ его и Протагоръ провели цѣлый день въ изыскиваніи причины сего приключенія: стрѣла ли? рука ли, которая ее пустила? или разпорядители игръ были тому причиною?

Слѣдующій примѣръ покажетъ тебѣ,

до какого изступленія доводило прежде хитрое краснорѣчіе. Во время войны Пелопонисской пріѣхалъ въ нашъ городъ одинъ Сициліянинъ, который обратилъ на себя удивленіе всей Греціи; то былъ Горгій, котораго прислали къ намъ Леонтійцы, его соотечественники для испрошенія у насъ помощи. Онъ явился на ораторскомъ мѣстѣ, и произнесъ слово, наполненное фигурами самыми смѣлыми, выраженіями самыми пышными. Сіи пустыя украшенія размѣщены были по періодамъ то одинаковой мѣры, то одинакаго паденія слова; и когда онъ разсыпалъ ихъ предъ простымъ народомъ, то блескъ ихъ былъ столь силенъ, что ослѣпленные онымъ Аѳиняне дали помощь Леонтинцамъ, принудили ритора у насъ поселиться, и начали наперерывъ учиться у него риторикѣ. Его осыпали похвалами, когда онъ произнесъ похвальное слово гражданамъ, умершимъ за отечество; когда вошедъ на ѳеатръ объявилъ, что онъ готовъ говорить о всякомъ предметѣ; когда во время народныхъ игръ говорилъ онъ рѣчь, имѣя цѣлію возбудить противу варваровъ различные народы Греціи.

Въ другой разъ Греки, собравшїеся на Пиѳическїя игры, назначили воздвигнуть ему истуканъ, который и поставили во храмѣ Аполлоновомъ. Гораздо лестнѣйшїй успѣхъ увѣнчалъ дарованїя его въ Ѳессалїи. Народы сей области ничего еще не знали, кромѣ искуства укрощать коня, или обогащаться торговлею: Горгїй явился между ими, и вскорѣ начали они стараться отличать себя качествами ума.

Горгїй прїобрѣлъ имѣнїе равное своей славѣ; но перемѣна, которую онъ учинилъ въ умахъ, была только преходящее упоенїе. Будучи холоднымъ писателемъ, и стремясь къ высокому такими путями, кои его отъ онаго удаляли, употреблялъ онъ великолѣпныя выраженїя, которыя не рѣдко служили только доказательствомъ, сколь скуденъ онъ былъ въ своихъ мысляхъ. Не смотря на то, онъ распространилъ предѣлы искуства; и самыя его погрѣшности послужили наставленїемъ.

Эвклидъ, показывая мнѣ многїя рѣчи, Горгїемъ сочиненныя, и разныя творенїя учениковъ его: Поля, Ликимнїя, Алкидама и проч. сказалъ: я не столько ува-

жаю пышную наружность ихъ твореній, какъ благородное и простое краснорѣчіе, коими отличаются творенія Продика Кіоскаго. Основательные умы находятъ великую пріятность въ семъ писателѣ. Онъ почти всегда избираетъ выраженія свойственныя, и открываетъ весьма тонкія отличія въ словахъ, которыя кажутся одинозначущими.

Это правда, сказалъ я ему, но онъ каждое слово взвѣшиваетъ съ крайнею и самою скучною точностію. Помнишь ли ты, что онъ сказалъ однажды Сократу и Протагору, коихъ мнѣніе хотѣлъ согласить между собою? Вамъ должно между собою *разсуждать*, а не *спорить*; ибо *разсуждаютъ* съ друзьями, а *спорятъ* съ *неприятелями*. Симъ заслужите вы наше *уваженіе*, а не *похвалу*, ибо *уваженіе* бываетъ въ сердцѣ, а *хвала* иногда только на устахъ. А мы ощутимъ *удовольствіе*, но не *пріятность*; ибо *удовольствіе* свойственно уму, желающему просвѣтиться, а *пріятность* относится къ чувствамъ, которыя любятъ наслаждаться.

Ежели бы Продикъ такимъ образомъ выражалъ свои мысли, сказалъ мнѣ Эвклидъ,

кто бы могъ имѣть терпѣніе его слушать, или читать его сочиненія? Прочти нѣсколько его сочиненія, и ты удивишься мудрости его, и приятности слога. Онъ заимствовалъ у Платона тотъ отвѣтъ, который ты привелъ выше. Равнымъ образомъ забавлялся онъ на счетъ Протагора, Горгія и самыхъ знаменитыхъ риторовъ своего времени. Въ разговорахъ, имъ сочиненныхъ, заставлялъ онъ ихъ спорить съ своимъ учителемъ; и изъ мнимыхъ сихъ разглагольствій выводилъ довольно смѣшныя явленія.

Развѣ Платонъ, сказалъ я, не вѣрно предалъ намъ разговоры Сократа? Конечно такъ, отвѣчалъ онъ, и даже кажется мнѣ, что бо́льшая часть сихъ разговоровъ выдуманы. — По чемужъ не роптали на таковую выдумку? — Федонъ, прочитавъ разговоръ названный его именемъ, объявилъ, что онъ не узнаетъ себя по словамъ, которыя влагаетъ ему въ уста Платонъ. Горгій говоритъ то же, читая разговоръ свой; онъ присовокупилъ только, что молодой писатель великое имѣетъ дарованіе къ сатирѣ, и вскорѣ замѣнитъ

стихотворца Архилоха. — Ты по крайней мѣрѣ согласишься, что лица, имъ описываемыя, вообще довольно схожи. — Какъ о Периклѣ и Сократѣ никто не судитъ по комедіямъ Аристофановымъ, такъ равномѣрно не льзя судить и о трехъ софистахъ, о которыхъ я говорилъ, по Платоновымъ разговорамъ.

Онъ по справедливости оспоривалъ ихъ правила; но долженъ ли былъ представлять ихъ людьми безъ всякихъ понятій, безъ просвѣщенія, не умѣющихъ разсуждать, готовыми безпрестанно впадать въ явныя сѣти, и почитать произведенія ихъ заслуживающими одно презрѣніе? Безъ отличныхъ дарованій, не могли бы они быть столь опасными. Я не утверждаю, чтобы онъ завидовалъ ихъ славѣ, въ чемъ можетъ быть со временемъ, нѣкоторые подозрѣвать его будутъ; но кажется, что въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, онъ слишкомъ любилъ вымыслы и шутки.

Какъ бы то ни было, злоупотребленія, введенныя въ его время въ краснорѣчіе, были причиною, что между философіею и риторикою, которыя до того занимались

однимъ предметомъ и однимъ именемъ назывались, произошелъ родъ развода, до нынѣ существующаго, и который часто лишалъ ихъ пособія, каковые одна могла подавать другой. Первая упрекаетъ вторую, иногда даже съ презрѣніемъ, что она присвоила себѣ ея права, осмѣливаясь входить въ подробное разсужденіе о вѣрѣ, о политикѣ, о нравоученіи, не зная началъ оныхъ. Но философіи можно отвѣтствовать, что поелику она не можетъ сама собою рѣшить нашихъ несогласій, высокостію своихъ догматовъ и точностію выраженій, то должно позволить своей сопернинцѣ, толковать оныя, украшать себя ея прелестями и чрезъ сіе насъ короче съ собою познакомить. Сіе-то произвели въ дѣйство, въ послѣднее время, тѣ ораторы, которые пользуясь успѣхами и благосклонностію той и другой, посвятили дарованія свои общественной пользѣ.

Перикла почитаю я ихъ главою; наставленіямъ риторовъ и философовъ обязанъ онъ былъ тѣмъ порядкомъ и тѣми познаніями, которыя съ помощію отмѣннаго ума, довели искуство ораторское почти до

совершенства. Алкивїадъ, Критїй, Ѳераменъ шли по его слѣдамъ. Подражатели сихъ послѣднихъ не только съ ними сравнились, но даже превзошли ихъ; и можно утвердительно сказать, что вкусъ истиннаго краснорѣчїя, нынѣ во всѣхъ уже родахъ опредѣленъ по приличїю.

Ты знаешь всѣхъ отличныхъ писателей нашего времени, и можешь ихъ цѣнить. Поелику я судилъ объ нихъ по одному моему чувствованїю, сказалъ я: то желалъ бы знать, оправдаютъ ли правила то впечатлѣнїе, каковое они надо мною произвели. Сїи правила, плоды долговременной опытности, составлены по творенїямъ и успѣхамъ великихъ стихотворцевъ и первыхъ риторовъ.

Владычество искуства сего весьма обширно. Оно оказываетъ дѣйствїе свое во всеобщихъ собранїяхъ, въ коихъ разсуждается о народной пользѣ; въ судилищахъ, гдѣ судятъ о дѣлахъ частныхъ людей; въ рѣчахъ, кои говорятъ къ народу, и въ которыхъ должно изобразить порокъ и добродѣтель въ настоящемъ ихъ видѣ; наконецъ во всѣхъ случаяхъ, когда должно

наставить человѣковъ. Отъ сего происходятъ три рода краснорѣчїя: разбирательное, судебное и доказательное. Ускорить или остановить рѣшенїе народное, защитить невиннаго, и преслѣдовать виновнаго, хвалить добродѣтель и порицать порокъ, суть священнѣйшїя должности оратора. Какъ же исполнить ихъ? убѣжденїемъ. Какъ произвести сїе убѣжденїе? къ сему потребна глубокая ученость, говорятъ философы; для сего нужно пособїе правилъ, говорятъ риторы.

По мнѣнїю первыхъ, достоинство риторики не состоитъ въ одной удачной связи вступленїя, повѣствованїя и другихъ частей слова, ни въ искуствѣ слога, голоса и тѣлодвиженїй, коими желаемъ мы обольстить народъ развращенный. Всѣ сїи средства суть токмо пособїя, иногда нужныя, и почти всегда опасныя. Чего требуемъ мы отъ оратора? мы желаемъ, чтобы къ естественнымъ способностямъ присовокуплялъ онъ науку и глубокое размышленїе.

Естьли природа назначаетъ тебя къ званїю ритора; то помедли, пока философїя тихими стопами приведетъ тебя къ оному;

пока докажетъ она тебѣ, что искуство слова, будучи обязано прежде *убѣдить, нежели удостовѣрить*, должно получить наибольшую силу отъ искуства разсуждать; пока не научитъ тебя напередъ какъ приобрѣтать однѣ только справедливыя понятія, выражать ихъ ясно, усматривать всѣ отношенія и противуположности предметовъ, оными представляемыхъ; какъ должно познавать самому, такъ и показать другимъ всякую вещь въ настоящемъ ея видѣ. Продолжая таковое дѣйствіе надъ тобою, она преисполнитъ тебя познаніями, нужными человѣку государственному, судьѣ безкорыстному, наилучшему гражданину; подъ ея руководствомъ познаешь разныя образы правленій и законы, пользу народовъ, свойство человѣка, и многообразныя дѣйствія его страстей.

Но наука сія, приобрѣтаемая долговременнымъ трудомъ, легко испровергнется отъ прилипчиваго яда всеобщаго мнѣнія, ежели ты не станешь поддерживать оную не только совершенною честностію и величайшимъ благоразуміемъ, но еще пламенною ревностію къ правосудію,

и глубочайшимъ почтенїемъ къ богамъ, свидѣтелямъ не только словъ, но и намѣренїй твоихъ.

Тогда слово твое, содѣлавшись орудїемъ истинны, получитъ простоту, силу, жаръ, и почтенїя достойную важность, свойство ея составляющую; оно менѣе заимствовать будетъ украшенїя отъ твоего краснорѣчїя, нежели отъ твоихъ добродѣтелей; тогда всѣ стрѣлы твои достигнутъ цѣли, ибо всякой будетъ увѣренъ, что онѣ пущены рукою, которая никогда не соплетала сѣтей коварства.

Тогда токмо получишь ты право вѣщать намъ всенародно о томъ, что истинно полезно; въ судилищѣ о томъ, что истинно справедливо; въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти великихъ мужей, или торжеству нравовъ, о томъ, что истинно честно.

Мы уже видѣли, какъ мыслятъ философы о риторикѣ; теперь надлежало бы разсмотрѣть цѣль, коея желаютъ достигнуть риторы, и правила ими намъ предписанныя. Но Аристотель вознамѣрился собрать ихъ въ единое сочиненїе, которое

всеконечно не уступитъ въ превосходствѣ прочимъ его творенїямъ.

Предшествовавшїе ему писатели иногда довольствовались разумнымъ расположенїемъ частей слова, не стараясь о подкрѣпленїи оныхъ убѣдительными доказательствами; иногда собирали они общїя начала, или общїя мѣста; иногда же думали только о томъ, чтобъ оставить намъ нѣкоторыя правила относительно слога, или средствъ, какъ возбудить страсти; иногда старались они умножить хитрости, дабы дать восторжествовать имовѣрному надъ истинною, и неправдѣ надъ справедливостїю. Всѣ они не брегли о существенныхъ частяхъ, какъ напримѣръ о томъ, чтобы показать, какимъ образомъ говорящїй рѣчь долженъ управлять дѣйствованїемъ и голосомъ; всѣ они думали о томъ, какъ бы образовать стряпчаго, не говоря ни слова, каковъ долженъ быть всенародный ораторъ. Удивляюсь тому, сказалъ я, ибо должность послѣдняго полезнѣе, благороднѣе и труднѣе должностей перваго. Всеконечно было у нихъ въ мысляхъ, отвѣчалъ Эвклидъ, что въ такомъ собранїи,

вѣ коемѣ всѣ граждане побуждаются одинаковою пользою, краснорѣчїе довольствоваться должно предложенїемѣ событїй, и подаванїемѣ спасительныхѣ совѣтовѣ; и что всѣ ухищренїя и уловки риторики нужны только тогда, когда надлежитѣ возбудить страсти вѣ судїяхѣ чуждыхѣ и не принимающихѣ участїя вѣ дѣлѣ, о которомѣ разсуждается вѣ судилищѣ.

Вѣ творенїи Аристотелевомѣ мнѣнїя сихѣ писателей будутѣ исправлены, не рѣдко опровергаемы, почти всегда сопровождаемы ясными толкованїями. Ты самѣ оное читать будешь, и посему почитаю излишнимѣ болѣе о семѣ распространяться.

Я просилѣ Эвклида продолжать, а онѣ едва отвѣчалѣ на мои вопросы. Принимаютѣ ли риторы правила философовѣ? — Они часто отѣ оныхѣ удаляются, а наипаче когда предпочитаютѣ вѣроятное самой истиннѣ.—Какое качество есть самое первое вѣ ораторѣ?—Быть изящнымѣ логикомѣ.— Вѣ чемѣ состоитѣ первая его должность?— вѣ показанїи существуетѣ ли вещь, или нѣтѣ. —На что долженствуетѣ онѣ всего болѣе обращать свое вниманїе? — на открытїе вѣ каждомѣ предметѣ средствѣ, способныхѣ

произвесть убѣжденіе. — На сколько частей раздѣляется слово? — Риторы принимаютъ не малое число оныхъ, но главнѣйшія суть четыре, вступленіе, предложеніе самаго дѣла, доказательство и заключеніе; даже можно обойтись безъ первой и послѣдней. Я хотѣлъ продолжать; но Эвклидъ просилъ меня остановиться, сдѣлавъ только нѣкоторыя примѣчанія о выраженіи.

Сколь ни богатъ Греческій языкъ, сказалъ я, вы должны были замѣтить, что выраженіе не всегда соотвѣтствуетъ сопрягаемому съ онымъ понятію. Всеконечно, сказалъ онъ, но мы имѣемъ равное право съ первыми образователями языковъ: намъ позволено вводить новое слово, сочинивъ оное вновь, или произведя отъ слова уже извѣстнаго. Иногда прибавляемъ смыслъ иносказательный къ буквальному смыслу какого-либо выраженія, употребленіемъ утвержденнаго, или соединяемъ два слова, для составленія третьяго; но послѣдняя сія вольность предоставляется однимъ поэтамъ, особливо тѣмъ, кои сочиняютъ диѳирамбы. Что касается до другихъ новостей, ихъ над-

лежитъ употреблять воздержно, и они тогда только бываютъ приняты всенародно, когда сообразны со свойствомъ языка.

Красота какого-либо выраженія зависитъ отъ звука, онымъ производимаго, и отъ смысла, который въ немъ содержится; должно отметать всякое такое выраженіе, которое противно нравственности, или несогласно со всеобщимъ вкусомъ. Нѣкто изъ вашихъ писателей, сказалъ я, никакого не допускаетъ различія между знаками, коими изображаемъ мы свои мысли, утверждая, что какъ бы понятіе выражено ни было, оное всегда производитъ то же самое дѣйствіе. Онъ ошибается, отвѣчалъ Эвклидъ: изъ двухъ словъ, которыя вы по соизволенію своему употребишь можете, одно пристойнѣе, ибо одно только указываетъ на предметъ, а другое представляетъ оный очамъ.

Мы имѣемъ слова собственныя, и слова инознаменательныя, имѣемъ также слова простыя и сложныя, своеземныя и иностранныя; есть такія, кои благороднѣе или приятнѣе другихъ, ибо возбуждаютъ въ насъ понятія самыя возвышенныя или при-

ятнѣйшія, другія наконецъ такъ низки и ушамъ противны, что надлежитъ изгнать оныя изъ прозы и стиховъ.

Изъ различнаго ихъ соединенія составляются періоды, изъ коихъ одни суть одночленные, другіе могутъ имѣть до четырехъ членовъ, но не болѣе.

Рѣчь твоя не должна состоять изъ соплетенія періодовъ полныхъ и соразмѣрныхъ, каковы у Горгія и Исократа; ниже изъ сцѣпленія рѣченій краткихъ и отрывистыхъ, каковыя употребляемы были древними. Первые обременяютъ разумъ, а другіе несносны уху. Перемѣняй безпрестанно мѣру періодовъ, тогда слогъ будетъ показывать и искуство и простоту; онъ будетъ даже величественъ, ежели послѣдній членъ періода будетъ пространнѣе первыхъ, и естьли окончится онъ такими длинными слогами, на которыхъ голосъ, при окончаніи какъ бы отдыхаетъ.

Пристойность и ясность суть два главнѣйшія качества искуства въ выраженіи.

1. *Пристойность.* Уже давно признано, что изображать важныя понятія низ-

кими словами, а мало значущія словами пышными, есть то же, что облекать въ рубища владыкъ міра, или покрывать багряницею человѣка самаго низкаго состоянія. И то было признано истинною, что душа имѣетъ различныя способы изражать себя, смотря по тому, въ покоѣ ли находится она, или въ движеніи; что старикъ не такъ говоритъ какъ молодой человѣкъ, а сельской житель не такъ какъ городской. Изъ сего слѣдуетъ, что способъ выражать мысли долженъ различествовать по свойству того, кто говоритъ, и тѣхъ, о комъ онъ говоритъ; по разности предметовъ, о коихъ разсуждаетъ, и обстоятельствъ, въ которыхъ находится. Изъ сего слѣдуетъ и то, что слогъ стихотворный, витійственный, историческій и разговорный существенно отличаются одинъ отъ другаго, и даже въ каждомъ изъ сихъ родѣ, нравы и дарованія сочинителя оказываются въ выраженіяхъ его съ ощутительною разностію.

2. *Ясность.* Ораторъ, писатель долженъ быть изученъ совершенно своему языку. Кто не брежетъ о правилахъ граммати-

ческихъ, того весьма трудно иногда понимать. Употреблять слова двусмысленныя, или околичности не нужныя; не у мѣста ставить союзы, соединяющїе члены перїода; сливать единственное со множественнымъ; ни мало не уважать различїя установленнаго въ наши времена между именами мужескими и женскими; означать однимъ и тѣмъ же словомъ впечатлѣнїя, которыя получаются двумя какими-нибудь изъ нашихъ чувствъ, на прим: прилагать глаголъ *видѣть* къ предметамъ, подлежащимъ и зрѣнїю и слуху; разставлять наудачу, какъ-то дѣлалъ Гераклитъ, слова въ перїодѣ такъ, чтобъ читатель не могъ угадать, на какихъ мѣстахъ у писателя должны быть знаки препинанїя: всѣ сїи недостатки дѣлаютъ слогъ темнымъ. Сїя темнота въ слогѣ умножится, когда излишнїя украшенїя и длинные перїоды приводятъ въ замѣшательство вниманїе читателя, и не даютъ ему, такъ сказать, отдохнуть; когда теченїе слова такъ быстро, что читатель не успѣетъ постигнуть мысли сочинителя, такъ какъ взоры зрителей не могутъ слѣдовать за бѣгающими на поприщѣ.

Ничто не споспѣшествуетъ столько ясности, какъ выраженія общеупотребительныя; но ежели оныя всегда употреблять въ одномъ только обыкновенномъ смыслѣ, въ какомъ онѣ приняты, то слогъ будетъ простъ и низокъ; оный возвышенъ быть можетъ новыми оборотами и выраженіями инознаменительными.

Проза должна управлять шествіемъ своимъ, по размѣру, который бы легко чувствовать было можно, но воздерживаться отъ мѣры приличной стихотворству. Большая часть писателей изгнали изъ нея стихи, и сіе изгнаніе основано на такомъ правилѣ, которое безпрестанно надлежитъ имѣть въ памяти: то есть, что искуство должно скрываться, а писатель, желающій меня подвигнуть или убѣдить, не долженъ напередъ того показывать. Стихи, смѣшанные съ прозою, доказываютъ принужденность и хвастовство. Какъ! сказалъ я, ежели нѣсколько стиховъ стекло съ пера твоего въ то время, когда ты съ жаромъ занимаешься сочиненіемъ, не уже ли должно ихъ бросить, и тѣмъ ослабить мысли? Ежели какое выраженіе только

кажется стихомъ, отвѣтствовалъ Эвклидъ, то надлежитъ употребить его, ибо слогъ симъ украшается; а естьли то будетъ стихъ правильный, то надлежитъ раздробить его, и части онаго разсѣять по перїоду, который отъ сего дѣлается звучнѣе и слуху приятнѣе. Многїе писатели, да и самый Исократъ, подвергли себя порицанїю за пренебреженїе такой осторожности.

Гликерїя, сплетая вѣнокъ, не столько занимается приличными подборами цвѣтовъ, сколько писатель, имѣющїй нѣжный слухъ согласїемъ звуковъ. Здѣсь правила умножаются. Я умолчу объ оныхъ, но при семъ раждается вопросъ, о которомъ часто спорили въ моемъ присутствїи. Можно ли поставить сряду два слова, изъ которыхъ одно кончится, а другое начинается тою же самою гласною буквою? Исократъ и его ученикъ сколько возможно стараются избѣгать сего слїянїя словъ; Димосѳенъ не всегда; Ѳукидидъ и Платонъ рѣдко; критики оное запрещаютъ весьма строго; иные ограничиваютъ сей законъ, и утверждаютъ, что соверш нное сего запрещенїе нарушило бы иногда и важность рѣчи.

Мнѣ случалось слышать, сказалъ я тогда, о различныхъ родахъ слога, какъ то о благородномъ, важномъ, простомъ, приятномъ и проч. Пусть риторы, отвѣчалъ Эвклидъ, стараются описывать различныя ихъ свойства. Я всѣ сіи роды означилъ двумя словами: естьли рѣчь ясна и прилична, то въ оной найдется точная соразмѣрность между словами, мыслями и описуемымъ предметомъ. Болѣе требовать ничего не должно. Вникни въ сіе правило, и тогда не будешь удивляться нижеслѣдующимъ мнѣніямъ.

Судебное краснорѣчіе совершенно различествуетъ отъ того, которое употребляется въ рѣчахъ, говоримыхъ предъ народомъ. Оратору прощаются небреженіе и повторенія, которыя ставятся въ порокъ писателю. Рѣчь, сопровождаемая рукоплесканіями въ общенародномъ собраніи несносна была бы при чтеніи, ибо дѣйствіе составляло бы всю ея цѣну; другая рѣчь, написанная съ великимъ раченіемъ, не понравилась бы народу, естьли произнося ее не можно прилично дѣйствовать. Рѣчь, въ которой ораторъ старается ослѣ-

пить насъ великолѣпіемъ, становится весьма холодною, когда нѣтъ въ ней сладкогласія, и когда сочинитель слишкомъ старается показать свое искуство, и, говоря словами Софокла, когда онъ безмерно надуваетъ свои щеки, сбираясь играть на малой свирѣли. Слогъ нѣкоторыхъ ораторовъ несносенъ отъ множества стиховъ и сложныхъ словъ, занятыхъ ими изъ стихотворства. Съ другой стороны Алхидамъ отвращаетъ насъ отъ себя излишнимъ употребленіемъ пустыхъ прилагательныхъ, а Горгій темнотою своихъ инорѣченій, весьма издалека взятыхъ. Бóльшая часть иперболъ производятъ въ душахъ нашихъ чрезвычайное охладѣніе. Посмѣянія достойны писатели, почитающіе за одно слогъ принужденный со слогомъ сильнымъ, и которые рвутся изо всей мочи, для изобрѣтенія острыхъ выраженій. Одинъ изъ таковыхъ писателей говоря о горѣ, которую Полифемъ бросилъ въ корабль Улиссовъ, сказалъ: „Козлы спокойно паслись на сей горѣ, между тѣмъ какъ она разсѣкала воздухъ.„

Мнѣ часто случалось замѣчать, ска-

залъ я, какимъ образомъ употребляются во зло риторическія фигуры; и можетъ статься ихъ совсѣмъ бы надлежало изгнать изъ прозы, что и дѣлаютъ нѣкоторые новѣйшіе писатели. Свойственныя излагаемому предмету слова, сказалъ Эвклидъ, составляютъ языкъ разсудка; выраженія иносказательныя означаютъ языкъ страсти. Разумъ можетъ изобразить картину, а остроуміе разсѣять по ней нѣкоторыя легкія украшенія; одна только страсть можетъ сообщить ей движеніе и жизнь. Душа, желающая заставить насъ равно съ нею чувствовать, должна призвать на помощь всю природу, и составить для себя новый языкъ. Открывая между предметами, насъ окружающими, сходства или несходства, она быстро собираетъ фигуры, изъ коихъ главнѣйшія составляютъ только одну, которую называю я подобіемъ. Когда я скажу, *Ахиллъ бросается какъ левъ*, тогда дѣлаю я сравненіе. Если, говоря о Ахиллѣ, скажу я только, *сей левъ бросается*, я составляю уже иносказаніе (метафору). *Ахиллъ легче вѣтра* есть инербола. Если сравнить мужество его съ

малодушіемъ Ѳерсита, тогда будетъ противоположеніе. Изъ сего слѣдуетъ, что сравненіе сближаетъ два понятія; инорѣченіе оныя сливаетъ; а иперболa и противоположеніе не прежде ихъ раздробляютъ, какъ уже сближивъ между собою.

Сравненія приличествуютъ болѣе стихамъ, нежели прозѣ; ипербола и противоположеніе надгробнымъ словамъ и панегирикамъ, нежели рѣчамъ, къ народу произносимымъ и судебнымъ. Инорѣченія (метафоры) необходимы для всѣхъ родовъ краснорѣчія и для всѣхъ слоговъ. Онѣ даютъ особливый видъ выраженія, и самую обыкновенную мысль дѣлаютъ новою. Читатель нѣкоторое время пребываетъ въ недоумѣніи, и вскорѣ усматриваетъ сквозь тонкія сіи покрывала, отношенія, кои для того только отъ него сокрыты были, чтобы доставить ему самому большее удовольствіе открыть оныя. Недавно удивлялись сочинителю, которой уподоблялъ старость соломѣ, носившей прежде сего зёрна, которая потомъ сдѣлалась безплодною и готовою превратиться въ прахъ. Но принято сіе сравненіе по-

тому, что однимъ словомъ изображаетъ переходъ отъ цвѣтущей юности къ безплодной и бренной дряхлости.

Поелику удовольствія ума суть, такъ сказать, внезапныя удовольствія, и продолжаются единое мгновеніе, то не льзя имѣть одинаковаго успѣха, употребивъ одну и ту же фигуру; вскорѣ сольется она съ обыкновенными словами, какъ толикое множество другихъ инорѣченій, размножившихся по необходимости во всѣхъ языкахъ, а особливо въ нашемъ. Слѣдующія выраженія: *ясный голосъ*, *жесткіе нравы*, и проч. такъ употребительны, что потеряли свою важность.

Пусть инорѣченіе, ежели то возможно, приведетъ самую вещь въ дѣйствіе. Смотри какъ все одушевлено кистію Омира; копье *жаждетъ* крови непріятельской, стрѣла *желаетъ* поразить его.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочитать должно инорѣченія, производящія въ насъ веселыя мысли. Омиръ сказалъ, *денница съ розовыми перстами*, ибо онъ примѣтилъ, можетъ быть, что природа украшаетъ иногда прекрасную руку розовымъ

цвѣтомъ, которой оную еще болѣе украшаетъ. Но каково было бы сїе изображенїе, естьлибъ онъ сказалъ, *денница съ багряными перстами?*

Всякая фигура должна представлять сходство точное и ощутительное. Вспомни сокрушенїе Аѳинянъ, когда Периклъ сказалъ: *мы лишились нашихъ юношей на сраженїи, подобно какъ бы годъ лишился весны своея.* Здѣсь сходство совершенно, ибо юность есть то же, относительно къ различнымъ возрастамъ жизни, что весна въ отношенїи къ прочимъ временамъ года.

Весьма справедливо порицаютъ сїе Эврипидово выраженїе, *весло владыка морей;* ибо толь высокое наименованїе не приличествуетъ таковому орудїю. Равномѣрно хулятъ и слѣдующее Горгїево выраженїе: *вы пожинаете съ горестїю то, что посѣяли со стыдомъ*, безъ сомнѣнїя потому, что глаголы *сѣять* и *пожинать* доселѣ употребляемы были въ переносномъ смыслѣ одними только стихотворцами. Наконецъ порицаютъ Платона за то, что онъ, желая выразить мысль, что городъ благоустроен-

ный не долженъ имѣть стѣнъ, сказалъ: *стѣны должны спать лежа на землѣ.*

Эвклидъ распространился потомъ о различныхъ украшенїяхъ слова. Онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ нѣкоторыя фигуры, какъ то: удачныя удержанїя, примѣненїя тонкїя, выраженїя замысловатыя, отвѣты острые. Онъ признался, что большая часть таковыхъ способовъ выраженїй не умножаютъ ни мало нашихъ познанїй, но только служатъ доказательствомъ, какъ умъ быстро достигаетъ до самыхъ послѣдствїй, не останавливаясь на посреднихъ понятїяхъ. Онъ согласился, что нѣкоторые образы рѣчи бываютъ то принимаемы, то отвергаемы критиками просвѣщенными.

Сказавъ нѣсколько словъ о способѣ управлять голосомъ и тѣлодвиженїями, и припомнивъ, что Димосѳенъ почитаетъ дѣйствїе за первое, второе и третїе качество оратора, Эвклидъ присовокупилъ: краснорѣчїе вездѣ долженствуетъ соображаться со свойствомъ народа. Греки Карїйскїе, Мисїйскїе и Фригїйскїе столь грубы, что ничего не уважаютъ кромѣ роскоши Сатрапов, коимъ они порабощены; орато-

ры ихъ произносятъ съ принужденнымъ напряженіемъ голоса такія рѣчи, которыя преисполнены скучнымъ многословіемъ. Имѣя строгіе нравы и здравое разсужденіе, Спартане оказываютъ крайнее отвращеніе отъ всякаго рода пышности: они говорятъ кратко, а иногда одно ихъ слово заключаетъ въ себѣ цѣлое разсужденіе о нравственности или политикѣ.

Пускай иностранецъ послушаетъ хорошихъ нашихъ ораторовъ: пусть прочтетъ лучшихъ писателей, онъ вскорѣ увидитъ, что находится посреди народа учтиваго, просвѣщеннаго, чувствительнаго, одареннаго разумомъ и вкусомъ. Во всѣхъ найдетъ онъ равное стараніе открывать красоты, разному роду писанія приличныя, одинаковое умѣніе располагать оными; почти всегда увидитъ въ нихъ сіи достойныя уваженія качества, которыя возвышаются еще болѣе чертами, возбуждающими вниманіе, поразительными пріятностями, украшающими разумъ.

Въ такихъ даже твореніяхъ, которыя отличаются величайшею простотою, съ удивленіемъ увидитъ онъ языкъ, который

можетъ почесться за самый обыкновенный, хотя впрочемъ и весьма великое между ими есть различіе! Но удивленіе его еще болѣе увеличится, когда усмотритъ въ ономъ плѣнительныя красоты, которыя тогда только откроетъ, когда вотще стараться будетъ подражать онымъ.

Я вопросилъ его, кого изъ писателей почитаетъ онъ за образецъ въ слогѣ? Никого въ особенности, отвѣчалъ онъ, а всѣхъ вообще. Никого именно не хочу я тебѣ приводить въ примѣръ, ибо двое изъ нашихъ писателей, которые почитаются совершеннѣйшими, Платонъ и Димосѳенъ, впадаютъ въ погрѣшности, одинъ отъ излишнихъ украшеній, а другой отъ недостатка благородства въ слогѣ. Я говорю всѣхъ вообще, ибо вникая въ ихъ сочиненія, сравнивая ихъ между собою, не только научишся украшать свои выраженія, но еще приобрѣтать тотъ изящный и чистый вкусъ, который управляетъ произведеніями высокаго ума и объ нихъ судить можетъ; ощущеніе быстрое и толико общее между нами, что его почитать можно за врожденное сво[illegible]ство нашего народа.

Ты самъ [illegible], съ какимъ презрѣні-

емъ отвергаетъ онъ все то, что найдетъ въ рѣчи неправильнаго или некрасиваго; съ какою скоростїю осуждаетъ во время общенародныхъ собранїй каждое несвойственное выраженїе или неправильное ударенїе; какихъ мученїй стоитъ нашимъ ораторамъ желанїе удовольствовать столь тонкой и строгой слухъ. Ему противна, сказалъ я, всякая погрѣшность въ сладкогласїи, но равнодушно внимаетъ всему, оскорбляющему благопристойность. Не ежедневно ли ораторы ваши осыпаютъ другъ друга порицанїями самыми низкими, и грубыми ругательствами? Какїя средства употребляетъ большая часть изъ нихъ, дабы возбудить удивленїе? Частыя иперболы, блескъ противуположенїй и всю ораторскую пышность, тѣлодвиженїя и крикъ непомѣрный.

Эвклидъ отвѣчалъ, что здравые умы осуждаютъ таковыя излишества. Но охуждаетъ ли ихъ народъ? вопросилъ я. Не всегда ли предпочитаетъ онъ самымъ лучшимъ сочиненїямъ самыя худшїя, представляемыя на ѳеатрахъ? Успѣхи кратковременные, или случаемъ или чрезъ ухищренїе приобрѣтенные, не могутъ просла-

вить сочинителя. Худые ваши писатели, сказалъ я, служатъ доказательствомъ, что очищенный вкусъ между вами еще не распространился. Одинъ, подобно Горгію, не щадитъ въ прозѣ своей всего богатства, принадлежащаго стихотворству. Другой сочиняетъ, округляетъ, выравниваетъ, разтягиваетъ періоды, которыхъ, не дочитавъ до конца, забываетъ начало оныхъ. Иные напыщаются до того, что становятся смѣшными; примѣромъ служить можетъ нѣкто, уподобившій Кентавра всаднику, ѣдущему верхомъ на самомъ себѣ.

Сіи писатели, сказалъ мнѣ Эвклидъ, суть тоже, что и злоупотребленія повсюду вкрадывающіяся, а торжество ихъ подобно сновидѣнію, оставляющему о себѣ прискорбное воспоминаніе. Какъ ихъ самихъ, такъ и удивляющихся имъ исключаю я изъ того народа, котораго выхвалялъ я вкусъ, и который состоитъ изъ одныхъ просвѣщенныхъ граждaнъ. Они рано или поздно получаютъ верьхъ надъ сужденіемъ толпы народной; а ты вѣрно признаешся, что таковыхъ людей у насъ болѣе, нежели у другихъ народовъ.

Мнѣ кажется, что краснорѣчїе достигло до высочайшей степени совершенства. Какая будетъ впредь его участь? Сїе легко предвидѣть, сказалъ я ему: оно ослабѣетъ, ежели вы порабощены будете чуждою державою, и совсѣмъ изчезнетъ, естьли философїя получитъ верьхъ надъ вами. Но по счастїю вамъ не льзя опасаться сего послѣдняго. Эвклидъ понялъ мысль мою, и просилъ меня оную объяснить болѣе. Съ тѣмъ, отвѣчалъ я, естьли ты простишь мнѣ мои умствованїя и отступленїя.

Подъ именемъ философїи, разумѣю я разсудокъ совершенно просвѣщенный. Теперь скажи мнѣ, не должны ли предъ лицемъ его изчезнуть мечты, обемлющїя какъ нашъ языкъ, такъ и наши страсти, подобно какъ изчезаетъ макъ и призраки при появленїи дневнаго свѣтила.

Пусть будетъ нашимъ судїею одинъ изъ Генїевъ, кои обитаютъ на кругахъ небесныхъ, и коимъ однѣ чистыя истинны служатъ услажденїемъ. Положимъ, что онъ находится между нами; я предлагаю ему на сужденїе слово о нравственности; онъ похваляетъ основательность началъ, ясность понятїй, си-

лу доказательствъ, и точность въ выраженіяхъ. Однакоже, я говорю Генію, сіе слово не будетъ имѣть успѣха, естьли не преложитъ его на языкъ ораторовъ. Надлежитъ привесть въ соразмѣрный порядокъ члены сего періода, а въ другомъ переставить слово на другое мѣсто, дабы сдѣлать ихъ пріятнѣе слуху. Я не вездѣ съ точностію изъяснилъ свои мысли; слушатели не простилибъ мнѣ недовѣрчивости къ ихъ уму. Слогъ мой очень простъ; мнѣ бы должно было озарить его нѣкоторыми блестящими мѣстами. Что значатъ сіи блестящія мѣста, вопрошаетъ Геній? — Иперболы, сравненія, инорѣченія и другія фигуры, употребляемыя для того, чтобъ предметъ, о коемъ говорится, или весьма возвысить, или весьма унизить.

Слова мои конечно тебя удивляютъ; но мы смертные такъ сотворены, что для защищенія, даже и самой истинны, должны прибѣгать ко лжи. Я приведу въ примѣръ нѣкоторыя изъ сихъ фигуръ, почерпнутыя изъ сочиненій большей части нашихъ стихотворцевъ, въ которыхъ онѣ представлены въ большемъ видѣ, и изъ которыхъ

переносятся онѣ въ прозу нѣкоторыми ораторами. Онѣ составляютъ украшенiе рѣчи, которая начинается сими словами:

Я хочу содѣлать имя ироя моего вѣчно славнымъ между всѣми человѣками. Остановись, сказалъ Генiй: можешь ли ты увѣрить, что творенiе твое будетъ извѣстно и похваляемо всегда и повсюду? Нѣтъ, сказалъ я ему, это только фигура. *Предки его, бывшiе окомъ Сицилiи, поселились близъ горы Этны, столпа небесъ.* Я слышу Генiя, тихо говорящаго. Какъ? небо поддерживается малою скалою сего малаго шара, называемаго землею! какая нелѣпость! *Слова сладчайшiя меда текутъ изъ устъ его; онѣ стремятся безпрестанно, подобно снѣжинкамъ, нисладающимъ на поля.* Какое отношенiе, сказалъ Генiй, находится между словами снѣгъ и медъ? *Онъ сорвалъ цвѣтъ музыки, и отъ лиры его гаснетъ пламенное молнiе.* Генiй смотритъ на меня съ изумленiемъ; я продолжаю: *Юпитеру подобенъ онъ своимъ взоромъ и благоразумiемъ, Марсу устрашающимъ видомъ, Нептуну силою; число красавицъ, имъ побѣжденныхъ, равно числу листьевъ древесныхъ, и числу волнъ, исчезающихъ одна за*

другою на морскомъ брегѣ. При сихъ словахъ Генiй изчезаетъ, и возлетаетъ въ обиталище свѣта.

Кромѣ того, что можно укорить тебя, сказалъ мнѣ Эвклидъ, весьма излишнимъ употребленiемъ фигуръ въ семъ похвальномъ словѣ, я чувствую, что таковыя иперболы дѣлаютъ какъ мысли наши, такъ и чувствованiя ложными, и онѣ могутъ показаться странными уму, къ нимъ не приобыкшему. Но должно надѣяться, что разумъ нашъ не вѣчно останется во младенчествѣ. Не льсти себя сею надеждою, отвѣчалъ я: естьлибъ человѣкъ достигъ того совершенства, до котораго онъ достигнуть способенъ, тогда бы изчесла соразмѣрность соотношенiй между имъ и остальными существами въ природѣ.

Представь себѣ, что чувства наши вдругъ сдѣлались безконечно нѣжными и тонкими; тогда языкъ нашъ не въ состоянiи былъ бы переносить впечатлѣнiя, производимаго молокомъ и медомъ; а рука не могла бы дотронуться ни до единаго тѣла безвредно; запахъ розы произвелъ бы въ насъ судорогу; малѣйшiй шумъ терзалъ бы

наше ухо, и глаза наши увидѣлибы отвратительныя морщины на самой нѣжной кожѣ. То же можно сказать о качествахъ ума: одари его величайшимъ проницанїемъ, и самою строгою точностїю; коль сильно оскорбился бы онъ недостаточествомъ и невѣрностїю знаковъ, изображающихъ наши понятїя! Онъ всеконечно составилъ бы себѣ другой языкъ; но что бы сдѣлалось тогда съ языкомъ страстей? что были бы и самыя страсти, находясь подъ неограниченною властїю толь чистаго и толь строгаго разсудка? Онѣ бы подобно воображенїю погасли, и человѣкъ совершенно бы преобразился.

Въ томъ положенїи, въ какомъ онъ нынѣ находится, все исходящее отъ его ума, сердца и рукъ, показываетъ только недостатокъ и нужду. Природа наказываетъ его строго, когда онъ захочетъ преступить тѣсные предѣлы, въ которыхъ онъ заключенъ. Ты думаешь, что съ укрощенїемъ нравовъ приближился онъ къ совершенству; какуюжъ получилъ отъ того пользу? Въ общественномъ учрежденїи, законы составленные человѣками, заняли

мѣсто законовъ естественныхъ, данныхъ богами; лицемѣріе явилось вмѣсто добродѣтели; въ забавахъ мечта заняла мѣсто существенности; въ обращеніи пустая учтивость замѣнила сердечныя чувствованія. Вкусъ человѣка такъ испортился отъ излишняго очищенія, что онъ нашелъ себя принужденнымъ въ искуствахъ предпочитать приятное полезному; въ краснорѣчіи приятность слога здравомыслію; вездѣ, ухищренія истиннѣ. Я смѣю сказать, что просвѣщенные народы преимуществуютъ предъ нами однимъ только искуствомъ притворяться и таинствомъ при каждомъ случаѣ скрываться подъ личиною.

Изъ всего тобою сказаннаго вижу, что и риторика не предполагаетъ себѣ другой цѣли, и неиначе достигаетъ оной, какъ сопровождая слова приятными звуками и украшеніями. Посему не только не стану я учиться ея правиламъ, но стану всегда держаться слѣдующаго Аристотелева мнѣнія. Я вопрошалъ нѣкогда Аристотеля, по какимъ признакамъ познается хорошее сочиненіе; онъ мнѣ отвѣтствовалъ; естьли не льзя въ немъ ничего ни прибавить, ни убавить.

Побесѣдовавъ о семъ съ Эвклидомъ, пошли мы въ Лицею. Дорогою показалъ онъ мнѣ письмо, полученное отъ нѣкоторой знакомой ему женщины, наполненное погрѣшностями въ правописаніи; то вмѣсто *е* стояло *и*, или вмѣсто *д* было *з*. Мнѣ всегда было удивительно, сказалъ я ему, сіе небреженіе Аѳинскихъ женщинъ. Онѣ пишутъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, точно такъ, какъ говорятъ, и какъ говорили въ прежнія времена. Развѣ ваше произношеніе перемѣнилось? сказалъ я ему. Весьма во многомъ, отвѣчалъ онъ: напримѣръ, прежде говорили *Гимера* потомъ *Гéмéра*, а наконецъ *Гéмéра*.

Чтобы сдѣлать нѣкоторыя слова звучнѣе или величественнѣе, введено въ употребленіе отнимать нѣкоторыя буквы, поставляя другія на ихъ мѣсто, а сіе безпрестанное измѣненіе отнимаетъ всю надежду у желающихъ добраться до начала языка. Сіе употребленіе еще болѣе дѣлаетъ зла, оно осуждаетъ на всегдашнее забвеніе такія выраженія, кои прежде въ употребленіи были, и которыя не худо бы возобновить.

Вошедъ на первой дворъ Лицея, услышали мы пронзительные крики, исходящїе изъ одной храмины гимназїи. Риторъ Леонъ и Пиѳодоръ софистъ вступили въ сильный между собою споръ. Трудно было намъ продраться сквозь толпу слушателей. Приближтесь, сказалъ намъ первый: Пиѳодоръ утверждаетъ, что его искусство ни мало не различествуетъ отъ моего, и что мы оба имѣемъ предметомъ только обманывать нашихъ слушателей. Какое притязанїе отъ человѣка, которому бы надлежало стыдиться именованія софиста!

Сїе имя, отвѣчалъ Пиѳодоръ, нѣкогда было почтенно; имъ украшались всѣ люди, которые отъ времени Солона до самаго Перикла, посвящали себя ученїю мудрости; ибо самое слово сїе означаетъ любящаго мудрость. Платонъ, желая осмѣять нѣкоторыхъ, во зло оное употреблявшихъ, успѣлъ сдѣлать его презрѣннымъ предъ учениками своими. Однакоже я ежедневно слышу, что такимъ именемъ называютъ Сократа, котораго вы конечно уважаете, и оратора Антиѳона, къ коему показываете почтенїе. Но рѣчь идетъ не о пустомъ

названіи. Я отрекаюсь отъ него предъ вами, и движимый единою истинною, безъ всякихъ другихъ пособій, кромѣ здраваго разсудка, хочу вамъ доказать, что риторъ и софистъ употребляютъ одинакія средства для достиженія одной и тойже цѣли.

Едва могу удержать свое негодованіе, вскричалъ Леонъ: какъ! подлыхъ наемниковъ, словесныхъ ремесленниковъ, приучающихъ учениковъ своихъ вооружаться двусмысленностями и софизмами, и защищать равномѣрно противныя между собою мнѣнія, дерзаешь ты сравнивать съ почтенными мужами, учащими защищать невинность на судахъ, пользу отечества своего въ народныхъ собраніяхъ, и самую добродѣтель въ рѣчахъ, единой ей посвящаемыхъ! Я не людей сравниваю между собою, сказалъ Пиѳодоръ, а говорю только о искуствѣ, въ которомъ они упражняются. Увидимъ, не больше ли должно страшиться сихъ почтенныхъ людей, нежели самыхъ опаснѣйшихъ софистовъ?

Не уже ли не признаешся ты, что твои и мои ученики, не употребляя великаго тщанія о достиженіи истинны, до-

вольствуются обыкновенно вѣроподобіемъ? — Правда; но первые основываютъ разсужденія свои на великой имовѣрности, а вторые на одной только наружности. А что разумѣете вы подъ именемъ имовѣрнаго? — То, что кажется таковымъ всѣмъ человѣкамъ, или по крайней мѣрѣ большей части изъ нихъ. — Обдумай прилѣжнѣе свой отвѣтъ; ибо изъ онаго могло бы слѣдовать, что софисты, которыхъ красноречіе похваляемо было всѣмъ народомъ, утверждали только предложенія имовѣрныя. — Они ослѣпляли одну только чернь, а мудрые удаляли отъ себя сію мечту.

Итакъ надлежитъ мудрыхъ избрать судіями, вопросилъ Пиѳодоръ, чтобъ узнать достойно ли вѣроятія какое мнѣніе или нѣтъ? — Всеконечно, отвѣтствовалъ Леонъ; и я прибавлю къ сему, что то только надлежитъ почитать имовѣрнымъ, что признано таковымъ бóльшею частію мудрыхъ, или самыми просвѣщенными изъ нихъ. Доволенъ ли ты симъ? — Итакъ случается иногда такое затрудненіе въ открытіи имовѣрнаго, что оно сокрывается и отъ бóльшаго числа мудрыхъ и однимъ только

просвѣщеннѣйшимъ изъ нихъ можно его постигнуть? — Такъ точно. — А когда сомнѣваешся ты въ сущности сихъ имовѣрностей, никому почти непримѣтныхъ, то не уже ли принужденъ бываешь просить совѣта у сего малаго числа просвѣщенныхъ мудрецовъ? — Нѣтъ, я держусь собственнаго моего мнѣнія, предполагая и ихъ на то согласіе. Но какое заключеніе хочешь ты вывести изъ всѣхъ сихъ скучныхъ тонкостей?

Вотъ какое, отвѣчалъ Пиѳодоръ: что ты безъ всякаго затрудненія слѣдуешь такому мнѣнію, которое одинъ только ты почитаешь вѣроятнымъ; и что обманчивая имовѣрность достаточна для убѣжденія какъ ритора, такъ и софиста. — Но первый чистосердеченъ, а другой никогда таковымъ не бываетъ. Итакъ они различествуютъ между собою по одному только намѣренію; въ семъ-то признавались многіе философы; но я постараюсь тебя лишить и сего преимущества.

Ты упрекаешь софистовъ въ томъ, что они защищаютъ и опровергаютъ ложь и истинну: я вопрошаю тебя: не препода-

етъ ли намъ риторика, такъ какъ и діалектика, правилъ защищать два противныя мнѣнія. — Это правда! Но юнымъ воспитанникамъ не позволяется употреблять сего во зло. Они должны только для того учить сіе правило, чтобъ убѣгать сѣтей, противникомъ разставляемыхъ. А сіе одно и то же, что дать молодому человѣку кинжалъ и мечъ, потомъ сказать: ежели неприятель станетъ на тебя наступать, и ежели сильно потребуютъ того твои выгоды, честолюбіе и мщеніе, то рази однимъ изъ сихъ орудій, но не употребляй другаго, хотя бы оно могло даровать тебѣ побѣду. Я бы удивился таковой умѣренности; но чтобы намъ удостовѣриться, можетъ ли онъ исполнить данный совѣтъ, пойдемъ на мѣсто сраженія, или лучше, сказать, позволь мнѣ тебя туда привесть.

Предположимъ, что тебѣ поручено обвинить человѣка, котораго преступленіе еще не совсѣмъ доказано, а мнѣ бы позволено было привести тебѣ на память наставленія, преподаваемыя учителями своимъ ученикамъ; тогда скажу я тебѣ: первый твой предметъ долженъ быть убѣжде-

нїе; а дабы достигнуть сей цѣли, должно нравиться и трогать сердца. Ты уменъ и имѣешь дарованїя, общество думаетъ о тебѣ наивыгоднѣйшимъ образомъ; употребимъ сїе въ свою пользу. Довѣренность къ тебѣ уже готова; ты увеличишь оную, естьли въ началѣ и въ послѣдствїи рѣчи разсѣешь правила правоты и честности, а наипаче естьли польстишь судьямъ, которыхъ безпристрастїе и просвѣщенїе похвалить ты не забудешь. Не пренебрегай и одобренїемъ отъ собранїя; тебѣ легко будетъ прїобрѣсть оное. Нѣтъ ничего легче, сказалъ Сократъ, какъ хвалить Аѳинянъ въ самыхъ Аѳинахъ; сообразуйся съ ихъ вкусомъ, и все то почитай честнымъ, что находится въ почтенїи.

Смотря по свойству твоего дѣла, сравнивай качества обѣихъ тяжущихся сторонъ съ качествами добрыми или худыми, которыя ихъ между собою сближаютъ; выставь какъ можно прїятнѣе истинное или мнимое достоинство того, котораго ты защищаешь; извиняй его недостатки, или лучше выдавай ихъ за добродѣтели, простертыя за предѣлы; представ-

ляй наглость величіемъ духа, дерзость неустрашимостію, расточительность щедротою, порывы гнѣва чистосердечіемъ: и тогда ты ослѣпишь судей.

Поелику важнѣйшее преимущество риторики есть украшать и обезображивать, увеличивать и уничижать всѣ предметы, то смѣло черни своего соперника; омокай перо въ желчи; налегай на малѣйшіе его проступки, порочь самыя похвальныя его дѣянія, старайся помрачить его качества: ежели онъ осмотрителенъ и благоразуменъ? скажи, что онъ подозрителенъ и способенъ къ измѣнѣ.

Нѣкоторые ораторы, до низложенія своей жертвы, возлагаютъ на нее вѣнецъ; они начинаютъ похвалою противной стороны; и удаливъ отъ себя всякое подозрѣніе въ неправдѣ, вонзаютъ при удобномъ случаѣ кинжалъ въ его сердце. Естьли сіе тонкое злоумышленіе тебя останавливаетъ, я дамъ тебѣ орудіе не менѣе ужасное. Когда противникъ твой начнетъ низлагать тебя силою своихъ доказательствъ, то вмѣсто отвѣта, осыпай его насмѣшками, и тогда во взорахъ судей узришь ты

его паденіе. Естьли онъ только подалъ совѣтъ къ учиненію несправедливости, утверждай, что онъ въ семъ случаѣ виновнѣе, нежели тогда, когда бы онъ самъ сдѣлалъ оное; естьли онъ самъ послѣдовалъ только чужимъ совѣтамъ, утверждай, что въ исполненіи больше преступленія, нежели въ совѣтѣ: недавно я былъ самъ при томъ, какъ употреблялъ сіе средство одинъ изъ нашимъ ораторовъ, коему препоручены были два разныя дѣла.

Противорѣчатъ ли тебѣ законы изданные? прибѣгни къ законамъ естественнымъ, и доказывай, что они справедливѣе законовъ изданныхъ. Естьли же сіи послѣдніе тебѣ благоприятствуютъ, то сильно убѣждай судей въ томъ, что они ни подъ какимъ видомъ отъ исполненія оныхъ уклониться не могутъ.

Противникъ твой, признавшись въ своемъ преступленіи, скажетъ, можетъ быть, что впалъ въ оное по невѣденію или случайно. А ты доказывай, что онъ учинилъ оное умышленно. Предлагаетъ ли онъ доказать клятвою свою невинность? ты смѣло доказывай, что онъ клятвопреступле-

нїемъ желаетъ только избѣгнуть наказанїя отъ правосудїя. Естьли же ты во утвержденїе своихъ доказательствъ представлять будешь клятву; тогда говори, что нѣтъ ничего святѣе и благороднѣе, какъ ввѣрять защитѣ боговъ собственную свою пользу.

Естьли не имѣешь свидѣтелей, то потщись уменшить силу сего доказательства; естьли же имѣешь ихъ, то какъ можно старайся оное уважить.

Ежели выгоды твои требуютъ, чтобы рабы противниковъ претерпѣли пытку; то говори, что сїе есть самое убѣдительное доказательство. Естьли надобно, чтобъ твоихъ рабовъ не пытали; утверждай, что таковое доказательство есть самое невѣрное и самое опасное.

Таковыя средства удобно доставляютъ побѣду; но надлежитъ сдѣлать ее надежною. Во время всего дѣйствїя менѣе думай о своемъ дѣлѣ, нежели о судьяхъ; ибо не прежде восторжествуешь надъ противникомъ, какъ уже по ихъ низложенїи. Старайся внушить въ нихъ участїе и жалость къ защищаемой тобою сторонѣ; во взорахъ твоихъ и въ самомъ голосѣ показывай со-

болѣзнованіе. Когда извлечешь изъ очей ихъ хотя одну слезу; когда узришь, что въ рукахъ ихъ вѣсы правосудія поколебались, тогда напади на нихъ всею силою краснорѣчія; всели въ нихъ твои страсти, возбуди въ нихъ противъ твоего соперника презрѣніе, негодованіе, гнѣвъ; а ежели онъ имѣетъ важное званіе, или обладаетъ великимъ богатствомъ, старайся возбудить въ нихъ зависть, а потомъ будь увѣренъ, что и ненависть скоро возникнетъ.

Всѣ сіи правила, Леонъ, явно вопіютъ противу того искуства, въ которомъ ты упражняешся. Ты можешь заключить о послѣдствіи оныхъ изъ ужаснаго отвѣта Византійскаго стряпчаго. Я спросилъ его недавно, что повелѣваютъ законы его отечества въ извѣстныхъ случаяхъ? То, что мнѣ угодно, отвѣчалъ онъ.

Леонъ хотѣлъ сложить единственно на ораторовъ всѣ упреки, дѣлаемые Пиѳодоромъ риторикѣ. Нѣтъ, сказалъ сей послѣдній съ жаромъ, я говорю о злоупотребленіяхъ, существенно сопряженныхъ съ симъ зловреднымъ искуствомъ: я привожу тебѣ на память то, что находится во

всѣхъ сочиненіяхъ о риторикѣ; то, что ежедневно дѣлаютъ самые славные ораторы; то, что просвѣщеннѣйшіе наставники заставляютъ насъ дѣлать ежедневно, и чему учились мы съ тобою въ юности.

Войдемъ въ тѣ мѣста, гдѣ, какъ говорятъ, преподаются юношеству ораторское искуство; можно подумать, что тамъ учатъ гаеровъ, зрѣлищныхъ украшателей ибойцевъ. Съ какою важностію научаютъ ихъ управлять взорами, голосомъ, положеніемъ и движеніями тѣла; съ коликимъ трудомъ учатъ то растирать обманчивыя краски, коими должны они расписать свою рѣчь, то дѣлать злокозненное смѣшеніе измѣны съ силою. Сколько обмановъ! сколько злости! Въ томъ ли должны состоять украшенія витійства? То ли должно сопутствовать невинности и добродѣтели? Я думаю, что вижу въ нихъ свое убѣжище, но вмѣсто того нахожусь въ ужасномъ вертепѣ, въ которомъ растворяется тончайшій ядъ, и куется самое смертоносное оружіе: а наиболѣе достойно удивленія то, что какъ ядъ, такъ и оное оружіе продаются подъ защитою правительства; и что тѣ, кои

употребляютъ ихъ самымъ жестокимъ образомъ, награждаются удивленіемъ и общею довѣренностію.

Я не хотѣлъ извлечь отравы, сокрытой почти во всѣхъ наставленіяхъ нашихъ риторовъ. Скажи мнѣ, что это за правило, о коемъ я уже говорилъ, и на которомъ основано все сданіе риторики, чтобъ сильно возбуждать страсти судей? Къ чему сіе возбужденіе? Праведное небо! ихъ надлежитъ успокоивать, когда они разтроганы! ибо въ такомъ случаѣ никому столько не нужно совершенное спокойствіе чувствъ и духа, какъ судіямъ. Возможно ли, чтобы тогда, когда весь свѣтъ увѣренъ, что страсти развращаютъ разсудокъ и преобразуютъ въ глазахъ нашихъ существо вещей, предписываемо было оратору возбуждать страсти въ себѣ, въ душахъ слушателей и судей, и безстыдно доказывать, что изъ толикаго числа стремительныхъ и безпорядочныхъ движеній, можетъ произойти справедливое рѣшеніе!

Пойдемъ въ тѣ мѣста, гдѣ разсуждаютъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Что мы тамъ увидимъ? Молніеносныя стрѣлы, громы низпадающіе съ высоты вѣ-

щалища для воспламененія неистовыхъ страстей, и для произведеній ужасныхъ раззореній; узримъ народъ слабоумный, приходящій для сысканія себѣ похвалъ, содѣлывающихъ его наглымъ, и питаться чувствованіями, творящими его неправосуднымъ; узримъ ораторовъ ублажающихъ насъ, чтобъ мы сколько возможно остерегались краснорѣчія ихъ соперниковъ. Итакъ краснорѣчіе сіе весьма опасно! не смотря на то, оно нами управляетъ, и государство погибло.

Есть другой родъ краснорѣчія, въ которомъ упражняются ораторы, полагающіе все свое достоинство въ собраніи самыхъ отвратительныхъ нелѣпостей, и несносныхъ иперболъ, для сплетенія похвалъ людямъ недостойнымъ, а нерѣдко и презрѣніе заслуживающимъ. Когда сей родъ подлой лести вошелъ въ употребленіе, добродѣтели надлежало отказаться отъ похвалъ человѣческихъ. Но я не стану говорить о сихъ низкихъ произведеніяхъ; пусть хвалитъ или порицаетъ тотъ, кто будетъ имѣть терпѣніе ихъ читать.

Изъ сего слѣдуетъ, что правосудіе видитъ безпрестанное себѣ поруганіе въ

своемъ святилищѣ, государство въ нашихъ общенародныхъ собранїяхъ, истинна въ похвальныхъ и надгробныхъ словахъ. Правду говорятъ тѣ, кои утверждаютъ, что риторика въ нашъ вѣкъ весьма усовершилась; ибо зло, ею причиняемое, столь велико, что въ будущихъ вѣкахъ нечего уже будетъ прибавлять къ оному.

При сихъ словахъ, одинъ Аѳинянинъ давно уже готовившїйся говорить предъ народомъ рѣчь, сказалъ съ улыбкою: итакъ Пиѳодоръ обвиняетъ краснорѣчїе? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: но я осуждаю ту риторику, которая необходимо влечетъ за собою злоупотребленїе краснорѣчїя. Ты конечно имѣешь свои причины, сказалъ первый, отметать украшенїя слова. Не смотря на то говорятъ и говорить будутъ, что ораторъ всего болѣе долженъ стараться нравиться слушателямъ, льстя ихъ слуху. А я всегда говорить стану, сказалъ Пиѳодоръ, согласно съ разсудкомъ и честностїю, что первая и святѣйшая обязанность оратора состоитъ въ томъ, чтобъ объяснить истинну судїямъ.

Какимъ же образомъ должно объяснить

имъ истинну, прервалъ съ нетерпѣнiемъ другой Аѳинянинъ, выигравшiй многiя тяжбы посредствомъ искусныхъ стряпчихъ? Такъ, какъ объясняютъ оную въ Ареопагѣ, сказалъ Пиѳодоръ, гдѣ ораторъ спокойнымъ духомъ и безъ всякой страсти предлагаетъ всѣ обстоятельства дѣла, по возможности просто и кратко; такъ, какъ объясняютъ оную въ Критѣ, въ Лакедемонѣ и въ другихъ республикахъ, гдѣ возбраняется стряпчему возбуждать страсти слушателей; такъ, какъ объясняли ее у насъ почти за сто лѣтъ предъ симъ, когда спорящiяся стороны, будучи принуждены сами собою защищать дѣло свое, не дерзали говорить рѣчей, писанныхъ перомъ краснорѣчивымъ.

Я возращаюсь къ первому моему предложенiю. Я ужè сказалъ, что искуство риторское не различествуетъ по существу своему отъ искуства софистовъ; я сiе утвердилъ, показавъ, что и то и другое, не только въ дѣйствiяхъ своихъ, но и въ началахъ, стремятся къ единой цѣли, одинаковыми обманчивыми путями. Различiе между ими, ежели оно въ самомъ дѣлѣ есть, состоитъ только въ томъ, что ораторъ

тщится возбуждать въ насъ страсти, а софистъ оныя успокоивать.

Впрочемъ я вижу, что Леонъ приготовляется напасть на меня со всемъ пышнымъ и грознымъ снарядомъ риторики. Я прошу его остановиться на семъ предметѣ и помыслить, что удары, кои онъ мнѣ нанести желаетъ, коснутся также многихъ знаменитѣйшихъ нашихъ философовъ. Я въ самомъ дѣлѣ могъ бы привести въ свое оправданїе свидѣтельства Платона и Аристотеля; но толь важныя свидѣтели не нужны, когда ужѐ и безъ нихъ есть самыя сильныя доказательспва.

Едва Пиѳодоръ пересталъ говорить, Леонъ началъ защищать риторику; но поелику было поздно, то мы рѣшились разойтися.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I. ГЛАВА XXXIX.

О пребываніи Ксенофонтовомъ въ Скиллонтѣ. стран. 1.

Не задолго до Мантинейскаго сраженія, бывшаго въ 362 году до Рождества Христова, Элеяне истребили Скиллонтъ, а Ксенофонтъ рѣшился удалиться въ Коринѳъ. Я помѣщаю его тамъ, говоря о немъ въ девятой главѣ сего сочиненія. Нѣкоторый древній писатель утверждаетъ, что онъ тамъ кончилъ жизнь свою. Но по увѣренію Павзанія, гробница его сохраняема была въ Скиллонтѣ; а Плутархъ увѣряетъ, что онъ въ семъ убѣжищѣ сочинилъ свою исторію, которую довелъ до 357 года до Р. Х. Итакъ предположить можно, что, поживъ нѣсколько времени въ Коринѳѣ, онъ возвратился въ Скиллонтъ, и въ ономъ провелъ остальные дни своей жизни.

ПРИМѢЧАНІЕ II. ГЛАВА XL.

Объ основаніи города Мессины. стран. 62.

Павзаній пишетъ, что по взятіи Иры, то есть около 668 о Р. Х. Мессеняне, подъ

предводительствомъ Горга, сына Аристоменова, пошли въ Италію, соединили войско свое съ войскомъ Анаксила, Тирана Регійскаго, выгнали жителей изъ города Сицилійскаго Занклеи, и назвали оный Мессеною (нынѣ Мессина).

Сіе повѣствованіе совершенно противорѣчитъ Иродоту и Ѳукидиду. По преданію перваго, когда Дарій сынъ Истасповъ покорилъ возставшую противу его Іонію, то Самосскіе и нѣкоторые Милетскіе жители прибыли въ Сицилію; и, по совѣту Анаксила, тирана города Регія, овладѣли Занклеею. Сіе случилось около 495 году до Р. Х. и спустя около 173 лѣтъ въ эпоху, показанную Павзаніемъ въ царствованіе Анаксила и при перемѣнѣ названія Занклеи въ названіе Мессены.

Ѳукидидъ повѣствуетъ, что часть жителей Самоса и другихъ Іонянъ, изгнанныхъ Мидянами изъ отечества своего, заняли Занклею въ Сициліи. Онъ присовокупляетъ, что малое время спустя, Анаксилъ, тиранъ Регійскій, овладѣлъ симъ городомъ, и назвалъ его Мессеною, потому что самъ былъ родомъ изъ Мессеніи.

Отецъ Корсини, который сперва думалъ, что можно предполагать двухъ Анаксиловъ, согласился, по новомъ разсмотрѣніи, что Павзаній ошибся во времени. Въ самомъ дѣлѣ ясно видѣть можно изъ многихъ обстоятельствъ, что Анаксилъ царствовалъ во время Мараѳонской битвы, случившейся въ 490 году до Р. Х. Ко мнѣнію отца Корсини прибавляю я два только примѣчанія:

1. До сей битвы, въ Мессеніи было возмуще-

ніе, о коемъ Павзаній не говоритъ ни слова, и которое отъ части возпрепятствовало Лакедемонянамъ быть на помянутой битвѣ. Оное столь же было малоуспѣшно, какъ и прежнія возмущенія, и потому-то конечно въ сіе время, Мессеняне, претерпѣвъ пораженіе, удалились въ Регій къ Анаксилу, и побудили его овладѣть городомъ Занклеею, именовавшимся въ послѣдствіи Мессеною.

2. Ежели сіе справедливо, какъ утверждаетъ Павзаній, что городъ сей былъ переименованъ тотчасъ послѣ второй войны Мессенской; то слѣдовало бы, что древнія его медали, на которыхъ стоитъ слово *Данкле*, выбиты прежде 668 года; чего однако же по ихъ работѣ не льзя предполагать.

ПРИМѢЧАНІЕ III. ГЛАВА XLI.

О числѣ колѣнъ Спартанскихъ. стран. 97.

Во всѣхъ почти большихъ Греческихъ городахъ граждане раздѣлялись на колѣна. Въ Аѳинахъ считалось таковыхъ колѣнъ десять. Крагій полагаетъ оныхъ шесть въ Лакедемонѣ: 1е Колѣно Ираклидовъ; 2е Эгидовъ, 3е Лимнатовъ, 4е Кинозуреянъ, 5е Мессоатовъ, 6е Питанатовъ. Существованіе перваго никакимъ точнымъ свидѣтельствомъ не доказано; Крагій полагаетъ оное основываясь только на самыхъ слабыхъ догадкахъ, въ

чемъ и самъ признается. Существованіе онаго я отвергаю.

О пяти прочихъ колѣнахъ именно упоминается или у писателей, или въ древнихъ памятникахъ. О колѣнѣ Эгидовъ у Иродота; о колѣнахъ Кинозуреянъ и Питанатовъ у Эсихія; о колѣнѣ Мессоатовъ у Стефана Византійскаго; наконецъ о Колѣнѣ Лимнатовъ упомянуто въ надписи, найденной Аббатомъ Фурмонтомъ на развалинахъ Спарты. Павзаній упоминаетъ о четырехъ изъ сихъ колѣнъ, когда говоритъ, что по случаю жертвоприношенія богинѣ Діанѣ, которое отправлялось отъ самыхъ древнихъ временъ, произошла распря между колѣнами Лимнатовъ, Кинозуреянъ, Мессоатовъ и Питанатовъ.

Здѣсь можно сдѣлать слѣдующій вопросъ: поелику упоминается только о сихъ пяти колѣнахъ; то должно ли думать, что ихъ болѣе и не было? Я отвѣтствую, что мы имѣемъ весьма важныя причины не увеличивать числа оныхъ. Выше сказано было, что Аѳиняне имѣли нѣсколько отдѣленій; и каждое состояло изъ десяти судей, взятыхъ изъ десяти колѣнъ. Мы также находимъ и въ Спартѣ многія судилища, изъ коихъ въ каждомъ было по пяти общественныхъ чиновниковъ, таковы суть судилища: Эфоровъ, Видіянъ, Агафоерговъ. Изъ сего кажется заключить можно, что изъ каждаго колѣна избирался одинъ въ число упомянутыхъ чиновниковъ.

ПРИМѢЧАНІЕ IV. ГЛАВА XLII.

Какимъ образомъ Спартане поступали съ Илотами. стран. 107.

Лакедемоняне болѣзнуя о потерѣ Пилоса, который отнятъ у нихъ Аѳинянами, рѣшились послать новыя войска къ Бразиду своему военоначальнику, находившемуся тогда во Ѳракіи. Двѣ причины побуждали ихъ къ тому: первая, чтобъ продолжить развлеченіе Аѳинскихъ войскъ, зашедшихъ въ сіи отдаленныя земли; вторая, чтобы набрать войско изъ Илотовъ, коихъ мужество и храбрость приводили Аѳинянъ въ трепетъ, и отправить оное во Ѳракію. Въ семъ намѣреніи обѣщана была свобода тѣмъ Илотамъ, которые особенно отличились въ предшедшія войны. Илоты явились въ великомъ множествѣ; изъ нихъ выбрано двѣ тысячи человѣкъ, которые получили обѣщанное. Бывъ увѣнчаны цвѣтами, они торжественно введены въ храмы; и сіе было главнѣйшимъ обрядомъ отпущенія на свободу. Вскорѣ послѣ того ихъ было уже не видно, говоритъ Ѳукидидъ, и никто не зналъ, какимъ образомъ каждый изъ нихъ погибъ. Плутархъ пишетъ также, что никому неизвѣстно ни время, ни родъ смерти, случившейся съ двумя тысячами сихъ несчастныхъ жертвъ.

Наконецъ Діодоръ Сицилійскій полагаетъ, что тѣмъ, кому они принадлежали, дано повелѣніе умертвить ихъ въ домахъ своихъ. Но какимъ

образомъ могъ узнать Діодоръ о такомъ обстоятельствѣ, которое не могло быть извѣстно такому историку, каковъ былъ Ѳукидидъ, жившій въ то самое время, когда сіе столь жестокое произшествіе случилось? Какъ бы то ни было, здѣсь представляются два случая, которые тщательно различать должно, поелику они произходятъ изъ двухъ различныхъ причинъ; одно, освобожденіе отъ рабства 2000 Илотовъ; другое, умерщвленіе оныхъ. Безъ сомнѣнія свобода дана была имъ по повелѣнію сената и народа; но также извѣстно и то, что они преданы смерти не по данному повелѣнію отъ верховной власти. Никакой народъ неспособенъ къ произведенію столь постыднаго вѣроломства; и въ семъ особенномъ случаѣ ясно видѣть можно, что собраніе Спартанскаго народа для того только даровало свободу Илотамъ, чтобы ихъ вооружить и отправить во Ѳракію. Въ тоже самое время эфоры отправили еще тысячу Илотовъ въ воинство Бразида; а какъ таковые отряды Илотовъ выходили изъ Спарты иногда ночью; то народъ думалъ, что двѣ тысячи человѣкъ, имъ освобожденныхъ отъ рабства, отправились въ назначенное имъ мѣсто; но какъ скоро онъ узналъ свою ошибку, то удобно было его увѣрить, что градоначальники, уличивъ ихъ въ злоумышленіи противу государства, опредѣлили умертвить ихъ тайно, или выгнать изъ республики. Мы не можемъ нынѣ дать яснаго понятія о произше-

ствіи, которое и во времена Ѳукидида оставалось въ неизвѣстности. Для меня довольно будетъ показать, что такое злодѣяніе не должно вмѣнять всему народу, но неосновательной политикѣ бывшихъ тогда эфоровъ, которые, имѣвъ болѣе власти, но менѣе добродѣтелей, нежели ихъ предшественники, думали, что все позволено дѣлать, когда дѣло идетъ о благосостояніи республики; ибо должно замѣтить, что основанія правосудія и нравственности начинали тогда приходить въ упадокъ.

Бытописатели упоминаютъ еще о другихъ жестокостяхъ, оказанныхъ Илотамъ въ Лакедемонѣ. Миронъ повѣствуетъ, что Спартане для безпрестаннаго Илотамъ напоминовенія о ихъ рабствѣ, каждый годъ давали имъ по извѣстному числу ударовъ плѣтью. Въ Лаконіи и Мессеніи можетъ быть находилось около ста тысячъ Илотовъ. Итакъ пусть представятъ себѣ нелѣпость предпріятія, и неудобства въ исполненіи, а потомъ сдѣлаютъ свое о томъ сужденіе. Тотъ же сочинитель присовокупляетъ, что въ Спартѣ наказывали тѣхъ владѣльцевъ, которые не искажали Илотовъ, которые имѣли отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе. Итакъ всѣ тѣ Илоты, кои взяты были въ военную службу, и которые служили съ великимъ отличіемъ, были изуродованы.

Часто случается, что о нравахъ какого либо народа судятъ по частнымъ примѣрамъ, каковые случалось увидѣть путешественнику, или о которыхъ упоминаетъ какой либо историкъ.

Когда Плутархъ говоритъ, что Спартане, дабы поселить въ дѣтяхъ своихъ отвращеніе къ пьянству, показывали имъ пьянаго Илота; то я имѣю причину думать, что писатель сей частный случай обратилъ въ общее правило, или по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ смѣшалъ Илотовъ съ домашними невольниками, коихъ состояніе было гораздо хуже первыхъ. Но напротивъ того я совершенно съ нимъ согласенъ въ томъ, когда онъ говоритъ, что Илотамъ запрещено было пѣть стихотворенія Алкмана и Терпандра; и въ самомъ дѣлѣ сіи стихотворенія внушали чрезвычайную любовь къ славѣ и свободѣ; и въ такомъ случаѣ благоразумная политика требовала, чтобы запрещено было пѣть оныя такимъ людямъ, коихъ храбрость по многимъ причинамъ казалась для нихъ страшною.

ПРИМѢЧАНІЕ V. ГЛАВА XLV.

Когда учреждены Ефоры. стран. 145.

Большая часть писателей приписываютъ сіе учрежденіе Ѳеопомпу, который царствовалъ спустя около ста лѣтъ послѣ Ликурга. Такъ думали Аристотель, Плутархъ, Цицеронъ, Валерій Максимъ, Діонъ, Хризостомъ. Къ симъ можно также прибавить Ксенофонта, который, кажется, приписываетъ начало сего судилища глав-

нымъ гражданамъ Лакедемонскимъ; и Евсевій въ своей хроникѣ относитъ оное къ тѣмъ временамъ, когда царствовалъ Ѳеопомпъ.

Впрочемъ всѣ сіи писатели говорятъ о семъ судилищѣ не такъ какъ о вновь учрежденномъ при Ѳеопомпѣ, но какъ о средствѣ, которое сей государь употребилъ къ обузданію самовластія царей. Итакъ вѣроятно, что Ликургъ препоручилъ нѣкоторыя должности эфорамъ, уже прежде его учрежденнымъ. Ѳеопомпъ далъ имъ преимущества, которыя напослѣдокъ наклонили правительство въ олигархіи.

ПРИМѢЧАНІЕ VI. ГЛАВА XLVII.

О выборѣ женщинъ въ супружество у Спартанъ. стран. 202.

Бытописатели различно повѣствовали объ обыкновеніяхъ Греческихъ народовъ, поелику съ перемѣною времени и обыкновенія ихъ перемѣнялись. Мнѣ кажется, что въ Спартѣ супружество было основано на выборѣ вступившихъ въ бракъ, или ихъ родителей. Я приведу въ примѣръ Лисандра, который передъ смертію своею обручилъ двухъ дочерей своихъ за двухъ Лакедемонянъ. Приведу также законъ, коимъ позволено было просить въ судѣ на того, кто вступилъ въ неприличное ему супружество. Съ другой стороны

древній писатель Гермиппъ повѣствуетъ, что въ Лакедемонѣ запирали невѣстъ въ темное мѣсто, и что юноша долженъ былъ выбирать оттуда на удачу себѣ невѣсту. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно предположить, что Ликургъ дѣйствительно издалъ упоминаемый Гермиппомъ законъ, но который въ послѣдствіи былъ уничтоженъ. Платонъ подобный сему законъ помѣстилъ въ своей республикѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ VII. ГЛАВА *та же.*

Какихъ лѣтъ вступали въ супружество въ Лакедемонѣ. стран. 202.

Греки знали опасность преждевременнаго супружества. Гесіодъ опредѣляетъ возрастъ юноши въ 30 лѣтъ. Но что касается до дѣвицъ, то хотя онъ и не довольно ясно говоритъ объ немъ, однакожъ кажется опредѣляетъ оный въ 15 лѣтъ. Платонъ въ своей республикѣ полагаетъ правиломъ, чтобы мущины вступали въ бракъ 30, а женщины 20 лѣтъ. Но Аристотель полагаетъ, что мущина долженъ имѣть 37, а дѣвица около 18 лѣтъ. Я думаю, что въ Спартѣ мужчины вступали въ супружество 30, а женщины 20 лѣтъ. Догадка моя основывается на двухъ причинахъ: 1я, что Платонъ, который многіе законы Ликурговы ввелъ въ свою республику, предписываетъ сей возрастъ; 2я, Спартане, не достигшіе

тридцати лѣтъ, не имѣли права подавать голосовъ въ народномъ собраніи; посему кажется можно предположить, что прежде сего времени или возраста они не могли быть почитаемы за начальниковъ семействъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VIII. ГЛАВА L.

О составленіи войскъ Лакедемонскихъ *стран.* 243.

Весьма трудно и можетъ быть не возможно дать истинное понятіе о семъ составленіи. Поелику оно часто перемѣнялось; то древніе писатели, не входя въ подробности, повѣствовали только о главныхъ произшествіяхъ; а напослѣдосъ частныя дѣла были приняты за общія правила.

Спартане были раздѣлены на многія статьи, называемыя ΜΟΡΑΙ или ΜΟΙΡΑΙ, то есть части или отдѣленія.

Какія были подраздѣленія каждой статьи? — *Лохосъ*, *пентекостисъ*, *эномотія*. Въ семъ сочиненіи кажется мнѣ можно сравнить слово *мора* *съ полкомъ*, *лохосъ съ баталіономъ*, *эномотія съ ротою*, не утверждая, чтобъ сіи слова дѣйствительно то самое означали; я буду употреблять имена Греческія.

Подраздѣленія, о которыхъ я говорю, весьма хорошо объяснены Ксенофонтомъ, который жилъ въ то самое время, когда по моему мнѣнію

путешествовалъ младшій Анахарсисъ. „Каждая *мора*, говоритъ онъ, имѣетъ одного Полемарха, 4 начальниковъ *лохоса*, 8 начальниковъ *лентекостиса*, 16 начальниковъ *эномотіи*.„ Такимъ образомъ каждая *мора* содержитъ 4 *лохоса*; каждый *лохосъ* *два лентекостиса*; каждый *лентекостисъ* 2 *эномотіи*. Надобно замѣтить, что Ксенофонтъ представляетъ намъ здѣсь общее правило, подтвержденное слѣдующимъ мѣстомъ Ѳукидида: Царь отдаетъ повелѣніе *Полемархамъ*, Полемархи *лохосамъ*, лохосы *лентеконтатерамъ*, а сіи послѣдніе *эномотархамъ*, которые производятъ оное въ своихъ *эномотіяхъ*.

Иногда вмѣсто *моры*, отправляли въ походъ нѣсколько *лохосовъ*. Въ первую Мантинейскую битву, на которой Лакедемоняне одержали побѣза 418 года до Р. Х. ихъ войско, подъ предводительствомъ царя Агиса, было раздѣлено на 7 *лохосовъ*. Каждый *лохосъ*, говоритъ Ѳукидидъ содержалъ 4 *лентикостиса*, а каждый *лентикостисъ* 4 *эномотіи*. Здѣсь *лохосъ* не то значитъ, что у Ксенофонта, но и обстоятельства были ужѐ совсѣмъ другія. Ксенофонтъ говоритъ вообще о составленіи *моры*, когда уже всѣ ея части были соединены, напротивъ Ѳукидидъ упоминаетъ объ одномъ частномъ случаѣ, когда *лохосы* были отдѣлены отъ своей *моры*.

Сколько находилось *моръ*? Одни полагаютъ 6, а другіе 5. Здѣсь слѣдуютъ доказательства справедливости тому и другому мнѣнію.

1е. Въ трехъ надписяхъ упоминаемыхъ Г. Аб-

батомъ Фурмонтомъ, которыя находятся въ Мессиніи и Лаконіи, были также начертаны имена царей Лакедемонскихъ, сенаторовъ, эфоровъ и другихъ военныхъ чиновниковъ. Между ими видны 6 именъ начальниковъ *моры*. Сіи надписи, которыя относятъ къ осьмому столѣтію до Р. Х. были послѣ Ликурга спустя 130 лѣтъ, слѣдственно можно подумать, что законодатель Спартанскій раздѣлилъ всѣхъ гражданъ на 6 *моръ*. Но здѣсь встрѣчается величайшая трудность. Выше 6ти начальниковъ *моры*, въ надписяхъ находятся еще 6 начальниковъ *лохоса*. Такимъ образомъ не только первые, то есть начальники *моры*, были подчинены начальникамъ *лохоса*, но и тѣ и другіе были въ ровномъ числѣ; при всемъ томъ таковаго составленія не было ни во время Ѳукидида, ни Ксенофонта.

2 е. Сей послѣдній историкъ замѣчаетъ, что Ликургъ конницу и тяжелую пѣхоту раздѣлилъ на 6 *моръ*. Сіе мѣсто согласно съ преждебывшими надписями.

3 е. Ксенофонтъ говоритъ еще, что царь Клеомбротъ отправился въ Фокиду съ 4 *морами*; слѣдственно, естьли бы ихъ было только пять, то въ Лакедемонѣ долженствовала оставаться одна *мора*. Послѣ того произошло сраженіе при Левктрахъ. Клеомбротово войско было разбито. Ксенофонтъ повѣствуетъ, что сдѣланъ былъ новой наборъ войскъ и сверьхъ того приве-

дены были двѣ *моры*, остававшіяся въ Спартѣ. Слѣдовательно всѣхъ *моръ* находилось шесть.

Разсмотримъ теперь причины, по которымъ хотя одно изъ сихъ доказательствъ допустить можно: 1е Аристотель, на котораго ссылается Гарпократіонъ, считалъ только пять *моръ*; о чемъ можно справиться въ сочиненіи Маусака, въ которомъ написано πέντε. Правда, что сіе слово не находится въ изданіи Гроновія, и что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Гарпократіона оно замѣнено числительною буквою, означающею шесть. Но сія буква такое имѣетъ сходство съ буквою, означающее число пять, что весьма легко можно принять одну за другую. Гезихій въ двухъ мѣстахъ своего сочиненія доказываетъ, что нѣкоторые перепищики Гарпократіона сдѣлали сію ошибку. Въ первомъ сказано, что по мнѣнію Аристотеля, *лохосъ* назывался у Лакедемонянъ *морою*; а во второмъ, также по сказанію Аристотеля, Лакедемоняне имѣли пять *лохосовъ*, и въ семъ мѣстѣ точно написано πέντε. Слѣдовательно по словамъ Гезихіусу, Аристотель говоритъ, что у Лакедемонянъ было только пять *моръ*.

2е. Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что Агезилай былъ вождемъ 18,000 воиновъ, которые составляли часть *пяти моръ*, или просто, *пятимору Лакедемонскую*. Остается узнать, должно ли допустить членъ въ семъ мѣстѣ, или не должно? Родоманъ въ своемъ изданіи изъясняетъ оное слѣдующимъ образомъ: ὧν ἦσαν οἱ Λακεδαιμόνιοι (или Λακεδαιμονίων) πέντε μοῖραι. Г. Беіотъ ста-

рался по прозбѣ моей справиться съ рукописями, въ Королевской библіотекѣ находящимися. Изъ 12 рукописей, только въ пяти упоминается о семъ мѣстѣ, гдѣ членъ приложенъ къ имени Лакедемонянъ въ именительномъ или родительномъ падежахъ. Слѣдовательно они согласны съ изданіемъ Родомана, и сдѣлавъ сію столь малую, но необходимую перемѣну, получимъ смыслъ, данный Меурзіемъ: *αἱ Λακεδαιμονίων πέντε μοῖραι, пять моръ Лакедемонскихъ*. Сіе мѣсто такимъ образомъ исправленное совершенно согласуется съ Аристотелемъ.

3 е. Я сказалъ въ одномъ мѣстѣ сего сочиненія, что Спартане были раздѣлены на пять колѣнъ. Итакъ должно думать, что Спартанское войско раздѣлено было также на пять отдѣленій земскаго войска, кои и назывались по имени своего колѣна. Въ самомъ дѣлѣ Геродотъ говоритъ утвердительно, что во время битвы при Платеи, былъ отрядъ Питанатовъ, а мы уже видѣли, что Питанаты составляли колѣно Лакедемонское.

Но какъ все сіе основано на одной вѣроятности, и что свидѣтельство Ксенофонта справедливо, то и скажемъ съ Меурзіемъ, что Греческій историкъ считалъ между *морами* отрядъ Скиритовъ, получившихъ названіе свое отъ Скиритиды, небольшой области, лежащей при границахъ Аркадіи и Лаконіи. Долгое время была она подчинена Спартанамъ, но Эпаминондъ отнялъ оную и присоединилъ къ Аркадіи. Отъ сего произошло, что нѣкоторые позднѣйшіе пи-

сатели почитали Скиритовъ за земское войско Лакедемонянъ, а другіе отрядомъ войскъ Аркадскихъ.

Въ то время, какъ Скириты находились подъ властію Спартанъ, они ходили почти во всѣ походы, составляя отрядъ изъ 600 человѣкъ. Въ сраженіи ставили ихъ на лѣвомъ крылѣ, и никогда не смѣшивали съ другими *морами*. Иногда они составляли запасный отрядъ. Ночью охраняли они станъ и строго смотрѣли, чтобы воины не удалялись ночью отъ своихъ фалангъ. Еще Ликургъ предписалъ имъ сію должность. Слѣдственно сіе войско существовало во время сего законодателя; слѣдственно онъ завелъ шесть отрядовъ войскъ, а именно: *пятимору*, собственно такъ называемую, которую составляли Спартане, и еще когорту Скиритовъ, которая не заключая въ себѣ Спартанъ, отличалася тѣмъ самымъ отъ собственно такъ называемыхъ *моръ*; но которая однакоже могла иногда называться симъ именемъ, потому что она составляла часть войска, учрежденнаго Ликургомъ.

Естьли правда, что Скириты сражались на коняхъ, какъ упоминаетъ Ксенофонтъ, то не удивительно, когда сей же историкъ утверждалъ, что Ликургъ завелъ шесть *моръ*; столько же конницы, сколько тяжелой пѣхоты. Посему скажемъ, что въ Спартѣ было пять *моръ* изъ Оплитъ-Спартанянъ, а шестая состояла изъ Скиритскихъ всадниковъ.

Итакъ изъ предыдущихъ примѣчаній видно,

что естьли древніе смѣшивали иногда *мору* съ *лохосомъ*, то причиною сего была неосмотрительность, или неправильное употребленіе словъ; ибо принимали часть вмѣсто цѣлаго. Ученый Меурзій, который не соглашается раздѣлять сіи два отряда, имѣетъ на то очень слабые доводы, противъ которыхъ можно возразить неоспоримыми произшествіями. Естьли, какъ говоритъ Меурзій въ Спартѣ было только пять *моръ*, то и *лохосовъ* должно быть только пять. Но мы уже видѣли, что царь Агисъ имѣлъ семь *лохосовъ* въ своемъ воинствѣ; къ сему еще можно прибавить, что въ другомъ случаѣ царь Архидамъ предводительствовалъ 12 *лохосами*.

Естьли каждая *мора* называлась по имени своего колѣна, то естественно думать можно, что 4 *лохоса* каждой *моры* имѣли особливыя имена; и мы видимъ въ Гезихіи, что Лакедемоняне дали имя *эдолоса* одному *лохосу*. Изъ сего мы заключаемъ, что Кротане, которые, по словамъ Павзанія, составляли часть Питанатовъ, были только *лохосъ*, составлявшій *мору* сего колѣна; отъ сего также можетъ быть произошла критика Ѳукидида на толкованіе Геродота. Когда сей послѣдній сказалъ, что во время битвы при Платеи Амофаретъ управлялъ *лохосомъ* Питанатовъ, то Ѳукидидъ замѣчаетъ, что въ Лакодемонѣ никогда не было военнаго отряда, называвшагося симъ именемъ, потому что, какъ видно, говаривали *мора*, а не *лохосъ* Питанатовъ.

Сколько человѣкъ составляли *мору*? Эфоръ

и Діодоръ Сицилійскій говорятъ 500; Каллисѳенъ 700; Полибій 900; а другіе утверждаютъ 300, 500 и 700.

Мнѣ показалось, что сіи различныя мнѣнія менѣе должно приписывать перемѣнамъ, случившимся съ *морою* въ разныхъ столѣтіяхъ, сколько обстоятельствамъ, которыя обязывали приготовлять болѣе или менѣе войскъ. Всѣ Спартане были записаны въ *моры*. Естьли надлежало выступить въ походъ, то эфоры объявляли чрезъ провозглашателя, чтобъ всѣ граждане, достигшіе зрѣлаго возраста, то есть, отъ 20 до 30 лѣтъ, являлись для вступленія въ службу. Вотъ примѣръ заслуживающій наиболѣе вниманіе. Въ сраженіи при Левктрахъ царь Клеомбродъ имѣлъ 4 *моры*, управляемыя четырьмя Полемархами и составленныя изъ гражданъ, имѣющихъ отъ 20 до 35 лѣтъ. Потерявъ сраженіе, эфоры отдали приказъ сдѣлать новый наборъ. Тогда вступили въ тѣ же *моры* граждане отъ 35 до 40 лѣтъ; и въ двѣ *моры*, остававшіяся въ Лакедемонѣ, были набраны всѣ тѣ граждане, кои имѣли отъ 20 до 40 лѣтъ. Изъ сего слѣдуетъ, что сіи части *моры*, бывшія въ полѣ, нерѣдко составляли только болѣе или менѣе многочисленные отряды цѣлаго войска.

Мы не имѣемъ ни сочиненія Эфора, который полагаетъ *мору* въ 500 человѣкъ; ни Каллисѳена, полагающаго въ 700; ни Полибія увеличивающаго оную до 900 человѣкъ; но мы осмѣливались утверждать, что ихъ счисленіе простиралось на частные случаи, и что Діодоръ Сицилійскій не

довольно хорошо объяснилъ, когда онъ утвердительно сказалъ, что каждая *мора* заключала въ себѣ 500 человѣкъ.

Намъ не болѣе извѣстно число воиновъ, составлявшихъ подраздѣленія *моры*. Өукидидъ замѣчаетъ, что старанія, съ каковыми Лакедемоняне скрывали свои дѣйствія, не препятствовали узнать число воиновъ, находившихся въ первомъ сраженіи при Мантинеи; при всемъ томъ слѣдующее счисленіе можетъ доставить какое нибудь о семъ понятіе: царь Агисъ имѣлъ начальство надъ 7 *лохосами*, каждый *лохосъ* заключилъ 4 *пентекостиса*; каждый *Пентикостисъ* 4 *эномотіи*; каждая *Эномотія* была построена по 4 въ рядъ и вообще по 8 человѣкъ въ длину.

По сему Схоластикъ заключилъ, что въ первомъ случаѣ *эномотія* имѣла 32 человѣка; *Пентекостисъ* 128, а *лохосъ* 512. Но и мы въ свою очередь дѣлаемъ заключеніе; естьли *лохосъ* былъ всегда одинаковъ, то для историка довольно было бы сказать, что Лакедемоняне имѣли 7 *лохосовъ*, и для него не нужно было бы прибѣгать къ показанію изчисленій.

Эномотіи никогда не были непремѣнными. При сраженіи, о которомъ я говорилъ, каждая состояла изъ 32 человѣкъ; но при Левктрахъ она имѣла 36; а Свидъ составилъ эномотію изъ 25 человѣкъ.

ПРИМѢЧАНІЕ IX. ГЛАВА LI.

О суммѣ денегъ, доставленныхъ въ Лакедемонъ Лисандромъ. стран. 208.

Діодоръ Сицилійскій повѣствуетъ, что по взятіи города Сеста, Лисандръ приказалъ Голлипу доставить въ Лакедемонъ великую добычу и 1500 талантовъ, то есть, 8,100,000 ливровъ. По взятіи Аѳинъ, Лисандръ возвратясь въ Лакедемонъ, отдалъ правительству, между прочими драгоцѣнными вещами, 480 талантовъ, которые у него остались изъ суммы, доставленной молодымъ Киромъ. Слѣдовательно Лисандръ привезъ изъ своего похода 1980 талантовъ, то есть, 10,692,000 ливровъ наличными деньгами.

ПРИМѢЧАНІЕ X. ГЛАВА LII.

Объ отмѣненіи обыкновенія приносить людей въ жертву. стран. 302.

Я сказалъ, что въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. въ Аркадіи вывелось изъ употребленія приносить людей въ жертву. Въ возраженіе мнѣ могутъ привести мѣсто изъ Порфирія, который жилъ послѣ того спустя 600 лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ, что употребленіе сихъ жертвоприношеній существовало еще въ Аркадіи и Кар-

ѳагенѣ. Сей писатель повѣствуетъ въ своемъ сочиненіи о многихъ подробностяхъ, почерпнутыхъ изъ сочиненія, которое до насъ не дошло, и коего Ѳеофрастъ былъ сочинитель. Но какъ онъ увѣдомляетъ, что отъ него прибавлено нѣчто къ повѣствованію Ѳеофраста, то мы и не знаемъ, который изъ сихъ двухъ писателей былъ сочинителемъ мѣста, мною разсматриваемаго и частію самимъ Порфиріемъ въ другомъ мѣстѣ опровергаемаго. И въ самомъ дѣлѣ онъ говоритъ, что Ификратъ заставилъ Карѳагенянъ отмѣнить приношеніе людей въ жертву. Въ томъ нѣтъ ни малой нужды, Ификратъ или Гелонъ отмѣнилъ оное; ибо противорѣчіе чрезъ то ни мало не уменьшается. Въ семъ случаѣ молчаніе прочихъ писателей для меня весьма важно. Особливо Павзаній, который входитъ въ самомалѣйшія подробмости, касающіяся до духовныхъ обрядовъ, могъ ли молчать о столь важномъ произшествіи? и какимъ образомъ могъ онъ забыть о семъ, когда говоря о Ликаонѣ, царѣ Аркадскомъ, повѣствуетъ, что онъ былъ превращенъ въ волка за то, что принесъ младенца въ жертву? Правда Платонъ говоритъ, что сіи жертвоприношенія существовали еще у нѣкоторыхъ народовъ; но не говоритъ именно, чтобы обыкновеніе сіе было у Грековъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XI. ГЛАВА LVI.

О пошлинахъ съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ въ Аѳины. стран. 421.

Во время Пелопониской войны пошлины сіи приносили 36 талантовъ, то есть 194,400; а естьли присоединить къ сему еще прибыль получаемую откупщиками; то сумма простиралась до 200,000 ливровъ; изъ сего можно заключить, что внѣшняя торговля Аѳинянъ приносила имъ 10,000,000 Французскихъ ливровъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XII. ГЛАВА *таже.*

О податяхъ, каковые сбирали Аѳиняне съ своихъ союзниковъ. стран. 423.

460 талантовъ, кои получаемы были ежегодно отъ народовъ соединенныхъ противъ Персовъ, и которые Аѳиняне хранили въ за́мкѣ, составляли сперва десять милліоновъ талантовъ, по словамъ Исократа, или девять тысячъ семь сотъ, по сказанію Ѳукидида. Периклъ во время своего правленія положилъ въ за́мокъ 8000; но поелику издержано изъ оныхъ 3700, частію на украшеніе города, частію на необходимыя потребности для осады Потидеи, то въ началѣ Пелопониской войны изъ 9700 въ казнѣ оставалось только 6000 талантовъ.

Сія война прекращена была перемиріемъ Аѳинянъ съ Лакедемонянами. Подати, которыя они тогда собирали, простирались до 1200 и 1300 та-

лантовъ; и во время перемирія, продолжавшагося 7 лѣтъ, Аѳиняне положили 7000 талантовъ въ народное казнохранилище.

ПРИМѢЧАНІЕ XIII. ГЛАВА LVII.

Объ опредѣленіи человѣка. стран. 440.

Порфирій въ своемъ введеніи въ ученіе Перипатетиковъ опредѣляетъ человѣка животнымъ разумнымъ и смертнымъ; я не нашелъ сего опредѣленія въ дошедшихъ до насъ Аристотелевыхъ сочиненіяхъ. Можетъ быть онъ употреблялъ сіе опредѣленіе въ тѣхъ сочиненіяхъ, кои до насъ не дошли; а можетъ быть онъ и никогда его не употреблялъ. Есть еще опредѣленіе, сдѣланное человѣку Платономъ и другими философами, и которое состоитъ только въ изчисленіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ качествъ человѣка. А какъ въ тогдашнія времена полагали существенное различіе между животными разумными и неразумными, то и можно спросить, для чего философы не принимали вообще *способности мыслить* за частное отличіе человѣка? На сей вопросъ отвѣтствую слѣдующее:

Слово, которое Греки употребляли для означенія *животнаго*, означаетъ существо живущее; слѣдовательно животное разумное есть существо живущее, одаренное пониманіемъ и разумомъ. Сіе опредѣленіе прилично человѣку, но оно гораздо болѣе приличествуетъ божеству, и сіе то принудило Пиѳагорейцевъ помѣстить Бога и

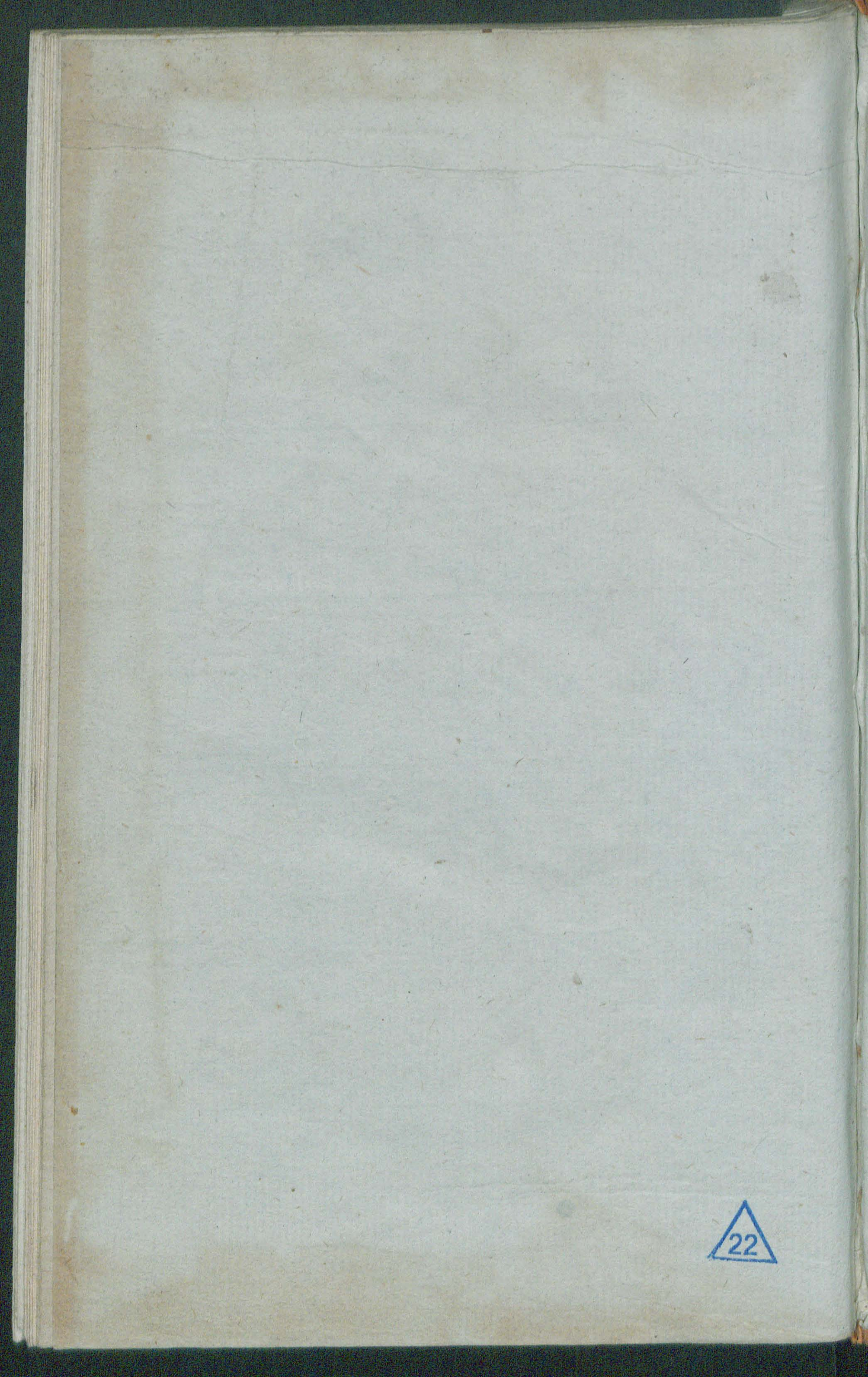
человѣка между существами живущими и разумными. Слѣдовательно и надлежало искать другаго различія, которое отличало бы его какъ отъ существа верховнаго, такъ и отъ всѣхъ прочихъ небесныхъ духовъ.

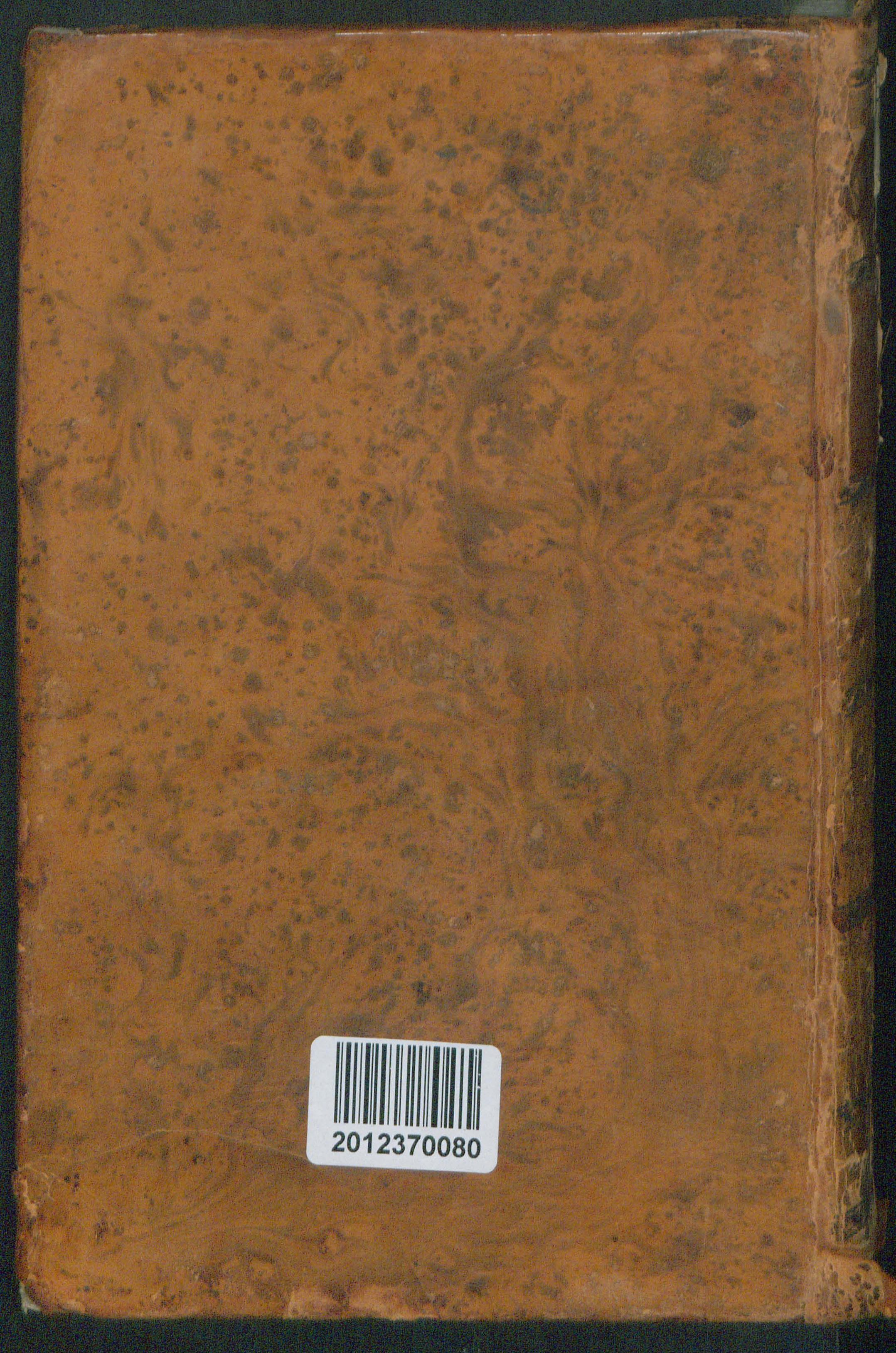
Всякое опредѣленіе должно подавать ясное понятіе о вещи опредѣляемой, но поелику существо духовъ не было еще довольно извѣстно, то философы желая помѣстить человѣка между существами, предпочтительно принимали въ разсужденіе его внѣшнія качества. Они сказали, что человѣкъ есть *животное*; сіе отличало его отъ тѣлъ неодушевленныхъ. Послѣ сего прибавили слова: *земное*, которое отличило его отъ животныхъ живущихъ въ водѣ и воздухѣ; *двуногое* для отличія отъ четвероногихъ и ползающихъ и проч. *безперое*, чтобы не смѣшать его съ птицами. И когда Діогенъ извѣстною шуткою показалъ, что сіе опредѣленіе равно прилично пѣтуху и всякой птицѣ, у которой ощипаны перья, тогда за новое отличительное свойство приняли видъ когтей. Во время Порфирія, для отвращенія нѣкоторой части недостатковъ, о которыхъ я говорю, опредѣляли человѣка животнымъ разумнымъ и смертнымъ. Мы выкинули слово *смертный*, потому что понятіе, каковое въ умѣ нашемъ раждаетъ слово *животное*, представляетъ уже, что всякое животное есть смертно.

Конецъ четвертаго тома.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано	читай:
46	11	раздѣлялся	раздѣляяся
49	19	возвести	возвѣсти
53	10	противополагаемыя	противуполагае-мыя
58	11	стемится	стремиться
79	26	ныхъ	оныхъ
61	21	величіе	величина
115	20	будучи дѣтьми	будучи его дѣтьми
118	3	то мы	мы
139	15	оные.	оные,
146	11	царицы	царицъ
165	18	на общее	въ общее
173	14	повѣствованій	постановленій
181	14	млодымъ	молодымъ
193	4	они кончатся	она кончится.
219	24	Алвикіадъ	Алкивіадъ
221	6	о нѣкоторыхъ	на нѣкоторыя
232	26	сопровождаема бываетъ	сопровождается
240	5	на гитарѣ	на киѳарѣ
291	6	себѣ	въ себѣ
318	22	построенные	построенныя
386	7	тягостію	тяготою
390	22	изъ числа	изъ
410	12	заимщики. Я	заимщики, я
445	24	отъ нѣверности	отъ невѣрности
446	14	наче	паче
453	14	бываюшъ	бываютъ

22

2012370080